

Конкурс «Действующие лица»
ЛУЧШИЕ ПЬЕСЫ

2003

действующие

лица

**ПРЕМИЯ
ЗА ДОСТИЖЕНИЯ
В ОБЛАСТИ
ДРАМАТУРГИИ**

**ЛУЧШИЕ
ПЬЕСЫ
2003**

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР

**ШКОЛА
СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЫ**

**ПРЕМИЯ
ЗА ДОСТИЖЕНИЯ
В ОБЛАСТИ
ДРАМАТУРГИИ**

ЛУЧШИЕ ПЬЕСЫ

2003

ЖУРАВЛЁВ
Москва — 2004

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
К64

Всероссийский драматургический конкурс «Действующие лица».
Московский театр «Школа современной пьесы».
Российская государственная библиотека по искусству.

Конкурс «Действующие лица».

К64 Лучшие пьесы 2003 года: [Сборник]. — М.: Журавлёв, 2004. — 424 с.
ISBN 5-94775-006-6

В 2003 году впервые вручалась Всероссийская премия за достижения в области драматургии «ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА». Десять лучших пьес из 447 работ, представленных на конкурс, опубликовано в настоящем сборнике. Наши авторы — А. Демахин, Е. Исаева, И. Друцэ, А. Железцов, В. Шамиров, Т. Москвина, С. Радлов, С. Савина, В. Трофимова, В. Туголуков, А. Гончаров — как известные писатели, так и дебютанты в литературе.

Сборник адресован театрам, библиотекам, творческим организациям, а также широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

О КОНКУРСЕ

В 2003 году впервые прошел Всероссийский драматургический конкурс «ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА». Учредители — Московский театр «Школа современной пьесы», телеканал «Культура», «Радио России», журнал «Современная драматургия», журнал «Огонек», газета «Новая газета», Российская государственная библиотека по искусству и Виталий Товиевич Третьяков, — задумывали премию, в первую очередь, как инструмент поиска. Поиска голосов, способных осмыслить время. Открытие новых имен и новых пьес, содействие драматургам, популяризация современной драматургии, создание банка пьес для российского театра — вот те цели, которые преследовали учредители конкурса и ради которых работало жюри.

На конкурс было прислано 447 работ более чем из ста городов и населенных пунктов России, ближнего и дальнего зарубежья. Жюри выбрало десять лучших пьес, которые и опубликованы в этом сборнике.

**УЧРЕДИТЕЛИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРЕМИИ
ЗА ДОСТИЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДРАМАТУРГИИ
«ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА»**

Московский театр «Школа современной пьесы»

телеканал «Культура»

«Радио России»

журнал «Современная драматургия»

журнал «Огонек»

«Новая газета»

Российская государственная библиотека
по искусству

В.Т. Третьяков

**Генеральный спонсор
РАО «ЕЭС России»**

ЖЮРИ КОНКУРСА 2003 ГОДА

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЖЮРИ

Юрский Сергей Юрьевич

актер театра и кино, режиссер, автор пьес, повестей и рассказов, народный артист России.

ЧЛЕНЫ ЖЮРИ

Вишневская Инна Люциановна

театровед, доктор искусствоведения, профессор.

Галин Александр Михайлович

драматург, сценарист, режиссер театра и кино.

Гришковец Евгений Валерьевич

драматург, режиссер, лауреат премий «Антибукер» и «Золотая маска».

Козак Роман Ефимович

режиссер, художественный руководитель Московского драматического театра им. А.С. Пушкина, заслуженный артист России.

Купченко Ирина Петровна

актриса театра и кино, народная артистка России

Райхельгауз Иосиф Леонидович

режиссер, художественный руководитель Московского театра «Школа современной пьесы», народный артист России.

Соколянский Александр Юрьевич

театральный критик, лауреат премии им. Александра Кугеля.

Угаров Михаил Юрьевич

драматург и режиссер.

Филозов Альберт Леонидович

актер театра и кино, народный артист России.

Фоменко Петр Наумович

режиссер, художественный руководитель театра «Мастерская Петра Фоменко», лауреат Государственной премии РФ 1997 года в области театрального искусства, народный артист России.

**Александр
Демахин**

Родился 9 июля 1985 года.
Живет в Сергиевом Посаде.

Студент 2 курса Литературного института
им. Горького.
Автор драматургического этюда
«Иванов. Хлороформ» и пьес «Репетитор»,
«А внутри у тебя небо», «Нежная королева»
Пьесы не опубликованы и не поставлены.

На конкурс представил пьесу «Бабий дом»
(первая премия).

Действующие лица

Переписчик.
Дед.
Бабка.
Внучка мужчины.
Дочь мужчины.
Леди с бизнесом.
Бабкина дочь.
Бабкина внучка.
Магда.
Мужчина.

Бабий дом

белая драма

ДЕЙСТВИЕ 1.

*Ноябрьская улица. Перед частным небольшим деревянным домом.
Снежит.*

Явление 1.

ПЕРЕПИСЧИК. Так всё-таки, дедушка, какая ваша национальность?

ДЕД. А тебе это зачем?

ПЕРЕПИСЧИК. Мне опять вам сначала объяснить? Я переписчик. У нас в стране перепись проходит. И я вам вопросы задаю из анкеты. А вы, дедушка, отвечать должны.

ДЕД. И кому это я, блин, чего должен, блин? Тебе, что ли, блин? Это у тебя в стране чего-то там проходит. У меня давно уж, блин, ничего нигде никуда не проходит. Жить только, блин, проходит... А ты тут прилез! Да какой ты, блин, переписчик! Никакой ты не писчик! У тебя на роже, блин, написано, что ты шпион, а не переписчик. И вопросы у тебя, блин, шпионские! Национальность!.. Это я для того...

ПЕРЕПИСЧИК. Дед, ты чего? Остановись! Чё ты полез? Я же тебя только спросил...

ДЕД. Это я для того, блин, всю войну прошёл, немца-гада бил, для того я это, блин, чтобы всякий засранец малолетний меня тут спрашивал! Да ты, можно сказать, за мой счёт живёшь, понял? Если бы не я, то ты бы, блин, без меня...

ПЕРЕПИСЧИК. Ладно, следующий вопрос — жилищные условия.

ДЕД. Стой, куда спешешь со своим следующим? Обождёт твой следующий. Слышь, что говорю: обождёт, говорю, твой следующий. Мы давай с этим твоим с разберёмся. Блин...

ПЕРЕПИСЧИК. Хорошо...

ДЕД. Русский я. И мать моя, и отец, и бабка, и дед — все были русские. Из деревни я. Та деревня, знаешь, как далёко? Нет, откуда тебе знать, блин? Не знаешь. То-то и оно. А у нас в роду все русские...

ПЕРЕПИСЧИК. Понял. Вот так бы сразу. Всё же давай, дед, про жилищные условия.

ДЕД. Да какие там условия. Разве это условия? Это так, хлев для свиней, блин. Условия, они, знаешь, где остались...

ПЕРЕПИСЧИК. Вы где живёте — в квартире или в частном доме?

ДЕД. Ничего ты не понял, блин. Слушай, а пойдём ко мне в хату. Вроде как гость будешь. Сядем мы с тобой, блин, беленькой по стопочке... и я тебе тут и про условия, и про национальность. Всё, блин, как на тарелочке выложу за милую душу.

ПЕРЕПИСЧИК. Нет, извините, не положено. Мне ещё много людей надо обойти.

ДЕД. Эх ты, блин. Не уважаешь ты меня, блин. Всё-таки не уважаешь. Все вы такие. Вот мы в ваши-то годы...

ПЕРЕПИСЧИК. Блин?

ДЕД. ...Блин...

ПЕРЕПИСЧИК. Ты лучше, дед, не обижайся, а скажи мне, кто вон в том доме живёт.

ДЕД. В том-то, синем? Ну, это ты попал, парень.

ПЕРЕПИСЧИК. Почему?

ДЕД. А ты их переписывать собрался?

ПЕРЕПИСЧИК. Конечно.

ДЕД. Фиг тебе что обломится. Это, знаешь, что за дом?

ПЕРЕПИСЧИК. Неужели там живёт ещё более упрямый дед, чем ты?!

ДЕД. Если б так. Это, парень, бабий дом.

ПЕРЕПИСЧИК. То есть?

ДЕД. Вот те и то есть. Там одни бабы живут. Пять баб. И на всю пятёрку ни одного мужика.

ПЕРЕПИСЧИК. Ну и что мне с того? Мне, наоборот, чем больше, тем лучше. Чем больше перепишешь — тем больше денег получишь... Не то, что

больше... Просто норму выполнить надо.

ДЕД. Вот и я про то же. Нуль ты в их доме перепишешь.

ПЕРЕПИСЧИК. Почему?

ДЕД. Ты ж мужик. А они мужиков внутрь не пускают. Потому дом и бабий. Только пёс разве...

ПЕРЕПИСЧИК. Там что, вообще никогда мужиков не было?

ДЕД. Почему же никогда? Был один. Да умер. Давно уж. А больше ходу нашему полу с тобой туда нету.

ПЕРЕПИСЧИК. А с чего это они их не пускают?

ДЕД. Да тёмная это история. Длинная. С какого, блин, к ней боку не подойдёшь, а всё не знаешь, с чего начать... Слушай, а давай в хату ко мне, ну, опрокинем чуток, и я те, блин, и про дом их, и про историю, кто там кому кем приходится. Могу даже про национальность их рассказать. А если ещё стопарик, то там и жилищные условия, глядишь, появятся...

ПЕРЕПИСЧИК. Надоел же ты мне, дед. Всё. Я тебя переписал. Свободен. Гуляй.

ДЕД. Это как это, блин, гуляй? Да ты что, молокосос ты драный?! Да я! Да ты!

ПЕРЕПИСЧИК. Кто тут датый, так это ты, дед. Ну всё, пока. *(Вытирает Дед из нашего поля зрения).*

В то время, как переписчик подходит к «бабьему дому», начинает зиметь быстрее.

ПЕРЕПИСЧИК *(стучит в дверь)*. Откройте, пожалуйста! Всероссийская перепись населения. Проводится по распоряжению президента Российской Федерации. Эй, есть кто дома?! *(Лай пса)*.

БАБКА *(голос)*. Кто там? Шарик, замолчи. *(Собака затихает)*.

ПЕРЕПИСЧИК. Я же говорю: переписчик я.

БАБКА. Мало ли, что говоришь. Не знаю ничего ни про какую перепись. Не открою.

ПЕРЕПИСЧИК. Бабушка, я могу удостоверение показать.

БАБКА. Я тебе не бабушка, а ты не «Следствие ведут знатоки».

ПЕРЕПИСЧИК. А это тут причём?

БАБКА. При том, что не открою и всё тут.

ПЕРЕПИСЧИК. Бабу... Женщина, ведь я о вас же забочусь. Не откроете мне, придётся потом на переписной участок самой идти. Нет, вы, конечно, можете принципиально проигнорировать перепись, но я лично считаю, что, с точки зрения обязанностей каждого гражданина...

БАБКА. Не открою.

ПЕРЕПИСЧИК. А, кроме вас, никого дома больше нету?

БАБКА. Нету никого больше. И не будет.

ПЕРЕПИСЧИК. Да ладно врать. Вас же тут пятеро живёт.

БАБКА. Это кто тебе сказал?

ПЕРЕПИСЧИК. Да дед, сосед ваш.

БАБКА. А ты его больше слушай. Одна я тут живу. Уходи. Не открою. Уходи.

ПЕРЕПИСЧИК. Правда одна?

БАБКА. Правда, правда. Уходи.

ПЕРЕПИСЧИК. Так давайте я вас хоть через дверь перепису.

БАБКА. На тебя собаку спустить? Уходи.

ПЕРЕПИСЧИК. Ладно, тогда я о вас сам напишу то, что захочу.

БАБКА. Да пиши себе на здоровье. Только не здесь.

ПЕРЕПИСЧИК. И чего это вы так боитесь? Меня, что ли? Так я, бабушка, не страшный. Студент я. Молодой, красивый, умный. Вы скажите лучше, сколько вам лет.

БАБКА. Я не тебя боюсь, просто нельзя... Уходи.

Явление 2.

К крыльцу подходит Внучка мужчины.

ПЕРЕПИСЧИК. Ой, девушка, вы сюда?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да я здесь живу вообще-то.

БАБКА. Катя, это ты там, что ли?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Я, я, бабушка. Ты не волнуйся.

БАБКА. Что это мне волноваться? Ты с этим, кто там стоит, не разговаривай.

ПЕРЕПИСЧИК. А почему вы девушке приказываете?

БАБКА. А потому что внучка она мне.

ПЕРЕПИСЧИК. Ну и что? Может быть, я её хочу переписать?

БАБКА. Подумаешь, чего ещё ты хочешь.

ПЕРЕПИСЧИК. Кстати, почему вы со мной на «ты»?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Так вы переписчик? Тогда понятно, почему вас бабушка так испугалась.

ПЕРЕПИСЧИК. И почему же?

БАБКА. Уходи давай!

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Просто она не любит чужих людей. Я завтра же обязательно, обещаю вам, схожу на переписной участок и всех нас зарегистрирую.

ПЕРЕПИСЧИК. Зачем же вы будете куда-то ходить? Давайте я вас сейчас здесь и запишу всех. Раз уж даже чаю нельзя выпить.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Д-действительно, неудобно получается. Извините, но...

ПЕРЕПИСЧИК. А давай на «ты». Мы, в общем, ровесники.

БАБКА. Какое ещё «ты»?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Давайте. Давай на «ты».

ПЕРЕПИСЧИК. Ну, слушаю тебя.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. В смысле, слушаешь?

ПЕРЕПИСЧИК. В смысле, данные записываю.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Точно. Извини. Значит, так. Давай я тебе назову наши фамилии, имена, отчества и кто кому кем приходится, а остальное ты уж как-нибудь сам придумаешь.

ПЕРЕПИСЧИК. Лады.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Всех возглавляет бабушка, Мухина Анна Петровна. У неё две дочери. Старшая — Мухина Вера Георгиевна, младшая — Тапкива Татьяна Георгиевна. У неё есть дочь — Тапкива Евгения Владимировна. А я дочь старшей дочери бабушки — Мухина Екатерина Владимировна. Вот и всё.

ПЕРЕПИСЧИК. Спасибо...

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. ...И нет никаких дополнительных вопросов?

ПЕРЕПИСЧИК. Вообще-то есть один. Только неудобно как-то спрашивать.

БАБКА. Катя, я хочу есть! Ты должна пойти и мне приготовить!

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Я иду, иду, бабушка. Иду. — Спрашивай.

ПЕРЕПИСЧИК. А почему вы все друг другу бабки-дочки-внучки, а все... женщины? И отчество у внучек одно?..

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. А я думала, ты другое хочешь спросить.

ПЕРЕПИСЧИК. Что?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Уже не важно. Гражданский долг ведь выполнен?

ПЕРЕПИСЧИК. Выполнен... А давай телефонами обменяемся.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Давай. Только у нас нет телефона.

ПЕРЕПИСЧИК. Так как же мы обменяемся?.. Ладно, доставай ручку с бумагой. Записывай. Достала? 6-47-73. Записала?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да.

ПЕРЕПИСЧИК. Ну — всё?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да. Надо бабушке есть готовить.

ПЕРЕПИСЧИК. А ты по жизни чем занимаешься?

БАБКА. Катя!

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Я рисую. Ну пока.

ПЕРЕПИСЧИК. Пока. *(Уходит из поля зрения)*.

Явление 3.

Внучка мужчины входит в дом, погрустнев. В общем-то, это даже не дом, а одна большая комната. На кровати в глубине её лежит Бабка так, что её, в принципе, незаметно. В остальном обстановка стандартная, среднестатистическая. На стене фотография пожилого мужчины. В этой же комнате и плитка для приготовления пищи.

БАБКА. И что это ты так долго болтала?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ *(раздевается, переодевается в домашнюю одежду)*.

Бабушка, ну он же всё-таки переписчик. Помнишь, я тоже хотела

в переписчицы идти? Вот представь себе, что бы получилось, если бы мне все не хотели ничего говорить, как ты.

БАБКА. Ещё бы ты в переписчицы пошла. Делать тебе больше нечего, как по городу с какими-то глупыми бумажками шляться.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ (*начиная разогревать нехитрый суп*). Всё-таки денег бы немного заработала.

БАБКА. Нам и так, без тебя, хватает.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Это было бы на мои нужды, чтобы вам на меня меньше тратить.

БАБКА. Какие это у тебя нужды такие? Не говори глупостей.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. А что, у меня не может их быть?

БАБКА. Не не может, а не должно. Как твои отметки в училище?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Хорошие пока. Вроде проблем нет.

БАБКА. Врёшь ведь. Ладно. Покажи, что рисуешь.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Не покажу.

БАБКА. Обиделась, что ли?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да, обиделась.

БАБКА. Зря. Всё равно ведь вместе жить. Так чего ж обижаться?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Кто... Да, наверное, ты права. (*Наливает суп в миску*). На, ешь.

БАБКА (*приподнимается на кровати и хлебает суп*). Вот спасибо, хорошо. Вкусно приготовила. Ну, расскажи мне что-нибудь.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ (*садится рядом*). И что тебе так нравится, когда тебе что-нибудь рассказывают? У меня ещё домашнее задание, знаешь, какое немаленькое.

БАБКА. Вот умрёт бабка, тогда...

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Ладно, ладно, не пугай. Вот, вспомнила, что тебе рассказать. Сейчас, когда я шла домой, в наш домик, то вдруг заметила, что наступила зима. Ты представляешь, только сейчас. А ведь снег уже не первый день лежит. И я много раз по улице ходила. А вот не замечала. Разве можно так тому, кто собирается художником быть? Всё в училище и домой, в училище и домой, а жизнь-то, она где? А вот здесь, вокруг, и есть. На деревьях снег шапками. Тяжело деревьям. Воздух морозными иголками в них, как и в тебя, впивается... А ты идёшь туда, где тепло. Скользишь ногами, но идёшь. И так от этого на душе тепло становится. Хочется сразу кого-нибудь встретить. И встречаешь... Его.

БАБКА. И кого же это ты, интересно, встречаешь?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Так... переписчика этого. Но это я так, к слову. По ассоциации.

БАБКА. Думаешь, бабка не поняла ничего? Чего рассиживаешься со мной?

Сама же говоришь, что задания много и сама же расслаживаешься.
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Но ведь я же ещё не всё дорассказала.
БАБКА. И ничего тебе не сделается. Потом как-нибудь дорасскажешь. Будет ещё время.
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ (*идёт к мольберту, где начинает устанавливать всё необходимое*). Ладно.
БАБКА. А посуду после меня кто мыть будет?
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ (*меняет фронт работ*). Уже мою.
БАБКА. А что ж ты не покушала? (*Ложится в кровать*).
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Так у нас же в училище только недавно обед был. Я и не хочу ещё.
БАБКА. Тогда конечно. Что два раза живот набивать? Так не напасёшься. Кстати, сейчас по радио передали, что чем меньше ешь, в пределах допустимого, конечно, тем здоровее будешь.
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Опять ты целый день твоё глупое радио слушала.
БАБКА. Сразу глупое. Это хорошее радио. Рекламировали вот прибор. От всех болезней лечит. Надо купить.
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Он дорогущий, наверно.
БАБКА. На здоровье не жалко.
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да какое от него здоровье?
БАБКА. А ты пробовала? Вот и не говори. Давай домывай, а я музыку включу. (*Включает радиоприёмник, из которого льётся дикая попса*).
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Бабушка, я же дарила тебе на день рождения кассету с нормальной музыкой.
БАБКА. Твоя нормальная слишком грустная. Я и так не хожу никуда, сижу тут в четырёх стенах, а вы ещё все хотите лишить меня последней радости!..
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Ну зачем ты так. Мы же тебя любим, ухаживаем за тобой.
БАБКА. Прямо как за собачкой. Или за кошечкой. А где Шарик?
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Побегал на новые любовные подвиги, наверно.
БАБКА. Наш Шарик не такой.
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Он верен и предан одной тебе.
БАБКА. Не паясничай. Он ведь и не покушал ничего.
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да прибежит он, если есть захочет. (*Домыла посуду*).
БАБКА. Ты ему приготовь, в мисочке поставь, чтоб он уж, когда проголодается, не ждал. А вообще не надо его сейчас отпускать, ещё простудится, а то холодно уже.
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ (*таки начинает рисовать*). Поставлю я миску, бабушка.
БАБКА. А ты что сейчас рисуешь?
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да вот кувшин задали.

БАБКА. Опять кувшин?!

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Этот намного сложнее предыдущего.

БАБКА. Сколько можно посуду рисовать? Когда ж вы наконец до людей доберётесь?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Хочешь, что ли, чтобы я тебя нарисовала?

БАБКА. А что?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да ты ведь всё равно заупрямишься позировать.

БАБКА. Хорошо нарисуешь — не буду упрямиться.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. У меня и кувшин-то никак не получится.

БАБКА. Это потому что ты всё со мной болтаешь.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. А ведь я хотела ещё один нарисовать, ну, ещё яблочка каких-нибудь прибавить, чтоб натюрморт получился. Неудобно вроде на день рождения без подарка идти. А ничего лучше я придумать не могу как-то.

БАБКА. Это куда это ты собралась?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. К однокурснику. Он меня завтра на свой день рождения пригласил.

БАБКА. И где оно будет?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. В кафе нашем.

БАБКА. Вечером, небось?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Ну не днём же.

БАБКА. Это чтобы вечером возвращаться поздно, когда темно совсем? Никуда мы тебя не отпустим. Поздравить, картинку подаришь. И всё. А то шляться.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Но мне мама разрешила.

БАБКА. От твоей мамы другого и не следовало ожидать.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Но ведь Жене разрешили свой день рождения вообще в Москве в клубе...

БАБКА. Сравнила. Жене же лет побольше будет.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Всего на два года. Просто ты её больше любишь. Она твоя внучка.

БАБКА. Вот ещё выдумала.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Но не можешь же ты мне вот так просто запретить.

БАБКА. Могу. Я ещё с твоей мамой поговорю.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Не надо, а то получится, что я её подставила.

БАБКА. Она сама себя подставила.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Всё равно с моей стороны это будет поступок... в стиле Жени.

БАБКА. И можно этим гордиться.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Ладно, закрыли тему. Бабушка, а расскажи про себя, когда тебе было столько же лет, сколько мне сейчас.

БАБКА. Чего там рассказывать? Конечно, трудно жили. Скромней, чем вы сейчас.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. А какую ты самую-самую яркую картинку из своей юности помнишь?

БАБКА. Да что там было яркого? Разве вот как твой дед за мной ухаживал. Красиво. А потом...

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Расскажи про деда, а то я его совсем не помню.

БАБКА. Дед твой... О, твой дед... Посмотри на свою мать, всё и поймёшь. Дед твой всё книжки любил читать, обсуждал их со мной. Был таким прогрессивным для своего времени. А я хоть и учительница была, с высшим образованием, а всё равно половины не понимала. Он всё в этом своём мире искусства летал. А я у него на земле была. Ждать чтобы, когда из полёта вернётся. Вроде как про запас...

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Ты, наверное, его любила очень, если так ждать была согласна?

БАБКА. Наверно, теперь уж и не разберёшь.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Неужели ты точно этого не знаешь?

БАБКА. Неужели... Где вот твой дед теперь?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Опять ты...

БАБКА. Да, опять. Как там кувшин-то твой?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Вроде, похоже получается.

БАБКА. А ну-ка покажи. *(Внучка мужчины разворачивает мольберт)*. Да, в общем, похож на настоящий. Ты учишь. Трудись. Что-то никто не приходит. Вроде уж все должны прийти. Где ж они, а?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Женя, наверно, в электричке ещё из института, из Москвы, возвращается, тётя Таня, как всегда, на работе допоздна, а мама... Мама опять в школе осталась тетрадки проверять, похоже.

БАБКА. Что она их всё в школе проверяет? Можно и дома это сделать.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Говорит, что ей там спокойнее, привычнее. Да и опять же таскать их с собой не надо.

БАБКА. А я за её дочерью должна смотреть целый день.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Конечно, ведь у тебя это хорошо получается.

БАБКА. Всё-таки лупить тебя надо, да некому. *(Слышен собачий лай)*. Шарик никак прибежал.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ *(оборачивается на дверь)*. И, похоже, не один.

Явление 4.

Сначала вбегает пёс, за ним появляется и Дочь мужчины, следом — Леди с бизнесом.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Привет, а у нас гости.

БАБКА. Это какие ещё гости?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Это я, Анна Петровна. *(Всё время улыбается с сахаром)*.

БАБКА. Кто «я»? «Я», их много. Ты представься, как тебя зовут, кто ты есть. Я тебя не знаю.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Мама, как это ты не знаешь?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Ничего, ничего. Это Марина Морковина. Мы раньше с вашей дочкой в школе вместе работали.

БАБКА. А... А теперь ты что делаешь?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Теперь я фирмой руковожу. Своей.

БАБКА. Вот теперь вспомнила. А то «я». И чего ты пришла к нам?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да кто же так спрашивает, бабушка? Вы, Марина Дмитриевна, проходите, садитесь. Сейчас я быстренько чаю приготовлю. *(Помогает Леди с бизнесом раздеться, идёт ставить чайник)*.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Ничего, ничего. Я просто встретила вот Веру на улице. Она вся такая печальная шла. Дай, думаю, зайду, проведу Анну Петровну, Катю с Женечкой.

БАБКА. Понятно, значит, без дела.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Да я тоже сначала так думала. Но пока мы шли, дело и образовалось.

БАБКА. Выкладывай.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ *(Дочь мужчины делает ей предостерегающий знак)*. Давайте сначала расскажите, как у вас дела, чем живёте, что уж сразу о делах. Как здоровье ваше, Анночка Петровна?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да-да, присаживайся, Марина.

БАБКА. Ох ты, Маринка, хитрая девка. Всё-то улыбаешься, располагаешь к себе так. Всё тебе сразу хочется рассказать. Как здоровье? Как дела? Живу вот ещё, как видишь. А куда они все без меня? Живу. Зачем, не знаю, но живу. А помирать-то ведь, знаешь, пора уж давно...

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Что же вы уже помирать собрались, Анночка Петровна? Будет вам! У вас ещё вся жизнь впереди!

БАБКА. У тебя, я гляжу, на всё ответ заранее готов.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Мама.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Ничего, ничего.

БАБКА. То-то и оно, что ничего.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ *(вносит поднос с чаем и небогатым к нему сопровождением подслащённого характера)*. А вот и чай готов. Садитесь все. Бабушка, тебе помочь есть?

БАБКА. Нет уж, спасибо. Что-то меня в сон клонит. Посади-ка меня, Катюша, в кресло да отвези в мою каморку. Не буду мешаться. Разбудите, как до дела дойдёте.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Хорошо, бабушка. *(Идёт к Бабке, пересаживает на кресло с колёсами и собирается везти).*

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Катя, тебе помочь?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да не беспокойся, мамочка. Я сама справлюсь. *(Уводит Бабку).*

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Марина, ты уж на маму не обижайся.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Ничего, ничего. Мне за себя не обидно. Мне, Вера, знаешь, за кого обидно? За тебя. Мне обидно именно за тебя. Ты как позволяешь с собой обращаться? Пойми, Верочка, что тебе уже не десять лет, чтобы Анна Петровна так с тобой разговаривала.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Марин, давай хоть сегодня не будем об этом. Мы ведь уже, кажется, по дороге сюда приняли решение, которое... изменит ситуацию.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ *(увлекается)*. Принять-то приняли, но я хочу, не чтобы мы его приняли, а чтобы ты, пойми, ты пропустила его через себя, осознала. Тебе пора начинать жить, пускаться в это плавание без тени сомнения, без боязни.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да я понимаю, Марина.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Да ты не понимаешь. Вот посмотри на меня. Сколько лет я жила, грубо говоря, при муже, полностью зависела от него. Только я высунусь со своим мнением, как он мне сразу напоминает, что к чему и на чьи деньги мы, собственно говоря, имеем честь жить. И только когда я поняла, что я тоже личность, когда я покинула его, когда я с нуля начала своё собственное дело, когда я... *(Входит Внучка мужчины)*. В общем, хм, тебе надо принять это к сведению.

Явление 5.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Тётя Марина, я вам помешала?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Нет-нет, что ты, Катенька, разве же ты можешь помешать? Проходи, садись за стол. *(Фраза даёт начало импровизированному чаепитию)*. Вера, что у тебя нового? Ты мне не успела всё рассказать.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да, представь себе, Маша, тут у меня в школе такое дело заваривается. *(«Мистически» улыбается)*. Театр. Литературный. Мы про Блока ставим. И знаешь, как всё началось? Прихожу я в класс и говорю: «Думаете, Блок — это поэт? Нет, Блок это не просто поэт. Это больше, это гораздо больше. Это просто другой мир, немножко нереальный, немножко потусторонний. Вы только вслушайтесь в него, в его строчки. Возьмите хоть всем известную — тут я, конечно, хватила лиху — «чёрную розу в бокале голубого, как небо, аи». Вы понимаете хоть, что аи потому голу-б-ое, что оно в б-окале? Кстати,

как вы себе представляете розу в бокале? Зачем Блоку розу в бокал помещать? Что эта самая та, которой он посылает свой «подарок», с этой розой будет делать? Вы бы что подумали, если бы вам чёрную розу в стакане прислал какой-то таинственный некто?!» Ну, они, конечно, сначала молчат. Думают, наверно, что с ума сошла тётка на старости лет. Я жду. Вдруг несмелый голосок: «А может, это просто символ такой?» А дальше... Всего и не расскажешь...

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Ты расскажи главное.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Главное? Да, ты, Маша, права. Главное. В общем, сценарий появился. Мы его вместе с ребятами написали. Про розу. И про этого таинственного некта. Ты только представь себе, Маша!..

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Что тебе сказать? Поздравляю.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. И есть с чем. Я только сейчас начинаю понимать, что можно создавать другой мир вместе с кем-то. Ты знаешь, это так хорошо, когда вокруг глаза горят...

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Вот видишь. Я, помню, тоже была поражена этим, когда поняла. Это давно было. Я именно тогда начала жить по-новому. Я стала меньше замыкаться в себе, я стала делиться с другими, они, в свою очередь, стали делиться со мной. Так начался в моей жизни бесконечный марафон общения. Вспомни мой опыт создания: и театр-студию, и клуб разговоров, и многое-многое другое. Я рада, Вера, что и ты ступаешь на этот путь!

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*с усмешкой*). Может, я так скоро и своим делом, как ты, обзаведусь?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Кто знает. А ты бы чем хотела заниматься?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Я? Я бы, наверно, хотела, чтобы у меня была своя маленькая школа. Мы бы там с ребятами изучали человека. Именно: че-ло-ве-ка. Не биологическую оболочку, не внутренности, а то... То, чем он живёт. Ведь гуманитарные науки и должны этим заниматься.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Интересно. Я бы могла тебе помочь.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Конечно. Мы бы это делали вместе.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Да, да, да. Вот только... Пойми, милая моя, дорогая Верочка, что твой проект — маленькая утопия. И, извини за каламбур, ты в ней утопаешь. Никак не пойму, что ты так зациклилась на школе, на преподавании.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Но ведь я же больше ничего не умею.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Неправда. Неправда. Ты даже не представляешь, какими обладаешь способностями. Просто тебе эти способности никогда не надобились по-настоящему, никогда, никогда никто их из тебя не доставал. Я тоже через это проходила.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да я даже и готовить-то не умею.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Готовить умеют все.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А я вот не умею. Нет, я, конечно, могу что-то приготовить, но есть это с удовольствием вряд ли кто будет.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Ты просто относишься к процессу приготовления пищи с предубеждением. Поверь мне, как психологу с высшим образованием. Давай проведём следственный эксперимент. Что у вас есть в холодильнике?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ты имела в виду, в холодной комнате?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Ой, да, извини, я и забыла как-то о том, что у вас нет холодильника. Это, кстати, связано с ещё одной проблемой. Вот скажи мне: сколько ты зарабатываешь?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Тысячу двести.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Это к вопросу об уважении к себе. Ладно, об этом позже. Так что у вас там есть в наличии?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да я как-то не знаю, давно туда не заглядывала.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ (*с долей скепсиса*). Обычный овощной огородный набор. Картошка, капуста, лук, морковь. Ещё грибы есть сушёные.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Отлично, вот ты нам, Вера, и приготовишь сейчас супчик.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да у нас есть старый ещё. Катя только позавчера приготовила.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Ну и что. Это будет твой суп. Ты приготовь немножко, мы его прямо сейчас весь и съедим, не всё же чаи гонять. Правда, Катя? Ты, главное, не бойся импровизировать. Не следуй точно никаким рецептам. Играй.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ты со мной, как с пациенткой психоаналитика, разговариваешь.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Я обижусь, если ты действительно так думаешь.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да что ты! Просто я подумала, что оказалась на месте актёра, которому дают задания, как бы влезла в шкуру тех, кем сама руковожу.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Ты иди за овощами, а не разговоры разводи.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*смеясь, выходит*). Иду, иду.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Как вы тут вообще, на самом деле?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да как видите, Марина Дмитриевна. Мама летает, и когда я с ней, то тоже летаю, а когда приходят тётя Таня с Женей, я как-то постепенно перехожу на их сторону.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. А что это за «их сторона»?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да вы и так, без меня, понимаете.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Да...

Явление 6.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*входит с овощами, в процессе дальнейших переговоров наливает воду в кастрюлю, ставит её на огонь, приступает к нарезке овощей*). О чём это вы тут без меня начали говорить?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Вот спросила, как у Кати дела.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Катя, а ты сказала про выставку?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Про какую выставку?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Как же, в училище Катину выставку собираются открывать...

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Ты готовь. Катя сама расскажет.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*улыбается*). Действительно. (*С усердием режет морковь*).

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Просто у нас часто устраивают выставки студентов. Вот и до меня добрались. Как-то некрасиво это о своей выставке говорить. Мне, если честно, вообще эта идея не очень нравится. Я даже бабушке стесняюсь показать свои рисунки, что уж о выставке говорить.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. А почему ты стесняешься?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Не знаю, просто мне кажется, что я не так уж и хорошо рисую.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Но разве, если бы ты плохо рисовала, тебе предложили бы выставляться?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*режет картошку, капусту и т. п.*). Катя, ты же очень хорошо рисуешь.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. В самом деле? А я ни разу ничего не видела. А ну-ка, тащи рисунки.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да у меня здесь только черновые, не самые удачные, другие я уже для выставки отнесла. На те, что остались, уж совсем нечего смотреть.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Неси. У нас будет импровизированная мини-выставка. *Внучка мужчины, воодушеваясь, выходит. Дочь мужчины приступает к нарезке грибов.*

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Всех ты организовала. Как всегда.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Просто вы со мной не стесняетесь быть настоящими. И в этом какой-то особенно большой моей заслуги нет. Такой уж я человек, так мама с папой родили-воспитали. Погоди, то ли ещё будет, когда мы до дела дойдём.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Может, забудем про это на сегодня? Так хорошо вечер складывается. Я им завтра сама всё скажу.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. А потом завтра сменится на послезавтра... Нет, давай

уж, как решили. (*Подходит к Дочери мужчины*). Да ты уже всё и нарезала. Кидай, запускай.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Как скажешь. (*Начинает помещать овощи в кипящую воду*).

Явление 7.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ (*входит с ворохом альбомных листов*). Я принесла, Марина Дмитриевна.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Подожди, подожди, не показывай. (*Достает из кармана коробочку английских булавок*). Вот. Развешивай по стенам, чтоб уж была настоящая выставка.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Но на настоящую выставку зрители приходят, когда картины уже висят.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Договорились. Выхожу для чистоты эксперимента. (*Идёт к двери в холодную комнату, попутно набрасывая на плечи своё пальто*).

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да что вы, я совсем не то имела в виду.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. А мне так хочется. (*Выходя*). Следи за мамой и супом.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ты что-то хочешь мне сказать? (*Помешивает суп*).

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ (*развешивает листы*). Да... не то, чтобы...

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. С бабушкой, что ли, поссорилась? Она тебе что-то запретила?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. ...Нет. (*Пауза*). Я просто хотела спросить: как тебе кажется, если говорила с человеком всего минуту и то о каких-то глупостях, а теперь он не может выйти у тебя из головы, это что-то значит?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Чего ж тут сложного. Значит, что влюбилась. Кто это хоть?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да так. Приходил тут один парень. Телефонами обмениваться.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. И дал тебе свой номер?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Дал.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Так звони.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. А что я скажу? Должен же быть какой-то повод.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Не думай о поводе. Просто — звони. А то продумаешь, как я.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. А ты продумала?.. Извини. Слушай, мама, а как хорошо что-то делать такое, что освобождает. Вот сейчас тётя Марина дала нам задания, мы их выполняем, и у нас такой хороший разговор получается. А так просто мы вряд ли бы заговорили.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да. Воздух какой-то другой стал. Как будто свежее.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. А всего-то, суп да картинки.
ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Как будто мы в другом доме.
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. И так не хочется возвращаться обратно.
ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Правда, не хочется?
ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да. Но ведь это невозможно.
ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ (*голос*). Можно входить?
ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Можно!

Явление 8.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ (*входит*). Вот я и в галерее. (*Дочь мужчины и Внучка мужчины подзастывают*). Ой, какие подсолнухи нарисованы! Какие они жёлтые! Как они головы склонили! А какая здесь (*переходит к другой картине*) одинокая церквушка в поле — мне её прямо жалко становится. (*К третьей*). А речка? Да это же наша речка! Я её узнала! Прямо как на фотографии. (*Дочь мужчины открывает крышку кастрюли с супом, чтобы ещё раз его помешать*). А это что за запах? Грибы. А на картине лес. Тоже, наверно, грибной. Ребята, да мы с вами в грибном лесу. А побежали, кто первый белый найдёт! (*Дочь мужчины и Внучка мужчины стоят, как замороженные*).

Явление 9.

БАБКИНА ДОЧЬ (*входит*). Здравствуйте. (*Все переключаются с радости на эмоцию потерянности*).

БАБКА (*голос*). Ой, дочка! Пришла.

БАБКИНА ДОЧЬ. Пришла, пришла. А что это вы тут делаете? (*Мило*).
Здравствуйте, Марина...

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Дмитриевна.

БАБКИНА ДОЧЬ. Да. Дмитриевна. (*Меняет интонацию на озабоченность*). Готовишь, что ли, Вера?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Готовлю вот. Суп.

БАБКИНА ДОЧЬ (*подходит к кастрюле*). Это суп? Не смей меня. Это что за рецепт?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Это... без рецепта.

БАБКИНА ДОЧЬ. Как — без рецепта? И зачем? Катя бы приготовила, когда надо. По рецепту. Кстати, Катя. Это ты свои картинки на стенах повесила?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да. Как будто бы выставку репетирую.

БАБКИНА ДОЧЬ. Понятно. А зачем же так много? Повесила бы парочку и репетировала. Ещё и иголками. Картинки снимешь, а дырки на обоях останутся.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Можно не снимать.

БАБКИНА ДОЧЬ. Но тогда это будет уже не наш дом.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Да вы садитесь за стол, устали, наверное, после работы. Давайте чайку попьём. У нас сегодня лесной день. Супчик вот грибной, деревья кругом. *(Показывает на стены)*.

БАБКИНА ДОЧЬ. Спасибо, спасибо, Марина... Дмитриевна. Некогда, к сожалению. У меня рабочий день ещё в самом разгаре. Дома дел не впрокорот. Мы с вами попьём как-нибудь чаю. Потом.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. А вы к домашним делам относитесь как к работе?

БАБКИНА ДОЧЬ. А вы как к отдыху?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. В общем, да.

БАБКИНА ДОЧЬ. Завидую вам. Видимо, у вас есть такая возможность.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Думаю, у вас тоже есть.

БАБКИНА ДОЧЬ. Не думаю. Хотя. Кто знает. Бабушку-то хоть накормили?

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да. Я ей суп давала.

БАБКИНА ДОЧЬ. А Шарика?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да мы заболтались как-то, забыли.

БАБКИНА ДОЧЬ. Ясно. *(Отливает из кастрюли с супом Дочери мужчины жидкости в собачью миску и выносит на порог)*. Будем надеяться, что Шарикун понравится. *(Кричит в соседнюю комнату)*. Мамочка, как чувствуешь себя?

БАБКА. Ещё пока чувствую. А у тебя как, дочка, на работе?

БАБКИНА ДОЧЬ. Нормально. Зарабатываю вот нам.

БАБКА. Правильно, больше ведь некому. Слушай, скажи-ка Кате сходить в магазин, масла подсолнечного купить. Того, вкусного. Которое самое дешёвое. А то меня она не послушает.

БАБКИНА ДОЧЬ. Сходила бы ты, Кать, действительно. Только сначала картинки сними и суп этот вынеси в холодную комнату.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Хорошо. *(Начинает снимать рисунки)*.

БАБКИНА ДОЧЬ. Пойду пока переоденусь. *(Выходит в бабкину комнату)*. *Внучка мужчины снимает рисунки. Дочь мужчины и Леди с бизнесом о чём-то шепчутся.*

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Пора, Вера.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Но Жени ещё нет.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Обойдёмся и без неё.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Таня, выйди, пожалуйста, сюда на минутку!

Явление 10.

БАБКИНА ДОЧЬ *(выходит)*. Ты что-то хотела мне сказать?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. ...Да... Присядь, пожалуйста.

БАБКИНА ДОЧЬ *(садится)*. Пожалуйста. Только побыстрей, если можно.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ *(встаёт)*. Ты, Катя, пожалуйста, тоже сядь. Потом до-
нимаешь.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Хорошо, хорошо, мамочка. (*Садится*).

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Так вот... А мама? Надо её тоже сюда, наверное.

БАБКА (*голос*). Я тебя прекрасно слышу, не надо меня никуда перемещать. Говори своё дело.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да, вот именно дело.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Смелее, Вера.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Мы шли тут с Мариной, и она сказала, что... Что уезжает из домика, в котором раньше жила. Такой маленький, деревянный, на другом конце города.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Я его снимала, а теперь могу позволить купить себе собственное жильё.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да. Так вот. Кроме того, Марина предложила мне подработать в её фирме. Как репетитору по русскому языку и литературе. Я согласилась.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Мне как раз нужны такие работники. Я же занимаюсь предоставлением различного обслуживающего персонала частным лицам. Кадровое агентство. Вот я и решила несколько расширить поле деятельности в сторону образовательных услуг.

БАБКИНА ДОЧЬ. А репетитор — это что, тоже обслуга?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Это уже тонкости, к делу не относящиеся. Главное, что Вера таким образом сможет зарабатывать более достойные её суммы, и у неё будут деньги на то, чтобы...

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да, за счёт этих денег я смогу... Смогу...

БАБКИНА ДОЧЬ. Да говори же.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Смогу позволить себе, чтобы я и Катя...

БАБКА (*прерывает*). Переехали в этот домик и оставили бабуку на твоё, Таня, попечение.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Нет. Просто, чтобы мы сняли этот дом. И жили там. Пусть не всегда, но хотя бы время от времени.

БАБКА. Да что уж там, можно и совсем уехать!

БАБКИНА ДОЧЬ. Как ты уезжаешь? Когда? Зачем? Это же дом отца, мы же все вместе...

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*прорвало*). Какое «вместе»? Мы давно уже не вместе. И я целиком и полностью отдаю себе в этом отчёт. С тех пор, как умер отец... Отец. Отец был сильным, но умным человеком. Отец с любовью и уважением относился к каждой из нас. Отец всегда был для меня чем-то невозможно светлым, чистым... Когда он умер, оказалось, что только он держал нас вместе, а на самом деле, мы совсем не близкие друг другу люди. Я терпела все ваши, твои, Таня, и твои, мама, если так можно выразиться, цепляния ко мне и к Кате много лет. Но когда-нибудь этому должен прийти конец. Вы давите нас.

БАБКИНА ДОЧЬ. Вы живёте за наш счёт.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Теперь будем жить за свой.

БАБКИНА ДОЧЬ. Но ты не можешь вот так просто...

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Могу.

БАБКА. Бунт на корабле. Таня, вези меня в комнату! (*Бабкина дочь уходит*).

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Мама, ты это серьёзно?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Серьёзней не бывает.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Но ты понимаешь, что они нам этого никогда не простят?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ну и что. Мы им тоже много чего никогда не простим. Тебе нужна мастерская. Как настоящему художнику. Чтобы никто тебе не мешал работать.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Но так вот сразу...

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Катя, я считаю, что твоя мама права. И бояться тут ничего. Ты только представь себе — дом. Пусть он, конечно, не очень большой, всего-то две комнатки и кухня. Но это будет ваш дом. Вам это нужно.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да, но...

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Никаких «но».

Явление 11.

БАБКА (*вывозится Бабкиной дочерью*). Здравствуйте. Ещё раз. В новых обстоятельствах. Вера, что это ещё за дела такие?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Мама, я уезжаю. Я так решила.

БАБКА. Это не ты так решила. (*Показывает на Леди с бизнесом*). Это она за тебя так решила. Она тебе это внушила. Просто ей это выгодно. А тебе любой может всё, что хочешь, внушить. Хочешь, я тебе сейчас внушу, что тебе не надо никуда уезжать?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Что вы, что вы, Анна Петровна...

БАБКА. То самое. В школе почему больше не работаешь?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Так получилось.

БАБКА. Знаю я, как получилось.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Откуда же вы всё знаете, когда вот уже сколько лет как отсюда не выходите? И что это за критерий такой — школа?

БАБКА. Хорошего человека из школы не выгонят. А знаю, потому что... Потому что слухами земля полнится.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ты, Таня, сплетни разносишь?

БАБКИНА ДОЧЬ. Да что ты, да причём тут я... А... Пол-то не мыт... Вот-ка я его и вымою. (*Идёт, берёт ведро, наполняет его водой, берёт швабру*).

БАБКА. А хоть бы и она. Короче. Ты *(Дочери мужчины)*. В дом этой вертихвостки жить не поедешь.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Почему мы должны жить в этой половой резервации?

БАБКА. Что ты под этим имеешь в виду?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ладно, что ты нам жизнь испортила с Таней. Это мы из-за тебя, между прочим, одни детей растим. Ты ещё и к дочкам нашим парней на порог не пускаешь. Причём Катя-то как раз тебе верит. Одна.

БАБКА. Что значит, одна?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Мы не будем говорить, чем Таня зарабатывает. До сих пор. А Женя вообще из ума выжила. Ты слышала её последнюю идею-фикс?

БАБКА. Ты с ума сошла? При чужих людях!

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Похоже, мне пора. *(Направляется одеваться)*.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Я вас провожу. Заодно куплю, что надо. *(Идёт одеваться)*.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ты оставляешь меня одну?

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Вера, Кате действительно нечего здесь делать. Кроме того, ты можешь сама.

ВНУЧКА МУЖЧИНЫ. Да, мама. Да. Но я за тебя. Пока?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Спасибо, родная. Пока.

ЛЕДИ С БИЗНЕСОМ. Вера, завтра же заезжай, всё оформим. До встречи. *(Уходит с Внучкой мужчины)*.

БАБКИНА ДОЧЬ *(отрывается от мытья)*. А вот теперь начнётся разговор. Кстати, что это я пол мою? Давай ты мой.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Тань, что мы ругаться будем. Давайте мы тихо уедем. И всё.

БАБКИНА ДОЧЬ. Какое «тихо», какое «уедем»!

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Что-то сразу так осмелела, когда Марина ушла.

БАБКИНА ДОЧЬ. Думаешь, я её испугалась?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Именно так я и думаю.

БАБКА. Просто Танечка умеет себя вести. Она вообще много умеет.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Вся в тебя.

БАБКА. Да. В меня. А ты даже пол не можешь вымыть. Когда мать просит.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да вымою я ваш пол. *(Берётся за швабру)*.

БАБКА. Одним полом не откупишься.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А что мне ещё вымыть? Потолок? Стены?

БАБКИНА ДОЧЬ. Да ты и мыть-то не умеешь. Комнатное растение. Стихачка.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Чем тебе помешало то, что я стихи пишу?

БАБКИНА ДОЧЬ. Тем. Что мы тут корячимся, а она — стихи.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Давай поменяемся местами. Ты мне завидуешь?

БАБКИНА ДОЧЬ. Я? Тебе? Завидую?.. Завидую... Я. Тебе. Завидую. Папа всегда больше любил тебя, чем меня.

БАБКА. Неправда, отец всех любил одинаково.

БАБКИНА ДОЧЬ. Не мешай, мама. Папа всегда больше любил тебя, чем меня. Ты была умная, а я, как он говорил, «святая простота». Он на тебя молился. Он считал тебя своим продолжением. Ты знаешь, как мне было обидно? Да откуда тебе знать?! Обида меня просто съедала, выгрызала меня изнутри. Я делала всё по дому. А папе было важно только то, что ты лучше понимаешь литературу, да и вообще лучше меня учишься. Потом мы выросли. Тут я отыгралась. Потому что все мужчины смотрели на меня. Только на меня. Правда, замуж никто не брал. Но и ты тоже не могла выйти замуж.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Не хотела.

БАБКИНА ДОЧЬ. Нет, ты не могла выйти замуж. А для меня главное было ни в чём, что касается мужчин, не пропустить тебя вперёд. Я и дочку родила первая. Только он, её отец, почему-то не спешил на мне жениться. Месяц, другой, третий... Потом он исчез. Через девять месяцев родила ты. От него. Он выбрал тебя.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Он никого не выбирал. Он просто попользовался нами обеими. И выбросил.

БАБКИНА ДОЧЬ. Но тебя он выбросил после меня. Тобой он пользовался дольше. А я его любила. Как папу. И ты после всего этого смеешь при всех говорить о том, что я...

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. После чего «всего»?

БАБКИНА ДОЧЬ. После. Всего. Этого. Тебе просто завидно, что я ещё могу. А ты нет. Я всё-таки заставила тебя завидовать мне. Я победила. И ты никуда не уедешь. Ты будешь смотреть на мою победу.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Садистка. И дура.

БАБКА. Не обзывайся на сестру.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Мама, мы же не в детском саду.

БАБКА. Мы — дома. А дома есть определённый порядок, правила поведения.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Я собираю вещи. *(Выволакивает из-под дивана чемодан, начинает кидать туда свои вещи).* Не могу я, ты понимаешь, не хочу жить по правилам.

БАБКИНА ДОЧЬ. А ты и не живёшь. Вон одежда по всей комнате разбросана. А ведь уже пятьдесят лет.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Я хочу, понимаешь, хочу, чтобы одежда моя была разбросана. *(Разбрасывает собранное в чемодан).*

БАБКА. Так нельзя. Так обычные, нормальные люди не будут делать.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Какие «нормальные люди»? Какие?

БАБКА. Все.

БАБКИНА ДОЧЬ. И кто там, в этом доме, за тобой их будет собирать? Катя?
ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да никто. Как ты не понимаешь: ни-кто. *(Собирает одежду)*.

БАБКИНА ДОЧЬ. И готовить тоже никто будет. Так, что ль? *(Усмехается)*.
ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. У вас вся жизнь сконцентрировалась в том, чтобы всё дома было строго по правилам. Мама — мозговой центр, а ты, Таня, — рабоче-исполняющий. *(Собирает книги)*.

БАБКИНА ДОЧЬ. Вы на неё посмотрите — она уж и роли распределила!..
БАБКА. А ты, Верка, сильнее, чем я думала. Молодец. Крепко бьёшь. Только жизнь-то, она, знаешь, какая хитрая. Ещё сильнее ударит. У речки русло есть. Хоть она из него и вытечет, а потом всё равно обратно ворочаться придётся. Мы не ангелы. Но там хуже будет. Там не ждёт тебя никто.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ну и пусть не ждёт. Главное — дышать можно будет свободней. Свой дом строить.

БАБКА. Свой дом, свой дом. Вот заладила. Да строй. Только ведь... Вот говоришь, что мужиков зря не пускаю. А что зря? Они дом порушат твой, а новый построить не помогут.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Прямо уж и все?

БАБКА. Не все, почему ж. Но разве сразу различишь. Вон Катька твоя парня на пороге увидела, а — сразу... Ещё на дни рождения ночные повадилась.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А ты ей всё запрещаешь. А вдруг где-то здесь самое лучшее, что может случиться в её жизни? *(Бабкина дочь втихаря принимается за пол)*.

БАБКА. А обожжётся?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А кто не обжигался? Свобода должна быть.

БАБКА. Свобода... Нас встретит радостно у входа... Помню ещё. Да бери свою свободу. Только дома уже не выстроишь. Свобода — хлипкий фундамент.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ты меня отпускаешь? *(Закрывает чемодан)*.

БАБКА. Таня, вези меня обратно. Я спать хочу.

БАБКИНА ДОЧЬ. Да-да, мама. *(Дочери мужчины)*. Никуда ты не уедешь. *(Выходит с Бабкой в другую комнату)*.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Заварила я дел. Послушала Марину. Я хоть сама-то до конца верила в то, что говорила? Да... Но. Ни шагу назад.

Явление 12.

БАБКИНА ВНУЧКА *(с порога)*. Представляете себе, я... *(Видит Дочь мужчины)*. А... Ты. *(Молча раздевается)*.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Обет молчания продолжается?

БАБКИНА ВНУЧКА (*бурчит*). Начинается.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Хочешь молчать — молчи. Только закричишь — никто не услышит.

Явление 13.

БАБКИНА ДОЧЬ (*выходит из комнаты*). Женечка, дочка, приехала! (*Подскакивает к Бабкиной внучке, забирает у неё вещи*).

БАБКИНА ВНУЧКА. Представляешь себе, я женилась. По Интернету. (*Улыбается по-дурацки*).

БАБКИНА ДОЧЬ. Это как же это?

БАБКИНА ВНУЧКА. Так. Нажала на кнопку — и...

БАБКИНА ДОЧЬ. Это что ж, официально?

БАБКИНА ВНУЧКА. Это интернетно. Мне Магда сказала, что щас так все продвинутые делают.

БАБКИНА ДОЧЬ. Куда продвинутые?

БАБКИНА ВНУЧКА (*с презрением*). Тебе не понять.

БАБКИНА ДОЧЬ. Конечно, Женечка. Устала, наверно, с дороги-то, вот и рассказываешь мне. Ты бы села, чайку попила. (*Усаживает*).

БАБКИНА ВНУЧКА. Ты даже не хочешь узнать, на ком я женилась?

БАБКИНА ДОЧЬ. И на ком? Ты...

БАБКИНА ВНУЧКА. А ты догадайся.

БАБКИНА ДОЧЬ. На пареньке каком-нибудь. Красивый хоть?

БАБКИНА ВНУЧКА. Не на пареньке. На девушке.

БАБКИНА ДОЧЬ. Это как это?

БАБКИНА ВНУЧКА. А так. Мы две жены. Магда говорит, что это продвинуто.

БАБКИНА ДОЧЬ. А Магда тоже на ком-нибудь... жената?

БАБКИНА ВНУЧКА. Нет. Магда боится. А я нет.

БАБКИНА ДОЧЬ. Чего ж она боится?

БАБКИНА ВНУЧКА. Говорит, это не по ней. А мне по приколу.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Правильно, твоя подруга даром, что продвинутая, а мозги-то у неё ещё есть... (*Пауза*). Молчишь, не разговариваешь. Да молчи.

БАБКИНА ВНУЧКА. Не буду с тобой говорить. Ты мне жизнь испортила.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Чем?.. (*Пауза*). Тем, что посоветовала тебе поступить в пед, да?

БАБКИНА ВНУЧКА. Да.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Как жениться, так сама, а как «жизнь портить», так я виновата? И после этого вы мне говорите, что у нас не сумасшедший дом? Мама, а ты что молчишь? Ты же прекрасно всё слышишь. Видишь, какие дела твоя внучка наделала?

БАБКА (*голос*). Молода ещё. Перебесится.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. И после этого ты мне говоришь, что я здесь останусь?
БАБКИНА ВНУЧКА (*Дочери мужчины*). А ты... (*Бабкиной дочери*). Она, что, куда-то уезжает?

БАБКИНА ДОЧЬ. Женя, как ты могла... И со мною не посоветовалась.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Она уезжает. Привет тебе от Марины Дмитриевны.

БАБКИНА ВНУЧКА. Мама, тут, что, тётя Марина была?

БАБКИНА ДОЧЬ. Дочка, как ты... (*Роняет чашку и рвётся собирать осколки*).

БАБКИНА ВНУЧКА. Да хватит причитать. Я уже взрослая.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ты такую дочь хотела, Таня? Получай... Извини, я не хотела. Давай, я тебе помогу. (*Собирает осколки вместе с Бабкиной дочерью*). Эх, Таня, Таня. Вот уже и чашки полетели. Что ж ты так волнуешься?

БАБКИНА ДОЧЬ (*всхлипывает*). Что ж это, жизнь-то, бьётся, как чашка всё равно?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да всё ещё наладится, образуется. Без нас с Катей и дышать легче станет.

БАБКИНА ДОЧЬ. А кем я буду командовать?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Как кем? Мамой, Женей.

БАБКИНА ДОЧЬ. Это не я ими команду, а они мной. Я как прислужница у них. (*Выносит осколки*).

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. ...За что боролась. (*Бабкина дочь возвращается*).

БАБКИНА ВНУЧКА (*Бабкиной дочери*). Слушай, ма, принеси-ка мне мой дневник из той комнаты.

БАБКИНА ДОЧЬ. Да я разве ж знаю, где он лежит, Женечка?

БАБКИНА ВНУЧКА. Как будто не заглядывала туда никогда.

БАБКИНА ДОЧЬ. Что ж, я буду в твой дневник лезть?

БАБКИНА ВНУЧКА. Ну, кто-то же туда лазил. Там отпечатки пальцев жирные на страницах.

БАБКИНА ДОЧЬ. Так, может, сама ты случайно оставила?

БАБКИНА ВНУЧКА. Я такого сделать не могла. Эти две беженки тоже. Остаёшься ты. Если только не предположить, конечно, что это бабушка наша встаёт, пока нас нет. Как вурдалак.

БАБКИНА ДОЧЬ. Действительно, я получаюсь.

БАБКИНА ВНУЧКА. До чего же ты всё-таки, оказывается, глупая. Надо мне тоже переезжать. Для начала хотя бы к Магде. Ей покажется это продвинутым? Наверно, да. Тогда тем более.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Тебе не стыдно так с матерью разговаривать?

БАБКИНА ВНУЧКА. А ты со своей сейчас по-другому разговаривала?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Это моё дело. И вообще ты со мной не общаешься.

БАБКИНА ДОЧЬ. Что-то Кати долго нет. (*Бабкина внучка выходит*).

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Вот уж, действительно, бабий дом. Все друг другу в душе враги.

БАБКА (*голос*). А если что с кем случится, остальные не разлей вода будут.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Сомневаюсь.

БАБКА. Спорим?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Мама, ну неужели мы на прощание о таком будем говорить?

БАБКА. На прощание. Прости меня, дочка, если что не так.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Всё не так. И уезжаю я как-то не так. И чего-то самого плохого ещё не случилось. А оно обязательно должно случиться. Бог мне этого так просто не отпустит.

Явление 14.

БАБКИНА ВНУЧКА (*вернулась с дневником, читает*). «Бога нет, есть предопределение. От него не скроешься. Любой не считающийся с ним, идущий против предписанного да будет наказан. Да будет проклят преступающий свои границы. Пусть, выйдя из этих границ, он ощутит вселенское одиночество. Человек не должен быть сильнее окружающей его судьбоносной материи».

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*руки трясутся*). Что это т-такое?

БАБКИНА ВНУЧКА. Это Магда мне сказала. А я записала.

БАБКИНА ДОЧЬ. А где же Катя?..

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Одиночество... Я его боюсь? Я — его — боюсь. Я его...

БАБКА (*голос*). Кульминация! (*Пауза*).

ПЕРЕПИСЧИК (*стучится, голос*). Откройте, откройте!

БАБКИНА ДОЧЬ. Кто это?

ПЕРЕПИСЧИК. Это... Вы меня не знаете. Но откройте, пожалуйста! Откройте!

БАБКА. Не открывайте. Я его знаю. Это вздорный мальчишка.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Откуда ты его знаешь?

БАБКА. Да он приходил, нас сегодня... переписывал... С Катькой болтал.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Так это тот, в которого она... который ей... (*Бежит открывать*).

БАБКИНА ВНУЧКА. И кто это посмел меня без меня переписать?!

Явление 15.

ПЕРЕПИСЧИК (*входит*). В-в-ваша д-дочь, в-внучка, с-сестра, она...

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Она — что?

ПЕРЕПИСЧИК. Она... Она... Нет, я не могу.

БАБКИНА ВНУЧКА. Прямо, как в дешёвой мелодраме.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да говори скорее! Что с ней?

ПЕРЕПИСЧИК. Она... Её... Её больше нет.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. «Ощутит вселенское одиночество»...

БАБКИНА ДОЧЬ. Что случилось-то?

БАБКА. Таня, вези меня скорее! *(Бабкина дочь уходит)*.

ПЕРЕПИСЧИК. Да глупо всё получилось. Такое всегда как-то глупо получается. Шла она по обочине дороги вместе с какой-то женщиной.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. С Мариной.

ПЕРЕПИСЧИК. Может быть. А я шёл по другой стороне. Дороги. Она п-бежала на мою сторону. Зачем-то. А как раз машина ехала. Грузовик. И... всё. Быстро.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Зачем-то.

Явление 16.

БАБКА *(вывозится дочерью)*. Вот и переехали.

БАБКИНА ВНУЧКА. Так должно было случиться.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ *(даёт Бабкиной внучке пощёчину)*. Замолчи, дура малолетняя.

БАБКИНА ДОЧЬ. Боженька мой, Боженька! Что ж делается-то. *(Бежит одеваться)*.

ПЕРЕПИСЧИК. Там сейчас т-та женщина, с которой она вместе была. Что же она побежала?

БАБКА. Влюбилась она в тебя. Все от вас, от мужиков, беды у баб.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ *(тоже начинает собираться)*. А кажется, кажется, жизнь у неё только начиналась. Картины вот, выставка. Так я рада была, что дочка в жизнь вступает.

БАБКИНА ДОЧЬ. Светлая она была у тебя.

БАБКА. Да... Береги — не береги.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Не берегли бы, может, и не случилось бы ничего. И зачем я сегодня... Она же ушла, чтоб не слышать, как мы ссоримся.

БАБКА. Останешься теперь?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Нет, всё равно уеду... Уедем.

ПЕРЕПИСЧИК *(себе)*. И зачем было из-за меня бежать? Перепись...

Уходят все, кроме Бабки и Бабкиной внучки.

БАБКА. А ты что не пошла?

БАБКИНА ВНУЧКА. Нужно мне больно. Я Катку по-другому любила. Не так, как другие. Мне никуда ходить, чтобы почувствовать, пропустить через себя её смерть, не надо. Я воспринимаю всё и на расстоянии.

БАБКА. Умная ты у меня, Женька. Только чёрствая. Ты бы мне, внучка, супу лучше сготовила.

БАБКИНА ВНУЧКА. Тут человека не стало, а она супу, видите ли, захотела.

БАБКА. А Катя бы мне сготовила супу.

БАБКИНА ВНУЧКА. Вот потому, что она тебе всё время супы готовила, делала всё, что ты скажешь, потому именно она и погибла.

БАБКА. Почему это, Жень?

БАБКИНА ВНУЧКА. Потому. Думать надо больше.

БАБКА. Что ж я, по-твоему, мало думаю, что ли?

БАБКИНА ВНУЧКА. А ты не можешь много думать. У тебя жизнь не испорчена. Это мне вот она... дочь твоя, моя тётка, всё испортила. Магда говорит, что лишение человека воли, права выбора ведёт к коренным изменениям в его психологическом восприятии...

БАБКА. Что ж эта твоя Магда всё говорит и говорит? Молчать она, что ли, не умеет?.. А чтобы понять, отчего Катька умерла, нечего много думать. Мужчина во всём виноват. Парень этот. Он с ней на пороге разговаривал. Он её зарядил плохо. Нельзя нам в доме или около него с мужчинами общаться. Это беда.

БАБКИНА ВНУЧКА. Вот заладила.

БАБКА. Ничего я не заладила. Отец наш был один мужчина, кому дом подчинялся. Он других мужиков отторгает.

БАБКИНА ВНУЧКА. Это ты сейчас про того парня говорила, который к нам в дом только что забегал?

БАБКА. Про того самого. А что?

БАБКИНА ВНУЧКА. Который — к — нам — в дом — только — что — забегал. Забегал — к нам — в дом, понимаешь?

БАБКА. А... Какие же ещё дела предстоят... Дому-то конец... И Катька — только начало... Там, дальше...

БАБКИНА ВНУЧКА. Ты знаешь, что будет дальше?

БАБКА. Дальше? Дальше не будет никого, ничего, только — тени. Ряд волшебных отражений...

БАБКИНА ВНУЧКА. Чушь. Дальше будут похороны, дальше девять дней, дальше сорок, дальше она, будем надеяться, уедет.

БАБКА. Не дай то Бог. Не дай то Бог. И я к этому все силы приложу.

БАБКИНА ВНУЧКА. Нам троём будет лучше. Мы одного поля ягоды.

БАБКА. Но это будет уже не его дом, каким он его оставил.

БАБКИНА ВНУЧКА. Это всё формальности.

БАБКА. Для тебя целые жизни человеческие — формальности. Это вас так учат? Жестокости?

БАБКИНА ВНУЧКА. Жестокости, бабуля, меня научила, в первую очередь, ты. Ты со своей лживой набожностью. Когда я ходила в школу в одежде из позапрошлого века, которая нравилась тебе, надо мной все кругом смеялись. Когда я говорила то, чему научила меня ты, надо мной все смеялись. Все смеялись. А я в душе смеялась над ними. Мне наплевать на них. И тётя Вера надо мной смеялась. Я ей не прощу. Я жестокая? Пусть. Не я первая начала... Правда, Катька была другой, светлой...

БАБКА. Никогда я больше не попробую её супа. Никогда.

ДЕЙСТВИЕ 2.

Явление 1.

Прошло два месяца без малого. На стене большая, чёрно-белая, в траурной рамке фотография Внучки мужчины. Обстановка беднее, чем в прошлый раз, аскетичнее. Пол уставлен чемоданами. У одной чемоданной группы — Дочь мужчины, у другой — Бабкина внучка.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. По-моему, с твоей стороны, довольно глупо уезжать в один день с нами.

БАБКИНА ВНУЧКА (сквозь зубы). Когда хочу, тогда и уезжаю.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Но это же... смешно.

БАБКИНА ВНУЧКА. Ха. Ха. Ха.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. И потом. Бабушка с твоей мамой... Им будет тяжело.

БАБКИНА ВНУЧКА. Переживут. Мне пора становиться независимой.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Но есть же менее резкие способы.

БАБКИНА ВНУЧКА. Что ты меня учишь? Сама как будто менее резко поступаешь.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Я довольно долго ждала.

БАБКИНА ВНУЧКА. И дождалась. Одна уезжаешь.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Ты думаешь, если бы мы уехали раньше, этого бы не случилось? Я тоже много об этом думала. Может быть. А может быть, и нет.

БАБКИНА ВНУЧКА. Вся белая и пушистая.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Неправда. Злая ты. Хотя... Ты правдивая. По отношению к другим. Не к себе. Мне вот только кажется, что это не твоя правда.

БАБКИНА ВНУЧКА. Чья же тогда?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Этой, как её... Магды.

БАБКИНА ВНУЧКА. Да как ты можешь. Магда, она!..

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Что — она? Что — она? Царь? Бог? Или она отличается только тем, что хорошо умеет льстить твоему самолюбию?.. Ты, кстати, у неё будешь жить?

БАБКИНА ВНУЧКА. Пока не начну нормально зарабатывать, чтобы самой снимать квартиру, да.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А не проще поехать в общежитие, которое тебе, между прочим, официально полагается?

БАБКИНА ВНУЧКА. Не проще.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Это тебе тоже Магда сказала?

БАБКИНА ВНУЧКА. Ты будешь иметь честь познакомиться со столь тобою любимой заочно Магдой. Она за мной заедет.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А наша КПП об этом знает?

БАБКИНА ВНУЧКА. Ты сейчас имела в виду бабушку? Конечно, знает.
И мама знает. Все знают.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А я, выходит, во «всех» не вхожу?

БАБКИНА ВНУЧКА. Выходит, что так.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Она за тобой на машине заедет?

БАБКИНА ВНУЧКА. Да. И не надейся, что мы тебя подвезём. Пешком по-
прёшься со своими чемоданами. Через весь город. Чтобы все видели.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Неужели ты — единственное продолжение нашей се-
мьи? Неужели дальше всё пойдёт по твоей линии?.. Обрезало мою
ветку. И льётся из неё сок. Как кровь. Только гуще, чем кровь. Много
гуще. И горький. Кровь солёная, а он горький. А вокруг все рану не
лечат, а наоборот — глубже режут. Чтоб наверняка уж. А ты растёшь.

БАБКИНА ВНУЧКА. Закон жизни.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Плохой, значит, закон.

БАБКИНА ВНУЧКА. Законы не обсуждают, хорошие они или плохие. Зако-
ны просто есть. Закон есть закон.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Плохо это. Так не должно быть.

БАБКИНА ВНУЧКА. Тебя не спросили. Тебе сколько лет, чтоб такое гово-
рить?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А тебе сколько, чтобы знать такие точные ответы?

Пауза.

БАБКИНА ВНУЧКА. Во сколько уходишь?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. В шесть-семь. Как Таня с работы вернётся.

БАБКИНА ВНУЧКА. И я. Тоже.

БАБКА (*голос*). Я проснулась?

БАБКИНА ВНУЧКА. Ну и?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*выходит*). Иду, мама.

*Бабкина внучка кидается к чемоданам Дочери мужчины, открывает
один, достаёт из него большую фотографию Внучки мужчины в чёр-
ной рамке, закрывает чемодан, фотографию прячет в свой, как буд-
то так и было.*

Явление 2.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*вывозит Бабку*). Сейчас, мама, посидим на дорожку и...

БАБКА. И куда ты не поедешь. Женю проводим и — всё.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. На баррикады, что ли, встанешь?

БАБКА. Что ж сразу на баррикады? (*Пересекается взглядом с Бабиной
внучкой, та ей подмигивает*). Есть другие способы.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Какие же?

БАБКА. Как на работе-то у тебя дела, в школе?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Нечестно играешь. А никак. Я оттуда увольняюсь.

БАБКА. Что же делать?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Меня Марина пригласила в свою фирму совсем.

БАБКИНА ВНУЧКА. Бабушка, а скоро Магда приедет.

БАБКА. Дуры вы у меня, дуры. Вы думаете, вы освобождаетесь, когда из дому съезжаете? Как бы не так. У вас у одной Марина, у другой Магда. А при этом уверены, что так сильно различаетесь. Одна кровь. Зависимая. Обречённая на зависимость.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А ты... права.

БАБКА. То-то же. Вон, посмотри, на тебя Катенька со стены с каким укором смотрит.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Не только на меня.

БАБКА. Она остаётся — ты уезжаешь.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Я её с собой увожу.

БАБКА. Как же это? На фотографии, что ль?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. В сердце.

БАБКИНА ВНУЧКА. Это всё эфемерно.

Стук в дверь.

БАБКА. Кто?

МАГДА (*голос*). Вера, ты здесь?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Здесь. Кто это?

МАГДА. Ой, извините, я, видимо, не туда стучусь. Мне другая Вера нужна.

БАБКИНА ВНУЧКА (*идёт открывать*). Я здесь, Вера! Уже открываю.

Явление 3.

МАГДА (*появляется*). Привет, Вер! (*Выставляет руку*).

БАБКИНА ВНУЧКА. Привет, Вер! (*Ответно хлопает по руке*).

БАБКА. Женя, познакомь нас с девочкой.

МАГДА (*искренне улыбается*). Драсьте. Да чего тут особенно знакомить? Меня зовут Магда. Я вместе с Женей учусь. А вы её бабушка, Анна Петровна? А вы — мама?

БАБКИНА ВНУЧКА (*мрачно*). Это тётя.

МАГДА. Тётя? Здорово. А у меня вот нету тёти. Как-то не получилось. А тётя, это, наверно, очень хорошо? Мама, бабушка — это понятно. Их не может не быть. А тут ещё и тётя. На одного родного человека больше.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*усмехнулась*). У нас, к сожалению, так не получилось.

МАГДА. Значит, вы чего-то где-то не доработали. Не использовали потенциал до конца. Потенциал ваших отношений. У отношений, у них всегда так. Вроде бы противный человек, а ты копни поглубже в него... В нём столько граней оказывается, столько сторон. Со мной такое часто случается. А с вами?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Редко. Почти никогда.

МАГДА. А вы посмотрите вокруг попристальной. Повнимательней. Поострей. Заметите.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Боюсь, что мне уже немножечко поздновато.

МАГДА. Никогда не поздно.

БАБКА. Точно — копия Марины.

БАБКИНА ВНУЧКА. Все в той или иной степени похожи друг на друга. Да и вообще все друг на друга похожи. Это абсолютная степень метафоры.

МАГДА. Вер, не выпендривайся.

БАБКА. А почему ты Женю зовёшь Верой?

МАГДА. Это... ритуал как бы такой. Мы друг друга зовём Верами. Это вроде как связь между нами. Так друг друга только мы зовём. Это сближает.

БАБКА. А почему именно Верами?

МАГДА. Потому что верим. Одна в другую.

БАБКИНА ВНУЧКА. Мы — верящие друг в друга части одного целого.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Выходит, я тоже часть твоего целого?

БАБКИНА ВНУЧКА. Ты тут ни при чём. Имя выбирала Магда. Она не знала, как тебя зовут.

МАГДА. Ой, вас тоже Вера зовут? Здорово. А давайте за руки с вами возьмёмся. Вы будете третья Вера. (*Подает руку Дочери мужчины, та её берёт*). Я уже почувствовала ваше тепло? А вы?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Я — тоже!

МАГДА. Как же всё-таки хорошо, когда вера есть. А давайте все возьмёмся за руки. (*Берёт второй рукой руку Бабки*). Вер, замыкай круг. Зарядим друг друга.

Бабкина внучка подходит к Дочери мужчины, протягивает руку, но в последний момент бьёт ей по руке Дочери мужчины, соединённой с рукой Магды.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Да ты что?!

МАГДА. Вер, не надо так.

БАБКИНА ВНУЧКА. Магда только моя и ничья больше. (*Берёт Магду за руку*). У меня и так никогда не было подружек. Я всегда была изгоем. Дед, и тот, называл меня «миленький маленький уродик».

БАБКА. Он это любя.

БАБКИНА ВНУЧКА. Такое любя не говорят. И вот у меня появилась подруга, которая меня слушает. Которой нужна я. Она для меня даже... больше, чем подруга. Да, больше. Она светлая, она меня слушает.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А ты её?

БАБКИНА ВНУЧКА. Я? Её? Тоже.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. И что она тебе последнее о себе рассказывала?

БАБКИНА ВНУЧКА. ...Это не имеет значения.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*Магде*). Выходит, вы её открыли для себя, а она вас — нет?

МАГДА. Выходит, что так. (*Разжимает руку Бабкиной внучки*). Но я же для Жени делаю всё самое хорошее. Я с ней делюсь своими мыслями... Но...

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Но — что-то не так?

МАГДА. Да. Что-то не так. А давайте с вами сыграем в одну коротенькую игру.

БАБКА. Это ещё зачем?

МАГДА. Чтобы лучше понять друг друга. Вы ведь обе сегодня уезжаете, как я поняла? Отлично. Пусть каждая — вы, Вера, и ты, Вера, — подумает и скажет, какая вещь самая главная в чемодане у другой. Самая ценная для неё.

БАБКА. Глупости.

МАГДА. Вот увидите, что нет. Ну, говорите же.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Её дневник.

БАБКИНА ВНУЧКА. Фотография Катьки.

МАГДА. А теперь поменяйтесь этими вещами.

БАБКИНА ВНУЧКА. Ещё чего... Хотя. Пожалуйста. (*С торжеством протягивает дневник*).

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*пытается найти фотографию*). Но... её тут нет.

БАБКИНА ВНУЧКА. Да ладно заливать. Просто отдавать не хочешь. Значит, я победила.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Её тут действительно нет. А я клала. На самый верх. (*Бабкиной внучке*). Ты взяла?

БАБКИНА ВНУЧКА. Мы же уже один раз решили, что за подобное у нас отвечает злой гений вездесущей бабушки. (*С усмешкой*).

МАГДА. К сожалению, вы, Вера, похоже, действительно проиграли.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Я без фотографии никуда не поеду.

БАБКА. Вот и хорошо. Останешься — подумаешь.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Никуда не поеду.

БАБКА. Пре-кра-сно.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*садится*). Не — поеду.

МАГДА. Вам плохо? Воды принести?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Мне — очень — плохо. Но вода не поможет. К сожалению. Просто силы бороться закончились. Хочется просто быть. Как выходит. И никуда не стремиться. С этим надо бороться. Я знаю. Но — зачем? (*Звонит чашками на столе — одной о другую*). Всё равно чашки будут биться.

МАГДА. Есть цели в жизни. Есть.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*смотрит на Магду и улыбается*). Нету. Были — и — нету. Нет фотографии — нет целей.

БАБКИНА ВНУЧКА. Фетишистка.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А я тебе только хорошего желаю. Тебе повезло. Уезжаешь. А я — нет. Нет. Скоро чашечки разобьются. Ох, как скоро. И полетят осколочки. А собирать-то некому будет.

МАГДА. Надо в «Скорую помощь» звонить. (*Достает мобильный*).

БАБКА. Не надо. Сами разберёмся.

МАГДА. Вы уже разобрались. Алло, «Скорая»? Тут женщине плохо. Просто плохо, чего тут такого уж непонятного? Улица Вторая Посадская, дом пятьдесят один. Ждём.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Теперь меня увезут?

БАБКИНА ВНУЧКА. Да ещё как увезут.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А Катя? Она со мной поедет?

МАГДА. К сожалению, нет.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А почему? Но она ведь будет навещать свою мать?

БАБКИНА ВНУЧКА. Комедия. Да у меня твоя фотография. Успокойся.

МАГДА. У тебя? Зачем ты её взяла?

БАБКИНА ВНУЧКА. Мне так сказала бабушка. Точнее, на этом условии она мне разрешила уехать, попробовать жить самой.

МАГДА (*потрясена*). А вам это зачем?

БАБКА. Вера одна не выживет. Она должна быть со мной. Я знаю, так хочет отец.

МАГДА. Вы понимаете, что вы её просто довели?

БАБКА. Она сама себя довела. Когда не послушала меня.

МАГДА. Вы же — царица зла. Зла.

БАБКА. Главное, что пока ещё царица.

МАГДА (*Бабкиной внучке*). А ты? Как ты можешь так с тётей? Где твоё сердце?

БАБКИНА ВНУЧКА. Вера, не надо. Всё о'кей. Нам будет весело. Вдвоём. (*Протягивает руки*).

МАГДА. Какое «вдвоём»? Ты проиграла. По всем статьям. Ты, Вера,.. ты...

БАБКИНА ВНУЧКА. Ну — кто? Смелее!

МАГДА. Ты... У меня в голове не укладывается...

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*вскакивает*). Хватит? Все — молчите! Молчите! Сейчас Катя нас слышит. Она здесь. Мы не должны ссориться, пока она здесь!

БАБКА. Дочка! Опомнись! (*Порывается вперед*).

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Здесь. Катя со мной. Поедет. А значит, и фотография не нужна. Тише. Тогда и вы, вы все, почувствуете.

БАБКА. Дочка, ты что?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*в пустоту*). Что-что ты говоришь? Будет ли там у тебя комната? Конечно, будет. Большая, светлая. Мы там твои картины повесим. Ту, где солнце. И ещё, где церковь. Мы их вообще везде повесим. По всем комнатам. И на кухню даже. И в прихожую. Чтобы светло-светло от них было. Нет, повесим. И не спорь. Не спорь. Не надо. Давай просто строить. Делать. Чтобы светлее вдвоём.

БАБКИНА ВНУЧКА. Тупик.

МАГДА. Что с вами?

БАБКИНА ВНУЧКА. С ней — всё. Мы приехали.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Не слышите — так хоть не мешаёте. Катя, как думаешь, дочка, что будем на праздничный обед готовить? Делать? Кого в гости пригласим? Давай того парня обязательно, который тебе... Ну, ты меня поняла. А он, кстати, где живёт? Снимает? Так давай, у нас его устроим. За так. Всё лучше.

МАГДА. Тут же никого нет. (*Громче с каждым разом*). Никого нет. Никого нет! Никого...

БАБКА (*Дочери мужчины*). Никому я тебя не отдам. Слышишь? Никому. Ты моя дочь.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Я папина дочь. И Катина мама. Да, Катя? Я ведь твоя мама? Правда?

БАБКИНА ВНУЧКА. Скорее бы врачи, что ли, ехали. А то и мы тут с ума сойдём.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ (*начинает одеваться*). А мы пойдём с Катей. Тане привет передавайте, раз уж не дождалась. Жаль. (*Берёт чемоданы*). Да я сама донесу. Ты холсты бери. (*Подходит к выходу*).

БАБКА (*Бабкиной внучке*). Кати меня к двери.

БАБКИНА ВНУЧКА. На амбразуру? (*Везёт*).

БАБКА. На баррикады. (*Дочери мужчины*). Подождём Таню.

МАГДА (*тоже бежит к двери*). Вам нельзя никуда в таком состоянии.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Я в хорошем состоянии. Дочь со мной. Не мешайте.

БАБКА. Я тебя не пушу.

БАБКИНА ВНУЧКА. Что вы все вокруг неё бегаєте? Пусть уходит, если хочет.

МАГДА. Тебе надо, чтобы бегали за тобой?

БАБКИНА ВНУЧКА (*пинает свой чемодан*). Да.

МАГДА. А что с тобой такого произошло, чтобы уделять тебе внимание?

БАБКА (*Дочери мужчины*). Дочка... Не пушу...

БАБКИНА ВНУЧКА (*ещё пинает*). Ничего не произошло, по-твоему? Пусть даже и ничего. Пусть. Я, конечно, так не считаю. Но — пусть. Если вы меня не понимаете, что ж... Но, если даже ничего со мной не

случилось, разве это означает, что я не стою внимания? Разве? Почему у вас всегда так? Почему?

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. А у нас с Катей так не будет. Мы будем чувствовать друг друга.

БАБКИНА ВНУЧКА. У вас никак не будет.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Катя, все картины собрала? Иди вперёд, дочка. Я тебя догоню. *(Пропускает вперёд себя кого-то невидимого)*. Я скоро. Сейчас только объясню им. Не понимают. Не понимают. И я их, верно, тоже не понимаю. Почему же никто никого не понимает? Почему?

БАБКА. Рушится, всё рушится. Потихоньку, но точно. Ещё не всё. Не все. Дальше. Дальше...

БАБКИНА ВНУЧКА. Нам пора, Вера.

МАГДА. Я с тобой не пойду.

БАБКИНА ВНУЧКА. Что ты имеешь в виду, когда это говоришь?

МАГДА. Что если я с кем и пойду, так это с твоей тётей.

БАБКИНА ВНУЧКА. Предаёшь?

МАГДА. Понимай, как знаешь.

БАБКИНА ВНУЧКА. Обойдусь. Раз так.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. Катя? Ты зачем вернулась? Там тётя Таня идёт?

Явление 4.

БАБКИНА ДОЧЬ *(входит, кидается к Бабке)*. Mamочка, ну что же ты у входной двери? Простудишься же. Заболеешь, не дай Бог. Нам с тобой болеть нельзя. Уговор — не болеть, да? Давай, я тебя увезу.

БАБКА. Не надо.

БАБКИНА ДОЧЬ. Почему же, мамочка?

БАБКА. Тут всё рушится, а я отдыхать буду. Я не из таких.

БАБКИНА ДОЧЬ. Что ж всё? Не всё.

ДОЧЬ МУЖЧИНЫ. До свидания. *(Выходит под общий шум)*. Мы пошли.

БАБКИНА ДОЧЬ. Ещё не всё. Нас, мама, скоро будет на два больше.

БАБКА. Кого это — нас?

БАБКИНА ДОЧЬ. Я вроде как беременна.

БАБКА. Это три. А кто четвёртый?

БАБКИНА ДОЧЬ. Как кто? Отец ребёнка...

БАБКА. Это что ж, не тот, что остальных настругал?

БАБКИНА ДОЧЬ. Другой...

БАБКА. И почему это нас будет четверо? Он, что, жить с нами будет?

БАБКИНА ДОЧЬ. Да... Ему негде...

БАБКА. Вот уж чему не бывать — тому не бывать. Только через мой труп. С животным жить не хочу. Мне и Шарика хватит. Кстати, а где Шарик?

БАБКИНА ДОЧЬ. Ну, Шарик-то тут причём?

БАБКА. Он собака, друг человека, а этот твой бык племенной!

БАБКИНА ВНУЧКА. Мама, как ты могла! Я же твоя единственная дочь.

БАБКИНА ДОЧЬ. Правильно. Это сын будет. Мужчина.

МАГДА. Вы извините, Татьяна... не помню, как вас по отчеству, но мужчины из вашего сына не получится. Если он будет жить здесь, в этом бабьем царстве. Он такой же бабой вырастет. Вы ветвь вашего отца — Веру и Катю — ликвидировали. Теперь у вас дом баб. Ваш дом, Анна Петровна. С чем вас и поздравляю. За сим позвольте откланяться. И, пожалуйста, Вера, то есть... Женя, ко мне больше в институте не приставай со своими лесбийскими заскоками. Ты — такая же баба, как твои мать и бабушка. Ты не новое, а хорошо забытое старое. Гуд бай! Счастливо оставаться. Мы с Верой... — вспомнила! — Георгиевной уходим. *(Замечает, что Дочери мужчины рядом нет)*. А где же?

БАБКИНА ВНУЧКА. А меньше нужно было болтать.

БАБКА. Ушла наша Вера.

МАГДА. Вы это видели и не остановили её?

БАБКА. Вольному воля. И без того долго я её останавливала.

МАГДА. Да с ней же может случиться...

БАБКА. Ничего с ней не случится. С ней всё уже случилось.

МАГДА. Звучит, как приговор.

БАБКА. Это не приговор, это — правда.

МАГДА. До свидания. *(Уходит)*.

БАБКИНА ВНУЧКА. Мама, как ты могла?

БАБКИНА ДОЧЬ *(садится на чемоданы Бабкиной внучки)*. Как я могла? Просто любви захотелось. Обыкновенной. Человеческой. Чтобы только у меня была. Больше ни у кого... А если ты про ребёнка, так я, будь уверена, меньше любить тебя не стану.

БАБКИНА ВНУЧКА. Ты должна не любить меня больше других, ты просто должна любить только меня.

БАБКИНА ДОЧЬ. Ты уедешь...

БАБКИНА ВНУЧКА. Ну и что. Ты должна надеяться, что я вернусь. Тем более, я буду навещать вас. Время от времени.

БАБКИНА ДОЧЬ. Время от времени...

БАБКА *(Бабкиной внучке)*. Куда пойдёшь-то теперь? К подруге, видать, ход закрыт?

БАБКИНА ВНУЧКА. Правильно. Вы постарались. Ничего. Что-нибудь да найду. На худой конец в общагу поеду записываться институтскую.

БАБКА. Говорила ж раньше, что никогда там...

БАБКИНА ВНУЧКА. Времена меняются.

БАБКА. Гонор остаётся.

БАБКИНА ВНУЧКА. А то на панель пойду. Как мама.

БАБКИНА ДОЧЬ. Женя, я же всё ради тебя...

БАБКИНА ВНУЧКА. Ради меня? Что же я такого, интересно, получила?

БАБКА (*Бабкиной внучке*). Не оскорбляй мать. Отвези меня.

БАБКИНА ВНУЧКА. Да пошла ты! (*Бабкиной дочери*). А ну встала с моих чемоданов.

БАБКИНА ДОЧЬ (*встаёт*). Дай хоть обниму на прощание. (*Кидается к Бабкиной внучке*).

БАБКИНА ВНУЧКА (*слегка отталкивает*). Лучше бы денег дала.

БАБКИНА ДОЧЬ. Сколько тебе надо?

БАБКИНА ВНУЧКА. Пошутить уже нельзя. На похороны себе оставь. (*Хлопает дверью с той стороны*).

БАБКА. Вот и попрощались. Когда будешь с женихом своим знакомить?

БАБКИНА ДОЧЬ. Скоро. Завтра.

БАБКА. Ух какая быстрая. Тебе кого больше жаль?.. Жаль, что Вера ушла... Мне. Как ни странно.

БАБКИНА ДОЧЬ. Мне нас с тобой жаль. Что-то мы, видно, не так воспитывали Женю, не так с Верой общались.

БАБКА. То-то и оно. А что?

БАБКИНА ДОЧЬ. Ничего, всё ещё устроится... А врачи так и не приехали...

БАБКА. Сделай мне супу.

Явление 5.

Прошло ещё недели три. Комната явно содержит меньшее количество вещей. Зима стала строже. За столом сидит Мужчина, ест суп, громко причмокивая. Мужчина среднестатистический.

БАБКА (*голос*). Витенька, вывез бы ты меня, покушали бы мы с тобой, поболтали.

МУЖЧИНА. Да мне и одному, вообще-то, неплохо.

БАБКА. А я ведь кушать хочу.

МУЖЧИНА. Утром ели уже.

БАБКА. Так оно когда было, утро-то...

МУЖЧИНА. Сегодня.

БАБКА. Так хоть посижу в комнате.

МУЖЧИНА. Чего тут хорошего?

БАБКА. Хоть на тебя посмотреть.

МУЖЧИНА. Давно не видели, можно подумать. Как будто любите на меня смотреть. На дух же меня не переносите. Терпеть не можете.

БАБКА. Это я привыкаю просто долго.

МУЖЧИНА. Ну да. Рассказывайте.

БАБКА. А что в тебе плохого? Сам готовишь себе, да и вообще...

МУЖЧИНА. И хорошо готовлю, заметьте. Я бы даже сказал, отменно.

А ещё стираю, убираюсь. Чего только не делаю. А всё равно вам не нравлюсь.

БАБКА. Не работаешь.

МУЖЧИНА. Скажите ещё, отдыхаю. *(Доел)*.

БАБКА. Нет, конечно. Но всё-таки.

МУЖЧИНА. У вас просто сложился определённый стереотип настоящего мужчины, того, как он должен себя вести, и в вашу систему представлений другое поведение лиц мужского пола попросту не укладывается. Это не есть хорошо. И, к сожалению, это, похоже, уже никак не исправишь.

БАБКА. Да я уж умру скоро. Недолго терпеть.

МУЖЧИНА. Если бы. Е-сли-бы. *(Моей посуду)*. По всем признакам ситуация складывается несколько... по-другому.

БАБКА. А ты бы хотел, чтоб я умерла?

МУЖЧИНА. Я бы хотел, чтобы у меня был свой дом.

БАБКА. Строй.

МУЖЧИНА. Вам легко говорить. Вы вообще к мужчине как к феномену биологического развития предъявляете сверхтребования. Но я же феномен, а не венец этого самого развития. Значит, требования ко мне должны быть соответствующие. Неужели это так сложно?

БАБКА. Выкати меня.

МУЖЧИНА *(устало)*. Да сами вы всё прекрасно можете. Тоже мне заслуженный инвалид всяя Руси. Ходите же, когда никого дома нет. Значит, кресло уж точно сумеете докатить. И себя в нём.

БАБКА. Я уже пятнадцать лет, как... С тех пор, как умер...

МУЖЧИНА. Вы уже пятнадцать лет, как врётё. *(Ложится на диван)*. Вам просто хочется, чтобы за вами все бегали, ухаживали. Чтоб вы всеми помыкали.

БАБКА. Что за ерунду городишь?

МУЖЧИНА. Да вы не паникуйте, Анна Петровна. Не паникуйте. Я никому не скажу.

БАБКА. Что скажешь-то, что? Нечего тебе говорить.

МУЖЧИНА. Железобетонная конспирация. Так уж и быть. Нечего.

БАБКА. Вот и хорошо. А где Шарик? Что-то я его давно не слышала.

МУЖЧИНА *(себе)*. Я его вообще никогда не слышал. *(Бабке)*. Всё с ним нормально. По девушкам бегаёт, каши не просит.

БАБКА. Забыл о нас.

МУЖЧИНА. О вас. Каждый день одно и то же спрашиваете.

БАБКА. А что ещё в жизни осталось?

МУЖЧИНА. Неужели, кроме собаки и придирок ко мне, ничего нет?

Явление 6.

БАБКА (*выезжает*). Выходит, что так. А ты думаешь, у тебя в моём возрасте больше наберётся? Больше? Стареешь — и всё постепенно отпадает, отпадает. Одно, другое, третье. Сначала перестаёшь выходить из дому. Потом... Дела домашние делать сил нету. Книжки всякие уже не читаешь — всё равно ничего нового ты там не найдёшь. Радио тебе родные не дают слушать — мешаешь. Потом родные вообще мало внимания на тебя обращают, не делятся с тобой ничем. Правильно — чего с тобой делиться? Отстала от жизни. Не понимаешь ничего. Старая дура, которая... Которая слишком много на себя... Старая дура. Даже пёс верный, и тот. Как будто предал. Чем тут будешь интересоваться? Чем? Умирать надо.

МУЖЧИНА. Вас послушаешь, всё-то вы понимаете. (*Замечает Бабку*).

А вот и явились миру.

БАБКА. Не язви. Молодой ещё.

МУЖЧИНА. Начали по новой. Вот что. Может, вам нужна компания таких же, как вы? Чтобы интересы были схожие, то есть их отсутствие, чтобы общение, воздух опять же свежий. В общем, мы с Таней хотим вас пристроить в дом... для стариков. Только с вашего разрешения разумеется. Мы уже съездили, всё посмотрели, там действительно хорошо. Таня просто боится сказать.

БАБКА. И правильно боится. Я умру здесь. Никуда не уеду отсюда, кроме как на кладбище.

МУЖЧИНА. Хотите быть Христом-мучеником?

БАБКА. Это мой дом.

МУЖЧИНА. Все это знают. Но вы здесь... Вам здесь плохо.

БАБКА. Уезжай — мне и получшеет.

МУЖЧИНА. То есть отказываетесь?

БАБКА. К тому ж ещё внука хочу увидеть.

МУЖЧИНА. Приедем к вам, навестим с внуком.

БАБКА. Ага. Меня уж внучка с дочкой навещают. Не надо мне.

МУЖЧИНА (*подходит к Бабке*). А вы представляете себе, что с Таней будет — мало того, что за ребёнком, так ещё и за вами надо ухаживать. Она же с ума сойдёт. Не мучьте дочь-то. Уезжайте.

БАБКА. Вон как заговорил. Моя дочь. Что хочу, то и делаю.

МУЖЧИНА. Тогда я собираю вещи, и уедем мы.

БАБКА. Это неинтересно. Уже третьи будете. Где жить-то Тане, как не здесь?

МУЖЧИНА. Это дешёвая и гнусная спекуляция.

БАБКА. Что ж вы все вещи-то собираете, а? Всё, как по схеме.

МУЖЧИНА. Это ваша, Анна Петровна, схема. Это вы по своей воле одна останетесь. По-сво-ей. И ни по чьей больше.

БАБКА. Хоть и мужик, а нервный, как баба всё равно.

МУЖЧИНА. С вами поживёшь, ещё и не такое будешь говорить.

БАБКА. А если ты мужик сильный, тебе всё должно быть нипочём.

МУЖЧИНА. Мы уже договорились, что я не сильный.

БАБКА. И что Танька в тебе нашла — ума не приложу.

МУЖЧИНА. Ничего она во мне не находила. Просто встретились в потоке мерзкого мирского существования два ярких пятнышка и...

БАБКА. И в койку. Ребёнка делать.

МУЖЧИНА. Почти угадали. Только ребёнок был совершенно ни при чём.

БАБКА. Как назвать-то думаешь?.. Первенца?..

МУЖЧИНА. Это не важно. *(Собрал вещи)*.

БАБКА. Вы мне так одни стены оставите со своими сборами.

МУЖЧИНА. Зато это будут ваши стены. Личные. Такой гроб увеличенных размеров.

БАБКА. Язык твой поганый.

Явление 7.

БАБКИНА ДОЧЬ *(входит)*. Мама, ты всё-таки говоришь с Витей? О чём же?

БАБКА. Да вот не нарадуюсь, какой он у тебя уважительный к старшим.

БАБКИНА ДОЧЬ. Конечно. Вот видишь, выкатил тебя. *(Мужчине, увидев чемодан)*. А что, мы куда-то уезжаем?

МУЖЧИНА. Да. Анна Петровна отказалась от дома престарелых. Поэтому уезжаем мы. А она остаётся.

БАБКИНА ДОЧЬ *(кидается к Мужчине)*. Витя, зачем же так быстро?

МУЖЧИНА. Так всем будет лучше.

БАБКА. Граф Монте-Кристо собственной персоной. Банальность на банальности.

БАБКИНА ДОЧЬ. Мама, я Женю ездила навещать.

БАБКА. И что она?

БАБКИНА ДОЧЬ. Не хочет со мной разговаривать. Живёт чёрти как. Чем же я это заслужила? И к Вере в больницу ходила.

БАБКА. В какую больницу?

БАБКИНА ДОЧЬ. Ты забыла? В ту, которая... В которой... Ну...

БАБКА. Вспомнила. И что?

БАБКИНА ДОЧЬ. Выздоровливает потихоньку. Но говорит, что сюда не вернётся. Просила на кладбище к Кате сходить, могилку прибрать. Я сходила. Там тихо так, хорошо.

МУЖЧИНА. Тебе пора думать о себе. О нашем ребёнке.

БАБКИНА ДОЧЬ. Я о себе уж много думала. Для других я только делала,

а думала всё это время только о себе. Теперь пора по-новому.

МУЖЧИНА. Хорошо. Думай о других. Но делай для себя.

БАБКИНА ДОЧЬ (*смеётся*). Какой хитрый! Так всё было бы слишком просто. Нет. Надо по-честному.

МУЖЧИНА. Здесь по-честному нельзя. Не выйдет. Где угодно, только не здесь. Не с этой...

БАБКА. А я не поеду ни в какой дом! Что, съел?

МУЖЧИНА. Я уже решил, что уедем мы.

БАБКА. А я, что ж, одна останусь? Одна? Как же я одна буду, беспомощная? Ты уезжай, а Таня пусть остаётся.

БАБКИНА ДОЧЬ. Да, мама... Ты одна не сможешь. Никуда я не уеду.

МУЖЧИНА. Сможете, Анна Петровна, сможете. Вы ещё и не такое можете. А если надо, я вам приходящую домработницу найму. Она вам всё будет делать. Только чтобы мы друг друга не видели.

БАБКИНА ДОЧЬ. Чужого человека...

БАБКА. Откуда ж деньги-то у тебя? Или на Танины?

МУЖЧИНА. Ради такого дела можно и на работу устроиться. Чтобы только... Мне ведь не за себя, я ведь что... Мне Таньку жалко. Да, тебя, дура ты моя, тебя мне жалко, так, что кровь из носа. Мне тебя вытащить надо.

БАБКИНА ДОЧЬ. Любишь меня?

МУЖЧИНА. Да что за вопрос такой сопливый?!

БАБКА. Какая речь твоя, такой и вопрос.

МУЖЧИНА (*Бабкиной дочери*). Хочешь, чтобы я честно сказал? Не люблю. Ни чуточки. Ни капельки. И тебя не люблю, и ребёнка нашего тоже. Я, понимаешь ли, себя не люблю. Я что есть такое? Вошь в тельняшке! К кому прибьюсь, к тому и хорошо. Но я мужик, чёрт возьми! И люблю — не люблю, а заботиться должен.

БАБКИНА ДОЧЬ (*выволакивает из угла открытый чемодан с чашками внутри — звякают друг о друга*). Неужели совсем не любишь? Ну, ну и что... Зато я тебя...

БАБКА. Езжайте. Проживу. Не надо мне домработниц никаких.

БАБКИНА ДОЧЬ. Мама, ты же... ты же даже не ходишь.

БАБКА. Я-то? (*Кивает на Мужчину*). Он тебе потом расскажет.

БАБКИНА ДОЧЬ. Мама, ты н-нас обманывала?

БАБКА. А что с вами ещё делать? Ты, как внук родится, приезжай уж, не забывай. И на могилку к Кате, и в больницу к Вере похаживайте. Всё, видно, рассыпалось...

МУЖЧИНА. Ещё не всё. Вы не рассыпались. Вы ещё главного не поняли. Когда поймете, наконец — тогда всё. Конец дому.

БАБКА. Не поняла? Пойму. Думать буду и пойму. Не совсем же дура. Только ко я пойму, внутри рассыплюсь и жить по новой буду.

БАБКИНА ДОЧЬ (*одетая, с чемоданом*). Я... готова.

МУЖЧИНА (*быстро одевается, берёт у Бабкиной дочери чемодан*). Так идём.

БАБКИНА ДОЧЬ. Мама, ты прости меня. Не знаю, видно сама, что сейчас делаю...

БАБКА. Вон пошли. Не прощайтесь со мной.

Бабкина дочь и Мужчина уходят.

БАБКА (*встаёт, идёт к плите разогреть кастрюлю с супом*). Я пойму. Вот подумаю и пойму. А сейчас главное поесть хорошо. Супу. Чтоб силы были. Думать-то, оно ведь сложненько... Радио, что ль, включить? Да ну его. (*Помешивает суп*). Было пять баб, а осталась одна. А мужчина, как был один, так и остался... Или?... Да нет... Супу хочу... Супу... Я ещё пойму...

Явление 8.

Прошло четыре дня. На пороге пустого дома. Бабка и Дед.

БАБКА. Ты?

ДЕД. Я... блин.

БАБКА. Чего пришёл-то?

ДЕД. Шарик ваш это... уже месяц, как у меня живёт... Приблудился. Я, блин, привык к нему. Вот прийти решил... узнать, как... вести его обратно... или что?

БАБКА. Раз прибился, чего ж обратно... Пусть.

ДЕД. А где ваши все?

БАБКА. Кто?

ДЕД. Как кто — дочки, это, блин, внучки?

БАБКА. А нет никого. Одна я. Как есть, одна. Совсем — одна.

ДЕД. Это, может, найду я и того?..

БАБКА. Не буду я с тобой пить. И не надейся.

ДЕД. Одна... И я один.

БАБКА. Опять за своё. Я тебе раз уж дала от ворот поворот.

ДЕД. Так то ж сколько лет прошло...

БАБКА. Сколько б ни прошло. Я уж выбрала.

ДЕД. Что ты тут одна будешь? Не выживешь ведь.

БАБКА. Не выживу — умру. Поделом будет. Всех вытравила.

ДЕД. Ты ж не нарочно, блин. Жизнь так сложилась.

БАБКА. Жизнь человек складывает.

ДЕД. Тебе хоть с ним хорошо было?

БАБКА. Нет.

ДЕД. Ты ж молилась на него.

БАБКА. И молюсь. Выбрала б тебя тогда — был бы ты моей иконой... Я на

него молилась, а остальных выморозила. Получила, чего добивалась.

ДЕД. Чего казнишь-то себя? Вроде живая ещё.

БАБКА. Вроде... То-то и оно, что вроде.

ДЕД. Не пойму тебя.

БАБКА. Вот и Шарик к тебе ушёл. От меня. От меня — к тебе.

ДЕД. И ты иди.

БАБКА. Кто же здесь-то останется?

ДЕД. Никого.

БАБКА. Он останется. Нельзя. Нельзя его одного оставлять. Он не заслужил. Любил меня.

ДЕД. А я, блин?

БАБКА. Чего ты от бабы хочешь? Чтоб я решения принимала?

ДЕД. Поверила чтоб.

БАБКА. В кого?

ДЕД. В себя, блин.

БАБКА. Стара я уже, в себя-то верить.

ДЕД. Это никогда не поздно.

БАБКА. Думаешь?

ДЕД. Знаю.

БАБКА. А что... может, пойти к тебе? Смешно как-то выйдет. Да и что люди скажут?

ДЕД. Скажут, счастье у них.

БАБКА. Счастье... Что ж это, я счастливая буду, а дочки мои, внучки... внучка?

ДЕД. Станешь счастливая — и им лучше будет.

БАБКА. Не дойду ведь я. Ноги-то уж не те.

ДЕД. Я тебя, блин, на руках донесу.

БАБКА. И зачем я тебе нужна? Что делать-то будем с тобой?

ДЕД. Как что, блин?..

БАБКА. Я вот и спрашиваю: что?

ДЕД. Суп будем варить. Ты любишь ведь суп-то.

БАБКА. Какой?

ДЕД. А какой захочешь. Главное, чтоб вместе.

БАБКА. Вместе? Это хорошо... Сколько уж лет я ничего вместе не делала. Тем более суп. Суп... Бери меня на руки!

ДЕД (*берёт Бабку на руки*). Беру. Ох, тяжело-то как!

БАБКА. А ты думал? Держи теперь, раз уж взял. И — неси! Пойдём туда, где... дом.

Дед уносит Бабку.

Дверь бабьего дома остаётся распахнутой и скрипит на ветру, снег залетает внутрь и ложится там. Обмерзает бабий дом.

**Елена
Исаева**

Родилась 6 февраля 1966 года.
Живет в Москве.

Окончила факультет журналистики МГУ.
Автор пьес «Мой знакомый уголовник» (1995),
«Абрикосовый рай или сказка о женской
дружбе» (1997), «Юдифь» (1998), «Счастливый
Моцарт» (при участии В.Поплавского, 2000)
и других.

Лауреат Всероссийского конкурса журнала
«Современная драматургия» (1997), лауреат
премии Союза писателей «Дебют»
и молодежной премии «Триумф» (2002).
Автор многих инсценировок для радио и трех
сборников стихов.

На конкурс представила пьесу «Про мою маму
и про меня» (первая премия и специальный
приз «Радио России»).

**Действующие
лица**

Лена.
Мама.
Мужчина.
Женщина.
Парень.
Баба Рая.

Про мою маму и про меня

школьные сочинения

в двух действиях

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

На сцене обстановка аскетичная. Всё, что минимально будет потом необходимо для действия. Стол, шесть стульев (по количеству действующих лиц, чтобы все могли сесть), диван, на котором, поджав ноги, сидит Мама — читает книжку и ест конфеты.

В глубине сцены — дверной косяк и дверь, то есть не дверь ведущая в другое помещение, а обозначение двери. Много на сцене будет происходить, а обозначаться — как в детской игре.

Лена что-то пишет за столом.

Она встаёт, отрываясь от своей тетрадки, выходит на авансцену и говорит, обращаясь к зрителям, сразу приглашая их в собеседники.

ЛЕНА. Каждый человек чего-то хочет от жизни. Когда мне исполнилось 10 лет, я впервые задумалась — чего же хочу я. «Хочу стать известной!» —

шепнул мне внутренний голос. Интересно, почему у людей такая тяга к славе? Тогда я не задавала себе этого вопроса, я просто хотела чего-то достичь. Оставалось определить — чего. То есть поставить цель, к которой я потом должна буду всю жизнь стремиться. Итак, я твёрдо была уверена, что, во-первых, жизнь без цели — пуста, и, во-вторых, что за интересную, яркую жизнь надо бороться. Прежде всего — с собственной ленью, то есть практически — с самой собой. Потому что из художественной литературы я знала, что все замечательные люди очень много трудились, прежде чем чего-нибудь достичь. Надо было только найти поприще, на котором эту лень преодолевать.

(Маме). Мам!

МАМА (отрываясь от книжки). А?

ЛЕНА. Вот ты — когда была маленькой — ты мечтала стать знаменитой?

МАМА. Я?.. Я не мечтала.

ЛЕНА. Почему?

МАМА (опять углубляясь в книгу). Я не мечтала, я была уверена, что стану.

ЛЕНА. Ну?.. И ведь не стала?

МАМА. Ещё всё впереди. Какие мои годы?

ЛЕНА (зрителям). Мне-то казалось, что уже поздновато. (Маме). А... кем? Ну, то есть в какой области ты собираешься стать знаменитой? Как — кто?

МАМА. Как это — как кто? Как мать гениального ребёнка, естественно.

ЛЕНА. То есть — как моя?

МАМА. Ну, да. Но, вообще-то, дорогая,

«Быть знаменитым — некрасиво.

Не это поднимает ввысь...»

ЛЕНА. Хорошо ему было, Пастернаку, рассуждать, когда он уже и так был знаменитый поэт, и Нобелевку ему присуждали!

МАМА. Не спорь с классиками, а покажи — на что ты сама способна. И, знаешь, хорошо бы ты не просто стала знаменитой (знаменитой ведь можно стать и из-за какого-нибудь скандала), а хорошо бы ты попутно приобрела какую-нибудь стоящую профессию — и вот в ней уже прославляйся сколько душе угодно!

ЛЕНА. А ты как думаешь — где надо начинать пробовать себя?

МАМА. Там, где тонко.

ЛЕНА. Как это?

МАМА. Ну, где тебе легче всё даётся.

ЛЕНА (в зал). Музыка мне далась не очень. Пока я учила аккорды к песням — всё было отлично, но когда выяснилось, что ещё существует сольфеджио и прочее такое — я поняла, что стать великим композитором у меня не хватит никакого терпения. (Музыка Моцарта, которая

постепенно переходит в какой-то блатной мотивчик). И в первом классе, когда училась на фортепиано, и в седьмом, когда училась на гитаре. На гитаре, вообще не заладилось, потому что учительница выбрала меня в confidentки, и мы всё время говорили про любовь. На сцену выходит Женщина с гитарой, садится на стул в противоположном от мамы углу сцены, берёт несколько аккордов, потом передаёт гитару Лене. Лена поёт: «Мой костёр в тумане светит».

ЛЕНА (*прерывает песню на взлёте*). Она спрашивала:

ЖЕНЩИНА (*поправляя Лене постановку пальцев*). Как ты думаешь, если мы с ним видимся раз в неделю — это любовь?

На сцене появляется Мужчина лет 45-55-ти. Он подходит к Лене, забирает гитару и отходит с гитарой вглубь сцены, что-то наигрывает. Женщина преданно смотрит ему вслед.

ЛЕНА. Она была уже пожилая и довольно полная дама, и по моим тогдашним представлениям о мировой гармонии ей любовь вообще уже не полагалась. Поэтому, раз кто-то с ней виделся раз в неделю и после, придя на занятия, она светилась, как сто тысяч солнц, наверное, это была любовь. И я честно говорила: (*Женщине*). Да. (*В зал*). И она у меня классику не спрашивала, а учила меня петь...

«Шаланды полные кефали...»

Лена и Женщина самозабвенно поют. Мужчина аккомпанирует им на гитаре. Мама с дивана подпевает.

ЛЕНА (*в зал*). После неудачи с музыкой я ринулась в спорт. У нас в классе самая стройная девочка была Ленка Леонова, потому что она занималась художественной гимнастикой. Она всегда ходила так прямо, как будто кол проглотила (*Демонстрирует*). Я попросила — Ленка взяла меня с собой на занятие.

Мужчина устанавливает магнитофон, вставляет туда кассету с какой-нибудь классикой, под которую можно заниматься и включает. Женщина на глазах распрямляется, молодеет, даже худеет, — преображается в тренера.

ЖЕНЩИНА (*хлопая в ладоши*). И-раз, и-два! И-раз, и-два!

Лена двигается по залу в такт музыке, повторяя за тренершей одно гимнастическое упражнение за другим. То прыгает на одной ноге в позе ласточки, то кружится, то просто поднимает и опускает ногу — как у станка. Получается это всё довольно неуклюже, хотя она и старается.

ЛЕНА. Я крайне добросовестно повторяла за девочками все движения, но в конце урока мне объявили:

ЖЕНЩИНА. Для нашей группы ты, к сожалению, не подходишь — мы уже ушли вперёд. Тебе надо в младшую группу.

Мужчина вырубает магнитофон, опять берёт гитару, садится на стул в глубине сцены. Он наигрывает какие-то блатные мелодии, а женщина вокруг него продолжает выделять гимнастические фигуры — всё это на заднем плане — в глубине сцены.

ЛЕНА (Маме). В младшую группу я не пойду.

МАМА (отрываясь от книжки). Почему?

ЛЕНА. Потому что они занимаются в другое время, а без Ленки ходить скучно.

МАМА. Только из-за этого?

ЛЕНА. Ты не видела, как Ленка на шпагат садится! И вообще! Я никогда не буду такой гибкой и ловкой, как она, а тогда — зачем?

МАМА. А вдруг будешь? Подумаешь — шпагат! Это дело тренировки!

И Женщина, и Мужчина пытаются сесть на шпагат. У них не очень получается.

ЛЕНА. Да ты знаешь, как это трудно?! (Пытается сесть — у неё не выходит). Ты сама-то попробуй!

МАМА (понимая, что в данный момент спокойно не просуществуешь, поскольку ребёнок требует активных действий, откладывает книгу). Запросто.

Мама пытается сделать шпагат, у неё явно нет к этому никаких данных.

ЛЕНА. Вот видишь!

МАМА. Безвыходных ситуаций не бывает!

Мама проворно вскакивает, некоторое время мечется по сцене, что-то ища или вспоминая, потом лезет под свой диван, достаёт оттуда длинный зимний сапог и опять опускается на пол. Одну ногу она оттягивает, как в шпагате, а другую сгибает в коленке и приставляет к коленке сапог — носком вперёд.

МАМА. Чем не шпагат?

Лена вздыхает, подходит к Маме, обнимает её, целует.

ЛЕНА. Можно, я не буду гимнасткой? Ты не очень расстроишься?

Мама тоже вздыхает, тоже обнимает Лену, тоже целует.

МАМА (без уверенности в голосе). Может быть, тогда в артистки? Я объявление прочла — набор в драмкружок у нас в ЖЭКе — на горке.

Правда, в артистки мне не очень нравится.

ЛЕНА. Почему?

МАМА. Да какие-то они все неприкаянные. Настоящие артистки...Одно горение ради искусства.

Мама возвращается на свой диван.

Мужчина начинает наигрывать «Вместе весело шагать по просторам...» Они с Женщиной тихонько поют эту песенку.

ЛЕНА (*в зал*). Я сходила в этот кружок три раза. На третьем занятии стали распределять роли в «Двенадцати месяцах». И мне — вместо Королевы или, на худой конец, Падчерицы, предложили играть...

ЖЕНЩИНА. Январь-месяц. Братец январь. Да? Ты не возражаешь?

ЛЕНА. Это который самый старый? С бородой?

ЖЕНЩИНА. Но ведь и ты у нас в кружке по росту выше других, и помудрее, я бы сказала... Это роль не простая. Ответственная роль. Сложная, интересная. Характерная! Она откроет в тебе самой много нового! Вот увидишь! (*Мужчина старательно поддерживает женщину, кивая головой и наигрывая на гитаре*).

ЛЕНА. Но у меня... голос... совсем не грубый... Тонкий совсем...

ЖЕНЩИНА. Ничего! Надо уметь перевоплощаться! Будешь работать над собой! Главное — захотеть!

ЛЕНА (*в зал*). Я, как вы понимаете, не захотела.

МАМА (*с новой силой*). Ну, и не расстраивайся! Что это ещё за феминизм с раннего детства — самим мужиков играть?! Что это за театр, где ни одного мальчика? Нечего туда ходить!

ЛЕНА (*близка к слезам*). А куда ходить?

МАМА (*воодушевляя*). Ну... Вот... Сочинения у тебя хорошо получаются. Может, в литературный кружок? И ездить никуда не надо — прямо в школе. После уроков... Вдруг ты будешь писателем... или там... поэтом...

ЛЕНА. Да ты что! Я же как мучительно долго сочиняю! С поэтами так не бывает. Пушкин в Лицее «Руслана и Людмилу» начал! А я — что?

МАМА. А как же это... Ну, когда ты учебник-то истории на стихи переключала... Как там? (*Вспоминает*).

«Во Франции гремело
Столетнее сражение,
И Франция терпела
Всё время поражение!»

По-моему, замечательно!

ЛЕНА. Чего тут замечательного? Сплошной учебник истории и никакого жизненного опыта.

МАМА. Нормально! Очень даже грамотно поступаешь! Пока нет опыта — овладевай техникой, шлифуй язык, так сказать, оттачивай мастерство! Зато когда тебе уже будет что сказать — своего — опытного — ты уж как скажешь, так скажешь!

«Любимый твой споткнулся
И замертво упал!

(*Смотрит на Мужчину, требуя от него моральной поддержки, что, мол, стихи, действительно, сильные, действуют. Мужчина тут же спотыкается и падает на пол*).

Кто рядом был — нагнулся
И знамя поддержал!

МУЖЧИНА (*с пола*).

Но Сарагоса дышит!
Хотя и вся в огне!
И ветер НАШ колышет
Флаг на её стене!

ЖЕНЩИНА (*Лене*).

Не плачь же, Инезилья!
Будь мужества полна!
В стране идёт герилья -
Народная война!»

МАМА. Рифмы какие! Инезилья — герилья! Евтушенко бы лопнул от зависти!

ЛЕНА (*тихо*). Ты просто меня очень любишь.

МАМА. Было бы странно, если б я тебя не любила! Именно поэтому я всегда говорю тебе правду! Ты — самая красивая, талантливая, умная, добрая, самая чудесная девочка на свете! Чем скорее ты в это поверишь, тем лучше для тебя!

Мужчина и Женщина поют какую-то революционную испанскую песню.

ЛЕНА (*в зал*). Наш кружок назывался...

ЖЕНЩИНА (*учительским тоном, словно она диктует*). «Те-о-ри-я и прак-ти-ка сочинений разных жанров».

ЛЕНА. И вела его наша учительница литературы. Когда она к нам первый раз пришла в седьмом классе и проверила первое контрольное сочинение, то мне была поставлена...

ЖЕНЩИНА. Двойка.

ЛЕНА. Причём, единственная в классе. На моё робкое «почему» при гробовом удивлённом молчании всего класса, она пояснила:

ЖЕНЩИНА. Абсолютно всё откуда-то списано!

ЛЕНА. Класс с облегчением выдохнул и загалдел:

МУЖЧИНА. Да вы что! Вы её не знаете!

МАМА. Она сама так пишет!

ЛЕНА. Потому мне не очень хотелось в её кружок, но ведь я решила себя воспитывать и преодолевать. А областей для знаменитости больше просто не осталось. В естественных и точных науках я была абсолют-но ни бум-бум.

МАМА. Мальчики-то там есть?..

На сцену выходит Парень, кивает головой.

ЛЕНА (*посмотрев на него, Маме*). Один точно есть... А может, даже два... (*В зал*). — добавила я, чтобы не расстраивать маму, а то вдруг она решить, что из-за одного ходить не стоит. (*Спохватившись, Маме, возмущённо*). Ну, при чём тут мальчишки-то?!

На сцену выходит с коробкой пирожных в руках или с зефиром Баба Рая — соседка. Она угощает всех присутствующих и подсаживает к Маме за стол — пить чай.

БАБА РАЯ. Мать потому что заботится, чтоб ты гениальность свою правильно употребила! Стала б гениальной женой. Или гениальной матерью, к примеру.

ЛЕНА. Баба Рай! Я ж ещё маленькая!

МАМА. Женское обаяние надо тренировать с детства!

БАБА РАЯ. Вот именно! А то когда применять надо будет — тренироваться уже поздно!

МАМА. Тяжело в учении — легко в бою! Ну-ка, попробуй!

Лена нерешительно подходит к Парню. Он листает книжку.

ЛЕНА. А ты какую книжку больше всего любишь?

ПАРЕНЬ. «Спартак» Джованьоли.

МАМА. Ну, эту ты наизусть знаешь!

ЛЕНА (*делая Маме знак — молчать*). А она — про что?

ПАРЕНЬ (*не глядя на неё*). Возьми да почитай.

Лена огорчённо отходит. Все рассаживаются по стульям, сдвигая их поближе к Женщине.

ЖЕНЩИНА. Все собрались?

ВСЕ. Все. Все. Здесь.

ЖЕНЩИНА. Очень хорошо. Значит так. Тема сегодняшнего занятия: тема и основная мысль сочинения. Как по-вашему — что такое тема?

ЛЕНА. Это то, о чём говорится в сочинении.

ЖЕНЩИНА. Правильно. Это, во-первых, жизненный материал, взятый для изображения, а, во-вторых, общественная проблема, затронутая в произведении... А что такое — основная мысль? Основная мысль и идея произведения — это ответ на поставленный в теме вопрос, разрешение темы, так сказать. Идея может быть выражена...

БАБА РАЯ. Непосредственно авторским высказыванием.

ПАРЕНЬ. Репликой персонажа.

ЛЕНА. Эпиграфом.

МУЖЧИНА. Названием.

МАМА. Не формулируется, а закономерно вытекает из системы образов и событий.

ЛЕНА (*в зал*). О! Вот это мне подходит больше всего. Не люблю формулировать! Пусть читатели сами догадываются — о чём я там хотела сказать!

ЖЕНЩИНА. Дальше! Следовательно, заглавие — это форма сжатого обозначения темы. Например — «Капитанская дочка», «Горе от ума»...
Все называют названия, кроме Лены. Названия — какие угодно. Можно из репертуара того театра, где будет ставиться пьеса.

ЖЕНЩИНА. Правильно. Теперь первое задание. Самое простое. Описать какой-нибудь случай из вашей жизни — чтобы тема была заявлена в названии рассказа и чтобы он обязательно содержал основную мысль.

ЛЕНА. «КАК Я ХОДИЛА ДАРИТЬ КУКЛУ».

Все поворачиваются к ней и ждут рассказа.

ЛЕНА (В зал). Мне мама всегда внушала:

МАМА. Дарить надо что-нибудь такое, что тебе самой дорого. А иначе подарок не имеет смысла. Получается: дай вам, Боже, что нам самим не гоже.

ЛЕНА. Я это помнила. Мне было пять лет, и у моей подружки из дома напротив — Ленки Домблянкиной — был день рождения. Она его не справляла, и в гости меня никто не звал, но мне очень хотелось её поздравить и что-нибудь подарить — чтобы непременно дорогое. Я стала перебирать — что же мне дорого...

Все, присутствующие на сцене, начинают предлагать Лене что-нибудь, по их мнению, дорогое. Мужчина протягивает гитару, Баба Рая — оставшиеся пирожные, Женщина — коньки, Парень отцепляет от футболки значок с любимым хоккеистом. Когда Лена отрицательно мотает головой, он удивлённо пожимает плечами: «Третьяк же!» Мама предлагает любимую книжку — «Дикие лебеди» — и произносит название. Лена всё отвергает, идёт за мамин диван и оттуда вывозит игрушечную коляску с куклой, вынимает куклу из коляски.

ЛЕНА. Особенно дорогой и любимой оказалась кукла с красным пластмассовым бантом на голове. Бант был прочно к ней приделан и вертелся во все стороны, как пропеллер. А когда я снимала с куклы все одёжки, то она оставалась совсем голая, но — с бантом!

МАМА. Ты уверена? Ведь ты же её очень любишь.

ЛЕНА (в зал). Дарить так дарить! Я решила. Я вынула её из коляски, посмотрела прощальным взглядом и понесла в соседний дом, в четвёртый подъезд, на четвёртый этаж, как сейчас помню. Но Ленка Домблянкина не подозревала, что её хотят осчастливить и не сидела в ожидании дома, а дверь открыла её мама. Симпатичная молодая женщина с ироничным прищуром на жизнь. Это теперь я понимаю, что она была симпатичная и молодая, а тогда мне казалось, — взрослая, слегка удивлённая тётя.

ЖЕНЩИНА. А Лены нет.

ЛЕНА (*Женщине*). Извините. (*В зал*). Дверь закрылась. Я стала медленно спускаться по лестнице, облегчённо вздохнув, что расставание с куклой отменяется.

ПАРЕНЬ. Эх, ты! Не умеешь довести дело до конца. А ещё говоришь, что силу воли в себе воспитываешь!

ЛЕНА. Я вернулась. (*Женщине*). Извините. Если её нет... вы ей тогда передайте. (*Протягивает куклу*). Я её поздравляю с днём рождения.

ЖЕНЩИНА (*берёт куклу*). Спасибо, деточка. Я обязательно передам.

ЛЕНА (*в зал*). Я вышла из этого пятиэтажного подъезда, где каждая стена была знакома до чёрточки, совершенно убитая. Я бродила по двору и на меня накатывало беспощадное понимание того, что у меня уже никогда не будет куклы с красным бантом. Хотя бант этот ужасно мешал — нельзя было надевать ей на голову шапочки, а шапочек, как на зло, целая куча, и все красивые, разноцветные. Но всё равно. У меня не будет, а будет у Ленки, которой, может, эта кукла и вовсе не нужна, у которой, может, есть другие — любимые, а эта не любимая, а просто так. Будет ждать своей очереди — пока с ней поиграют. Разве она для Ленки что-нибудь значит? Ленка не ходила с ней к зубному и на море с собой не брала, а я брала и чуть её там не утопила. Нет, это всё неправильно, что надо дарить то, что дорого. Как это можно дарить то, что дорого? То, что дорого, с этим нельзя расставаться — а если можешь расстаться, то какое же оно дорогое?.. Я вернулась. Я чувствовала, как от стыда горят щёки, но на что только не пойдёшь ради того, что дорого... (*Женщине*). Извините, пожалуйста... Вы не могли бы мне отдать её обратно?.. Просто... это моя любимая кукла.

ЖЕНЩИНА. Конечно, деточка, возьми.

ЛЕНА. Какая понимающая мама у Ленки Домблянкиной! Она даже ничего больше не сказала — протянула куклу и улыбнулась. Успокоенная, я пришла домой.

МАМА. Что ж? Не подарила?

ЛЕНА. Подарила... но потом обратно взяла...

МАМА. Как это?

ЛЕНА (*в зал*). Я рассказала. И уже по мере рассказа понимала, как ужасно я поступила. Я забрала обратно подарок! Это позор и жуткое малодушие, и жадность, и уж какая там сила воли... И всё-таки всё это я была согласна принять на свой счёт и пережить как-нибудь.. только не самое страшное...

МАМА. Иди — верни...

ЛЕНА (*в зал*). Вернуться туда ещё раз было выше моих детских сил. Я вернулась. (*Женщине, еле слышно*). Извините, пожалуйста. Всё-таки...

возьмите, пожалуйста, — *(В зал.)* прошептала я, почти бессильной рукой протягивая куклу. Я ей так никогда имени и не придумала. Кукла и кукла.

ЖЕНЩИНА. Может, не надо, деточка?

ЛЕНА. Нет... Это Лене... на день рождения... *(В зал.)* Я опять вышла во двор, села возле песочницы и вспомнила другую свою подружку — Людку Баканчеву. Она тоже ещё в прошлом году подарила мне на день рождения куклу, гораздо красивее, чем эта. Но людкина кукла у меня не была любимой — так, на вторых ролях. А Людка часто ко мне приходила и играла с ней. И мне всё казалось, что она ходит ко мне не из-за меня, а из-за этой куклы. Я к Ленке Домблянкиной играть больше никогда не ходила... Ну, что? Основная мысль из текста вытекает? Формулировать не надо?

ЖЕНЩИНА. Теперь возьмём задание посложнее. Сочинение-рассуждение! Суть такого сочинения в обосновании истинности и правдивости какой-либо основной мысли другими суждениями. В рассуждении должно быть три части: первая часть содержит основное положение, основную мысль, которая будет доказываться. Вторая часть — доказательная, которая содержит аргументы. И третья часть — вывод. В качестве доказательств могут быть использованы различные факты — из собственной жизни, из жизни близких и знакомых, из литературных источников, цитирование, сопоставление, логические умозаключения. Доказательства должны быть убедительными и развёрнутыми. В качестве доказательств не должны приводиться мелкие, случайные факты. Подробности должны иметь прямое отношение к доказательству основной мысли... Все всё поняли?

ВСЕ. Все! Всё!

ЖЕНЩИНА. Итак, мы пишем сочинение-рассуждение на тему «Каким должен быть настоящий художник?» Доказываемый тезис: «Искусство нужно делать чистыми руками!»

МАМА. Лен, но ведь это же, кажется, не про искусство было сказано, а про революцию. Ну... Дзержинский что ли говорил: «Революцию нужно делать чистыми руками». Хотя, может быть, я ошибаюсь.

ЛЕНА. Mam, что мне с ней спорить что ли? Как продиктовала, так и напишем. Что посеешь — то пожнёшь. *(В зал.)*

«ИСКУССТВО И ЕГО СОЗДАТЕЛИ».

Часть первая. Главным видом искусства для меня с детства было документальное кино. Потому что Мама работала в киноотделе при Министерстве речного флота и писала сценарии научно-технических

документальных фильмов. И однажды я даже демонстрировала в кадре «комфортабельность пассажирских дизель-электрорходов проекта 785, то есть — листала журнал, сидя в мягком кресле, смотрела телевизор в кают-компании, кормила с палубы чаек. А как-то раз Мама делала фильм про Петрозаводский Клуб юных моряков — КЮМ, то есть — и доверила мне написать песню для этих самых моряков, которые потом своими красивыми мальчишечьими голосами её пели за кадром. А в кадре — бригантину уплывала в море на фоне белых облаков. И я эту песню сочинила, и фильм сняли, и озвучили. Там ещё такие слова были:

«Мы уходим с тобой далеко

На большом, как мечта, корабле!»

(Цитирование, между прочим). И я маму очень упрашивала показать — как там всё получилось. И Мама, наконец, взяла меня с собой на работу — прокрутить плёнку. Да, самое главное! Я всегда знала, что все мамины сослуживцы — люди в высшей степени творческие, достойные, уважаемые, как раз те, кто — что называется — с «чистыми руками» создают своё виртуозное искусство!

Все остальные действующие лица в это время создают на сцене антураж киноотдела. Откуда-то появляется проектор, коробки с плёнками, папки со сценариями, небольшой экран.

Когда всё уже готово, Мужчина ставит на стол пустую бутылку водки, телефон из-под стола ставит на стол, садится за стол, кладёт руки на стол, на руки — голову и спит, сладко посапывая.

Парень, Баба Рая и Женщина разбредаются в «свои» углы сцены, ожидая своего выхода.

Парень снимает школьную куртку, вешает её на свой стул.

У Женщины рядом с её стулом в левом углу на авансцене — телефон.

Мужчина спит, телефон звонит над его ухом — разрывается. Это Парень из телефонной будки пытается дозвониться в киноотдел. Мужчина, не открывая глаз, берёт телефон, опять ставит его на пол — подальше от себя, и продолжает спать. Телефон замолкает. В киноотдел «входят» Мама и Лена.

ЛЕНА. Часть вторая.

МАМА (ещё не видя Мужчину). Вот — смотри. Тут мы и обитаем. Главное — от начальства на отшибе. (Поёт). «Всё спокойненько, всё пристойненько, исключительная благодать!» (Быстро находит среди коробок с плёнкой — нужную).

Лена смотрит на Мужчину.

ЛЕНА. А это кто?

МАМА. Ой... *(На секунду озадачивается, но потом как в порядке вещей)*.

Тише. Это Филя... спит.

ЛЕНА. Он тут что... с вечера?

МАМА. Не исключено.

ЛЕНА. А... почему?

МАМА. Ну... всякое бывает. Творческий процесс.

Мама набирает номер телефона. Трубку берёт Женщина.

МАМА *(тихо)*. Сонь... Тут... Твой... спит.

ЖЕНЩИНА. Нажрался что ли?

МАМА. Вроде — да.

ЖЕНЩИНА. Ну и что?

МАМА. Может, приедешь — заберёшь его? А то у меня сегодня показ в Министерстве — я уеду.

ЖЕНЩИНА. Ну и уезжай. Хрен с ним.

МАМА. Как? Бросить его тут?

ЖЕНЩИНА. Кать, ты посмотри: у него в карманах — деньги есть? Осталось чего от командировочных?

МАМА. Сонь, по карманам я лазить не буду.

ЖЕНЩИНА. Тогда запрети его там — пусть ночует. Мне он тут в пьяном виде вовсе не нужен.

ЛЕНА *(в зал)*. Мелкие случайные факты.

Женщина кладёт трубку. Мама тоже.

Тут же опять звонит телефон.

Это Парень. Он говорит из автомата в углу сцены.

МАМА *(тихо, почти шёпотом)*. Алё.

ПАРЕНЬ. Кать, это я!

МАМА *(очень тихо)*. Привет.

ПАРЕНЬ. Что?! Ничего не слышно! Это я — Женя! Я с вокзала!

МАМА. Я слышу-слышу.

ПАРЕНЬ. Я взял билет на вечер!.. Ты что так тихо говоришь?

МАМА. Филя спит.

ПАРЕНЬ. Что?!

МАМА. Филя спит.

ПАРЕНЬ. Спит?! У него командировка! Вы что там все? Забыли?

МАМА *(сердито)*. Не ори. Какой правильный. Взял — и молодец. Приезжай — будем такси ловить.

ПАРЕНЬ. Мне что — больше всех надо? Я что — нянька?

МАМА. Ну, мы же не можем сорвать командировку. Это же скандал. Погрузим его как-нибудь.

ПАРЕНЬ *(уже спокойней)*. Ладно, жас... Кать, а ты в курсе, что к нему в три часа дама из Министерства приедет? Знакомиться с гением!

МАМА. Как? Сюда?

ПАРЕНЬ. Татьяна Петровна, кажется. Я тебе забыл перезвонить — замотался. Она ещё с утра тебя искала — чтоб ты к ней не ездила, что она сама придет — увидеть оператора, посмотреть, где шедевры создаются...

МАМА. Жень, приезжай скорее, а? Что я тут одна буду делать?

Разъединяются.

Мама в ужасе. Смотрит на часы. Лена — на Маму.

МАМА. Так... Надо спасти репутацию отдела...

Мама отпирает ключом дверь, которая стоит в глубине сцены в пол-оборота к зрителям. (Дверной косяк и дверь — чистое обозначение.)

ЛЕНА. Это что?

МАМА. Это кладовка.

Мама вместе с Леной перетаскивают стулья от стола в кладовку, ставят их в ряд, делая кровать. Потом Мама и Лена с двух сторон берут Филю подмышки, пытаются приподнять.

МАМА. Ну, давай, миленький, не подведи. Премия и всё такое. Давай. Тут недалеко. Всего несколько шагов. Ты же молодец, умница, талантище...

Филя с закрытыми глазами, что-то мыча, всё же подчиняется, позволяет себя отвести за дверь и уложить на стулья. Поджимает под себя ноги и засыпает с блаженной улыбкой.

Мама закрывает дверь и запирает.

ЛЕНА. Mam, а он там не задохнётся?

МАМА. Не задохнется. В крайнем случае — припадёт к замочной скважине — она большая.

ЛЕНА. Mam, а вдруг он проснётся и подумает, что его замуровали, как в древности?

МАМА. Не трепещи меня! Пусть думает, что хочет, только бы тихо сидел.

Молчат. Мама стоит спиной к двери, как бы защищая её от всего внешнего мира.

ЛЕНА. «И воцарилась тишина,
Согретая дыханьем зала,
И вся Советская страна
За этой девочкой стояла».

И вдруг в полной воцарившейся тишине раздаётся отчётливый счастливый хrap Филя. Лена и Мама переглядываются.

МАМА. Магнитофон!

ЛЕНА (В зал). Логическое умозаключение!

Лена бежит к магнитофону, врубает музыку. В течение следующей

сцены она постоянно делает музыку то тише, то громче — в зависимости от контекста.

В киноотдел «входит» Баба Рая — дама из министерства.

БАБА РАЯ. Здравствуйте, Катя.

Мама, заметив, что со стола не убрана бутылка, бросается к Бабе Рае, заслоняя собою стол и делая у себя за спиной руками отчаянные знаки Лене — мол, убери бутылку.

МАМА. Ой, здравствуйте, Татьяна Петровна. Да я бы сама привезла.

БАБА РАЯ. Да я тут должна была быть недалеко. По делам. Как вы меня весело встречаете! Музыкой!

Лена лихорадочно прячет бутылку под стол.

МАМА. Да! У нас тут всегда весело. Работа такая!

БАБА РАЯ. Я звонила с утра. Ваш осветитель сказал, что Феликс будет в три. Я, наконец, решила познакомиться и, заодно, забрать плёнку.

МАМА. А-а.

БАБА РАЯ. Мы с ним всё по телефону да по телефону. Он очень обаятельный. И такой эрудит.

МАМА. Да-а! Он такой! На любую тему — часами!

БАБА РАЯ. Вот-вот. О монтаже Эйзенштейна...

МАМА. Проходите, пожалуйста... Это — моя дочка.

ЛЕНА. Здравствуйте.

БАБА РАЯ. Похожа на вас... Я видела два его фильма. Вот — про новый ледокол. Там так снято! Камера плывёт над самыми льдами! Как он это сделал?

МАМА. Это он с борта свесился. Женя его на ремнях держал. Мы потом за этот фильм диплом получили и медаль. Фильм у нас, вообще, весь в медалях ВДНХ, как бык-рекордист. Ой, извините.

БАБА РАЯ. А другой фильм — про погрузку. Как снято! Мешки ведь прямо на камеру падают сверху!

МАМА. Это он в трюм лёг — на самое дно и велел, чтобы мешки на него бросали.

БАБА РАЯ. Ведь это опасно!

МАМА. А он ничего не соображает, когда снимает. Он в творческом транссе. Для него ничего не существует — только картинка!

БАБА РАЯ. И этот фильм — про юных моряков. Думаю...

МАМА. Тоже совершенно замечательный!

Баба Рая проходит, наконец, на середину сцены, оглядывает помещение, смотрит на часы. Голос её меняется на начальственный.

БАБА РАЯ. А он, собственно, где?

Мама хватается коробку с плёнкой фильма, который собиралась позвать Лене.

МАМА. Вот! Копия — специально для вас. В целости и сохранности.

БАБА РАЯ. Понятно. Спасибо. Феликс — где?

МАМА. Вы знаете, Татьяна Петровна, тут такая накладка приключилась.

Дело в том, что он срочно уехал...

БАБА РАЯ. То есть?

МАМА. В командировку. В Шостку. За плёнкой. Неожиданно... Он думал, что на завтра билеты возьмёт, а там на завтра не оказалось уже, а на послезавтра нам уже поздно — у нас же график, съёмки. Только на сегодня билеты были. Ну, он и поехал прямо сразу. Позвонил мне с вокзала — что садится в поезд. Очень просил перед вами извиниться!

БАБА РАЯ (*резко погрустнев*). Да?

МАМА. Переживал! Расстраивался! Буквально перед вашим приходом звонил.

БАБА РАЯ (*пытаясь казаться весёлой*). Значит, не судьба!

МАМА (*на той же искусственно весёлой ноте*). Значит, в другой раз!

«Вбегает» Женщина.

ЖЕНЩИНА. Ну? Где он?

МАМА. А... Познакомьтесь, пожалуйста. Это вот Татьяна Петровна. Наш куратор из министерства...

Женщина «осаживает», умиряет свой темперамент, вежливо улыбаясь.

ЖЕНЩИНА. Здравсьте.

БАБА РАЯ. Здравствуйте.

МАМА. А это Софья Михайловна — жена Феликса... Я вот только что сказала Татьяне Петровне, что Феликс уехал в Шостку. Билеты были только на сегодня. Неожиданно уехал.

ЖЕНЩИНА (*понимающе*). А-а...

БАБА РАЯ (*Женщине*). У вас очень талантливый муж. Необыкновенно.

ЖЕНЩИНА (*подозрительно*). Да? (*Принюхивается к духам Бабы Раи*).

БАБА РАЯ. Нет-нет. Я знаю, что говорю. Я не мало фильмов пересмотрела. У него редкий дар. Взгляд... детский, я бы сказала. Он видит мир так открыто, так искренне! В таких потрясающих деталях, которые может заметить только ребёнок или очень непосредственный человек, сохранивший в себе детство.

ЛЕНА (*в зал*). Убедительные доказательства. И развёрнутые.

БАБА РАЯ. Незамутнённый ещё глаз, незамыленный.

ЖЕНЩИНА. Незамутнённый?

БАБА РАЯ. Именно! У вашего мужа уникальные операторские данные! Ему бы на «Мосфильме» работать, а не в этой... конторе.

ЖЕНЩИНА. Так он там и работал!

БАБА РАЯ. А что же ушёл?

ЖЕНЩИНА. Так его...

МАМА. Его там совершенно не ценили, Татьяна Петровна. Знаете, всё на вторых ролях, всё помощником оператора. А у нас он всё-таки сам снимает — сам себе хозяин. Никто творческий полёт не останавливает, не обрубают художнику крылья.

БАБА РАЯ. Ну да. Тоже верно.

«Входит» Парень.

ПАРЕНЬ. Здравсьте.

МАМА. Ты уже посадил Феликса на поезд?

ПАРЕНЬ. А?.. Да... Всё... Ту-ту...

МАМА (*облегчённо*). Ну, вот.

БАБА РАЯ (*Женщине*). Приятно было познакомиться.

ЖЕНЩИНА. Мне тоже.

БАБА РАЯ (*Лене, подмигивая*). Хочешь, наверное, артисткой быть? В кино сниматься, а? (*Маме и Парню*). Всего хорошего. Как плёнку посмотрю — сразу позвоню.

Баба Рая уходит.

ЖЕНЩИНА. Духи, вроде, не эти.

МАМА. В смысле?

ЖЕНЩИНА. Позавчера полчетвёртого утра пришёл на рогах — весь женскими духами пахнет, просто как клумба. Вроде не эти.

ПАРЕНЬ. Может, он их пил. А ты сразу обвинять!

ЖЕНЩИНА. Куда мужика-то моего дела?

ПАРЕНЬ (*Лене*). Чего музыка орёт? Выключь. И так башка трещит... от нервов.

Лена выключает магнитофон.

Слышно мерное похрапывание Фили.

Женщина подходит к двери, ударяет по ней кулаком.

ЖЕНЩИНА. Вот паразит!

Мама отпирает дверь.

ПАРЕНЬ (*трясёт Филю*). Просыпайся! Тебе ехать! Я за такси пошёл! Просыпайся, Филь!

ЖЕНЩИНА. Щас тебе! Его теперь из пушки до завтра не разбудишь.

Парень пытается Филю поднять, но тут уже находится в слишком глубоком сне. И слишком тяжёлый. Парень безнадежно отходит. Мама приближается к Филе и вдруг кричит дурным казённым голосом.

МАМА. Шостка! Подъезжаем! Гражданин, кто Шостку спрашивал? Шостка! Филья, встрепенувшись, с трудом поднимается. Глаза всё ещё закрыты.

МАМА (*пожав плечами*). Профессионал! Работа — это святое.

ЛЕНА (*в зал*). Опять же логическое умозаключение!

Парень подскакивает к Мужчине, помогает ему подняться и сделать несколько шагов. Одной рукой он поддерживает Филю, а другой берёт его сумку и хочет повесить ему на плечо.

МАМА. Ты его сильно не нагружай. Его щадить надо! А то у него потом на съёмке руки дрожат.

ЖЕНЩИНА. Руки у него дрожат не от этого. Козёл! Тебя б щас уволили — как с «Мосфильма»! Если б не Катя! Рожка твоя бесстыжая! Глаза б мои тебя не видели! Пьянь подзаборная!

Мужчина продирает глаза, всех обводит своим детским незамутнённым взглядом, останавливает его на Маме, идёт к ней, отстранив Парня, по дороге падает на обе руки, встаёт, руки отряхивает, приближается к Маме, берёт её руку, галантно целует, возвращается к Парню, опять на него опирается.

МУЖЧИНА. Я готов. Пошли.

Парень ведёт его к выходу. При этом Мужчину со своего пути отстраняет свободной рукой Женщину, даже на неё не взглянув.

МУЖЧИНА (*на прощание обернувшись и подмигнув Лене, мол, только мы с тобой знаем смысл жизни, поёт*).

«Мы уходим с тобой далеко

На большом, как мечта, корабле!»

Парень вешает сумку к себе на плечо и уводит Мужчину. Женщина уходит за ними.

ЛЕНА. Mam. А фильм?

МАМА. Прости. У меня сейчас другой копии нет. Но там всё хорошо получилось. Честное слово. Тебе бы понравилось.

Хор красивых детских голосов поёт песню.

Если удастся найти плёнку, то можно погасить свет и прокрутить этот кадр — бригантина уходит в море на фоне белых облаков.

Дети поют. Мама возвращается на свой диван.

Лена остаётся одна на авансцене.

ЛЕНА. Часть третья.

Каким должен быть настоящий художник? Я думаю, таким, как в мамином киноотделе! Я лично убедилась, что там работают творческие, вполне достойные уважения люди, любящие свою работу. Я думаю, художник должен быть прежде всего талантливым. А что такое чистые руки — я не знаю. Главное — результат.

На сцену возвращается Парень, опять надевая школьную куртку со значком «Третьяк», подходит к Лене.

ПАРЕНЬ. Я с тобой что ли в паре должен быть в этом вашем конкурсе красоты?

ЛЕНА (*еле слышно*). Кажется, да.

ПАРЕНЬ. Ну, и чего надо?

ЛЕНА. Надо... Для медицинского конкурса потренироваться перевязывать...

ПАРЕНЬ (*берёт стул, садится*). Валяй. Только быстрее. У меня ещё футбол.

Лена достаёт откуда-то бинт, начинает перевязывать, путается. Всё валится у неё из рук. Парень скептически за этим наблюдает.

ПАРЕНЬ. Н-да... не много же ты очков наберёшь такими темпами. И учи ещё, что я танцевать не умею. Так что тут тоже будет прокол.

ЛЕНА. Я тебя научу...

ПАРЕНЬ. Только не сегодня.

ЛЕНА. Нет-нет! Ни в коем случае не сегодня! Мне тоже некогда!

Появляется Женщина.

ЖЕНЩИНА. Тема следующего занятия — услышанный рассказ. В таком рассказе обязательно должно быть введение, в котором указывается — когда, от кого, при каких обстоятельствах был услышан рассказ. Как вели себя рассказчик и слушающий. Задача автора — познакомить читателя с рассказчиком. Следовательно, в обрамлении сообщается самое необходимое, что нужно знать о герое — кто он, чем занимается, иногда может описываться его внешность и манера говорить. Услышанный рассказ дополняется за счёт авторских отступлений. Очень часто в таких рассказах писателей конец бывает неожиданным. Темы сочинения можете выбрать: или «Жизнь, отданная людям», или «Беззаветная борьба за счастье Родины — высшее проявление патриотизма!»

Женщина уходит со сцены или садится на «свой» стул в свой угол. Лена уже сматывает бинт, а Парень быстро уходит со сцены — ему некогда тут с ней рассусоливать.

ЛЕНА (*в зал*). Я сразу не решила — какую тему возьму. Пока у меня материала не было ни на ту, ни на другую.

МАМА. Ну, что-нибудь придумаем. На какую наберёшь — на такую и напишешь. Можно, например, про дядю Сашу написать...

Здесь, если получится, вставить рассказ мамы про дядю Сашу, если не будет перебора в прозе, в монологах.

ЛЕНА (*в зал*). Вообще-то, меня в тот момент больше волновало не это сочинение, а конкурс красоты «А ну-ка, девушки!» Конкурс состоял из

пяти заданий — кулинарного, литературного, медицинского, песенного и танцевального. Это я, собственно, уже введение излагаю, где объясняется, при каких обстоятельствах был услышан рассказ. И от кого.

МАМА. Кулинарное задание это что?

ЛЕНА. Это ерунда — кто картошку быстрее почистит.

МАМА. А. Главное, что ничего не готовить — а то ведь ты совершенно не по этой части. Так — с литературным понятно. Тут даже никто с тобой состязаться и не посмеет. Медицинское?

ЛЕНА. Перевязку сделать кому-нибудь из мальчиков.

МАМА. Перевяжешь?

ЛЕНА. Вообще-то, у меня «пяты» по НВП. Но... смотря кого перевязывать...

МАМА. Ты бери такого, который тебе безразличен.

ЛЕНА. Не могу. Мне уже Серёжу назначили.

МАМА. У. Ну, здесь мы в пролёте. Дальше. В песенном тебя без меня, конечно, перепеть могут, но если учтётся, что ты и слова сама писала, тогда — победа наша!

ЛЕНА. Самое ужасное — ты знаешь что.

МАМА. Танцы. Я понимаю.

ЛЕНА. Я ещё и... его должна научить. Я ему сказала, что не сегодня, потому что... (*Чуть не плача.*) ты мне хоть что-нибудь объясни в этом вопросе!

МАМА. ... Это большой пробел в твоём воспитании.

ЛЕНА. В ТВОЁМ воспитании меня.

МАМА. А что я? Я тебе всё время говорю — не сутулься! Не горбись! А ты всё равно сутулишься! И зарядку по утрам не делаешь! И у стенки по пятнадцать минут не стоишь! А походка! Какая у тебя походка! Это же гусёнок какой-то, а не юная покорительница сердец!

ЛЕНА. Знаешь, я, пожалуй, откажусь участвовать. Нечего так позориться.

МАМА. Я тебе откажусь! Ты мне это брось! Ты мне комплекс неполноценности не формируй! Меня на родительском собрании три мамы атаковали — чтобы их охламонов с тобой посадили.

ЛЕНА. Да, я давно заметила, что я на мам произвожу гораздо большее впечатление, чем на сыновей.

МАМА. Это потому что у тебя золотой характер!

ЛЕНА. Нужен не золотой характер, а длинные ноги!

МАМА (*критически оглядывая Лену*). А у тебя и ноги длинные. Тебе надо только юбку покороче. А то кто же их заметит? За обаятельность и привлекательность надо бороться! Начинаем прямо сейчас! Ну-ка, пройдишь!

ЛЕНА. Ну, мам.

МАМА. Пройдись — пройдись.

ЛЕНА (в зал). Я прошлась.

Проходится по сцене.

МАМА. Ну-у... (Увлекаясь). Ты когда-нибудь видела, как ходит Софи Лорен?

ЛЕНА. Нет.

МАМА. Выпрямись! Голову выше! Ноги до конца выпрямляй! Походка должна быть лёгкой и грациозной! Ещё раз!

ЛЕНА. Ну, мам!

МАМА. Доставь мне удовольствие!

ЛЕНА. Я же не Софи Лорен!

МАМА. Ничего, я из тебя сделаю нечто лучшее! Дубль два!

«Входит» Баба Рая.

ЛЕНА (в зал, пытается грациозно ходить по сцене туда-сюда). И тут к нам зашла соседка — баба Рая. Внешность у неё была... Ну, обыкновенная бабушкинская такая внешность... Манера говорить... Немножко она подсвистывала, задыхаясь, потому что ушла на фронт в 41-ом году 17-летней девочкой и, в холодные осенние дожди ночью в лесах на земле под плащ-палаткой, заработала себе астму.

МАМА. Раиса Александровна, заходите — садитесь!

БАБА РАЯ. Чем это вы тут занимаетесь?

ЛЕНА. Избавляемся от комплекса неполноценности!

БАБА РАЯ. Хорошее дело! Одобряю.

МАМА (Лене, азартно). Давай-давай! «Ходи шибче, белоголовый!» Ты себя должна нести как праздник и подарок! Дубль три!

Лена опять проходит, как ей кажется — легко и бодро.

МАМА. Слониха! Это даже не на двойку!

БАБА РАЯ. Ну, ладно! Затерроризировала ребёнка! Сама-то попробуй!

МАМА. Пожалуйста!

Мама проходит хуже, чем Лена.

БАБА РАЯ. Да-а, девки! Походка от бедра должна быть! От бедра, я говорю! Как учит Ахеджакова! Эх! Бывали и мы лебедями!

Баба Рая тоже встаёт, тоже проходит по комнате, как ей кажется — замечательно. Все трое смеются.

БАБА РАЯ. Не мучь ребёнка. Как бы она ни ходила, она это всё равно лучше нас делает!

МАМА. У неё конкурс красоты.

БАБА РАЯ. Ой! Да я б нашей девочке и так все призы дала! Даже если б она только на сцену вышла и просто постояла! Такая она у нас замечательная! Юная, стройная!

ЛЕНА. Вы не объективны, баба Рай. Там знаете сколько таких будет — юных и стройных!

БАБА РАЯ (*грустно*). Знаю... У меня тоже, небось, свой конкурс красоты был...

ЛЕНА. Когда?

МАМА. Как?

БАБА РАЯ. А в 41-ом. В августе... Когда на фронт попала.

ЛЕНА. На фронте — конкурс красоты?

БАБА РАЯ. Ну, это так... Метафора. Заявление с подружкой подали, я год скрыла — написала 18 лет. И скрыла, что отец — враг народа. И Зинка поклялась, что никому не скажет. А то думала — не возьмут. Взяли. Отправили... на фронт. А там — распределение по частям. Командир нас в первый же день в шеренгу выстроил и как пошёл крыть! «Дуры вы! Шалавы! (И всякие другие слова). Дома не сидится! Приехали хахалей себе искать (ну, тут он тоже другое слово-то употребил — вместо хахалей, не при ребёнке будь сказано). Жизни не жалко — лишь бы к мужикам поближе! Глаза ваши бесстыжие!» Верите, из всего строя одна я заплакала. Так мне обидно это показалось — я же Родину шла защищать. Остальные, гляжу, девки стоят ухмыляются, переминаются с ноги на ногу. Командир орать перестал, подошёл, отдал мне хлеб на всех: «На, говорит, ты распределять будешь. Ты тут самая лучшая». Ну, а на другой день начался настоящий конкурс красоты! Из разных частей стали командиры приезжать — подбирать себе в штаб — секретарш, сотрудниц. Пройдут вдоль строя, оглядят. Кому какая понравится такую и берут. Мы с Зинкой попали вместе — в пехоту. Начальник этого штаба на неё запал. И меня взял, поскольку ему две нужны были, а Зинка за меня попросила. Ну и пошли — военные будни.

ЛЕНА (*в зал*). Мы с мамой почувствовали материал для сочинения.

МАМА (*Бабе Рае*). И как там тебе было-то? На фронте?

БАБА РАЯ. Да как было? Отступали, наступали. Спали вповалку, шинелями укрывались. Зинка-то себя не блюла. А до меня никто пальцем не касался. Это я ей не в осуждение. Она ж уже женщина была. А я — девушка. И мужики честные вокруг попались. Вот если, скажем, надо мне вымыться посреди леса. Они спиной ко мне станут, плащ-палатки с четырёх сторон руками натянут — ждут, пока вымоюсь. Даже не пошутит никто, ни слова какого... скромного, ну, там «спинку дай потру». Не было.

МАМА. Что ж, за всю войну так никого и не полюбила? Из столькох-то мужиков?

БАБА РАЯ. Ой, Кать. Мне этой любви до войны хватило! Я ж из-за своей любви отца потеряла. В парке Горького познакомилась с военным. Мне — 16. Ему — 22. Лейтенант НКВД оказался. Отец как узнал!

«Прекращай с ним встречаться и всё тут!» А он уж так ухаживал. А я уж так влюблена была. Порвала, можно сказать, по-живому. А парень, видно, понял — почему. Затаил. Ну, и... через три месяца отца, как врага народа... У меня на любовь после этого очень аллергия была. Так и вторая любовь у меня из-за отца же не получилась.

ЛЕНА. На фронте?

БАБА РАЯ. На фронте.

ЛЕНА. А он кто был?

БАБА РАЯ. Большой он был начальник. Командующий армией. Фамилию не скажу.

МАМА. А как — как познакомились?

Баба Рая встаёт, выходит на середину сцены.

БАБА РАЯ. Да заняли мы одну деревню. Под горкой в низинке ещё бой шёл, а мы уже, считай, свою задачу выполнили, штаб в избе разместили, я вышла местность осмотреть. Красиво, девки! За деревней — поле, всё в цветах, за полем — река. Я пошла цветы собирать. Вспомнила, как мы с мамой в детстве на даче ходили... Углубилась. И тут на дороге машина тормозит. Генерал с шофёром выскакивают. *На сцене появляются Мужчина и Парень в военных шинелях.*

МУЖЧИНА. Стой! Не шевелись!

БАБА РАЯ *(Лене и Маме)*. Я встала, как вкопанная.

МУЖЧИНА. Не бросай цветы!.. Видишь, проводки из земли торчат? Это мины. Ты на минном поле. Давай аккуратненько обратно.

БАБА РАЯ *(Лене и Маме)*. Я эти проводки-то видела. Ну, перешагивала и всё. И шла себе. Когда не знала. А как он сказал — стою, пошевелиться не могу. Ноги — чугунные — к земле приросли.

МУЖЧИНА. Давай, девочка, не бойся. Только внимательно. Перешагивай. Всё получится. Иди.

БАБА РАЯ *(Лене и Маме)*. Так он это сказал уверенно, что я послушалась, пошла. Надёжность в нём какую-то почувствовала. Мол, если говоришь, что всё получится — значит, так оно и будет.

Баба Рая аккуратно, в полной тишине, идёт к Мужчине, иногда на него взглядывает.

МУЖЧИНА. Не на меня! Под ноги! Под ноги!

Баба Рая выходит, смотрит на мужчину, истерически подхохотывает.

МУЖЧИНА. Лёша, дай девочке спирту. Считай второй раз человек родился — надо отметить.

Парень убегает, возвращается с фляжкой, протягивает Бабе Рае, та неумело глотает один глоток.

БАБА РАЯ. Да я не умею.

МУЖЧИНА. А больше и не надо. Как звать-то?

БАБА РАЯ. Рая... Ой... Рядовой Иванова!

МУЖЧИНА. Понятно, Рая. Как же тебя угораздило?

БАБА РАЯ. Хотела букет в штабе поставить... Праздник всё-таки! Вышибли мы их!

МУЖЧИНА. Садись в машину — подвезу.

Парень уходит. Мужчина продолжает стоять, смотреть на Бабу Рая. Баба Рая тоже какое-то время смотрит на него, потом поворачивается к зрителям и продолжает рассказывать.

БАБА РАЯ. Потом как-то ночью он приехал. Они с нашим командиром до утра аж просовещались, а под утро он часа на полтора заснул. Тут же в штабе, на топчане. *(Поворачивается к Мужчине, шёпотом)*. Товарищ командующий, разрешите обратиться... Вы велели вас через полтора часа разбудить. Уже прошло.

МУЖЧИНА. А-а... Рядовой Иванова.

БАБА РАЯ. Вы помните?

МУЖЧИНА. Такие глазищи разве забудешь?

БАБА РАЯ. Мы с девчонками вам оладьев напекли. Завтракать накрывать?

МУЖЧИНА. Слово какое-то домашнее, недостижимое — накрывать... Нет, девушка Рая. Некогда мне завтракать. Поеду я. Лёша встал?

БАБА РАЯ. Давно.

МУЖЧИНА. За оладьи — спасибо. С собой их мне заверни. *(Уходя, оглядывается. Держит паузу)*. Буду тебя вспоминать.

Мужчина уходит.

БАБА РАЯ. Так он мне нравился, девочки. Фамилию его услышу — сердце падает. Прямо клавиши в машинке путала... Задумчивая вся стала. Даже обстрелов уже не так боялась. Нас обстреливают — а мне есть о чём думать... А через пару недель подбегает ко мне Зинка.

К Бабе Рае подбегает Женщина.

ЖЕНЩИНА. Рай! Приказ пришёл — тебя в штаб армии переводят.

БАБА РАЯ. Как это?

ЖЕНЩИНА. Ну, дуру-то из себя не строй! И так всё понятно. Скромница ты наша.

БАБА РАЯ. Не понимаю, о чём ты говоришь?

ЖЕНЩИНА. Я ж видела, как он на тебя смотрел. Колись? Чего у тебя с ним?

БАБА РАЯ. Честное слово, ничего, Зин. Да ты что... Он, вообще, женатый человек... начальник...

ЖЕНЩИНА. Не смей меня. Кто щас на жён внимание обращает? А что начальник — так целее будешь.

БАБА РАЯ. Зин, да я его видела-то всего два раза.

ЖЕНЩИНА. А по нашим временам — и одного хватило б. Сегодня живой, завтра — мёртвый.

БАБА РАЯ. Типун тебе на язык.

ЖЕНЩИНА. Радуйся! Пришло и к тебе военное счастье!

БАБА РАЯ. Ой, Зин. В штаб армии — это ж серьёзно! Теперь они меня хо-рошо проверять станут: всплывёт про отца.

ЖЕНЩИНА. Молчи — главное. Может, и не всплывёт.

БАБА РАЯ (*Лене и Маме*). Всплыло, конечно. И вместо штаба фронта — погнали меня из армии насовсем!

Женщина и Баба Рая обнимаются.

ЖЕНЩИНА. К моим сразу зайти — в первый день, как приедешь.

БАБА РАЯ (*отвечает отстранённо и подавленно*). Не волнуйся, сразу зайду.

ЖЕНЩИНА. Рассказывай всё только хорошее. Плохое не рассказывай.

БАБА РАЯ. Завтра — наступление, а я...

ЖЕНЩИНА. Пиши.

БАБА РАЯ. Ты тоже.

Женщина целует Бабу Раю и отходит от неё.

БАБА РАЯ (*Маме*). Я, собственно, чего зашла-то, Кать. Ты говорила платья у тебя есть какие-то, кофты. Которые не носишь уже. Давай я Зинке отвезу. А то она в таком рваньё — смотреть страшно. Я к ней раз в неделю езжу. Убираюсь, то-сё. Я тогда как с фронта уехала, в ту же ночь штаб наш — разбомбило. Одна Зинка уцелела — ранило её, но-ги парализовало.

МАМА. Конечно. Всё, что могу...

ЛЕНА. И вы всю жизнь с ней... Ну, к ней ездите?

БАБА РАЯ. Ну, не всю... Пока её родные были живы — нечасто. А теперь одни мы остались. Меня и после войны замуж никто не брал. Если что серьёзное намечалось, так я честно говорила, что отец — враг народа. Так и просидела... в девках... А Зинка... понятное дело... ноги — первое для женщины. Учись, Лен, танцевать!

Играет музыка. Мужчина и Женщина танцуют — как на подиуме во время конкурса. Появляется Парень, подходит к Лене, приглашает её. Обе пары танцуют. Баба Рая и Мама тоже пытаются танцевать, образовав пару. Музыка постепенно замолкает.

БАБА РАЯ (*Лене, грустно и потерянно*). Ну что конкурс-то? Выиграла?

ЛЕНА. Неа.

БАБА РАЯ. Почему?

ЛЕНА. А меня ведущей поставили. Номера объявлять, задания раздавать...

БАБА РАЯ. Самой главной, значит?

ЛЕНА. Просто больше никто не хотел.

БАБА РАЯ (*Маме*). Кать, Отнесла я Зинке твои шмотки... Благодарит она тебя...

МАМА. Совершенно не за что... Раиса Александровна, случилось что?

БАБА РАЯ. Я ей суп варю, а она мне вдруг говорит:

ЖЕНЩИНА. Помру скоро.

МАМА. Глупости. Это она вас вампирит. Ей больше некого.

БАБА РАЯ. Не перебивай старших.

МАМА. Извините.

БАБА РАЯ. Она говорит:

ЖЕНЩИНА. Вот ты за мной ухаживаешь, фрукты мне таскаешь, тряпки всякие... А ведь это я на тебя тогда анонимку написала... в штаб армии — что отец у тебя — враг народа...

БАБА РАЯ. Зачем, Зин?

ЖЕНЩИНА. Очень мне обидно стало, что тебя к твоему генералу... И что... у тебя любовь, а у меня... Так... Пользуются только...

БАБА РАЯ (*помолчав*). Ну, может, и к лучшему, Зин. Зато меня не убило.

ЖЕНЩИНА. А меня — так лучше б убило! Видишь — как Бог за тебя наказал... Такая страшная жизнь получилась. Ты когда стала ко мне ходить, я тебя видеть по первоначалу не могла... Теперь привыкла. Так что... Брось меня... Ничтожный я человек.

БАБА РАЯ. Куда ж я тебя брошу, Зин? У меня ж, кроме тебя, никого на всём свете. И потом... не мне тебя судить. Ты, если в чём и виновата, так отстрадала уж сколько...

ЛЕНА (*в зал*). У писателей в таких рассказах всегда бывает неожиданный финал. Не знаю уж, как у меня получилось.

МАМА. А у нас ещё пластинок всяких много. У неё проигрыватель есть? Мы можем пластинки ещё...

БАБА РАЯ. Пластинки?.. Ну, да... Наверное... Пластинки...
Какая-нибудь военная песня.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

На сцену выходит Парень и начинает отжиматься. Лена застенчиво подходит. Наблюдает. Он поднимается, делает гимнастическую разминку, не обращая внимания на Лену.

ЛЕНА. Ты на Спартакиаде первое место занял? Поздравляю.

ПАРЕНЬ. Спасибо.

ЛЕНА. А я болела. Всё пропустила. Ничего не видела.

ПАРЕНЬ. Да что там видеть? — прыгали, бегали. Ничего.

ЛЕНА. Всё-таки интересно.

ПАРЕНЬ. Ты ж всё равно никогда не участвуешь.

ЛЕНА. Я зато смотреть люблю.

ПАРЕНЬ. Смотреть — ерунда.

ЛЕНА. А я такую хорошую книжку прочла, пока болела... «Шхуна "Колумб"», называется. Хочешь — дам? Ты такие любишь.

ПАРЕНЬ. Не надо. Мне всё равно сейчас читать некогда. Я сейчас к районной готовлюсь.

На сцену выходит Женщина-учительница, и вокруг неё собираются все участники литературного кружка, то есть все действующие лица.

ЖЕНЩИНА. Теперь перейдём к сочинению повествовательного характера. В повествовательных текстах излагается ряд событий — желательно в хронологической последовательности. И надо постоянно помнить, что рассказ — это...

ПАРЕНЬ. ...литературное произведение, в котором речь идёт лишь об одном очень важном событии в жизни героев.

ЖЕНЩИНА. Не надо перегружать рассказ...

БАБА РАЯ. ...второстепенными событиями и деталями.

ЖЕНЩИНА. В основе рассказа...

МУЖЧИНА. ...лежит эпизод, случай, происшествие.

ЖЕНЩИНА. А состоит рассказ из...

МАМА. ...завязки, кульминации, развязки.

ЖЕНЩИНА. И обязательно нужно уметь выделить узловое событие!

ЛЕНА. *(В зал)*. «ИГОРЯШКА».

Завязка. Когда умер папа, мама совсем не плакала. Но она приходила с работы и ложилась на диван носом к стенке. И так всё время лежала. И в выходные тоже. И ничего не ела... Только яблоки.

Баба Рая приносит вазу яблок, ставит на тумбочку возле маминого дивана, уходит на «свой» стул.

ЛЕНА. Я тогда заметила, что люди, когда им совсем плохо, едят почему-то одни яблоки. Вставала она только, когда я болела и надо было за мной ухаживать. Это единственный период в моей жизни, когда я радовалась, если чувствовала, что заболеваю... Чего я только ни придумывала, о чём только ни говорила... Всё было бесполезно. Около двух лет это длилось. И хотя папу я очень любила, я поняла, что маму нужно спасти... Второстепенные детали, между прочим. Перегружаю. Наверное. *Лена подходит к лежащей на диване Маме, садится в ноги.*

ЛЕНА. Mam... Проверь у меня сочинение...

МАМА. Да ты лучше меня пишишь. Там всё хорошо — я знаю. Можно я немножко вот так полежу?

ЛЕНА. Mam, сегодня «Сестра его дворецкого» с Диной Дурбин.

МАМА. Ты включай, смотри. Мне не мешает.

ЛЕНА (*в зал*). Я сначала хотела сдуру включить, думаю — хочешь не хочешь — услышит любимый фильм — отвлечётся, втянется. А потом как вспомнила, что там Дина Дурбин поёт со своим эротическим американским акцентом! (*Мужчина на гитаре тихонько наигрывает «Цыганочку»*).

«От чего да почему
На щеках слезинки?
Это просто ничего!
По любви поминки!»

Этого нам только не хватало!

Мужчина играет громче, неистовее, потом затихает.

ЛЕНА. Mam, а до папы ты кого-нибудь любила? Ну... чтоб тоже очень сильно...

МАМА (*поворачиваясь к ней и чуть приподнимаясь*). Любила...

ЛЕНА. Его как звали?

МАМА. Петька. Пётр Троян.

Парень подходит к ним поближе. Но тут же приближается Мужчина, оттесняет Парня и занимает его место, приосанивается. Парень недовольно отходит.

МАМА. Мы когда с моей мамой — твоей бабушкой — на Украину в Остёр отдыхать ездили, он туда домой на побывку приезжал. В военном училище учился. В Полтавском — на артиллериста.

Мужчина вынимает откуда-то из-за спины фуражку, надевает её.

ЛЕНА. Красивый был?

МАМА. Очень. Высокий, черноволосый.

Мужчина приглаживает свои седые волосы. Парень жестикулирует, мол, это — я, обо мне речь, а вовсе не о нём. Но Мужчина только бросает презрительный взгляд в его сторону.

МАМА. Пел, на гармошке играл.

Мужчина потрясает гитарой. Мол, да, есть такое дело. Хоть здесь совпало.

МАМА. Все девки сохли.

ЛЕНА. А он тебя выбрал?

МАМА. Ну... Столичная штучка, интеллигентная, вечно с книжкой... Дачница-чердачница... Так меня звал. Письмами атаковал...

МУЖЧИНА. На последних стрельбах написал на снаряде твоё имя «Катя!»
И этот выстрел был очень точным!

ЛЕНА. И чего потом?

МАМА. Ну, так несколько лет ездили. Потом он в Москву приезжал. Я его

на Красную площадь водила. Иду с ним — рядом! Сияю ярче его начищенных сапог — смотрите, мол, все — какой со мной красивый военный идёт! И он меня любит, и он ко мне специально приехал! Иду — горжусь. Доходим до Пушкинской площади, он как рухнет на ближайшую скамейку:

МУЖЧИНА. Ой, подожди, давай передохнём!

МАМА. Я даже испугалась: «Что, говорю, случилось?» А он говорит:

МУЖЧИНА. Не могу дальше идти. У меня, понимаешь, сапоги сильно об асфальт цокают. Перед самой поездкой подковал! И я пальцы всё поджимал и на носочках шёл. Боялся — вдруг тебе этот цокот не понравится — ты будешь стесняться со мной идти. Я ему дам! — нашему сапожнику, как вернусь!»

Лена смеётся.

МАМА. Он, вообще, с детства аховый был.

МУЖЧИНА. Вот идут все из клуба вечером — а мы с пацанами верёвочку посреди дороги натянем и наблюдаем из кустов, как народ падает. А один раз вовсе сообразили. Я в школе из кабинета химии соляную кислоту увёл, и мы перед сеансом все скамейки ею намазали. Ну... Утром к отцу паломничество пошло — всё село с прожженными штанами и платьями на интересном месте. Требуют новые покупать! Тогда после войны одёжки-то у многих по одной паре и было.

МАМА. И что отец?

МУЖЧИНА. А что отец? Вывез в поле меня на телеге... Чтоб дома мать не мешала, под руку не кидалась, и высек, как сидорову козу. Домой привёз еле живого. Потом в военное училище отдал. Я его за это ненавидел. Теперь благодарен. Дури во мне много было. Силы не растраченной. Если б не училище, я б сейчас где-нибудь с кистенём стоял на большой дороге...

ЛЕНА. А потом что?

МАМА. Он мне письмо написал.

МУЖЧИНА. «Согласна ли ты делить со мной тяготы моей походной жизни? Профессия моя — военная, ты знаешь. Готова ли ты идти за мною след в след — всюду, куда пошлют?»...

МАМА. Предложение, в общем, руки и сердца.

ЛЕНА. А ты?

МАМА. А я этого письма не получила. Его Игоряшка из почтового ящика украл. *(Парень опять делает попытку приблизиться, но Мужчина жестом руки его останавливает).* Ящик на проволочку закрывался. Он её разматал и украл. Как почувствовал, что оно — с предложением... Можно, я ещё полежу? Что-то я устала...

Мама хочет опять отвернуться к стенке.

ЛЕНА (*в отчаянии*). А дальше-то? Дальше-то что было? Чем кончилось?

Мама опять поворачивается к ней.

МАМА. Через месяц Петя мне опять написал.

МУЖЧИНА. Что означает твоё молчание? Ты не согласна?

МАМА. Я тут же написала про соседа, ну, что он письмо вынул, и ответила, что согласна идти за Петей всюду, куда пошлют, не то что след в след, а просто наступая ему на пятки... Но он почувствовал в этом какую-то несурязицу и насмешку. И очень скоро женился... Не на мне.

Лена укоризненно смотрит на Мужчину. Мужчина пожимает плечами. Парень осуждающе качает головой — мол, вот видите, какой неверный выбор, вот я бы так никогда не сделал.

ЛЕНА. Значит, не очень любил.

МАМА. Значит, не очень. Да он и не подходил мне. Заводной, шевбунной. Я книжки любила, тишину. А его так много было — долго не выдержишь. Просто отказаться от него добровольно не могла. Как от такого откажешься?..

ЛЕНА. Вот Игоряшка тебя любил по-настоящему...

Парень изо всех сил кивает, но Мужчину опять же — качает головой — не лезь, эту роль тоже буду играть я.

МАМА. Да, с четвёртого класса. То есть я была в четвёртом, а он — в седьмом. В окна зайчиком слепил. Мама сидит тетрадки проверяет, а он прямо ей в глаза. Она как-то не выдержала, возмутилась. Пошла к его матери жаловаться.

БАБА РАЯ (*Женщине*). Я работаю! А ваш сын без конца слепит стеклом прямо в глаза! Что я ему сделала? Он даже не в моей школе учится!

ЖЕНЩИНА (*спокойно*). У вас, наверное, девочка есть?

БАБА РАЯ. А при чём тут девочка?

Её словно озаряет. Она переводит взгляд с Женщины на Маму. Мама смущается.

МАМА. А однажды я вечером долго не выходила, и он сломал нам звонок. *Вдалеке пронзительно звенит звонок, не умолкает.*

МАМА. Мы на первом этаже жили — прямо в школе — в сто шестьдесят четвёртой на «Аэропорте». Дверь выходила на улицу. Ой, мои как забегали — и мама, и учительницы — соседки. На меня кричат — ругаются, как будто я виновата! Я во двор вышла. А темнота уже — глаз коли. Я не стала его громко звать — я была уверена, что он где-то здесь. Говорю (*тихо*): «Игорь? Ну, что ты наделал? На меня теперь все ругаются». А он из темноты совсем рядом вдруг отвечает тихо так:

МУЖЧИНА. Провода отсоединить надо. Ты чего гулять-то не выходишь?

МАМА. Как я их рассоединю? Я попробовала. Там трясёт...

МУЖЧИНА. Трясёт. Физику надо было учить. Небось пятёрка по физике?

МАМА. Почини, пожалуйста.

МУЖЧИНА. Уведи их с крыльца — а то как я почию? — они ж меня разорвут.

МАМА. Увела. Починил...

ЛЕНА. Mam! Давай его найдём!

МАМА. С ума сошла?

ЛЕНА. А что? Такая любовь не проходит! Наверняка, он тебя всю жизнь помнит и... ждёт! Этот военный красавец — ветренный какой-то был! А Игоряшка — он из серьёзных, из преданных!

МАМА. Перестань. Домики эти деревянные все поносили.

ЛЕНА. Так и дали квартиры где-нибудь там же — на «Аэропорте». Ты его фамилию-то помнишь?

МАМА. Долгуничев.

ЛЕНА. Я по горсправке найду.

МАМА. И что мы с ним будем делать?

ЛЕНА. Как? Ну... встретитесь... Это... Детство вспомните. То, сё.

МАМА. Я очень ценю твою заботу, но лучше бы ты дала мне полежать.

Мама решительно отворачивается к стенке.

ЛЕНА. Я довольно быстро нашла и его адрес, и телефон. Он жил на той же Красноармейской. Только теперь в пятиэтажке. (Маме). Mam! Давай позвоним!

МАМА. Отстань от меня.

Лена берёт телефон, набирает. Другой телефон — рядом с Мужчиной — звонит. Мужчина берёт трубку.

МУЖЧИНА. Алё?... Алё! Кто это? (Дует в трубку). Фу!

Лена кладёт трубку.

ЛЕНА. Мужской голос.

МАМА. Ну и что?

ЛЕНА. Ты бы хоть послушала — тот или не тот. А то, может, какой другой Долгуничев.

Опять набирает. Мужчина опять берёт.

МУЖЧИНА. Алё?

Лена съёт трубку маме, та отпихивается, Лена настаивает, борются, жестикулируют, ругаясь без слов. Наконец, Мама подносит трубку к уху.

МУЖЧИНА. Кого вам? А?... Алё? (Кладёт трубку.)

Мама сидит на кровати, слушает гудки.

ЛЕНА. Ну? Что? Он?

МАМА. Вроде, он... Лен, откуда я знаю? Тридцать лет прошло! Тогда молодой голос был. А сейчас какой-то хриплый, старый.

ЛЕНА. Ну... а... Интонация? Интонация-то осталась? Его?

МАМА. Алё да алё? Какая там интонация?

Мужчина начинает играть на гитаре, может быть попури из популярных тогда песен («В далёкий край товарищ улетает», «Говорят, я простая девчонка», мелодии индийских фильмов и т.д.).

МАМА. У него школьный ансамбль был. Он «Мучу» здорово играл. Репетируют во дворе, а девчонки из школьных окон гроздьями на перемене высыпят: «Игорь, сыграй «Мучу»! Он не обращает никакого внимания. Тогда Верка Мишутина крикнула:

ЖЕНЩИНА. Игорь, Катя просит!

МАМА. Я на неё разозлилась, потому что ничего я не просила. И не нужен он мне был сто лет. Но сердце-то замерло — вдруг не заиграет? Отомстит — за всё моё пренебрежение — опозорит перед всей школой! Но тут они грянули «Мучу», и я успокоилась. И опять стала гордой и непреклонной.

ЛЕНА. Зачем?

МАМА. Не любила.

ЛЕНА. Почему?

МАМА. Наверное, потому что он уж очень любил. У него даже голос менялся. Заикался он, когда со мной разговаривал. Я как-то неожиданно подошла и услышала, как он нормальным голосом разговаривает — удивилась.

ЛЕНА (*вздыхая*). Глупая ты, мам, женщина.

Мама опять поворачивается к стенке.

ЛЕНА (*в зал*). Я стала звонить ему постоянно — и днём, и вечером, и утром. Он ко мне даже привык.

МУЖЧИНА. Ну, что опять будем молчать? Это кому ж я так сдался?

ЛЕНА (*Маме*). Mam! Он один живёт! Никакой жены у него нет.

МАМА. С чего ты взяла?

ЛЕНА. А она никогда не подходит.

МАМА. Ну, приходящая какая-нибудь есть. Он видный был парень. За ним многие бегали.

ЛЕНА. Даже приходящая хоть разик бы да подошла. А то ни разу. Mam, его надо брать!

МАМА. Циничная ты.

ЛЕНА. Я — практичная. И романтическая. И симпатичная. И оптимистичная!

МАМА (*отмахиваясь*). Отстань от меня... А то плакать начну. Хуже будет.

ЛЕНА. Ничего бы у меня не получилось. Энергии бы у меня не хватало, чтобы на маму влиять. Вот она со своего дивана на что угодно могла меня подвигнуть. И я шла — и горы сворачивала! А я её — не могла!

Но тут судьба нам улыбнулась. В виде тёти Гали, которая вместе с мамой работала. Скажете — так не бывает! А так было!

МАМА (Женщине). Представляешь? Замуж меня хочет выдать — за друга детства. Надоела я ей. Избавиться хочет.

ЛЕНА. Мам, ну что ты говоришь!

МАМА. Даже адрес его нашла. На «Аэропорте» живёт. Где-то рядом с тобой. Красноармейская улица, дом 53.

ЖЕНЩИНА. И у меня — 53. А зовут как?

МАМА. Игорь. Долгуничев.

ЖЕНЩИНА. На артиста Волкова похож?.. Катя, это ж мой сосед со второго этажа. Очень мне нравится! Просто мой тип! Мать недавно похоронил. Мой мужик к нему пить ходит. Не разлей вода. Вчера, правда, пошёл, да быстро вернулся. Я говорю: «Чего ж это аудиенция так скоро закончилась?» А он обиженно так объясняет: «Представляешь! Я к нему, как к человеку — с бутылкой, а он мне: «Я сегодня не пью, я сегодня читаю!» И очки — на носу, а под мышкой — книжка. Тьфу!»

МАМА. Я так и думала, что он сопьётся.

ЖЕНЩИНА. Значит, ещё не все мозги пропил, раз книжки читает!

МАМА. Да ну, о чём ты говоришь? Крановщиком на стройке всю жизнь...

ЖЕНЩИНА. Да ты что! Да крановщик самый важный на стройке человек. Всё от него зависит — от его глазомера!.. Поговорить?

МАМА. Ни в коем случае. И тем более женщины стареют быстрее мужчин.
Лена из-за маминого плеча активно Женщине кивает, мол, конечно, поговорите!

Мама на своём диване отворачивается к стенке. Лена понуро сидит рядом.

Женщина идёт к Мужчине. Мужчина встаёт ей навстречу.

ЖЕНЩИНА. Муж вот сказал, что вы третий том Платона читали. А мы только два получили. Третий никак не придёт. Так я хотела спросить — не дадите полистать, как закончите?

МУЖЧИНА. Конечно-конечно, я уж прочитал. (*Достаёт третий том Платона, даёт ей*).

ЖЕНЩИНА. Спасибо.

МУЖЧИНА. Может,.. чайку?..

ЖЕНЩИНА. Да нет... Спасибо... Я знаю — у вас мама умерла. Так заходите к нам... Почаще. Не стесняйтесь.

МУЖЧИНА. Да... Совсем один остался.

ЖЕНЩИНА. А жена что же?

МУЖЧИНА. Она очень нервная была, грубая — я её... проводил...

ЖЕНЩИНА. Не любили, наверное?

МУЖЧИНА. Жену?.. Ну, как... Жили... Вы зато с мужем друг друга любите. Вот бы и мне так.

ЖЕНЩИНА. Да вы не расстраивайтесь. Не совсем вы и один. Со мной вместе женщина работает, которая была вашей первой любовью.

ЛЕНА (в зал). Наверное, уже во всю идёт кульминация. Я в этом не очень разбираюсь.

Мужчина хватается её за плечи и трясёт.

МУЖЧИНА. Катя?! Попова?! Катя Попова!

ЖЕНЩИНА (Оглядываясь, маме). Я твою девичью фамилию-то не Знаю! (Мужчине, уверенно). Да. Она.

Мужчина её отпускает, садится, закрывает лицо руками.

МУЖЧИНА. Это моя первая любовь. Я её любил, люблю и всегда любить буду!

ЖЕНЩИНА. Ну... вот.

МУЖЧИНА. С 13 лет любил! А потом она замуж вышла.

ЖЕНЩИНА. Что ж ты её не уговорил, если так сильно любил-то?

МУЖЧИНА. Да-а... Она университет кончила, а я — кто? Потом мать её против была. Потом этот капитан откуда-то появился. Она за военного замуж вышла. Муж у неё военный.

ЖЕНЩИНА. Нет. Не военный.

МУЖЧИНА. Нет. Должен быть военный.

ЖЕНЩИНА. Да не военный он. На заводе работал. Умер год назад.

МУЖЧИНА. Странно.

ЖЕНЩИНА. Вот тебе её телефон. Звони.

МУЖЧИНА. Я?

ЖЕНЩИНА. А кто? Не она же? Ты же всё-таки кавалер — мужчина. Активная, так сказать, сторона.

Мужчина берёт бумажку с телефоном, остаётся стоять в нерешительности. Женщина от него отходит. Мужчина в круге света. Он мучительно бродит вокруг телефона, садится, берёт трубку, заносит руку, набирает пару цифр, трубку кладёт. Встаёт, смотрит на записку, сминает, поднимает руку, чтоб её выкинуть, передумывает, расправляет, набирает снова, снова кладёт трубку. Опять ходит, опять сидит, опять ходит. В общем, всячески мучается.

Потом всё-таки набирает номер. Телефон звонит.

ЛЕНА (в зал). Узловое событие!

Лена хватается трубку.

ЛЕНА. Алё!

МУЖЧИНА. Катю можно попросить?

ЛЕНА. Сейчас. Подождите минуточку.

МУЖЧИНА. А, хорошо, я подожду.

Лена подсовывает Маме телефон.

МАМА. Кто там?

ЛЕНА. Не знаю. Тебя.

МАМА. Сказала б, что меня дома нет... Алё...

МУЖЧИНА. Катя... Это Игорь... Ну, который в одном дворе с тобой жил...

Всё детство... Помнишь?

МАМА. Конечно...

МУЖЧИНА. Ну, вот... Давно не виделись. Да?

МАМА. Давно.

МУЖЧИНА *(помолчав)*. Может... Повидаемся?..

МАМА *(помолчав)*. Знаешь, как я изменилась...

МУЖЧИНА. Это не важно. *(Помолчав)*... Я тебя с 13 лет любил... У тебя характер был... порывистый и нежный... конечно, нежный... Ты всегда была для меня самая-самая... В такой беретке красной бегала...

МАМА *(очень смутившись, не зная, что ответить)*. Приятно быть для кого-то первой любовью... *(Переведя в шутку)*. Ах, мужчины все такие обманщики!

МУЖЧИНА. Я тебя не обманываю! И никогда не обманывал.

МАМА. А кто письмо стащил, в котором мне предложение делали?

МУЖЧИНА. Военный?

МАМА. Да. Он потом на другой из-за этого женился. Я всё не отвечала и не отвечала. А он чересчур горячий был...

МУЖЧИНА. Извини... Катя... Я один и ты одна. Давай будем жить вместе.

МАМА. Да ты что... Ты ведь меня двадцать лет не видел. Я постарела. Ты ужаснёшься.

МУЖЧИНА. Это ты ужаснёшься... *(Помолчав)*... А ты ещё чувствуешь себя женщиной?

МАМА. Как это?

МУЖЧИНА. Ну, если я тебя, например, поцелую, тебе будет приятно?

МАМА. Ну, не знаю. Это надо попробовать.

МУЖЧИНА. Приезжай ко мне. Посмотришь, как я живу...

МАМА. Лучше ты ко мне.

МУЖЧИНА. ...Мы с тобой всего один раз в жизни-то и поцеловались. Надо бы и второй.

МАМА. А первый — когда ты в армию уходил?

МУЖЧИНА. Да. Еле уговорил тебя вечером выйти.

МАМА. Что ж, армия — такое дело...

МУЖЧИНА. Я тебя прижал, а ты как-то вывернулась.

МАМА. Ну, да вывернулась! Поцеловал будь здоров! Я тебе ещё сказала: «Дурак!»

МУЖЧИНА. Дурак и есть. Я после больше никого не любил. Правда.

МАМА. А помнишь, когда я была в четвёртом классе, ты мне записку прислал — азбукой Морзе?

МУЖЧИНА. Было дело.

МАМА. Я её не могла прочесть. Ты не помнишь, что там было? У тебя черновик не сохранился?

МУЖЧИНА. Я же тебе тогда к ней ещё дал алфавит азбуки Морзе — выдрал из учебника.

МАМА. А я там не разобралась — не могла одну букву от другой отделить. Я записку закопала в «секретик», а потом там жук завёлся, и я её выбросила совсем. Обидно.

МУЖЧИНА. А сама не догадываешься, что я написал?

МАМА. Догадываюсь, но всё-таки — вдруг не то.

МУЖЧИНА. То-то... Три слова.

ЛЕНА (*в зал*). Очень много дополнительных деталей, но ни одну не могу выбросить — все жалко. К тому же ведь они не просто так — они на сюжет работают.

МАМА. Эх, старой стала, а взрослой не стала.

МУЖЧИНА. Так ведь это хорошо.

МАМА. Да, хорошо! Фигушки.

МУЖЧИНА (*благоговейно, восхищённо*). «Фигушки!» Ты так в детстве говорила! Вернуться бы туда обратно — в детство!

МАМА. Да, хорошо там было. И мы маленькие, и матери молодые. Сады цвели, сирень... Во всём Лазовском переулке...

МУЖЧИНА. Я тебе рвал.

МАМА. Рвал — это мягко сказано! Мама утром просыпается — в школу идти — всё крыльцо сиренью завалено! Мама только успела её в комнату занести — в ведро поставить, как соседка примчалась...

ЖЕНЩИНА. Редкий сорт сирени! Муж всю ночь с дубиной караулил только под утро часа в четыре уснул — всё оборвали! Подчистую! Это что же делается, Вера Николавна? Это же ваши ученики! Больше никому!

БАБА РАЯ. Я пройду по классам. Я разберусь.

ЖЕНЩИНА. Уж разберитесь, пожалуйста! Из школы надо выгонять за такие дела!

БАБА РАЯ. Мы примем меры. (*Баба Рая смотрит на Маму гневным взглядом*).

МАМА. Мне мама потом такой разгон устроила. Она же у нас в ленинградском районе самым выдающимся педагогом была, а тут такая история. А я в чём опять виновата?

МУЖЧИНА. Мы вместе с Витькой рвали. Тебе легко принесли — ты ж на первом этаже. Потом к Витькиной Тоньке пошли — на балкон — на второй этаж забрасывать. А там — верёвки бельевые. Никак не попадём — букет застревает, падает обратно. Весь истрепался. Вид

потерял. Пошли второй раз в этот же сад. Вот тут мужик уже про-
нулся — еле ноги унесли.

МАМА. Тоже мне подвиг — чужую сирень воровать.

МУЖЧИНА. Да на кой им эта сирень? Они ж всю жизнь жили — лаялись.

А нам с Витькой — для чувства. Разница.

ЛЕНА (*в зал*). Игоряшка стал звонить нам через день.

МУЖЧИНА. Я бы каждый день тебе звонил, но боюсь, что надоем.

МАМА. И я тебя пошлю, как в детстве?

МУЖЧИНА. Да... Ты у меня знаешь на какую букву в записной книжке за-
писана?

МАМА. На какую? На «К»?

МУЖЧИНА. Неа.

МАМА. На «П»?

МУЖЧИНА. Неа. На «Л».

МАМА. Почему — на «Л»?

МУЖЧИНА. Потому что «Любовь»... Помнишь, я высоко на дерево за-
лез? — все сбежались...

МАМА (*иронизируя*). Такое не забывается.

МУЖЧИНА. Если бы ты тогда сказала: «Прыгай!» — я бы с того дерева
прыгнул... даже без парашюта.

МАМА. Приезжай... Боишься?

МУЖЧИНА. Боюсь.

ЛЕНА (*в зал*). Я стала уговаривать маму сделать решительный шаг первой.
(*Маме*). Чего тут ехать-то до «Аэропорта»? Давай — я с тобой поеду?
Договорись только — когда.

МАМА. Отстань от меня. А то плакать буду.

БАБА РАЯ. Дура ты, Кать.

ЖЕНЩИНА (*мечтательно*). Счастливая ты, Катюшка. Меня, если два месяца
не даю, мужики ненавидеть начинают, да ещё гадости распускают,
сплетни... А тебе уже четвёртый месяц звонит. И чем ты его держишь?

МАМА (*в трубку, Мужчине*). А хочешь, давай вообще никогда не встре-
чаться, а только по телефону разговаривать. Будет, как у Лермонто-
ва: «Чтоб весь день, всю ночь мой сон лелея, о любви мне нежный
голос пел...» Будем друг друга представлять молодыми...

МУЖЧИНА. А помнишь, как-то на Новый год, я тебе на подоконнике, на
снегу написал: «С Новым годом! Желаю счастья!»...

МАМА. Да. Уже на втором курсе. Я к экзаменам готовилась. Мама с утра
увидела, что на подоконнике что-то написано, валенки надела, побе-
жала по сугробам смотреть — что там. С этой стороны никак прочесть
не могла. Я её отговаривала, испугалась — вдруг какая-нибудь
гадость... Очень всё-таки я тебя мучила...

МУЖЧИНА. Разве я мог тебе гадость? Скажешь тоже. Ты для меня... всё.

МАМА. Ты меня не любишь! Мне так плохо одной — а ты боишься приехать!.. Вот в детстве ты смелее был. Помнишь, сначала всё ходил позади меня? А однажды я иду, а ты сзади, и вдруг говоришь: «И что это я хожу за тобой, как паж за королевой? Пойду-ка я рядом!» И пошёл. Я так удивилась...

Какое-то время молчат.

Потом мама бросает трубку.

Мужчина стоит с трубкой. В ней — гудки.

ЛЕНА. Развязка. В общем, нервы у меня не выдержали. Я решила сама это дело с мёртвой точки сдвинуть. Я подумала — может, он из-за меня не едет? Всё-таки дочка, почти уже взрослая. Стесняется — как я на это посмотрю. Так надо с ним познакомиться. Я ему понравлюсь. Найдём общий язык. И всё будет легче. *(Набирает номер)*. Я позвонила потихоньку от мамы. *(Мама осудительно качает головой)*. Ну, потому что ведь она бы точно запретила эту самодеятельность. *(Мужчине, в телефон)*. Здравствуйте... Это говорит Лена, дочка Кати.

МУЖЧИНА. Здравствуйте.

ЛЕНА. Знаете, у меня к вам разговор есть важный. Только это не по телефону. Вы сейчас дома? Можно, я приеду?

МУЖЧИНА. Я?.. То есть... Я... Э...

ЛЕНА. Так я выезжаю. Буду через час.

МУЖЧИНА. А... адрес...

ЛЕНА. Я знаю. Вы в том же подъезде, что и тётя Галя, только на втором этаже. Да?

МУЖЧИНА. Да. Так.

ЛЕНА. Я поехала. Я нашла эту пятиэтажку. Я поднялась на второй этаж, я подошла к этой двери и, переведя дыхание, позвонила.

Лена подходит к двери. Звонит. Мужчина подходит к двери другой стороны и стоит, не открывает. Лена звонит ещё. Мужчина стоит. Лена звонит настойчивей. Мужчина отходит от двери, садится, закрывает лицо руками. Сидит.

Лена возвращается к Маме, садится с ней рядом на диван.

МАМА *(тихо)*. Мне вообще никто не нужен. Мне с тобой хорошо. Что-то Игоряшка пропал. Неделю уже не звонит. Ты заметила?

ЛЕНА. Угу.

МАМА. И Галька в отпуск уехала — спросить некого...

БАБА РАЯ. «Найдём тебе другого — честного».

ЛЕНА *(запевает)*, МАМА *(подхватывает)*:

«Дремлет притихший северный город.
Низкое небо над головой.

Что тебе снится, крейсер «Аврора»,
В час, когда утро встаёт над Невой?
К ним присоединяется Мужчина, а потом и все остальные:
«Может быть, снова в тучах лохматых
Вспышки орудий видишь вдали,
Или, как прежде, в чёрных бушлатах
Грозно шагают твои патрули...
Волны седые, штормы крутые -
Доля такая у кораблей!
Судьбы их тоже чем-то похожи,
Чем-то похожи на судьбы людей!..
Ветром солёным дышат просторы,
Молнии крестят мрак грозовой!
Что тебе снится, крейсер «Аврора»,
В час, когда утро встаёт над Невой?..»

Женщина-учительница опять обращается ко всем присутствующим — участникам литературного кружка.

ЖЕНЩИНА. Ну, вот, теперь, когда вы у меня уже стали достаточно опытными писателями, я бы даже сказала маститыми, мы возьмём задание посложнее! Теперь вы должны написать рассказ в каком хотите жанре и на какую хотите тему, но с одним главным условием! Чтобы этот рассказ был о самом для вас в жизни главном и болевом. На данный момент, разумеется.

ЛЕНА. А если об этом — невозможно?

ПАРЕНЬ. Почему — невозможно? У меня, например, секретов нет.

ЖЕНЩИНА. В том-то всё и дело, что настоящий писатель должен уметь обнажать свои мысли, чувства. Должен быть искренним, чтобы читатели ему поверили. Должен уметь поделиться самым сокровенным!

БАБА РАЯ. А почему это сокровенное должно быть обязательно болевым? Может, оно весёлое?

ЖЕНЩИНА. Я сейчас не о юмористическом жанре говорю, а об исповедальном. А болевой он должен быть, потому что у настоящего писателя душа должна болеть! Обещаю вам, что зачитывать вслух сочинения не буду.

ЛЕНА (в зал). «КАК Я СТАЛА СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАКОМ».

У меня в школе была несчастная любовь. Это не самое страшное, что она была несчастная. Самое страшное, что эта несчастная любовь была — первой.

МАМА (вздыхая). А всё первое очень важно.

БАБА РАЯ. Вот, знаете, как сначала пойдёт...

ЛЕНА. И когда мне потом в любви не везло — я вспоминала... откуда ноги растут. (*Кивает на Парня*). Звали его Серёжа Пригорев. (*Маме*.)

Мам, Пригорев — это значит, при-горе? Да?

МАМА. Типун тебе на язык. Какое ещё горе?

ЛЕНА. Учился он на класс старше. Я — в восьмом, он — в девятом. У него был очумительно красивый, выразительный, низкий голос. И мы — несколько старшеклассников — делали к 9 мая композицию по стихам поэтов, погибших на войне. Он читал:

ПАРЕНЬ. «Снова рассвет встаёт,
Сосны плывут во мраке.
Где он — сигнал атаки?
Где он — приказ вперёд?
Вновь попытаем счастья —
Быть или не быть.
Пятые сутки у дьявола в пасти
И дьявольски хочется жить!»

ЛЕНА. На репетициях он так произносил эту последнюю строчку, что мне сразу хотелось всего — войны, канонады, победы, хотелось выносить его, раненого, с поля боя, спотыкаясь и шепча: «Сейчас, сейчас, Серёженька, потерпи, ещё немножко»... Хотелось прямо со сцены — разбежаться и взлететь над нашим актовым залом и выше — выше, над школой, над спортивной площадкой, где он так красиво умел подтягиваться на турнике, взлететь над всеми нашими пяти-, девяти- и двенадцатиэтажками на самой окраине Москвы — у Кольцевой дороги... Кстати, тогда я и полюбила репетиции...

Все действующие лица встают на сцене так, словно репетируется школьная композиция по стихам погибших поэтов.

МУЖЧИНА. «Мы были высоки, русоволосы,
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы...»

ЖЕНЩИНА. «Я тебя не ждала сегодня
И старалась забыть, любя.
Но пришёл бородатый водник
И сказал, что видел тебя.
Он такой же, как ты, лохматый,
И такие же брюки-клёш.
Рассказал, что ты был под Крандштатом,
Жив, но больше домой не придёшь...»

ПАРЕНЬ. «Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая,
Это значит — сырая земля.
Это значит — дубы, нелюдимы,
Надо мною шумят в вышине.
И такую разлуку, любимая,
Ты простишь вместе с Родиной мне...»

МАМА. «И к камню прижавшись грудью,
Над пропастью, я кричу:
Пусть будет не так, как будет!
Пусть будет — как я хочу!»

МУЖЧИНА. «Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!»

ЛЕНА (*в зал*). В этой праздничной стихотворной композиции я была «лирическим отступлением». Поэтому между стихами Павла Когана и Николая Майорова, на разрыв аорты произносимыми нашими мальчиками, я тихо читала Пастернака:

«Снег идёт, снег идёт...»
К белым звёздочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплёт...»

Потом ещё долго, завидев меня в школьном коридоре, ребята говорили:

ПАРЕНЬ. А вон — снег идёт!

ЛЕНА. Надо заметить, что соперниц поначалу у меня не было, потому что Серёжку больше интересовал футбол и всякое такое. И вовсе эта любовь могла бы стать для меня не несчастной, если бы я знала, как себя вести. Но я понятия не имела, что мне делать с этим мальчиком Серёжей, кроме как мечтать о нём издали, вздрагивать от звуков его голоса, краснеть, сталкиваясь в дверях, терять дар речи, если он обращается с вопросом, быстро отводить глаза, чтобы не встретиться взглядом. Я сохла на глазах. Когда мама обнаружила причину, она очень обрадовалась:

МАМА. Любовь! Так ведь это же здорово!

ЛЕНА. Но он на меня не реагирует!

МАМА. Так ведь он не в курсе! Надо дать ему понять.

ЛЕНА. Как это?

МАМА. Очень просто. В любви надо признаваться. Если ты кого-то любишь — надо сказать ему об этом. В этом нет ничего плохого. А там уж пусть сам решает. В конце концов, не думаю, что ему каждый день признаются в любви. Ты для него сразу станешь особенной.

ЛЕНА. А если я ему не нужна?

МАМА. Давай справляться с трудностями по мере их возникновения. Пока — напиши ему записку.

ЛЕНА. В стихах?

МАМА. Конечно, в стихах. Признаваться всё-таки лучше высоким стилем.

ЛЕНА. А если он...

МАМА. Пиши! Потом разберёмся!

ЛЕНА. Этой своей любимой фразой «Потом разберёмся» мама беспечно справлялась с любыми жизненными сложностями. Через пару лет, когда, уже учась на факультете журналистики, я сказала, что выхожу замуж, она сначала удивилась:

МАМА. Кто же выходит замуж за своё первое интервью? У тебя этих интервью знаешь ещё сколько будет? Выше крыши!

ЛЕНА. Подумала и добавила:

МАМА. Ладно, выходи — потом разберёмся.

ЛЕНА. До сих пор разбирается. Короче я написала длиннющее стихотворение. Помню из него только две строфы:

«... Но когда тоскую, разве тоже,
Даже если очень далеки,
Разве ты не чувствуешь похожей
В это время боли и тоски?
Разве ты не чувствуешь печали
Среди повседневной суеты,
Будто бы тебя сейчас позвали,
А откуда — не расслышал ты?...»

Мама была потрясена и даже, кажется, слегка заревновала, потому что не ожидала такой глубины чувства.

МАМА. Н-да... Пожалуй, такое чересчур страстное послание своим именем подписывать нельзя... Ладно, давай пошлём без подписи: пусть сам догадается — от кого.

ЛЕНА. Он почерк сличит — и всё. Чего тут догадываться?

МАМА. Не сличит. Я своей рукой перепишу. *(Усаживается старательно переписывать, почти высунув язык от старания).*

ЛЕНА. Это ты хорошо, конечно, придумала, но все знают, что в школе стихи сочиняю только я.

МАМА. Об этом не волнуйся. На тебя никто не подумает. Во-первых, ты слишком скромная, чтобы писать мальчикам такие откровенные письма, во-вторых, все решат, что это какая-то не очень известная классика.

ЛЕНА *(в зал)*. Это была грубая лесть, но она меня слегка успокоила. *(Маме, всё ещё внутренне сопротивляясь)*. А как мы её подкинем?

МАМА. Вот уж это не проблема! Ленку Горбей попросим.

ЛЕНА *(в зал)*. В серёжином классе училась моя лучшая подруга — из соседнего подъезда, с которой мы выросли и которая тоже была в курсе всего. *(Протягивая записку Женщине)*. Тоже Ленка, между прочим. Мне кажется, в моём поколении — только ленками всех и называли. Девчонок — ленками, мальчишек — серёжками. Почему?

ЖЕНЩИНА. А если мама об этом узнает?

ЛЕНА *(пожав плечами)*. Так она сама и переписала!

ЖЕНЩИНА. Твоя мама — прикольщица!

ЛЕНА. На другой день Ленка как раз дежурила, и, когда все вывалили на перемену, подошла к его парте, где на углу лежали приготовленные к уроку дневник и учебник, — и всунула листик между страничками дневника, логично рассудив, что...

ЖЕНЩИНА. ...в учебник он может не заглянуть ещё неделю, а уж в дневник-то точно посмотрит.

Парень протягивает Женщине раскрытый дневник. Между его страниц она кладёт записку. Парень дневник закрывает, некоторое время сидит неподвижно, потом, подождав, открывает дневник и как бы случайно натывается на записку. Разворачивает, читает, искоса оглядывает присутствующих — никто ли не заметил, никто ли не в курсе? Кто подбросил?

ЛЕНА. На уроке Ленка испытала несколько упоительных минут, наблюдая за реакцией объекта, когда он обнаружил в дневнике незнакомую бумажку, развернул, прочитал и... совсем новыми удивлёнными глазами обвёл сидящих вокруг девочек.

ЖЕНЩИНА. Никто на его взгляд не откликнулся.

ЛЕНА. ...Через неделю у меня появилась соперница. Это была наша общепризнанная школьная красотка из параллельного класса. Видимо, мои стихи спровоцировали их объяснение, и Юлька с готовностью подтвердила своё мнимое авторство *(с упрёком в сторону Мамы)*, подписавшись под моим выстраданным текстом! Они стали ходить по школе за руку, что было страшным вызовом всему миру и апогеем интимности. Это тяжёлое горе днём я переживала мужественно, а по ночам рыдала. *(Плюхается на мамин диван, рыдает. Мама садится рядом)*. Мама не спала вместе со мной.

МАМА. Если он выбрал другую, значит, это не наш человек и не стоит он наших слез!.. Эх... Вот что делает сила слова!

ЛЕНА *(отрываясь от подушки, в зал)*. И своим подругам по телефону цитировала мои стихи.

МАМА. Что ж теперь — ни с кем не поделиться таким талантом?!

ЛЕНА *(в зал)*. Единственное, что меня спасло в этой истории от полной

трагедии и всенародного позора — это графическое исполнение записки. (*Маме*). Сегодня ко мне Юлька подошла.

МАМА. Зачем?

ЛЕНА. Думаю, ей всё же ужасно хочется узнать истинного автора.

МАМА. Хотеть — не вредно!

ЛЕНА. Она меня попросила переписать ей текст «Бригантины». Я полностью знаю, а она только первый куплет.

МАМА. Темнота необразованная.

ЛЕНА. А они его петь должны вместе с Серёже-е-ей... (*Собирается завыть, но сдерживается.*) В нашей композиции...

МАМА. И ты написала?

ЛЕНА. Конечно. Честно написала ей текст своим корявым почерком. Она же будет его сличать с твоим — красивым, круглым, ровненьким.

МАМА. Ну и глупая. Надо было оставить вопрос открытым!

ЛЕНА. (*В зал*). После этой проверки Юлька утратила ко мне всяческий интерес, мысленно вычеркнув меня из претенденток на авторство стихов. И потом мы выступали с нашей композицией, посвящённой погибшим поэтам. И я — одна — в полной тишине актового зала, набитого битком учителями и старшеклассниками, читала «Снег идёт». А вслед за мной Серёжка и Юлька красивыми голосами подхватывали вместе:

Мужчина играет на гитаре, а Женщина и Парень поют:

«... Так прощаемся мы с серебристой,

Самою заветною мечтой,

Флибустьеры и авантюристы,

По крови, упругой и густой!»

Женщина, Мужчина, Баба Рая и Парень под песню уходят со сцены.

ЛЕНА. Мама! Мне вчера первый раз признались в любви!

МАМА. Кто?! Где?! Когда?!

ЛЕНА. Ну, вчера, на моём дне рождения.

МАМА. Так ведь одни родственники были.

ЛЕНА. А Сашка!

МАМА. Ему же семь лет!

ЛЕНА. Мужчина в любом возрасте — мужчина!

МАМА. И как же это случилось? «Страсть как люблю откровения от своих подруг».

ЛЕНА. Когда я его играть увела в другую комнату, чтоб он вам — взрослым — дал спокойно отметить МОЙ день рождения. Мы с ним во всё там переиграли — и в войну, и в дочки-матери. Потом я уже умиралась, села просто ему книжку читать. А он обнял моего коричневого медведя и сидит слушает. А потом вдруг прерывает меня на самом

интересном месте и говорит неожиданно: «Знаешь, что мне этот медведь сейчас на ухо шепнул?.. Что он в тебя влюблён!»

МАМА. Ну, вот! А ты волновалась, что (*передразнивая Лену*) 15 лет пройдут, а ты никому не нужна! Первое объяснение у нас уже в копилке, дальше будет больше! Ещё не будем знать, куда от этих объяснений деться! Будем их солить и в банки закручивать!

Лена плачет, обняв коричневого мишку.

МАМА (*беспомощно*). Ты чего?

ЛЕНА. Уже 16 лет! Какой ужас!

МАМА. Что ужасного-то?

ЛЕНА. Ты же сама говорила, что женщины стареют раньше мужчин.

МАМА. Ну... теоретически.

ЛЕНА. Серёже сейчас 17. Представляешь, каким он будет через 20 лет?

МАМА. Каким?

ЛЕНА. Таким же высоким и сильным... Только лицо мужественнее и одухотворённее — со следами прожитой жизни. И волосы... Его каштановые волосы... С проседью. И глаза... глубже и трагичнее. Его же судьба к тому времени, наверное, не один раз ударит. И на лице будет написана ирония — в складках губ... И жизненный опыт.

МАМА. Ты накрутила: и одухотворённость, и ирония, и всё сразу!

ЛЕНА. И ещё он уедет в Чикаго и станет там бизнесменом!

МАМА. Почему в Чикаго?

ЛЕНА. Потому что он в учебнике фотографию увидел и ему город понравился. А он всегда добивается — чего хочет! Он же будет просто неотразимый!.. А я?

МАМА. А ты?

ЛЕНА. Я уже стану дряхловатой некрасивой женщиной... растолстею... И вообще...

МАМА. Ну, спасибо! Мне тогда удавиться прямо сейчас?

ЛЕНА. Ты — другое дело. То есть... Я хотела сказать...

МАМА. Так. Слушай меня внимательно и запоминай. Через двадцать лет ты будешь молодой, красивой, элегантной, обаятельной женщиной, уверенной в себе, а не комплексующей размазнёй, как сейчас. Потому что ты в итоге все эти комплексы поборешь! Я тебе обещаю! Или я не мать! И мужики будут считать за счастье пригласить тебя на кофе или подвезти домой. А он станет полноватым, обрюзгшим, лысеющим козлом — в Москве или в Чикаго — разница небольшая! И будет жалко заискивать с такими самодостаточными женщинами, как ты!.. А замуж ты выйдешь первая из всего класса!

ЛЕНА (*в зал*). Всё так потом и было.

На сцену выходит Женщина.

ЖЕНЩИНА. Теперь проанализируем! Действительно ли интересный случай взят для рассказа? Всё ли ясно изложено? Соответствовал ли тон и ритм рассказа его содержанию? Какие из элементов композиции отсутствуют?! Какие недостатки...

ЛЕНА (*прерывая Женщину*). Мам! Можно, я больше не буду ходить в этот кружок?!

Женщина растерянно оглядывается на Лену и медленно уходит со сцены.

МАМА. Можно.

ЛЕНА. Я не хочу быть знаменитой!

МАМА. Ну, и правильно.

ЛЕНА. Знаешь, почему я хотела быть знаменитой?

МАМА. Знаю. Чтобы Серёжа, наконец, обратил на тебя внимание.

ЛЕНА. Ну! А если я в школе — первый поэт, а он всё равно не обращает, значит, не в этом дело.

МАМА. Логическое умозаключение.

ЛЕНА. И вообще! Знаменитыми мечтают быть люди, которые не уверены в себе, а мы от комплексов избавляемся. Правда?

МАМА. Правда!

ЛЕНА. Мы знаем себе цену!

МАМА. Мы и так очень замечательные, даже если об этом никто не догадывается!

ЛЕНА. Вот!

МАМА. Но не писать-то ты всё равно не сможешь!

ЛЕНА. Это для себя. И для тебя. А если кому ещё понравится — пожалуйста, пусть читают.

На сцену выходит Женщина.

ЖЕНЩИНА. Катя! Игоряшка-то... умер! Мы вчера из отпуска приехали, гляжу — в его квартиру мебель носят — старичок какой-то въезжает. Я говорю: «А сосед-то наш где?» — «Умер, говорит, ваш сосед. От рака. Теперь вот я тут умирать буду». Представляешь?! А мы и не знали, что он болел...

Мама сидит какое-то время молча.

МАМА. Вот почему...

Мама смотрит в одну точку.

Лена — как отражение.

ЖЕНЩИНА (*учительским голосом, напоминая, что смерть — смертью, а жизнь — жизнью, мол, не расслабляйтесь*). Самый сложный вид сочинения — выдуманный рассказ. Вот где вы должны в полном объёме применить свою фантазию и раскрыть творческие способности!

Тема для сочинения: «Взгляд в будущее!»

Мама и Лена сидят на диване, обнявшись.

МАМА (*сквозь слёзы*). А когда ты станешь знаменитой...

ЛЕНА. Mam, да я ведь уже не хочу быть знаменитой. Мы ведь решили...

МАМА. А я хочу, чтоб ты была знаменитой!.. Хочу и всё! Певицей, например.

ЛЕНА. Почему — певицей?

МАМА. Потому что тогда ты напишешь песню про Чикаго и про Серёжку, который туда уехал! И на каком-нибудь концерте при полном аншлаге ты её споёшь на «бис», и из зала на сцену вдруг поднимется — красивый, ослепительно улыбающийся мужчина! Прямо к тебе! И это будет он — Серёжка.

ЛЕНА. Ты ж сказала, что он станет толстым и лысым?

МАМА. Это если он тебя не полюбит и не оценит, то обязательно станет толстым и лысым, а если прямо к тебе, прямо из зала, то обязательно красивым и ослепительным!

Звучит музыка. Лена встаёт, берёт микрофон, выходит на середину сцены и поёт песню «Чикаго»:

ЧИКАГО

Когда вся судьба ещё тайна
И души чисты, как бумага,
В учебнике, в школе случайно
Я вдруг увидала Чикаго.
И с клятвенностью пионера
Сказал ты надменно и странно:
— Когда-нибудь миллионером,
А, может быть, гангстером стану!..

Припев: — Чикаго! Чикаго! Чикаго! —

Вопила мальчишек ватага.

А я, как давно это было —

Забыла, —

Ещё никого не любила!..

И не было плакать причины,
Но стало мне вдруг не до смеха,

Когда о тебе сообщили:

— Он, вроде, в Чикаго уехал...

Нам будущее неизвестно,

Но я к переменам готова.

Назначь же мне время и место,

Где мы повстречаемся снова!

Припев.

Я, в общем, живу как другие.

И в этом есть тоже отвага.

Но мучит тебя ностальгия,

И ты позвонишь из Чикаго.

И голос, знакомый до боли,

Сквозь страны, достигнув России,

Вдруг скажет: — А помнишь, ты в школе

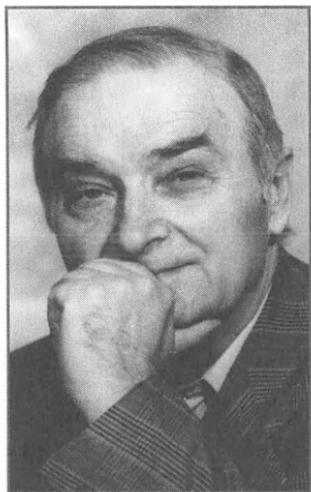
Была невозможно красивой?!

Припев.

На последнем куплете к ней на сцену выходит Парень.

Они стоят и смотрят друг на друга.

ЗАНАВЕС

Ион Друцэ

Родился 3 сентября 1928 года.
Живет в Москве.

Народный писатель Молдавии (1988), автор повестей «Листья грусти» (1957), «Возвращение на круги своя» (1972), «Жертвоприношение» и «Суббота в Назарете» (обе 1996), романов «Бремя нашей доброты» (1968), «Белая церковь» (1982), пьес «Каса маре» (1960), «Птицы нашей молодости» (1972), «Обретение» (1983) и многих других произведений.

На конкурс представил пьесу «Последняя любовь Петра Великого» (вторая премия).

Действующие лица

Петр Великий, *император*.
Екатерина Алексеевна, *императрица*.
Кантемир Дмитрий Константинович,
писатель и ученый.
Мария, *его дочь*.

Толстой Петр Андреевич, *начальник Тайной канцелярии*.
Остерман, *видный дипломат Посольского приказа*.
Паликула, *домашний врач в семье Кантемиров*.
Кондоиди, *греческий священник, учитель детей Кантемиров*.
Бецкой Иван Иванович, *меценат, реформатор просвещения*.
Байер, *профессор, исследователь русских древностей*.
Смаранда, *служанка в доме Кантемиров*.
Кикин, *денщик императора*.
Перфильев, *лейтенант, начальник караула в соловецкой тюрьме*.
Гроссмайстер Петропавловской крепости.
И еще много разного придворного люда петровской эпохи.

Последняя любовь Петра Великого эпопея в десяти картинах с эпилогом

Картина первая.

Январь 1720 года. В только что отстроенном кантемировском дворце Санкт-Петербурга играли свадьбу. Сорокасемилетний светлейший князь Дмитрий Кантемир сочетался браком с первой русской красавицей, восемнадцатилетней Анастасией Трубецкой. Свадьба была воистину царская, поскольку присутствовал сам государь Петр Алексеевич с супругой и дочерьми. После благословения свадьба, стоя, воспела царю «Многая лета».

ТОЛСТОЙ (*по окончании здравицы*). Поднимем кубки во здравие Государя Петра Алексеевича!

ПЕТР (*громко*). Не гони лошадей. Сначала споем молодым... Выпить успеем. (*После здравицы*). А любопытно, как звучит здравица на вашем,

князь, наречии? Как бы вас славили, буде эта свадьба справлялась бы в Яссах?

КАНТЕМИР. Как перед Богом, Ваше Величество! Здравницы на молдавском, ничем не уступают...

ПЕТР. А и спойте. Вон сколько вас тут!

КАНТЕМИР. Мы бы спели, да без благословения как-то...

ПЕТР. Сотворите. В вашем доме я постоянно натыкаюсь на каких-то монахов.

КАНТЕМИР. Живет один, да только он не пострижен.

ПЕТР. Что за беда! Раз носит рясу и кормится с твоего стола, пусть благословляет. Где он?

Пансофий, пав ниц перед царем, долго благословлял царскую чету, молодых, гостей. После чего тихо провозгласил: «Ла мульц ань». И молдавская часть стола подхватила.

ПЕТР. Красиво. Сочно. Плодовито. Да больно коротко. А как бы звучала здравица, если бы свадьба справлялась, скажем, в Афинах?

КАНТЕМИР. Боюсь, Ваше Величество, в Афинах, эта свадьба, никак, ну никак...

ПЕТР. Да почему же?! Разве твоя первая супруга, царствие ей небесное, не была гречанкой? Да еще, говорят, из рода византийских императоров. Разве она не оставила вам свой язык, так что вы, в домашнем обиходе, изъясняетесь на греческом? Да неужели вы, вместе с вашими домашними лекарями, которые у вас греки, вместе с учителями ваших детей, которые также греки, не осилите свадебную здравицу на греческом?!

КАНТЕМИР. Осилить-то мы осилим, да опять же без благословения на греческом...

ПЕТР. А где Кондоиди? Он же не просто священник, он проповедник Константинопольского патриарха... По церковному ранжиру это будет поболее архиепископа...

КОНДОИДИ. Бывший, Ваше Величество. Бывший священник, бывший проповедник... И потому, будучи лишенным сана...

ПЕТР. Мы возвращаем тебе все. Благослови!

Кондоиди оказался на редкость благочестивым греком. Сначала долго молился перед иконами, потом тихо благословил Государя, молодых, и вдруг неожиданно мощно запел. Подпевали многие, но слышен был один его голос.

ПЕТР. Изрядно. Соборно. Пробирает. Жаль только, язык глуховат, не так благозвучен, как латынь. А как бы звучала здравица, если бы эта же свадьба справлялась, скажем, в Константинополе?

КАНТЕМИР. Побойтесь Бога, Государь! Каким чудом эта свадьба могла бы оказаться в Константинополе?!

ПЕТР. А очень даже сподручно. Если бы нас тогда на Пруте не предали, и мы потеснили бы турок за Дунай, а потом выкурили бы их из самой Европы, то, взяв Константинополь, почему бы не закатить там свадьбу? Изобрази и представь.

КАНТЕМИР. Там и представлять, Ваше Величество, особо нечего... Турецкие свадьбы не похожи на наши.

ПЕТР. Что в них может быть особого? Не пьют, не едят, не трахают невест?

КАНТЕМИР. Турки веселящих душу напитков не употребляют.

ПЕТР. Нисколько? Ни в каком виде?.

КАНТЕМИР. Нисколько. Ни в каком виде.

ПЕТР. Откуда же у них веселье на свадьбах пребывает? Отчего оно происходит?

КАНТЕМИР. От еды, от чубука, от кофе, от музыки, от танцев...

ПЕТР. Турки танцуют?!

КАНТЕМИР. Очень даже.

ПЕТР. Раздельно или совместно?

КАНТЕМИР. В основном, женщины. Среди них встречаются несравненные танцовщицы.

ПЕТР. Никогда не видел танцующую турчанку. А позабавь нас, князь! Покажи танцующую на свадьбе турчанку.

КАНТЕМИР. Ну, мне сегодня как бы не с руки, Ваше Величество... Другой раз я с превеликим стараньем изображу все, что ваша светлость пожелает...

ПЕТР. Другой раз будет другое веселье. А сегодня нам желательно посмотреть танцующую турчанку.

КАНТЕМИР. Я, конечно, смиренно повинуюсь, хотя...

ПЕТР (*недовольно*). Хотя — что?

КАНТЕМИР. Ничего нет под рукой. Нет даже воздушного, прозрачного покрывала, каким обычно турчанки обволакивают себя во время танца...

ПЕТР (*подойдя, снимает с невесты фату, разворачивает, сворачивает, прикидывает так и этак*). По моему, в самый раз... Накинь на себя и пляши...

Молдавский Господарь стоял в глубокой растерянности. Слева — будущий тесть, генерал-фельдмаршал Трубецкой и весь их род не спускал с него глаз, с правой стороны царь-самодержец... Решалась судьба. И вдруг, в эту мучительную для него минуту, как из-под земли выросла дочь Кантемира, Мария, став между царем и отцом.

МАРИЯ. Простите нас великодушно, Ваше Величество, но мой отец не в состоянии сегодня представить должным образом танцующую турчанку...

ПЕТР. Почему не в состоянии?..

МАРИЯ. У него сегодня свадьба.

ПЕТР. И... в чем препона?

МАРИЯ. Ему надлежит ввести в наш дом новую хозяйку, а это, согласитесь, труд нелегкий, непростой... Позвольте мне представить Вашему Величеству и нашим гостям танцующую турчанку...

ПЕТР. Ты это умеешь?!

МАРИЯ. Умею.

ПЕТР. Откуда у тебя такое знание?

МАРИЯ. Я родилась в Царьграде.

ПЕТР. Ты слишком мало там прожила, для того чтобы уразуметь обычаи другого народа...

МАРИЯ. Может быть. Но увидела достаточно для того, чтобы развеселить свадебных гостей в русской столице...

ПЕТР. Будет потешно?

МАРИЯ. Постараюсь.

ПЕТР (*взяв фату из рук жениха, передает ее Марии*). А ты, князь, возьми тамбурин. Говорят, турки до сих пор помнят твою игру на этом струменте...

Принесли тамбурин. Мария изображала стыдливую, неловкую, целомудренную и очень смешную турчанку. Гости были в восторге.

ПЕТР (*подойдя, обнял и расцеловал*). Чудо как хорошо! Но уж как молдаванки танцуют на свадьбах, ты не можешь не представить.

Молдавский танец был полон солнца, озорства и очарования.

ПЕТР. Как она, однако, лихо пляшет! (*Марии*). А давай вместе русскую спляшем!

МАРИЯ. Только при одном условии, Ваше величество.

КАНТЕМИР. Ты осмеливаешься российскому Государю, нашему защитнику и покровителю... условия?!

ПЕТР. Князь, не мешай царю общаться со своими поданными. И какие же будут твои условия, детка?

МАРИЯ. Ботфорты.

ПЕТР. Что — ботфорты?

МАРИЯ. Снимите их.

КАНТЕМИР. Что-о-о-о?!

ПЕТР. Не мешай. Однако же, почему я должен их снять?

МАРИЯ. Говорят, танцуя, вы часто наступаете дамам на ноги...

ПЕТР. Ну, бывает, что и наступлю... Что за беда!

МАРИЯ. На ваших ботфортах немецкие подковы. Половина столичных дам уже прихрамывают при ходьбе...

ПЕТР. Вздор! На моих ботфортах самые обыкновенные... (*Снимает, изучает, прикидывает*). Катерина, наступал ли я когда тебе на ноги? Что молчишь? Подойди.

ЕКАТЕРИНА. Затруднительно выйти из за стола.

ПЕТР. А ты все-таки выйди. *(После того как царица подошла)*. Кикин!

Сними с царицы сапожки и сосчитай пальцы.

ДЕНЩИК. Восемь пальцев на обеих ногах, Сир.

ПЕТР. Не может того быть. Мы с ней всего один раз и плясали. Пересчитай. Может, там что срослось вместе. Тоже бывает...

КИКИН. Ничего не срослось, Сир. Восемь пальцев, при том, что некоторые из них...

ПЕТР. Что?

КИКИН. Разрозненны... смотрят как бы в разные стороны...

ЕКАТЕРИНА. К Государю это не имеет отношения.

ПЕТР. А к кому это имеет отношения?

ЕКАТЕРИНА. К моему отцу. В детстве я помогала ему пахать, вела лошадей, бегая по свежей вспашке, пальцы и разошлись...

ПЕТР. Но те два пальца на мне?

ЕКАТЕРИНА. На вас, Государь.

ПЕТР. Что же вы, дуры... Если бы не эта молдавская княжна, так и прохромали бы всю жизнь?! Хорошо, не будем портить князю свадьбу. Веселиться так веселиться. Но и ты, княжна, для удобства, сними. *Кантемир играл на тамбурине, вся свадьба, пристав, хлопала. Все летало, искрилось, пело, охваченное каким-то веселым безумием. В зените веселья государь разошелся до того, что, подхватив Марию, поднял и некоторое время продержал ее на одной руке.*

ЕКАТЕРИНА. Уронишь, Петр!

ПЕТР. *(опустив княжну)*. Всем подняться на палубу и снять с себя обувь. Танцуют все!! *(В зените всеобщего веселья)*. Швартовка! Убираем паруса. Салютуем молодым шампанским... Вся свадьба пьет. По большому кубку... И — до дна!!!

КАНТЕМИР. Ваше Величество, невеста просит, если будет на то Ваше все-милостивейшее соизволение...

ПЕТР. Нет. Большую чарку и до дна. Молода, здорова, ничего с ней не станется... *(Допивая свой кубок, Царь заметил краем глаза молодого рисовальщика, который, примостившись в уголке, дорисовывал что-то, ухмыляясь)*. Ну-ка, ну-ка, представь мне свое упражнение... Надо же, как ловко, мерзавец, схватил...

РИСОВАЛЬЩИК. Ваше Величество, если мой труд приятен вашему царскому оку, осчастливьте, поставив на нем резолюцию...

ПЕТР. Царские резолюции, друг мой, ныне дорого стоят... А цена твоему рисунку от силы десять рублей. Ты получишь свои десять рублей, а купленный у тебя рисунок я подарю княжне Кантемир за смелость и удаль...

МАРИЯ. Но — с вашей резолюцией, государь?

ПЕТР. С неперменной резолюцией, душа моя...

МАРИЯ. Боже, как я счастлива!..

КИКИН (*вполголоса*). Художника тоже надо как-то отметить...

ПЕТР. А непременно! Отправьте матросом на командорский фрегат — там его быстро обучат должному респекту. Надо же, как он меня срисовал, шельма этакая...

КАНТЕМИР. Не обижайте художников, ваше величество... Я ведь и сам не безгрешен, и не дело чтобы на моей свадьбе...

ПЕТР. Да как их не обидишь, как их не обидишь, Думитрашку!! Я двадцать лет строю новую столицу, новую Россию, воюю когда на юге, когда на севере, то мерзну на море, то задыхаюсь от жары, что ни день, с утра до ночи, в трудах, и ни одного сукиного сына который срисовал бы меня в сопряжении мышцы безмерном, а подсмотрели, стервы, как я, будучи на свадьбе, потехи ради, пошел плясать босиком, и тут же за карандаш... Ужо я тебе, мерзавцу!.. Отслужишь хорошо, в Италию пошлю учиться искусству... Но, что за услада танцевать босиком!..

КИКИН. Соблаговолите, государь, поставить сюда ножку...

ПЕТР. Ножки бывают у детей. У взрослых это уже ноги. Что до моих... не надо, я сам... Катерина, труба зовет.

ТОЛСТОЙ. Ваше величество... Подарки...

ПЕТР. Разве они еще не были поднесены?!

ТОЛСТОЙ. Они, конечно, были поднесены, но подарок от имени Царя — добро в доме, а подарок оглашенный самим Царем — это уже основа дома...

ПЕТР. Наши подарки молодым суть. Невесте золотое кольцо с бриллиантами, жениху шпагу и загородный дом, пригожий для ученых упражнений...

ТОЛСТОЙ (*вполголоса*). Родня со стороны невесты намекала, что будущему зятю фельдмаршала, может, согласно утвержденному табелю о рангах, светлейшему князю было бы достойно какой ни будь генеральский чин...

ПЕТР. С чего это?!

ТОЛСТОЙ. Все-таки, согласитесь, государь, для первой русской красавицы, звание молдавского Господаря как-то...

ПЕТР. Мало?! Кантемир у нас не только молдавский правитель. Светлейший князь, член правящего Сената, первый в России ученый, избранный в Берлинскую академию... Им все это мало?!

ТРУБЕЦКАЯ (*выскочив из за стола*). Премного вам благодарны, Ваше Величество... Мы этого не заслужили; приложим все усилия, чтобы быть достойными Вашего отеческого попечения о нас...

ПЕТР. То-то. Рожай охотно и помногу. Гуляй-погуливай, не без этого, но детей рожай только от мужа. Ежели девиц — то лицом и статью на себя похожи чтоб. Ежели мужеского пола, чтобы одни Кантемиры... Карету!

КАНТЕМИР. Ваше величество! Осчастливив, вы нас бросаете?!

ПЕТР. На свадьбе должен царствовать один жених. Царям и так есть где царствовать, особенно русскому. VIVAT!!!

Вся свадьба, встав, в один голос воспела «Многая лета».

Картина вторая.

Глубокая ночь. Гостиная в кантемировском дворце. Петр Андреевич Толстой внимательно следит за манипуляциями домашнего врача Кантемиров, который самозабвенно готовит какое-то снадобье.

ТОЛСТОЙ. Где князь?

ПАЛИКУЛА. Болен.

ТОЛСТОЙ. Речь не о его самочувствии. Я спрашиваю — где он?

ПАЛИКУЛА. Болен.

ТОЛСТОЙ. Передай, что я пришел.

ПАЛИКУЛА. Может быть...

ТОЛСТОЙ. Нет. Дело не терпит отлагательства.

Изможденный, исстрадавшийся князь Кантемир, с головой, обвязанной полотенцем, вошел, качаясь.

ТОЛСТОЙ. Боже! Так выглядит жених в медовом месяце?!

КАНТЕМИР. Маскарад доконал, Петр Андреевич. После той попойки никак себя не обрету...

ТОЛСТОЙ. Помилуй, князь, когда это было! Целая неделя прошла. После маскарада мы еще и масленицу отгуляли, а ты никак в себя не приходишь... Чем опохмеляешься?

КАНТЕМИР. Что есть это слово — опохмель?..

ТОЛСТОЙ. Выучив русский, он никак не может освоить наш главный глагол. После маскарада, проснувшись утром, что пил?

КАНТЕМИР. По утрам немного кофе, затем курю чубук...

ТОЛСТОЙ. С ума сойти! Кофе и чубук! Камараш! Графин водки и две чарки.

КАНТЕМИР. При одном названии этого напитка меня охватывает, как бы это поделикатнее сказать... омерзение...

ТОЛСТОЙ. Это остатки туретчины бунтуют в тебе. Постарайся сокрушить их, привыкай к водке. В России без этого не проживешь... *(Налил две чарки)*. Во здравие нашего Государя...

КАНТЕМИР. Не могу. Тошнит.

ТОЛСТОЙ. Повторяю — во здравье нашего Государя, Императора Российского...

КАНТЕМИР. Петр Алексеевич не позволяет к себе так обращаться. Говорит, будучи некоронованной особой...

ТОЛСТОЙ. Завтра Сенат обратится с нижайшей просьбой к Государю, дать согласие на коронавание... После двадцатилетней войны, после такой громкой победы над шведами, новой России, в новой столице, должно иметь не просто Государя, а Государя Императора... Итак, светлейший князь Кантемир... За здоровье Государя-Императора... Пьем стоя. До дна.

Выпив, князь мало по малу стал приходить в себя. Долго ощупывал голову.

КАНТЕМИР. Надо же. Как то посветлело... С вашего позволения удалюсь ненадолго — сниму повязку...

ТОЛСТОЙ. Чего бегать туда-сюда? Удобнее с повязкой, ну и носи. С ней ты даже лучше смотришься. Мудрее.

КАНТЕМИР. Благодарю. Прямо ангел хранитель направил вас в мой дом. Что во дворце? Как здоровье Петра Алексеевича?

ТОЛСТОЙ. Трое суток не выходит из кабинета. С чертежами возится. Строит новый корабль, напевая мелодии с твоей свадьбы...

КАНТЕМИР. Уж так она ему на душу легла?!

ТОЛСТОЙ. Слов нет. Посвежел, помолодел, корабль затеял...

КАНТЕМИР. Рад это слышать. Когда благодетель благоденствует, тогда и нашей душе выпадает толика радости...

ТОЛСТОЙ. Ну, а уж история о том, как босоногий царь танцевал с молодой княжной, обошла всю столицу. Все твердят в один голос — чудо, произошло настоящее чудо.

КАНТЕМИР. То есть как — чудо? О чем речь?

ТОЛСТОЙ. Ты разве не видел пляшущего царя?!

КАНТЕМИР. Ну, поплясали они вдвоем — что в том чудного?

ТОЛСТОЙ. А это уж зависит от того, кто где стоял.

КАНТЕМИР. Какое это имело значение?

ТОЛСТОЙ. Очень большое. Те, что поближе, видели все собственными глазами.

КАНТЕМИР. Что они такого могли усмотреть?

ТОЛСТОЙ (*оглядываясь и чуть понизив голос*). Государь не бог весть какой танцор; во время пляски часто наступал княжне на ноги.

КАНТЕМИР. Это заметили многие. Ну и что? В чем чудо?

ТОЛСТОЙ. А чудо состояло в том, что прикосновение босыми ногами к девичьим босым ногам подействовало на государя чрезвычайно. В конце концов, завершая танец, царь был в экстазе и подняв княжну одной рукой, у него, говорят, встало на дыбы...

КАНТЕМИР. Как — встал на дыбы? Кто встал? Царь?!

ТОЛСТОЙ. Да нет же, царский хрен поднялся на дыбы!!!.. Вся столица только об этом и толкует...

КАНТЕМИР (*смущенно*). Ну, знаете, говорить вслух о таких вещах...

ТОЛСТОЙ. Как не говорить? Дело-то важное, государственное!

КАНТЕМИР. Если это шутка, то, простите, неудачная...

ТОЛСТОЙ. Это вовсе не шутка. (*После паузы, понизив голос*). Понимаешь, таскаясь по кабакам, царь истощил всю мужскую потенцию. Тысячи красавиц плывут мимо него, как Волга-река, а на берегу никакого движения.

КАНТЕМИР. Ну, не скажите...

ТОЛСТОЙ. Бывает, конечно. Вдруг, ни с того ни с сего, на тысячу сто пятьдесят первую накинется, аки лютый зверь. Но это редко. Уже года два кровь в нем не вскипала, мы уж думали — к закату идет дело. Приуныла была столица, как вдруг, на твоей свадьбе, рвануло так, что, говорят, царские штаны трещали...

КАНТЕМИР. Меня опять начало мутить... Ничего, если мы еще по глоточку? Хуже не будет?

ТОЛСТОЙ. Наоборот. Просветление получит устойчивость...

КАНТЕМИР (*после того, как выпили*). Петр Андреевич... Я полагаю недостойным для нас, просвещенных, забавляться грубыми сплетнями придворных слуг...

ТОЛСТОЙ. Я провел расследование и косвенными расспросами убедился, что это чистая правда...

КАНТЕМИР. Но, кого вы могли о таких вещах расспрашивать?!

ТОЛСТОЙ. Как кого? Петра Алексеевича.

КАНТЕМИР. Вы, что же... Так напрямую?!

ТОЛСТОЙ. Ну зачем напрямую... Перебирая разные дела с Государем, я несколько раз упоминал мимоходом о вашей свадьбе. О пляске на босу ногу, о том, как он взмыл княжну и продержал ее на лету одной рукой...

КАНТЕМИР. И что ?

ТОЛСТОЙ. Представь себе — как только заходил об этом разговор, у царя загорался дикий огонек в глазах, он дергал усиками и начинал ерзать в кресле...

КАНТЕМИР. Вы не то что раз, а несколько раз говорили с царем о пляске на босу ногу?!

ТОЛСТОЙ. Раза два или три. Точно не помню.

КАНТЕМИР. А позволительно мне будет спросить — зачем вы все время возвращаете царя к той пляске ?

ТОЛСТОЙ. Вот! За что я тебя люблю и уважаю еще со времен Константинополя, так это за твой пронизательный ум. Сразу, на лету, саму суть. Браво.

КАНТЕМИР. Вы не ответили на мой вопрос.

ТОЛСТОЙ. Отвечу. (*Полушепотом*). Страна наша большая, неустроенная, во многом необъяснимая, но главная наша беда — престолонаследие. При громадных просторах и во многом смурном характере, власть в России должна плавно и разумно, без тряски и суматохи, переходить из рук в руки. А у нас каждое поколение норовит вступить в жизнь со своим царем, который, едва вступив на престол, всю старую гвардию лишает наследства и высылает в Сибирь.

КАНТЕМИР. Петр Андреевич! Вы, правая рука Петра — боитесь Сибири? И вы ее боитесь?!

ТОЛСТОЙ. Мне-то уж наверняка Сибири не миновать, но не обо мне речь. Великий, самым Господом ниспосланный нам Царь-батюшка вывел Россию из лесной глухомани и усадил за один стол с прочими народами, направив ее по новому историческому руслу, и все мы, так или иначе участвующие в этой громадной эпопее, не спим ночами — что дальше? Никто не вечен, и сам Государь не бессмертен. Неровен час, что с ним случится, тем более что он неуемен — то он в походе, то ушел в море, то лечится на водах. Если, не дай Бог, что с ним случится, кто продолжит дело Петра Великого? Где наследник престола? Алексей Петрович, царствие ему небесное...

КАНТЕМИР. Что поделаешь... Не всегда дети достойны быть продолжателями дела своих отцов.

ТОЛСТОЙ. Не будем об этом. Алексей Петрович был слаб телом и духом, дал ввести себя в заблуждение. Восстал против реформ отца. Петру надо было выбирать — сын или реформа России.

КАНТЕМИР. Он выбрал реформу.

ТОЛСТОЙ. Выбрал реформу, с тем расчетом, что вся жизнь еще впереди, бабы успеют нарожать наследников, сколько надо и каких надо. Но, вот, годы идут, а наследника, которого ждет вся Россия, нет как нет. Катерина, таскаясь с войском во всех краях, не слезая из седла месяцами, растрясла себя до того, что, либо выкидыш, либо рождает девиц, единственный мальчик недавно скончался. Как быть, что делать, на кого оставляем отечество? Все общество пребывало в тревоге, как вдруг, на этой самой свадьбе, царя схватило так, что затрещали...

КАНТЕМИР. Я... я... не совсем понимаю, Петр Андреевич, куда вы клоните... Вы хотите меня... и весь мой дом... опозорить?!

ТОЛСТОЙ. Что вы, князь! Наоборот. Хочу прославить. Более того, хочу предложить вам величайшую роль в истории России. Судьба представляет вам шанс. Не упустите его.

КАНТЕМИР. Какой шанс? О чем вы говорите?

ТОЛСТОЙ. Мария должна удовлетворить страсть царя.

КАНТЕМИР. Побойтесь Бога, Петр Андреевич! Моя дочь, молодая, незамужняя княжна, а сам государь связан законными узами перед алтарем с нашей государыней...

ТОЛСТОЙ. И что с того!

КАНТЕМИР. Как это — что с того?

ТОЛСТОЙ. Когда у верховного Правителя появляется страсть, попы да умолкнут.

КАНТЕМИР. Прошу вас, господин Толстой, не забывать что перед вами Господарь Молдавии, глава государства...

ТОЛСТОЙ. Уж если вы завели об этом разговор, то да будет вам известно, что не крымский хан и не молдавские бояре, а мы с Петром Алексеевичем возвели вас на молдавский престол.

КАНТЕМИР. Мы заключили с русским Царем договор в Луцке. Россия обещала Молдавии свободу от турок, а Кантемирам право наследственного Господарства...

ТОЛСТОЙ. Петр Великий — человек слова. Вы вернетесь в свою Молдавию, займете престол, но сегодня, поверьте мне, как старому другу и опытному дипломату, ваша дорога домой лежит не через Киев и Могилев, а через царскую постель...

КАНТЕМИР. Этого пункта в Луцком договоре нет.

ТОЛСТОЙ. Станный все-таки народ эти ученые. Иногда хватают пушинку на лету, другой раз гора на них катится, а он стоит как пень. Ты думаешь, твоя княжна такая уж красавица-раскрасавица, думаешь, она околдовала государя своими чарами? Своими босыми ногами возбудила в нем такую страсть?!

КАНТЕМИР. Я не понимаю, куда вы клоните...

ТОЛСТОЙ. Кантакузино, друг мой, вот истинный источник царской страсти. Фамилия твоей покойной супруги, вот что привело царя в такое возбуждение! Слух о том, что твоя покойная супруга — потомок Византийских императоров, и что в жилах твоих детей течет кровь правителей второго Рима, долго будоражила умы нашей столицы. Одни верили, другие нет. Петр Алексеевич тоже относился к этому когда как, и вдруг, на твоей свадьбе, когда дочь бросилась на защиту отца, рискуя, можно сказать, всем вашим родом, царь вдруг узрел в ней потомка властителей древней Византии. Его привели в восторг храбрость и высота духа твоей дочери...

КАНТЕМИР. Слава Всевышнему. Меня только смущает, что этот восторг принял какую-то диковатую форму...

ТОЛСТОЙ. Почему диковатую? Наш Государь — это вечный работник, вечный строитель. И не мне тебе говорить, что после падения Византии

Россия и по праву, и по существу, заняла ее место, возглавив весь христианский мир. Но нам недоставало одного звена, чтобы замкнуть цепочку, пальмовой веточки не хватало, чтобы вплести ее в наш герб и стать воистину Третьим Римом. И вдруг наш царь-батюшка узрел эту веточку, нашел пути соединения русского престола с престолом Византийским. И не на босые ноги твоей дочери, на великую идею, которую эта держава вынашивает сотни лет, царский орган, предназначенный для продолжения царствующих особ, обрел наступательное устремление...

КАНТЕМИР. Моя дочь Мария — образованная княжна, свободно владеет многими языками, в течении шести лет, с тех пор как я овдовел, вела мой дом, и я не думаю что она согласится стать царской наложницей.

ТОЛСТОЙ. А кто ее будет спрашивать? Цари за дамами не ухаживают, комплиментами не балуют, у них на это времени нет.

КАНТЕМИР. Но... тогда... как?

ТОЛСТОЙ. Очень просто. Входят в дом, бросают на постель и пошел пахать. Дело простое. Важно только, чтобы она забеременела. А там все само собой обустроится...

КАНТЕМИР. Петр Андреевич... Вы... пришли ко мне этой ночью... чтобы... погубить мой дом?

ТОЛСТОЙ. Спасти пришел.

КАНТЕМИР. Как? Чем?

ТОЛСТОЙ. Советом. Мудрым советом старого тертого калача.

КАНТЕМИР. Ну, и... Каким будет совет этого калача?

ТОЛСТОЙ (*после паузы*). Вчера Государь мимоходом как-то справлялся, есть ли у вас вход прямо в женскую половину дворца.

КАНТЕМИР. Есть, но он запечатан.

ТОЛСТОЙ. Распечатайте.

КАНТЕМИР (*в ярости*). Вы предлагаете мне... пойти и распечатать... вход... в женскую половину моего дома?!

ТОЛСТОЙ. Вам незачем этим заниматься. Это сделают ваши слуги. Что до вас, тихо поправляйте свое здоровье, оно у вас сильно пошатнулось. Пожелтело лицо, круги под глазами...

КАНТЕМИР. Как я понимаю, вы мне советуете...

ТОЛСТОЙ. Да, я вам советую пока не снимать с головы повязку. Следите за своим здоровьем. Храни вас Господь.

Оставшись один, князь долго пребывал в полном оцепенении. Затем лицо как-то стало проясняться, он поднялся, налил половину чарки, поднял правую руку, как это делали завоеватели Дакии и произнес знаменитое римское: SALVE!!

Картина третья.

Глубокая ночь. Спальня в кантемировском дворце. У входа догорает свеча. В сумерках виднеется кровать, занятая великаном. Левая рука не уместилась, висит в пространстве, почти касаясь пола. Рядом с кроватью кресло. Вокруг по полу разбросанные вещи. Потрясенная, взлохмаченная Мария, в ночной рубашке, маячит как привидение рядом с креслом. Временами, когда кровать содрогается от могучего солдатского храпа, она вздрагивает. Долго недоуменно изучает пространство, пытаясь понять что она, где она... Увы, это был ее дом. Тяжело вздохнув, тряхнула головой, подобрала с пола какую-то вещь, стала ее на себя надевать. Шелковый халат был изорван, свисал подол. Отрывала то, что свисало, и вдруг ей пришла мысль. Стала аккуратно рвать халат на полосы, привязывая их друг к другу, зубами затягивая узлы. Собрав достаточную длину, поставила стол прямо под свисающим с потолка канделябром, взобралась на стол. Сделав петлю, прицеливалась, как бы накинуть ее на канделябр, и тут из темноты раздался детский голосок.

АНТИОХ. Мария, пожалуйста, не делай этого.

МАРИЯ (*вздвигнув, в ужасе*). Как ты сюда проник?!

АНТИОХ. А... Вошел. Через эту дверь.

МАРИЯ (*тихо*). Но... Там же, за дверью, денщики.

АНТИОХ. Они спят. Мария, сестра моя, не оставляй меня...

МАРИЯ (*после долгой паузы*). Не называй меня больше сестрой.

АНТИОХ. Почему?

МАРИЯ. Я не достойна этого.

АНТИОХ. Ты всегда была, есть и будешь моей старшей сестрой, что бы с тобой не случилось... Пожалуйста, не делай этого. Довольно с нас сиротства.

МАРИЯ. Какое сиротство, о чем ты говоришь! У нас прекрасный отец. Теперь, вот, есть у нас и мать.

АНТИОХ. Она не может быть тебе матерью.

МАРИЯ. Почему?

АНТИОХ. Она моложе тебя.

МАРИЯ. Нет. Мы одногодки.

АНТИОХ. Все равно, мамой она тебе быть не может. Да и мне тоже. Если тебя не станет, мы все погибнем.

МАРИЯ. Иди в свою комнату, сотвори молитву и ложись спать.

АНТИОХ. Я не сдвинусь с места, пока ты не слезешь со стола.

Мария спустилась, подошла, обняла и разрыдалась.

АНТИОХ. Почему ты плачешь?

МАРИЯ (*вытирая лицо косами*). Я не могу жить в позоре...

АНТИОХ. Не можешь или не хочешь?

МАРИЯ. Не могу. И не хочу.

АНТИОХ. Ну... Не хочешь жить ради себя, живи ради нас. Ради меня.

МАРИЯ. Голубчик ты мой, я бы всей душой, но... как жить-то?

АНТИОХ. Придумай. Ты умная. Знаешь наизусть Горация. С тобой отец советуется, с тобой учитель советуется, к тебе даже царь прислушался...

МАРИЯ (*после долгой паузы*). Что ты знаешь о царях, глупый ты мальчик... Ну да ладно. Маленькую тропочку, пожалуй, можно отыскать в этих диких зарослях, хотя трудно сказать, куда она приведет... Так и быть... Иди тихо по коридору, разбуди господина учителя и попроси прийти сюда. Но ступайте тихо — не по полу, по воздуху...

АНТИОХ. Я не пойду за учителем, пока ты не отдашь веревку.

МАРИЯ. Какую веревку?

АНТИОХ. Ту, что у тебя в руках.

МАРИЯ. Это не веревка, это разорванный халат.

АНТИОХ. Все равно. Отдай.

МАРИЯ. Половину.

АНТИОХ. Нет. Целиком. Иначе я разбужу отца.

МАРИЯ. Надо же, как привязался... Вот. Бери. Только — по воздуху, иначе все сорвется...

Оставшись одна, оглянулась, тяжело вздохнула и принялась хоть как-то прибираться. Собрала ботфорты, разбросанные по разным углам комнаты и поставила их рядом, возле кровати. Подняла с пола царский мундир, почистила, повесила на спинку кресла. Оставалась свисающая с кровати огромная рука. Согнуть в локте — никак не согнешь. Целиком не уместается. Валится обратно. Тихий кашель заставил обернуться. В дверях стоял встревоженный, в ночной рубашке, учитель.

КОНДОИДИ (*шепотом*). Мария, девочка моя, что случилось?

Мария подошла, обняла одной рукой учителя, другой брата, и опять разрыдалась.

КОНДОИДИ. Не плачь. Есть время слез, есть время слов. Теперь время слов. Что случилось?

МАРИЯ. Хочу умереть.

КОНДОИДИ. Почему?

МАРИЯ. Жить в позоре стыдно и недостойно. Передайте отцу, братьям, всем нашим близким, что я не смогла пережить эту ночь...

КОНДОИДИ. Жизнь человеческая есть высший дар небес, и человек не должен распоряжаться собой.

МАРИЯ. Но... если я не могу больше... если нет выхода...

КОНДОИДИ. В природе не существует таких положений, из которых не было бы достойного выхода... Давай думать вместе...

Мощный храп заставил всех троих вздрогнуть.

МАРИЯ. По правде говоря, есть один выход, но я не смею просить вас об этом, вы никогда на такое не согласитесь...

КОНДОИДИ. Не надо думать за меня. Господь каждому дает посильное вразумление. Итак, чем помочь?

МАРИЯ. Обвенчайте нас. Только так можно будет смыть позор этой ночи...

КОНДОИДИ. Как — обвенчать? Кого с кем?

МАРИЯ. Меня с тем, кто лишил меня невинности.

КОНДОИДИ. Но, Мария, душа моя, турки вынудили Патриарха снять с меня большой серебряный крест...

МАРИЯ. Но вы же носите на себе бронзовый... Дело не в размерах и ценности металла, а в символе...

КОНДОИДИ. (*достав нательный крест, в раздумии*). Кроме того, венчанного, при живой супруге, невозможно венчать с другой... Это нарушение канона, установленного самим апостолом Павлом, это тяжкий грех...

МАРИЯ. Я знаю. Пусть он будет на мне.

КОНДОИДИ (*тихо*). Не говоря уже о том, что обряд бракосочетания невозможно свершить по той простой причине, что жених спит.

МАРИЯ. Ну и что? Все женихи спят — кто на ногах, кто уже в постели. По крайней мере в постели культурней, чем спать стоя.

КОНДОИДИ. Но... я даже не могу поставить вас рядом!

МАРИЯ. Почему? Я стану так возле кресла, возьму под ручку...

КОНДОИДИ. Кого возьмете под ручку? Рукав мундира?!

МАРИЯ. А что такого?! Не забывайте, мы в России, а здесь мундир значит много больше, чем сам человек...

КОНДОИДИ. А потом, как я спрошу, согласны ли вы...

МАРИЯ. Спросите, и я отвечу.

КОНДОИДИ. Невеста-то ответит, а сам жених?!

МАРИЯ. Я за него отвечу.

КОНДОИДИ (*обречено*). Проснувшись, он убьет нас.

МАРИЯ. Вас — нет. Вы лицо духовное, он принимал от вас благословение. А меня он уже убил.

КОНДОИДИ (*после большой паузы*). Вы требуете от меня невозможное, недопустимое, хотя... Могу же я за вас помолиться! Любая молитва приятна Господу.

МАРИЯ. Но... будет ли эта молитва похожа на те, что произносятся во время бракосочетания?

КОНДОИДИ. Почти.

МАРИЯ. Почему — почти, а не целиком, по канону?

КОНДОИДИ. Потому что мы принадлежим к трем разным церквям — я к греческой, ты к молдавской, жених к русской...

МАРИЯ. Но — мы же все православные? Господь у нас один?

КОНДОИДИ. Един.

МАРИЯ. Тогда зачем пользоваться частью, если есть целое?..

КОНДОИДИ (*после долгой паузы, держа крест и свечу*). Господи! Аз есмь червь земной. Все мы в грехах рождаемся, в тяжких смертных грехах проходит наша жизнь, и на одре из сплошных грехов почием. Воистину, если бы Ты судил нас за наши прегрешения, рассыпалась бы как от моли вся краса наша. Мы сгнули бы, земля превратилась бы в пустыню, если бы Ты, Всемилостивый наш Господь, не снимал бы с наших плеч бремя наших грехов, не поднимал бы нас, не укреплял бы ступни наши на путях ведущих к Тебе... Господи Иисусе! Омой десницей своей эту ночь, эти души, и то что посеяно, да посеянным будет, и то что повязано, да повязанным останется. Омен.

МАРИЯ. А... почему вы не даете молодым крест целовать, в знак вечного союза?

КОНДОИДИ. Что до целования креста... Ты, конечно, но жених...

МАРИЯ. Что — жених?

КОНДОИДИ. Он как бы... не в состоянии... Отсутствует...

МАРИЯ. Ничего. Крест он у меня поцелует.

КОНДОИДИ. Во сне?

МАРИЯ. Почему — во сне? На мгновение проснется.

КОНДОИДИ. Но... проснувшись... Убьет...

МАРИЯ. Может и убьет. Но сначала поцелует знамение креста.

С превеликим страхом и трепетом Кондоиди протянул Марии бронзовый крест. Мария поцеловала крест, затем поцеловала руку учителя, взяла крест и долго блуждала вокруг кровати, заходя то с одной, то с другой стороны, тихо шепча про себя: «Ну, целуй же, ирод рода человеческого...»

И вдруг, один из храпов захлебнулся на самом взлете. После недолгого сопения, донеслось что то похожее на чмокание...

МАРИЯ. (*счастливая*). Поцеловал! Учитель, ваша молитва сотворила чудо, позвольте стать перед вами на колени...

КОНДОИДИ. Ну не надо... пожалуйста, не надо... в греческой церкви это не принято... счастливой вам звезды... мы с Антиохом оставляем вас под сенью Ангела хранителя...

МАРИЯ. Виопа sera... Антиох, уходя, задуй свечу...

АНТИОХ (*встревожено*). А... Зачем ее гасить?!

МАРИЯ. Как зачем? Уже за полночь. Семья наша укладывается...

Подошла к кровати, сняла с себя все, прикидывая, как бы прилечь к этой громадине. Кое-как уместилась, но было холодно, неуютно, и она тихо прошептала: «Господин мой... Укрой меня своим крылом...»

И вдруг храп сорвался с крючка, огромная рука, весь вечер висевшая в пространстве, ожила, медленно стала подниматься и наконец плюхнулась на худенькое тело Марии.

АНТИОХ (потрясенный, учителю). И — укрыл!!

КОНДОИДИ. Укрыл.

Картина четвертая.

Гостиная в Петровском дворце. Холодное, мрачное, сырое утро. Горят поленья в камине. За окном — тревожный шум весеннего половодья. Екатерина, сидя у маленького столика, гладит болонку и долго, испытующе изучает Толстого, одиноко стоящего у порога. Войти и садиться не приглашают.

ЕКАТЕРИНА. Вы, кажется, с плохими новостями?..

ТОЛСТОЙ. Городу грозит наводнение, Ваше Величество. Вторые сутки вода продолжает прибывать. Висим на волоске.

ЕКАТЕРИНА. Продолжайте строить заградительные дамбы.

ТОЛСТОЙ. С утра и до самой темноты трудимся. Дня не хватает. Напор нарастает. Вода вот-вот прорвется.

ЕКАТЕРИНА. Если не хватает дня, прихватывайте ночами.

ТОЛСТОЙ. Невозможно.

ЕКАТЕРИНА. Почему?

ТОЛСТОЙ. Больных зело много, и умирают беспрестанно..

ЕКАТЕРИНА. Найдите здоровых для работы по ночам.

ТОЛСТОЙ. Где оне?

ЕКАТЕРИНА. Возьмите мою охрану. Две роты молодых, здоровых, крепких ребят.

ТОЛСТОЙ. Не имеем права оставлять государыню без охраны.

ЕКАТЕРИНА. Ничего со мной не случится. Оставьте двух-трех солдат на посту, остальные пусть трудятся на дамбах.

ТОЛСТОЙ. Две роты мало что дадут.

ЕКАТЕРИНА. Откройте тюрьмы, преступники, небось, любят жизнь, уж они-то не дадут городу уйти под воду.

ТОЛСТОЙ. Колодники в цепях много не наработают.

ЕКАТЕРИНА. Снимите с них на время колодки.

ТОЛСТОЙ. Опасно, ваше величество. Разбегутся, начнут, чего доброго, город грабить.

ЕКАТЕРИНА. Уж лучше быть ограбленным, чем потонуть вместе со своим добром.

ТОЛСТОЙ. Не поставит ли Государя в известность о грозящем городу бедствии?

ЕКАТЕРИНА. Что толку! Пока весть найдет царя в море, мы или утонем, или спасемся.

ТОЛСТОЙ. Что ж, получив Высочайшую резолюцию, позвольте откланяться, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА. Минутку, Петр Андреевич. У меня к вам слово. Да вы проходите, садитесь.

ТОЛСТОЙ. Премного благодарен. *(Глядя в окно)*. Прибывает, треклятая... Как бы не опоздать...

ЕКАТЕРИНА. Утонуть вместе с Государыней не всякому дано.

ТОЛСТОЙ. Уж мы не дадим вам потонуть...

ЕКАТЕРИНА. Открыто — нет... А исподтишка все норовите спихнуть меня в пучину...

ТОЛСТОЙ. Побойтесь Бога, Ваше Величество...

ЕКАТЕРИНА. Скажите, Петр Андреевич... Вы часто бываете в доме князя Кантемира?

ТОЛСТОЙ. По мере надобности, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА. А без надобности?

ТОЛСТОЙ. Случается, что и по зову сердца, поскольку мы со светлейшим князем давние приятели, еще со времен моего заточения в семибашенный замок. Тогда князь и мне, и всей России, неоценимую услугу оказал...

ЕКАТЕРИНА. Собираясь, по зову сердца, в доме князя, весело время проводите?

ТОЛСТОЙ. Бывает, по-стариковски, потешим себя воспоминаниями, чарочкой...

ЕКАТЕРИНА. Ничего себе старички у нас потешаются... Отхватили первую красавицу России и ушли в воспоминания... У нее, говорят, уже был выкидыш?

ТОЛСТОЙ. Светлейший князь, человек чрезвычайного достоинства, посторонних в свои семейные дела не посвящает...

ЕКАТЕРИНА. Компании собираются изрядные?

ТОЛСТОЙ. Когда как, но не очень.

ЕКАТЕРИНА. Говорят, сам Государь часто проводит вечера в доме Кантемиров?

ТОЛСТОЙ. Всего несколько раз мы имели счастье лицезреть присутствие Петра Алексеевича..

ЕКАТЕРИНА. Говорят, захаживает запросто, без свиты.

ТОЛСТОЙ. Всяко бывает. Один раз даже привел соборный хор.

ЕКАТЕРИНА. Соборный хор?! Для чего?

ТОЛСТОЙ. Светлейший князь вывел математическую формулу, согласно которой должно бы петь церковным хорам. Петр Алексеевич пожелал проверить гипотезу...

ЕКАТЕРИНА. Подтвердилась?

ТОЛСТОЙ. Кто?

ЕКАТЕРИНА. Гипотеза.

ТОЛСТОЙ. Не могу судить. Я плохо учил математику в свое время. Однако, гудит-разрывается Нева... Позвольте мне, Ваше Величество, ради вашего же блага...

ЕКАТЕРИНА. Не спешите. Мы еще не добрались до главного.

ТОЛСТОЙ. Слушаюсь.

ЕКАТЕРИНА. Говорят, Петр Алексеевич, навещая дом Кантемиров, иной раз заходит прямо на женскую половину?

ТОЛСТОЙ. Мне об этом ничего не известно.

ЕКАТЕРИНА. Если вам ничего не известно о том, о чем вся столица судачит, тогда, какой вы к черту начальник тайной канцелярии?.. Впору было бы поставить вопрос о вашем смещении...

ТОЛСТОЙ (*встревоженный*). Ну, если по правде... Слухи о том что княжна Мария будто бы забеременела, по городу ходили, но связано ли это с посещением Государем кантемировского дворца, о том никому не дано...

ЕКАТЕРИНА. Все знают. И вы это знаете. Я вам даже больше скажу — вы сами эту беременность и устроили...

ТОЛСТОЙ (*опустившись на колени*). Ваше Величество, прикажите принести любую икону вместе со Святым Писанием...

ЕКАТЕРИНА. Пустое. При мне вы множество раз клялись на иконах, а клятвы были ложные... Однако, я дам вам возможность, один раз в жизни, без клятвы, дать слово и сдержать его.

ТОЛСТОЙ. Горы переверну.

ЕКАТЕРИНА. Горы не надо трогать. Пусть стоят, где стояли. Но, при условии, что Мария не родит.

ТОЛСТОЙ. Ваше Величество, вы просите о невозможном! Уж лучше позовите стражу и прикажите меня обезглавить.

ЕКАТЕРИНА. Какой мне резон казнить одного из самых способных и старательных помощников царя? Я против вас никогда не пойду, но это при условии, что МАРИЯ НЕ РОДИТ!

ТОЛСТОЙ. Ну а даже если это и произойдет, что случится?

ЕКАТЕРИНА. Начнется смута. После заключения мира со шведами короновали одного Петра Алексеевича. Меня рядом не было, хотя я немало

услуг оказала России. Все только и толкуют о том, что тому виной беременность княжны Кантемир. Мол, если родится сын, Петру не долго и пережениться...

ТОЛСТОЙ. Глупые бабы сплетни, Ваше Величество...

ЕКАТЕРИНА. Глупые-то они глупые, но — заполонили всю Россию...

А сплетни — это не вода в Неве, дамбами не укротишь...

ТОЛСТОЙ. Сплетни — это словесный мусор, им не следует придавать чрезмерного значения.

ЕКАТЕРИНА. Если сплетню не удавить в самом зародыше, она в конце концов начинает обрастать достоверными фактами. А думал ли ты, Петр Андреевич, о том, что я еще молода и в силе. Я еще и наследника рожу России, я еще и сама, возможно, буду править...

ТОЛСТОЙ. Дай-то Бог.

ЕКАТЕРИНА. Тебе бы надо поближе ко мне, Петр Андреевич. Тебе бы должно прислушиваться к каждому моему словечку...

ТОЛСТОЙ. Затаив дыхание, Ваше Величество, внимаю...

ЕКАТЕРИНА. МАРИЯ НЕ ДОЛЖНА РОДИТЬ!

ТОЛСТОЙ. Ваше Величество... Все что угодно, только не это. Обо мне и так ходит слух, будто бы я заманил царевича Алексея из заграницы, вел допросы с пристрастием и учинил тот последний застенок, после которого царевич преставился. Думаете, легко мне, когда слышу, как по углам шепчутся и за глаза называют царевубийцей...

ЕКАТЕРИНА. Это же правда.

ТОЛСТОЙ. Но... но... почему вы мне это говорите в глаза?!

ЕКАТЕРИНА. У лошадей, которые ходят в одной упряжке, секретов друг от друга нет. Я полагаю, мы ходим вместе...

ТОЛСТОЙ. Что до меня, пройду вместе с моей Государыней до самого гроба, но я не могу второй раз лишать Россию...

ЕКАТЕРИНА. Ах так ты в самом деле полагаешь, что волошская наложница носит в себе наследника России?! До того дело дошло?

ТОЛСТОЙ. Простите, Ваше Величество, я вовсе не это хотел сказать... Сорвалось с языка...

ЕКАТЕРИНА. Вы прекрасный дипломат, Петр Андреевич! Вы никогда слова лишнего не молвите. Я часто думаю о ваших необыкновенных способностях... Помните, как вы с Петром Алексеевичем разрабатывали положение о графском достоинстве. По моему, вы нарочно ездили в Рим, чтобы наши графья были в то же время признанными графами Священной Римской империи...

ТОЛСТОЙ. Было, Ваше Величество. Ездил. Пробыл. А почему вы об этом вспомнили?

ЕКАТЕРИНА. Я долго не могла забыть вашего лица, когда вы об этом докладывали царю.

ТОЛСТОЙ. Что же в моем лице было такого особого?

ЕКАТЕРИНА. Оно горело, оно пылало, оно светилось мечтой о графском достоинстве...

ТОЛСТОЙ. Любая жизнь, Ваше Величество, освещена мечтой. Моя не исключение.

ЕКАТЕРИНА. Вы получите титул графа Священной Римской империи, но при условии что Мария Кантемир не родит.

ТОЛСТОЙ *(после долгой паузы)*. Не губите, Ваше Величество...

ЕКАТЕРИНА. Наоборот, спасаю. И не столько вас, сколько весь ваш род.

ТОЛСТОЙ. Причем тут мой род?!

ЕКАТЕРИНА. Притом, что существуют роды нисходящие и роды восходящие. В России многие роды, при всей знатности и неисчислимом богатстве, угасают. А род Толстых на взлете, он только-только набирает силу...

ТОЛСТОЙ. Боюсь, ваше величество, что вы, по доброте своей, преувеличиваете...

ЕКАТЕРИНА. Не лукавь, Петр Андреевич... Хоть и в преклонных годах, ты семя куда попало не сливаешь, все несешь в дом, заставляя своих баб что ни год рожать... Уж ты их наплодил, уж ты их наплодил, и все тебе мало...

ТОЛСТОЙ. Души дает Господь.

ЕКАТЕРИНА. Бог души не даст, пока муж не полезет... А думал ли ты, что оставишь им в наследство? Твои имения им вряд ли достанутся. Богатства в России — та же вода в Неве: недели две прибывает, потом целый год одна убыль... То ли дело — титулы. Ну а уж графское достоинство — это навсегда, для всех, сколько бы их там не было...

ТОЛСТОЙ. Но как? Как? Как?

ЕКАТЕРИНА. Вы, по слухам, в хороших отношениях с домашним врачом семьи Кантемиров...

ТОЛСТОЙ. Паликула никогда на это не пойдет.

ЕКАТЕРИНА. Конечно, за пятьсот рублей ни за что не согласится. Но за тысячу любой грек пойдет на все.

ТОЛСТОЙ. Ваше Величество, я много грешил в своей жизни, но княжна Мария моя крестница. Я ее принимал от купели...

ЕКАТЕРИНА. А Россия вам кто?

ТОЛСТОЙ. Россия — это Отечество.

ЕКАТЕРИНА. То-то. Не путайте купель с Отечеством. Ступайте. Выпустив преступников, последите, чтобы самые отъявленные...

ТОЛСТОЙ. Самые отъявленные уже там.

ЕКАТЕРИНА. Тем лучше. Удачи вам, Петр Андреевич, и постоянно сообщайте мне уровень воды в реке... Меньшиков как-то обособливо ведет дела, редко когда что дельное сообщит...

Толстой поднялся с кресла, поклонился, направился к выходу...

ЕКАТЕРИНА. Петр Андреевич! Не ставьте нас в затруднительное положение.

ТОЛСТОЙ. Не понял, Ваше Величество...

ЕКАТЕРИНА. Бывая за границей, вы разве не видели, как ходят графья Римской империи?! Что вы плететесь, как старая кляча — иностранные послы будут иронии производить на наш счет, говоря — перед самой могилой присваивают титулы...

ТОЛСТОЙ. Ваше Величество, я ничем еще не заслужил, мне ничего еще не присвоено...

ЕКАТЕРИНА. Ничего. Заслужишь. И присвоим. Слово царя. Ну же, старый хрен, ну же!!!

Из последних сил, выпрямляя свой старческий позвоночник, восьмидесятилетний Толстой покидает дворец.

Картина пятая.

Массивный, мрачный каземат Петропавловской крепости. Гремят засовы, открывается дверь, неведомая сила впахивает вовнутрь доктора Паликулу, после чего дверь захлопывается. Растерянный грек пытается уразуметь, что к чему. Ни иконы, ни стола, ни стула. Откуда-то, из-за толстых стен, то ли сверху, то ли из подвалов, доносится звон кандалов, стон, вопль, и душераздирающее «ПОЩАДИ!!!»

Крик страждущего подействовал на старика, как труба на боевого коня. Похлопал себя по карманам, развязал дорожный мешочек.

ПАЛИКУЛА. Надо же, опять ничего из нужного не прихватил с собой... Но, доктор, даже если ничего из нужного нет под рукой, он все равно доктор...

Бросается к дверям, двери заперты. Дергает за ручку, стучит кулаками, стучит ногами. Никого. А вопли не утихают.

ПАЛИКУЛА (философски). Теперь, скажите мне, будьте так любезны... Можно ли доктору-греку исполнять свой долг в России?!

Неожиданно дверь открывается, входит Петр Андреевич, за ним уныло плетется мастеровой.

ПАЛИКУЛА. Петр Андреевич! Сам Господь направил вас мне во спасение...

ТОЛСТОЙ. Одну минутку... Я пока занят... (Мастеровому). Нет-нет, это не та лейка, которую я тебе заказал...

ГРОССМАЙСТЕР. Либер хер Петр! Ваша рука держаль не просто тристер-лейка, ваша рука ест кунс-тристер-лейка...

ТОЛСТОЙ. Мы не в музее, а в Петропавловской крепости, и не в Гамбурге, а в Санкт Петербурге... Мне не красота, мне суть нужна.

ГРОССМАЙСТЕР. Что есть в этот дела суть?

ТОЛСТОЙ. Во первых — она должна быть меньше. Не грядки будем поливать.

ГРОССМАЙСТЕР. А поливать будет что?

ТОЛСТОЙ. Это уж не твое дело. Для тебя главное принять мой заказ и исполнить его наилучшим образом.

ГРОССМАЙСТЕР. Я есть внимание.

ТОЛСТОЙ. Горлышко сделай поуже — серебро опять подскочило в цене. И ручку переделай. Что это за ручка?

ГРОССМАЙСТЕР. Бронза. Чистый бронза.

ТОЛСТОЙ. При чем тут бронза? Я сказал, чтобы ручка была костяная, чтобы приятно было пальцам при касании... Пошел. Через два часа покажешь готовую лейку. Теперь с вами, что у вас... Ба, кого я вижу! Мой старый и верный друг Паликула! Какими судьбами?!

ПАЛИКУЛА. Конники, при обнаженных мечах...

ТОЛСТОЙ. Судьбы при мечах!! Где такое можно увидеть?

ПАЛИКУЛА. На Невском. Я направлялся в Синод с рукописью светлейшего князя. Меня схватили как преступника и впихнули в эту дверь... Вы назвали меня только что своим другом. Если я действительно ваш друг, скажите, можно ли так хватать человека и втискивать его куда попало?

ТОЛСТОЙ. А почему нельзя?

ПАЛИКУЛА. Нельзя потому что мы — цивилизованные люди. Живем ли мы в Афинах, в Риме или Гамбурге...

ТОЛСТОЙ. Друг мой! Докторов, когда в них крайняя нужда, хватают и ведут туда, где они нужны. Так повсюду, так и в России.

ПАЛИКУЛА. Хорошо. Допустим. Когда доктор нужен, его везут, по доброй ли воле или силой. Хорошо. Привезли. Вокруг одни страдания, а меня заперли, я не могу исполнить свой долг. Скажите, можно ли доктору-греку...

ТОЛСТОЙ. Погоди, давайте по порядку. Кто страдает, где?

ПАЛИКУЛА. Кругом одни страдания. Вопли идут и справа, и слева, и сверху и снизу... Тихо. Слушаем. (*Мертвая тишина*). Очень странно. Меня только что звали, умоляли, вопили — ПОЩАДИ!!!

ТОЛСТОЙ. Ах, вот ты о чем! Не обращай внимания на вопли этого подлого народа. Не они нуждаются сегодня в вашей помощи.

ПАЛИКУЛА. А кто?

ТОЛСТОЙ. Россия.

ПАЛИКУЛА. Но... Россия есть великая держава, а я есть скромный лекарь с маленького греческого острова...

ТОЛСТОЙ. И вот, представь себе! Великая северная страна сегодня, как никогда, нуждается в помощи доктора с маленького острова, Крит, если не ошибаюсь...

ПАЛИКУЛА. Боюсь, я плохо еще освоил русский язык и не совсем понимаю...

ТОЛСТОЙ. Не разглядывай стены. Там ничего интересного.

ПАЛИКУЛА. Какие-то подозрительные пятна... Хорошо. Не буду. Начнем по порядку. Жалобы.

ТОЛСТОЙ. То есть как, жалобы?! Чьи жалобы?!

ПАЛИКУЛА. Позвав доктора, выкладывают свою боль. Что происходит с этой... как ее...

ТОЛСТОЙ. С Россией?

ПАЛИКУЛА. Вы сказали.

ТОЛСТОЙ. Если бы мы знали, что с Россией происходит!.. Если бы мы только это знали!!!..

ПАЛИКУЛА. Упростим вопрос. Какие имеем жалобы?

ТОЛСТОЙ. Маета.

ПАЛИКУЛА. Еще раз простите... Что есть маета?..

ТОЛСТОЙ. Ну, как тебе объяснить, друг ты мой... Вот, мается наша матушка-Россия, мается и все тут. Ты хочешь знать, что это такое? Вот, к примеру, собираемся в храм на исповедь, а попадаем в плохую компанию и напиваемся до чертиков... Дальше — больше. Сеем рожь, вырастет чечевица. Выигрываем войну за войной, а победы нет как нет.

ПАЛИКУЛА. Длинные жалобы доктора не слушают. Надо коротко. Одно слово.

ТОЛСТОЙ. Хорошо. Скажу коротко... ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ. Вот главная причина маяты нашей матушки России...

ПАЛИКУЛА. И... Давно?

ТОЛСТОЙ. Что?

ПАЛИКУЛА. Давно такое страдание?

ТОЛСТОЙ. О! С незапамятных времен. Российская история есть история бесконечных недоразумений, противостояний, свержений и вознесений, часто отмеченных кровопролитием, и все по одной и той же причине — престолонаследие...

ПАЛИКУЛА. Оставим прошлое. Оно неизлечимо.

ТОЛСТОЙ. Хорошо. Оставим прошлое, займемся нашим делами. Великий Петр начинает громадные переустройства, чтобы вывести Россию из седой дремучести и усадить за один стол со всеми народами мира.

Конечно, раскол, бунты, недовольства. Россия поделилась на два лагеря — кто за реформы, кто против. К величайшему нашему удивлению, царевич Алексей примкнул к противникам реформ. Отец призвал сына к ответу. Сын убегает за границу. Россию лихорадит — вернется ли царевич, не вернется? Вернулся. Россию опять лихорадит — как поступит Петр Великий со своим сыном? Неужели прикажет казнить без суда? Судили. Царевич погиб в заточении — Россия опять в движении, как, при каких обстоятельствах, у кого поднялась рука?!

ПАЛИКУЛА. Но, это есть тоже как бы история...

ТОЛСТОЙ. Это предыстория. А теперь о главной нашей боли. Все знают, что царь Петр Алексеевич часто проводит вечера в доме светлейшего князя Кантемира. Княжна Мария забеременела. Петербург залихорадило. Если княжна родит мальчика, Петр Великий тут же улечет свою Екатерину, мастерицу рожать девочек, в монастырь, а Марию введет во дворец. А если и Мария родит девочку, как сложатся дальнейшие судьбы России? Волнениям ни края, ни конца.

ПАЛИКУЛА. Так. И чем грек с острова Крит может помочь?

ТОЛСТОЙ. Избавь Россию от лишних волнений.

ПАЛИКУЛА. Я... я... не понимаю...

ТОЛСТОЙ. Прекрасно ты все понимаешь...

ПАЛИКУЛА. Вы допускаете мысль что я... могу пойти на это?..

ТОЛСТОЙ. Не надо древнегреческих трагедий... В России они никого не трогают. Надо просто смотреть на вещи...

ПАЛИКУЛА. Просто смотреть на что? На уничтожение зародыша?!

ТОЛСТОЙ. Между нами, мужами, говоря... Если бы рожали все бабы, с которыми мы утешаемся, некуда было бы ногой ступить от множества людского...

ПАЛИКУЛА. Но, не все сразу же и беременеют...

ТОЛСТОЙ. Конечно, нет. Но даже если допустить что разродятся те, что уже забеременели, нечем было бы прокормить род людской. Каждой бабе, каждой семье приходится прикидывать, что да как... Россия — тоже семья. Великая семья. У ней трудности. И Россия говорит тебе — помощи. Тысяча рублей на дороге не валяется...

ПАЛИКУЛА. О какой тысяче рублей идет речь? Я... не понимаю...

ТОЛСТОЙ. Сейчас самое время приобрести недвижимость... Земля подешевела, за тысячу рублей можно деревеньку небольшую...

ПАЛИКУЛА. Зачем называть цену, если не оговорена услуга?

ТОЛСТОЙ. Как не оговорена!

ПАЛИКУЛА. Вы хотите, чтобы я ответил неблагодарностью дому, под крышей которого живу и хлеб которого ем?!

ТОЛСТОЙ. Оставим князя Кантемира в покое. Он не только твой друг. Он и мой близкий друг. Не о нем речь.

ПАЛИКУЛА. А о ком?

ТОЛСТОЙ. О России. Ее нужно спасать. Воюем на два фронта — и с шведами, и с турками. Нам каждый человек, каждая мышца нужна, мы не можем себе позволить пустые, дурацкие волнения... Особенно в новой, строящейся столице. Это брожение, эту смуту надо погасить. И ты можешь это сделать.

ПАЛИКУЛА. Как?

ТОЛСТОЙ. Не знаешь как? Нужен выкидыш. И срочно. Мария, говорят, чуть ли не на шестом месяце...

ПАЛИКУЛА. Посмотри на мои руки, Петр Андреевич.

ТОЛСТОЙ. Ну, смотрю. И что?

ПАЛИКУЛА. Эти руки приняли Марию, когда она на свет появилась, и они не смогут, никогда в жизни, ни за какие блага...

Из подвалов опять стали доноситься душераздирающие вопли.

ПАЛИКУЛА. Позвольте мне, Петр Андреевич, пройти к этим несчастным...

ТОЛСТОЙ. Им уже не поможешь. Уши и носы обратно не пришиваются...

ПАЛИКУЛА. Вы хотите сказать... Вы хотите сказать, что им отрезают уши и носы?!

ТОЛСТОЙ. А ты думал, у нас тут, в Петропавловской, что-то вроде цирюльни? Стрижка, бритье, теплые компрессы? Нет, друг мой, этим мы не пробавляемся...

ПАЛИКУЛА. Но... это же варварство! Уши и носы — ПОЧЕМУ?!

ТОЛСТОЙ. Воруют.

ПАЛИКУЛА. Ну, случается в жизни, человек по бедности, по слабости ли своей... что-нибудь там прихватит...

ТОЛСТОЙ. Что-нибудь, друг мой, в России не крадут. В России крадут все...

ПАЛИКУЛА. Как — все?

ТОЛСТОЙ. Все что можно украсть.

ПАЛИКУЛА. Но... все... не унесешь?

ТОЛСТОЙ. То, что невозможно унести, уничтожают. Это самая большая наша беда. С этим Государь бьется день и ночь. Самолично режет уши и носы. Вон их сколько обкарнатых ходит по России... Но, если тебе кажется, что одна тысяча мало — поторгумся...

ПАЛИКУЛА (*после долгого раздумья*). Паспорт.

ТОЛСТОЙ. Как — паспорт?

ПАЛИКУЛА. Иностраннный паспорт, так чтобы я смог спокойно покинуть Россию.

ТОЛСТОЙ. Ну что вы все за иностранные паспорта хватаетесь?!.. Светлейший князь Кантемир уже раза два обращался к государю с просьбой

выдать ему иностранный паспорт... Ты — туда же...

ПАЛИКУЛА. Государь, сколько нам известно, не удостоил князя ответом.

ТОЛСТОЙ. Не ответил, потому что, если Порта гоняется за Кантемиром, назначили мешок золота за его голову, сам подумай, где он может быть в большей безопасности? А если ты тоже печешься о своей безопасности, я могу предоставить тебе такую крышу, где тебя никто и никогда не достанет.

ПАЛИКУЛА. Что, где, какая крыша?!

ТОЛСТОЙ. Петр Алексеевич как-то справлялся — в самом ли деле Паликула такой толковый лекарь, как о том толкуют? При случае я расскажу царю, как ты меня прямо с того света достал...

ПАЛИКУЛА. Я вас лечил? Когда? Где? От чего?

ТОЛСТОЙ. Ты этого не помнишь, да и не удивительно — доктора плохо помнят своих больных, их у вас великое множество, а вот мы своих спасителей помним...

Входит Гроссмайстер.

ГРОССМАЙСТЕР. Либер хер Петр... Хороший лейка не пойдет.

ТОЛСТОЙ. Почему это она не пойдет?

ГРОССМАЙСТЕР. Я есть Гамбурге гроссмайстер?

ТОЛСТОЙ. Знаю. Плохих не держим.

ГРОССМАЙСТЕР. Хер Петр... Гроссмайстер не делай лейка пока не знает все-все-все про тот лейка...

ТОЛСТОЙ. Чего ты еще не знаешь?

ГРОССМАЙСТЕР. Ви сказалъ... там помещай серебро?!

ТОЛСТОЙ. Так. Серебро.

ГРОССМАЙСТЕР. Как можно помещает лейка серебро?!

ТОЛСТОЙ. Сначала серебро расплавим, потом нальем...

ГРОССМАЙСТЕР. Где серебро? Кто его плавит? Просьба приходиль показывает гроссмайстеру...

ТОЛСТОЙ. Сейчас приду. *(После ухода мастера)*. Мука с этими немцами. Все им до точки растолкуй... Ну так на чем мы с тобой, друг мой, основались?

ПАЛИКУЛА. Петр Андреевич, греки тоже хотели бы знать — зачем понадобилась лейка с расплавленных серебром.?

ТОЛСТОЙ. Сегодня, вместе с Петром Алексеевичем, будем заливать.

ПАЛИКУЛА. Заливать что?

ТОЛСТОЙ. Как — что? Глотки.

ПАЛИКУЛА. Живому человеку... расплавленное серебро в глотку?

ТОЛСТОЙ. А что делать! Ненасытность. **НЕНАСЫТНОСТЬ!** Вот наше главное проклятие... Прости, мне нужно выдать этому немцу серебро, пускай сам расплавит, а то можем не успеть...

ПАЛИКУЛА. Вы меня оставляете... и уходите?!

ТОЛСТОЙ. Служба. Дела. Ты уж прости. Тебя отвезут прямо до дверей Синода. Твоя тысяча рублей уже отложена.

ПАЛИКУЛА. Но... мы ни о чем еще не договорились!

ТОЛСТОЙ. Как не договорились? Само твое вступление в торг...

ПАЛИКУЛА. Видит Бог, я с вам не торговался...

ТОЛСТОЙ. Как не торговался? А кто запросил иностранный паспорт, в добавок к той тысяче пятьсот?

ПАЛИКУЛА. Вы сказали, к той... тысяче... и еще... пятьсот?!

ТОЛСТОЙ. Тысяча живыми деньгами, и еще пятьсот соболями...

ПАЛИКУЛА. Ну, а паспорт?

ТОЛСТОЙ. Я его заменил на протекцию. Моя протекция стоит тысячу паспортов.

ПАЛИКУЛА. А гарантия? Возможна ли какая-нибудь... гарантия?

ТОЛСТОЙ. Никакой гарантии, кроме моего слова. Да и то условно.

ПАЛИКУЛА. Как условно? Почему условно?

ТОЛСТОЙ. Условно, ибо то что говорится в Петропавловской крепости, тут и умирает. Надеюсь, ты это понимаешь?

ПАЛИКУЛА. Понимаю.

ТОЛСТОЙ. То-то. Засучив рукава, берись за дело, помня, что, когда в России о чем-нибудь просят, это не обязательно просьба...

ПАЛИКУЛА. А может быть еще и что?

ТОЛСТОЙ. Может быть все что угодно. Прощай.

Едва вышел, из за стен возобновились душераздирающие вопли.

ПАЛИКУЛА (*оставшись один, после долгого раздумья*). Ну и, в таком случае, скажите — как бедному греку прожить в России?!

Картина шестая.

Санкт-Петербург. Заседание Сената. Торжественный акт подписания документа чрезвычайного значения. Завершив сбор подписей, Толстой подходит к восседающему во главе стола царю.

ТОЛСТОЙ. Ваше Императорское Величество... Позвольте просить вас поставить свою резолюцию на Постановлении Правительствующего Сената о начале Персидского похода.

Царь взял перо, осмотрел, выбросил, второе тоже не подошло. Третье было ничего. Но — не подписывает. Нервно дергает усиками.

ПЕТР. Согласие одержано полное?

ТОЛСТОЙ. Полнейшее.

ПЕТР. По всем пунктам?

ТОЛСТОЙ. По всем.

ПЕТР. Все сказали — войне быть?

ТОЛСТОЙ. Все, Ваше Императорское Величество.

ПЕТР. Был ли кто, сумнящийся, или же сказавший — нет?

ТОЛСТОЙ. Этого мы не допустили.

ПЕТР (*в ярости*). И очень плохо, что вы этого не допустили! Меня охватывает дисперация, когда все скопом говорят — да! Ни одно начинание не может рассчитывать на успех, если не будет должного противостояния. Думаете, я не знаю страну, которой правлю? Я не подпишу этого Постановления, пока вы не представите мнение противников персидского похода!!

ТОЛСТОЙ. Сир, позвольте спросить, какой в этом резон?

ПЕТР. Воздух переполнен сомнениями. Надо их оспорить.

ТОЛСТОЙ. Какие сомнения, Ваше Величество! Адмирал Апраксин поднял боевые флаги на кораблях, войска покинули свои гарнизоны, вся столица уведомлена, что завтра, с амвона Исаакиевского, вы огласите Манифест о нашем выступлении против Персии. Какие сомнения, какие споры!!

ПЕТР. Сомнения есть у всех, всегда и во всем. Лучшее средство против них — диспуты. Без диспута нет должного государственного правления. Сам господин Лейбниц, умнейшая голова, сказал мне: «Царь! Разумные решения принимаются только посреди жарких споров, в которых участвуют как твои сторонники, так и твои противники, как твои друзья, так и твои враги». Где мои враги?!

ТОЛСТОЙ. Ну, как где... Одни уже в Сибири, другие еще в крепости... дожидаются суда...

ПЕТР. Найдите из тех, кто еще на свободе... (*Кричит в ярости*). Да найдите же, черт возьми, того, кто скажет царю — нет! Я не подпишу Манифест, пока вы его не найдете и не поставите предо мной, так чтобы я с ним поспорил!

ТОЛСТОЙ (*размышляя вслух*). В конце концов, если врага нет под рукой, а он нужен до зарезу, его не трудно и взрастить.

ПЕТР. Из кого?

ТОЛСТОЙ. Из друзей. Самые добротные, что называется, смертельные враги, происходят из самых что ни на есть верных друзей...

ПЕТР (*подходит, снимает с его головы парик, долго изучает его череп, после чего любовно хлопает по лысине*). Эх, голова-голова... Давно бы ты слетела с плеч, кабы не так умна была... Что ж, возвращай. Только недолго.

ТОЛСТОЙ. В среде военных сыскать такого невозможно, среди духовенства — тоже. А вот что касается Посольского приказа... По сведениям, поступившим в тайную канцелярию, некоторые из дипломатов...

ПЕТР. Ну-ка, ну-ка, ну-ка... Звание. Чин. Имя.

ТОЛСТОЙ. Да вот, взять хотя бы господина Остермана...

ОСТЕРМАН. Побойтесь Бога, Петр Андреевич! Я хоть и немец по рождению, в России трудно найти человека более преданного нашему Государю Императору...

ПЕТР. Андрей Иванович, у тебя всегда свое партикулярное мнение. Давай начистоту. С чем не согласен?

ОСТЕРМАН. Ваше Императорское Величество! Свои партикулярные соображения я сокрушаю в зародыше. Каждое утро, едва продрал глаза, я прежде всего уничтожаю малейшие тени сомнений, навеянные ночными видениями, но, если для завершения дела нужен диспут, если вам непременно нужен не то что враг, а просто оппонент...

ПЕТР. Нужен. До зарезу нужен..

ОСТЕРМАН. Выход из положения можно найти... Поскольку здесь было упомянуто имя господина Лейбница, умнейшей головы нашего времени, вашего тайного советника, которого, к сожалению, тут нет, я мог бы взять на себя смелость, поскольку состою с ним в переписке и знаю многие его суждения по разным вопросам, выступить здесь как бы от его имени....

ПЕТР. А — замечательно! Я по нему скучаю. Никак, мерзавца, сюда не тащу. Жалованье требует, а ехать не хочет. Давай спорить.

ОСТЕРМАН. Спорить с Вашим Величеством я не осмелюсь, в этом споре можно и головы лишиться, но если из среды сенаторов вы мне назначите спорщика...

ПЕТР. А и назначим. Вот, три моих главных помощника, три орла, готовых перелететь со мной через Персию, до самого Индийского океана. Апраксин, Толстой, Кантемир. Выбери любого из них.

ОСТЕРМАН. Спорщиков не выбирают. Спорщиков назначают.

ПЕТР. Мы назначаем светлейшего князя Кантемира. Он и ученый, член Берлинской академии, и начальник моей походной канцелярии... Освободите стол, пусть сядут — один в одном конце стола, другой в другом конце, и пусть поспорят.

ОСТЕРМАН. Вы разрешите мне, государь, удалиться в соседнее помещение на несколько мгновений?.

ПЕТР. Для какой надобности?

ОСТЕРМАН. Перевязать шейный платок. Господин Лейбниц завязывает платки на другой манер.

ПЕТР. Перевяжи здесь.

ОСТЕРМАН. Не смею в вашем присутствии. Мой платок недостаточно свеж для этого.

ПЕТР. Ну, хорошо. Только недолго.

Остерман, не лишенный театрального таланта, вернулся как бы в другом обличи...

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Ваше Императорское Величество, соблаговолите представить нас друг другу.

ПЕТР. Разве вы не знакомы?

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. По трудам — конечно же, состоим в переписке, но лично не знакомы.

ПЕТР. Молдавский Господарь, светлейший князь, Дмитрий Кантемир. Господин президент Берлинской Академии, Лейбниц.

КАНТЕМИР. Рады видеть вас в северной столице, господин Лейбниц. Тут лежат и многие, невидимые глазу, ваши труды, труды светлейшего разума, да и сам Правительствующий Сенат, как поговаривают, по вашему замыслу создан. Позвольте пригласить вас присесть. Благодарю. С вашего разрешения, присяду и я. Слышали мы, господин Лейбниц, что у вас есть возражения по поводу намеченного на завтра Персидского похода? Соблаговолите изложить ваши сомнения, дабы мы, ко всеобщей пользе, смогли бы их рассмотреть.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Господин Кантемир! Любой диспут может быть полезным, только если он будет предметным, наглядным, осязаемым. Согласны ли вы с этим постулатом?

КАНТЕМИР. Согласен.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. В таком случае, распорядитесь, чтобы принесли и поставили меж нами некий сосуд с водой.

ПЕТР. Кикин! Кружку!

Денщик тут же принес кружку.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Благодарю. Поставим ее на равном меж нами расстоянии. Так. Хорошо. Как вы полагаете, господин Кантемир, много ли воды в этом сосуде?

КАНТЕМИР. Смотря для какой надобности.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Вот, через открытое окно прилетела к нам пчелка. Употребляет ли пчела воду?

КАНТЕМИР. Пчела воду употребляет.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Достаточно ли для этой пчелке в этом сосуде воды?

КАНТЕМИР. Для нее это даже слишком. К тому же ей неловко будет утолять жажду из этого сосуда. Пчелы предпочитают увлажненные предметы — будь то влажная древесина или мокрый камень...

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Обстоятельный, исчерпывающий ответ, с которым трудно не согласиться. Но вот через то же открытое окно, с улицы, доносится ржание лошади. Употребляет ли лошадь воду?

КАНТЕМИР. Лошадь воду употребляет.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Достаточно ли тут воды для лошади?

КАНТЕМИР. Нет. Лошади нужно по меньшей мере два ведра воды в сутки.

К тому же из этой кружки она никак не сможет...

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Всецело принимаю ваши доводы. Но вот, через то же открытое окно доносится человеческий голос. Пьет ли человек воду?

КАНТЕМИР. Насущная потребность, в той же мере как и хлеб, свет, тепло.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Достаточно ли для человека тут воды?

КАНТЕМИР. Для разового утоления жажды вполне достаточно. Между прочим, сам этот сосуд появился как разумная мера разового утоления жажды.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Прекрасная мысль, и в совершеннейшей форме изложена. Но предмет диспута требует идти дальше. Согласны ли вы с тем, что между пчелкой, лошадю, человеком и державой общим является то, что все они суть живые существа?

КАНТЕМИР. Согласен.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Употребляет ли государство воду?

КАНТЕМИР. Всенепременнейше.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. В каком виде оно ее употребляет?

КАНТЕМИР. В виде рек, озер, морей, океанов...

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Много ли нужно государству воды?

КАНТЕМИР. Зависит от площади, климата, населения...

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Возьмем Россию. Сколько нужно России воды?

КАНТЕМИР. Много.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Как много?

КАНТЕМИР. Очень много.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Беспредельность не может заменить собой сущность точных чисел. Я не раз говорил русскому царю, на службе которого состою тайным советником: «Сир! Прежде чем взяться за дело, установите предел, преступить через который неразумно. Это главное в управлении государством — установление границ между тем, что возможно и что невозможно, между разумным и неразумным».

ПЕТР. Но! Но! Говори, да не заговаривайся!

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Скажем короче. Россия — это держава в становлении, России нужен водный простор. Россия рвалась в Северное море, и ее корабли уже плавают в Балтике. Хвала и честь российскому царю. Россия рвалась на юг и вышла к Азову, завтра-послезавтра выйдет в Черное море. Хвала и честь России. В Каспийское уже плавают русские суда, но вот уже стали поговаривать о теплых водах Индийского океана... Никто не спорит, простор — вещь насущная, но, где тот разумный предел, когда сказано будет — этого уже не надо. Это будет неразумно.

КАНТЕМИР. Предела нет, и быть не может.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Но, господин Кантемир... Беспредельность — это же форма безумия!

КАНТЕМИР. Не всегда. Водные просторы нужны государствам для торговли, для рыбной ловли, для военной мощи. Англия по сравнению с Россией небольшое островное государство, но владеет неисчислимыми водными просторами, и никто не ставит ей это в упрек.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Но вы согласны с тем, что, идя по пути беспредельности, мы дойдем до всеобщего развала?

КАНТЕМИР. Возможно. И тем не менее, установить размеры роста, развития живого существа, а мы о живом с вами говорим, невозможно. Да и не нужно. Это решается там.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Мы о земном спорим, или о небесном?

КАНТЕМИР. Любой разговор о человеке вмещает в себе и земное и небесное. Может ли юноша, развивающийся по законам природы, говорить себе — мне бы дотянуть до отца, дальше расти я не намерен. Мне бы пожить, сколько родитель мой прожил, дольше жить не смею.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Бывает, только так и говорят.

КАНТЕМИР. Так говорят слабые духом от рождения. А сильный этого говорить не может и не должен, ибо от Бога зависит, какой у него будет рост, и насколько лет его хватит. Пока он юн, его дело — развиваться в восхищении наступающих времен...

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Господин Кантемир! Известен ли вам престоноардный возглас — «надорвешься, сынок!»

КАНТЕМИР. Мне такой возглас известен. Но и ваши уши, господин Лейбниц, я полагаю, слышали ответную реплику — «Папаша! Ты свое взял. Теперь не мешай и мне взять свое».

ПЕТР. Bravo!! Диспут получился на славу. Слово, рожденное без стороннего стеснения — истинно Божье чудо! Кружку! (*Выпил, не переводя дыхание*). Кикин! Сукин сын! Я приказал принести кружку воды, а ты чего принес?

КИКИН. Сир! Вы под командой «Кружку!» разумеете разное...

ПЕТР. Цари вольны разуместь все что угодно, а денщики на то они и денщики, чтобы по голосу, по лицу, угадать, что царь разумеет...

КИКИН. Или, может, вино плохое?

ПЕТР. Вино было отменное, да только не о том речь.

КИКИН. А о чем?

ПЕТР. О России. Ей, что, по морям-океанам плавать, или по винным погребам таскаться?

КИКИН. Одно не должно препятствовать другому. Ваши слова.

ПЕТР. Так ты еще и мои слова собираешь? Десять суток. Хлеб и вода.

КИКИН. Слушаюсь, Сир.

ПЕТР. Перо. Диспут был глубок, остер, а стало быть, полезен. Надо его увековечить. Писари успели его записать?

ПИСАРИ. До последней точки, Сир.

ПЕТР. Как он смотрится на бумаге? (*Осмотрев поданное*). Это же... чистый лист!!

ПИСАРИ. Он-то чистый, Ваше Величество, но, обратите внимание, она таки там присутствует...

ПЕТР. Кто?

ПИСАРИ. Та самая последняя точка, о которой мы докладывали.

ПЕТР. Остальное где?

ПИСАРИ. Остальное в нашей памяти.

ПЕТР. Крепко держите?

ПИСАРИ. Крепко-накрепко.

ПЕТР. Сукины сыны... На виселицу вас, и то мало будет... Они, видишь ли, все держат в уме! Да это и есть то самое наше бедствие, которое может безвозвратно сокрушить Россию!!

ТОЛСТОЙ. Прошу прощения, Сир... Что именно может нас сокрушить?

ПЕТР. Нежелание закреплять на бумаге главное, насущное, сокровенное, и следовать писанному. Сначала россиянин грамоту учить не хочет, а уж выучив, как только не ухитряется, как только не изворачивается, лишь бы все держать в уме и ничего не доверять бумаге.

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Самородки.

ПЕТР. Куда ни посмотришь — сплошные самородки! А между тем всякое дело должно быть исполнено письменно, дабы следовать точному курсу, ибо как может быть государство управляемо, если исполнение указов и постановлений, и инструкций разных держится в уме, и каждый норовит дать им свое толкование?

ТОЛСТОЙ. Это самая большая беда России.

ПЕТР. Не беда, а пропасть! Если по здравому размышлению судить, неисполнение указов и постановлений ничем не разнится с изменою. Государство равные убытки несет как от измены, так и от невыполнения законов. Даже от последнего еще в большей степени, ибо, услышав про измену, всяк остережется, а неисполнение законов стало любимым развлечением россиянина. Дескать, вот оно, Отечество, сколь огромно оно у меня! А я, хоть и ничтожно мал, зато у меня свои соображения по всем пунктам, и я буду стоять на своем.

ТОЛСТОЙ. И стоят.

ПЕТР. Стоят, подлецы-раскольники! А между тем, пребывающий в непопущении народ ведет к тому, что государство начинает хиреть,

чему не что иное, как только общая погибель следовать будет, как то в греко-римской империи пример имеем. Макаров!!

МАКАРОВ. Слушаю, Сир.

ПЕТР. Если к утру диспут не будет записан до последнего глагола, колесовать обоих писарей. Я подписываю Манифест. Завтра огласим с амвона и — с Богом!

ОСТЕРМАН-ЛЕЙБНИЦ. Вы позволите мне, Ваше Императорское Величество, удалиться, с тем чтобы перевязать платок?

ПЕТР. Нет. Носи так. Он тебе больше к лицу. Сенату впредь выдавать двойное жалование господину Остерману за находчивость, и купите ему за счет казны десяток шейных платков. Он всегда носит один и тот же платок, а он грязный, от него дурно пахнет. Об этом в столице пошли разговоры, престиж наш терпит урон по этой причине. Благодарю Сенат за труды. Кантемиру задержаться.

КАНТЕМИР. К Вашим услугам, Государь.

ПЕТР (*оставшись вдвоем*). Где будет семья во время похода?

КАНТЕМИР. Полагаю, здесь, в столице, хотя, сказать по правде, тревожно оставлять ее здесь...

ПЕТР. А почему не берете ее с собой на корабль?

КАНТЕМИР. Это было бы хорошо, но, в Астрахани речной путь завершается. Там-то куда я их дену?

ПЕТР. В Астрахани и оставим на время похода.

КАНТЕМИР. Им там негде разместиться.

ПЕТР. Как — негде? Волинский построил для меня целый дворец — дом рыбака зовется...

КАНТЕМИР. Но... государыня...

ПЕТР. Она поедет с нами по суше, она любит на коне скакать...

КАНТЕМИР. Нижайше благодарю, Ваше Величество, за отеческую о моей семье заботу. Спешу их обрадовать и собираться.

ПЕТР. Еще минуту, князь. Похоже, вас мучает какая-то просьба, которую вы, по скромности своей, никак не решаетесь... Выкладывайте, пока есть время... В походе будет не до того.

КАНТЕМИР. В самом деле, я хотел у вас просить позволения, когда вернемся из похода, разрешить мне изучать анатомию...

ПЕТР (*изумленно*). Анатомию? Почему вдруг — анатомию?

КАНТЕМИР. В споре с Остерманом-Лейбницем я вдруг ощутил недостаток познаний в этой области.

ПЕТР. Хорошо. (*После ухода Кантемира*). Каков орел! При восьми языках, которыми владеет в совершенстве, создав труды по физике, истории, математике, в пятьдесят лет он женится на восемнадцатилетней красавице и хочет еще сесть за школьную парту, чтобы

изучать анатомию!! Ну как при таких орлах не идти по стопам Александра Македонского?!!

Картина седьмая.

Дом рыбака в Астрахани. Глубокая ночь. Море бушует, бунт развороченных громад сотрясает все и вся. Звенит стекло в окнах, поскрипывают двери, гроыхает крыша. Босоногая служанка зажигает лампаду перед образами.

СМАРАНДА. Пресвятая Богородица! Спаси и помилуй!

Мария лежит на низкой постели, укутанная пледами. Паликула хлопчет вокруг больной.

ПАЛИКУЛА. Надо выпить. Причем все, до капли.

МАРИЯ. Не могу. Весь вечер рвало от этой зеленой настойки...

ПАЛИКУЛА. Рвало не от настойки.

МАРИЯ. А от чего?

ПАЛИКУЛА. Укачало. Женщины плохо переносят водный путь. Три дня плыли по Волге, а тут поселили на самой кромке берега...

МАРИЯ. Но, все таки берег — это суша, а тошнота не отпускает..

ПАЛИКУЛА. Мы-то на суше, да море рядом штормит, и все живое, в том числе и ребенок которого вы в себе носите, волнуется... Эта настойка, хоть и противна на вкус, должна принести вам и ребенку успокоение... Постарайтесь допить по маленькому глоточку...

МАРИЯ. Постараюсь.

СМАРАНДА (*после того, как доктор ушел, про себя*). Сколько на свете замечательных, вкусных, полезных трав, но настойки надо умеючи готовить!..

МАРИЯ. Не оговаривай доктора. Он очень хороший, очень знающий... Сколько он с покойной матушкой провозился, бедной моей сестре помогал покинуть этот грешный мир... О Господи, все нутро разрывает...

СМАРАНДА. Сейчас я вам ножки укрою. У нас в Кукуецях говорят, пока ножки не согреешь, домой не вернешься... Господи, что же это такое! Польшаает огнем, а трясется от холода, в жизни о таком не слышала!.. А может, и в самом деле ветер с моря нагоняет хворь? Слышите, какой там ужас! Страшно за порог переступить. Такие волны, как дома в Москве. Свалится такая громадина на тебя, и все, ни тебе исповеди, ни свечки... (*Тихо*). Слышала я, как наша хозяйка советовалась с учителем. Спрашивала, что теперь будет? Говорят, потонули наши корабли в море, войско вместе с царем возвращается без поражения, но и без победы... А я вот не волнуюсь, я знаю что все утрясется, как только светлеший вернется... Вот, попомните мои

слова — как только войдет в дом, море утихнет, небо прояснится, моя голубушка тут же выздоровеет... Жаль, не прихватили тулуп князя из Москвы. Уж как бы он нам тут пригодился, уж как бы я укрыла голубушку мою!..

МАРИЯ. Не надо тулупа. Лучше расскажи про Кукуецы.

СМАРАНДА. Кукуецы, родные мои Кукуецы, они снятся мне каждую ночь... Что бы вы хотели, чтобы я вам о них рассказала?

МАРИЯ. Расскажи мне о тепле. Бывает ли там тепло, так чтобы очень тепло было...

СМАРАНДА. Свети Боже, летом там не то что тепло, летом жара стоит несусветная...

МАРИЯ. Какая стоит жара в Кукуцах? Расскажи.

СМАРАНДА. Господи ты Боже мой! В Кукуцах особенно жарко в начале лета.

МАРИЯ. Разве не в августе, не в середине лета наступает самое жаркое время?!

СМАРАНДА. Конечно, в августе еще жарче, но мы к жаре уже привыкли, не так страшно. Но первая жара в начале лета — слов нет! Особенно в полдень. Боже, что там творится! Пусто в поле, пусто в лесу, пусто в селе, точно все вымерли от жары. Деревья стоят не шелохнувшись, дома заперты, дороги пусты, овечки, сбившись в кучку, прячут головы в тени друг друга. Собаки больше на прохожих не кидаются, лежат, растянувшись в тени. Ни ветерка, ни муравья на тропинке, ни птички в небе, прямо конец света!

МАРИЯ. Но ее саму не видать?

СМАРАНДА. Кого не видать?

МАРИЯ. Жару.

СМАРАНДА. Как не видать! Если всмотреться, видно, как зной течет по крышам, по стенам белых домиков, по соломенным шляпам мужиков... И тихо, такая стоит тишина, что слышно, как падают с дерева вишни, которые не успели еще собрать...

МАРИЯ. Разве вишни там такие крупные, что слышно, как они падают с дерева?!

СМАРАНДА. Ну, не такие крупные, как сливы, но слышно как падают, сама слышала, и не раз... Боже, полотенце на головке опять пересохло... Доктор!..

ПАЛИКУЛА. Ну, что тут у вас...? Так и не допила?

МАРИЯ. Допиваю. Немного осталось.

ПАЛИКУЛА. Как немного! Полчашки.

МАРИЯ. Полчашки осталось, но две полные я все-таки выпила. Дайте дух перевести...

ПАЛИКУЛА. Если большой перерыв, действие ослабевает...

МАРИЯ. Я по глоточку.

ПАЛИКУЛА. Лучше сразу.

МАРИЯ. Хорошо. Постараюсь.

СМАРАНДА (*после того, как опять остались вдвоем, тихо*). А давайте откроем окно и выбросим в море эту гадость?

МАРИЯ. Ты не сможешь. Ветер так давит в окна, что, как только снимешь крючки, разнесет створки. Остудим дом, разбудим всех... Я постараюсь, по глоточку...

СМАРАНДА. А хотите, я вместо вас выпью?

МАРИЯ. Это уж совсем ни к чему. Ты лучше еще про Кукуецы...

СМАРАНДА. Что вам еще рассказать, моя голубушка?

МАРИЯ. Проходит какое-то время, начинает спадать жара... Как она спадает?

СМАРАНДА. А этого никто не знает, никто не видит. Вот, только что было жарко-жарко-жарко, и вдруг, точно ангел Господний пролетел... Подул нежный, как дыхание младенца, ветерок, ожила листва на деревьях, качнулись посевы, по пруду прошла зыбь, птички хлопочут возле своих гнезд, раскаленные в полдень дали начинают опять наливаясь синевой, и почему-то именно тогда в душе рождаются такие хорошие, такие добрые, округлые слова, и так хочется с кем-нибудь поделиться, подарить их кому-нибудь, так хочется ласки, доброты, что бросаешь все и идешь, куда глаза глядят, лишь бы найти родную душу...

МАРИЯ. И часто так бывает, что бросаешь все и идешь искать родную душу?

СМАРАНДА. Часто. Очень часто. По правде говоря, люди в Кукуецах только и делают, что ищут родную душу.

МАРИЯ. Находят?

СМАРАНДА. Кто повезучее, посчастливее, находят, но не говорят что, где и как... Потому у нас и принято, что, встречаясь друг с другом, здороваются и тут же справляются — куда идешь? Опять пересохло полотенце на голове, горит свечкой моя княжна. Пресвятая Богородица, спаси и помилуй... Доктор!

ПАЛИКУЛА (*возвращаясь*). Надо же, какую говорливую сороку прислала вам ваша бабушка из Молдавии... Что случилось?

СМАРАНДА. Мою голубушку лихорадит!.. Она горит вся!..

ПАЛИКУЛА. Это потому что не допила.

МАРИЯ. Немного осталось. Пожалуйста, не торопите. Допиваю по глоточку, как только тошнота отпускает...

ПАЛИКУЛА. Если накатывает рвота, не удерживайте... Посуда рядом...

МАРИЯ. Спасибо. (*После его ухода*). Поговори еще со мной, Смарандица. Расскажи еще про Кукуецы..

СМАРАНДА. А пожалуйста, я с дорогой душой. Что еще вам рассказать?

МАРИЯ. Был полдень, потом жара спала, опустился вечер, зашло солнце, наступила ночь... Какие там у вас ночи?

СМАРАНДА. Господи, да я и слов таких не найду, чтобы рассказать моей голубушке про кукуецкие ночи!..

МАРИЯ. А ты постарайся. Поищи их ради меня..

СМАРАНДА. А и поищу! Ну так вот. Укатило солнце за холм, угасла заря, над селом опускается ночь... Если кто припоздал в дороге или во дворе, переговариваются тихо-тихо, чтобы не беспокоить отдыхающих, ибо день был тяжелый, длинный-предлинный, жаркий-прежаркий... Засыпаем, засыпаем, засыпаем... Пахнет мамалыгой и сбежавшим на горячую плиту молочком. Вздыхают во дворах коровки, пережевывая травку, под образами лампы погасли, остыла печка во дворе, на которой готовили ужин, просохла цепь у колодца, небо поднялось высоко, звезды крупные, а луна никак, никак, ну никак не взойдет! Натруженные семьи лежат под одним общим одеялом, засыпают, засыпают, засыпают...

МАРИЯ. Они, что, еще не уснули?!

СМАРАНДА. Еще нет.

МАРИЯ. А почему они у вас так долго засыпают?

СМАРАНДА. Ждут, когда взойдет луна.

МАРИЯ. Надо же! А для чего им луна?

СМАРАНДА (*тихо*). Чтобы... чтобы видно было куда направить свой путь...

МАРИЯ. Какой путь, они же легли спать!

СМАРАНДА. Они-то спать легли, но пока они лежат, по селу, по полям, по лесам, ходит Дорул...

МАРИЯ. Кто такой — Дорул? Отец часто его поминает, но все никак не соберется объяснить, кто это такой...

СМАРАНДА. А это очень просто. Сейчас я вам все объясню. Дорул! Ну, как бы вам получше объяснить... Жить на свете тяжело?

МАРИЯ. Тяжело.

СМАРАНДА. Так. Жить на свете тяжело. И никогда ничего не получится по-твоему. И никогда ты не встретишь ту любовь, о которой мечтаешь, и не будет у тебя той единственной радости, и не суждено будет тебе найти те пути-дорожки, которые бы вывели тебя далеко-далеко...

МАРИЯ. Ну-ну?

СМАРАНДА. Ну и вот, лежишь ты под драным одеялом, лежишь, а жизнь так коротка, а радостей так мало... Что делать?.. А очень просто. На то Дорул и существует. Как только луна заглянет в окошко, твоя любовь, твои желания, твои мечты отправляются в путь-дорожку... Это и есть Дорул. И уж непременно встретишь ты, или того, по ком

тосковал, и возрадуешься той единственной на всю жизнь радостью, и по тем таинственным тропкам пойдешь далеко, за горизонт, так что и ты тот мир увидишь, и те, что далеко, увидят тебя... Об этом Доруле у нас в Кукуецах сложено великое множество песен... Хотите, я спою вам одну? *(Тихо)*. Слава Богу, моя голубушка, кажется, уснула. Сейчас я ей ножки теплее укутаю... *(Вопит в ужасе на весь дом)*. Вы что с моей княжной сделали, Ироды проклятые, она вся в крови!!!.. Господи, Пресвятая Богородица, не покидай нас...

ПАЛИКУЛА *(прибежав с теплым тазом воды)*. Отойди от постели. Быстро разбуди хозяйку.

СМАРАНДА. У нее болит голова, она наказала не беспокоить.

ПАЛИКУЛА *(орет)*. А я тебе говорю — разбуди хозяйку и всех в доме подними на ноги! Да не туда, куда ты пошла!!

Но девушка упорно шла в другую сторону. Едва прикоснулась к дверям, ведущим на море, буря сорвала и двери, и окна. Звон разбитого стекла, соленое дыхание бунтующего моря. Погасли свечи, лампада, в доме стало темно...

КОНДОИДИ *(прибежав)*. Что случилось, Паликула?

ПАЛИКУЛА. Беда. Помогите. Закройте быстро окна и двери... Зажгите все свечи, какие есть... Задвиньте ширму у постели больной, и отгоните эту деревенскую дуру..

МАРИЯ *(слабым голосом)*. Не отгоняйте. Пусть остается.

ПАЛИКУЛА. Хорошо. Но сиди тут, по этой стороне ширмы...

СМАРАНДА. Я буду тихо сидеть, но... можно мне еще немножко поговорить с моей княжной?

ПАЛИКУЛА. Сиди молча. Не надо ее тревожить..

СМАРАНДА. А я и не буду ее тревожить... Я тихо буду рассказывать про свое родное село Кукуецы. Кто хочет — слушает, кто не хочет — не слушает..

МАРИЯ *(из-за ширмы)*. Расскажи...

СМАРАНДА. О чем мне вам еще рассказать, моя голубушка?

МАРИЯ. Был у нас с тобой полдень, потом была ночь. После ночи должно бы наступить утро...

СМАРАНДА. Утро в Кукуецах — Свети Боже, какое это чудо!.. Сейчас я вам расскажу. Рассвет стелется над холмами, над долинами, над селами, как прекрасный, невиданной красоты божественный покров... Ночью выпала обильная роса. Все улыбается и дышит полной грудью. В садах листва мокрая, пыль на дорогах притушена ночной влагой, трава в долинах, на склонах гор, под самым лесом седая от росы. На каждой травинке висит царское ожерелье капли, травинка бедная согнулась почти до самой земли, качается, качается, вот-вот

рухнет, но уступить красоте не может, потому что, кто знает, когда еще выпадет на ее долю такое счастье...

ПАЛИКУЛА. Хватит. Помолчи. У нее обморок.

СМАРАНДА. У меня кусочек небольшой остался. Уж я доскажу. У нас, в Кукуецах, есть даже песня об этой утренней росе. Хотите, я вам ее тихонечко спою? *(Поет)*.

Диминяца роуа-й маре,
Хай лелицэ хай!
Ши те удэ ла пичоаре,
Хай лелицэ хай...

А по утрам луга с росой,
По нею мы пройдем.
Промочишь ножки ты со мною,
Но будем мы вдвоем...

ПАЛИКУЛА. ЗАМОЛЧИ, ДУРА!!!

Картина восьмая.

Собор Николо-Греческого монастыря. Вечерня завершена, храм опустел, один светлейший князь Кантемир остается в своем седалище. Мария, с корзиночкой свечей, тихо плывет от иконы к иконе, и молится, молится, молится...

Пансофий, одинокий монах, убирает храм после богослужения. Скапывает напольные дорожки, убирает огарки с подсвечников. Постучали у входных дверей. Пансофий пошел, приоткрыл крохотное оконце в дверях, перекинулся двумя-тремя словами со стучавшим.

ПАНСОФИЙ *(вернувшись)*. В третий раз, князь, присылают за вами карету.

КАНТЕМИР. И я в третий раз говорю — нет.

ПАНСОФИЙ. Ваши родные справляются — по какой причине задержка? Что им ответить?

КАНТЕМИР. Скажи им — прощается с храмом.

Монах передал, закрыл окошечко и, вернувшись к уборке, отворил большие окна. Шум торжествующей Москвы ворвался с такой силой что сотрясал все и вся. Гремят духовые оркестры, палят пушки, звонят колокола. Мария, вздрогнув, забилась в дальний угол; князь, напротив, сидя в кресле высоко поднял голову.

ПАНСОФИЙ. Не праздник, а прямо светопреставление!

КАНТЕМИР. Русская удаль не ведает пределов.

ПАНСОФИЙ *(восхищенно)*. Звонят все сорок сороков. Такое только раз в жизни и услышишь!..

МАРИЯ. Что есть «сорок сороков»?

ПАНСОФИЙ. В Москве сорок раз по сорок храмов, но вместе звонят очень редко. Сегодня, по случаю коронавания Императрицы Екатерины Алексеевны, зазвонили. На Красной площади зажарили целого быка, в двух фонтанах хлещет вино — в одном красное, в другом белое... Давка невыносимая.

КАНТЕМИР. По какой причине давка?

ПАНСОФИЙ. Кружок не хватает. Черпают пригоршнями и пьют здравье Ее Величества Императрицы.

Мария вдруг, выйдя из своего уголка, направилась к алтарю. Потом спохватилась, что женщинам туда нельзя. Качнулась, схватилась за стену и медленно двигалась, сама не зная куда. Князь попытался подняться и не смог.

КАНТЕМИР. Брат Пансофий, видишь, Марии не по себе. Помогите.

ПАНСОФИЙ (*после того, как Мария пришла в себя*). Простите великодушно, светлейший князь — это моя вина. Хотел проветрить храм после Вечерни... Затворить окна?

КАНТЕМИР. Не надо. Там трубач в оркестре — редчайшее дарование... Что-то он нам хочет поведать, что-то сокровенное...

ПАНСОФИЙ. Душа у вас чудесная, светлейший князь... С вашего позволения, выйду в притвор храма, помолюсь о вашем здравии...

КАНТЕМИР. Почему в притворе, а не в самом храме?

ПАНСОФИЙ. Семья есть главное прибежище духа человеческого, и тревожить ее, особенно во времена непогоды, большой грех...

КАНТЕМИР (*после его ухода*). Друг ты мой златоустый... Тебе бы проповеди читать с Патриаршего амвона, а ты скатываешь напольные дорожки и подметаешь пол...

МАРИЯ. А с чего он вдруг заговорил о семье? Нас тут только двое — остальные наши разошлись.

КАНТЕМИР. Положим, нас не двое, а четверо.

МАРИЯ. Как — четверо?

КАНТЕМИР. Двое тут, двое там.

МАРИЯ. Где?

КАНТЕМИР. Под нижним храмом, в семейной усыпальнице. (*Перекрестившись*). Да помянет Господь в царствии своем рабу Божию Ксандру, мою дражайшую супругу, она же твоя родная мать, и рабу Божию Смарагду, мою дочь, она же твоя родная сестра — царствие им небесное. Вот, все собирался справиться им поминальную...

МАРИЯ. А давайте сегодня помянем.

КАНТЕМИР. Но, как? Все ушли, храм опустел...

МАРИЯ. Господь Бог, он же вездесущ.

КАНТЕМИР. Это само собой.

МАРИЯ. Это же главное. Я поставлю свечи, Пансофия попросим спеть псалмы поминовения, а вы скажете слово... Они заждались вашего голоса... Ваших воспоминаний... Вашей любви...

КАНТЕМИР. А и в самом деле... Брат Пансофий, сможешь ли ты спеть для нас поминальную?

ПАНСОФИЙ. Пою я тихо, невнятно, меня чаще просят не петь...

КАНТЕМИР. А мы просим спеть. Господь примет любое пение, если оно от сердца... *(После того, как монах запел на клиросе)*. Слово о моей незабвенной супруге Касандре. Бог свидетель! Нас обручили, когда мне было двенадцать, а ей всего три годика. После праздника обручения, во дворе монастыря в Миренах, она мне предложила поиграть в куклы.

МАРИЯ. Поиграли?

КАНТЕМИР. Нет. Я взял кусок мелового камня и на мощеном брусчаткой дворе монастыря учил ее буквам.

МАРИЯ. Мама была способной ученицей?

КАНТЕМИР. На удивление, хотя детство у нее было трудное. Их ждала судьба беженская. В чужбинах застряли на долгие годы. Когда настала пора свадьбы, мне пришлось выкрасть ее под носом у австрийских солдат и перевезти через Карпаты... С тех пор вся наша жизнь — дороги и дороги... Скончалась от постоянной, всепожирающей тоски по родному дому — есть у молдаван такая болезнь... Тяжелейшая, неизлечимая болезнь. *(Пауза)*. Велика моя вина перед тобой, дорогая моя Касандра... Простишь ли ты меня? Простит ли Господь Бог?

ПАНСОФИЙ *(прервав пение)*. Господи, по великой милости Твоей, прости нам наши прегрешения...

КАНТЕМИР. Спасибо, брат Пансофий. *(После того, как монах вернулся к пению псалмов)*. Слово о моей дочери Смарагде. Она часто является мне во сне, всячески утешает, но облегчения нет, потому что грешен я перед ее памятью, грешен... Смарагда была праздником души всего нашего дома. Она была слишком хороша для этой жизни, Господь таких первыми прибирает к Себе. Сгорела в восемнадцать лет. Угасло дыхание, угасла и она. Я уехал, когда она лежала тяжело больная — государь позвал в Санкт-Петербург. Отговорок Петр Алексеевич не признает. В Петербурге грянул гром. Помутнение разума. Я увидел молодую Анастасию и только о ней и думал. Государь сказал — лично поведу под венец. Я вызвал всех вас в новую столицу, а Смарагда осталась, тяжело больная, в Москве. Когда мы справляли там свадьбу, она здесь умирала в одиночестве... Это грех, один из тех грехов, искупить который невозможно...

ПАНСОФИЙ (*прервав пение*). Всемиловейший Господь! В грехах рождаемся, в грехах почием... Прости слабость прегрешных чад твоих...

КАНТЕМИР. Спасибо, брат Пансофий.

МАРИЯ. (*после того, как на клиросе возобновилось пение*). Господь был к нам милостив, подарив вам прелестнейшую дочурку, а мне чудесную сестричку, которую вы, в память о той, что нас покинула, назвали Смарагдой...

КАНТЕМИР. Хорошо, что завела речь об этой малютке... Меня озадачило то, что Трубецкие, наша новая родня, навещающая, называют малютку Катюшей... Похоже, Смарагда им не по душе, они ее меж собой перекрестили... Я не допущу для моей дочери иного имени, кроме того, которое сам выбрал.

МАРИЯ. Вы это им сказали?

КАНТЕМИР. Я им это сказал, но, увы, из меня уходит жизнь, и не то что с каждым днем, уходит с каждым часом... Овдовев, Анастасия, при своей молодости и красоте, быстро создаст новую семью, и судьба этой малютки не дает мне покоя... Оставляю ее на тебя...

МАРИЯ. Свой долг по отношению к младшей сестренке я исполню, хотя, не скрою от вас свою потаенную мысль...

КАНТЕМИР. Монастырь?

МАРИЯ. Монастырь.

КАНТЕМИР. Перед образом Пресвятой для всех нас Сучавской Богоматери заклинаю, забудь о монастыре...

МАРИЯ. То есть... как?.. Почему?!

КАНТЕМИР. Я оставляю в чужом краю свою одинокую семью, без корней и опоры. При четырех сыновьях, ты единственная, по уму и характеру, можешь возглавить ее. Забудь все свои горести и обиды, засучи рукава и тащи этот воз, сколько хватит сил...

МАРИЯ. Как я исполню то, что вам самим так трудно давалось?

КАНТЕМИР. Сделаешь, что сможешь, но главная твоя забота — Антиох... Я завещал ему право первенства занять молдавский престол. Он должен быть образован, воспитан. Ну, а когда страна будет освобождена от турок, и Антиох займет престол, тогда можно будет и о монастыре подумать...

МАРИЯ. А если освобождение затянется на долгие годы? Какое вы видите будущее для Антиоха?

КАНТЕМИР. Государь собирается основать в новой столице Академию. Запиши Антиоха первым, а когда завершит образование, и придется определить на службу, найди ему службу такую, чтобы — за границу, непременно за границу...

МАРИЯ. Рукописи?

КАНТЕМИР. Рукописи. Они здесь никому не нужны. А миру они могут понадобиться. Антиох умен, упорен, находчив, он добьется, чтобы там мои труды перевели на другие языки и напечатали... Я их уже приготовил в путь — уложил в железный сундучок, так, чтобы ни огонь, ни вода... *Вдруг парадные двери широко, с треском, открылись, так что колокольный перезвон вместе с духовыми оркестрами сотрясли храм до самих основ. И Кантемир и Мария вздрогнули от неожиданности.*

ПАНСОФИЙ. Его сиятельство, граф Священной Римской империи, Петр Андреевич Толстой.

Толстой входит в окружении большой свиты.

ТОЛСТОЙ. Думитрашку, друг мой, что это ты расселся посреди храма, вместо того, чтобы выйти на площадь, повеселиться? В соборе, во время коронавания, все только и шептались, где Кантемиры? Даже Его Императорское Величество соизволили справляться...

КАНТЕМИР. Премного благодарен выраженному мне вниманию... Уж и не знаю, как к вам теперь обращаться — то ли по-прежнему, Петр Андреевич, то ли граф...

ТОЛСТОЙ. Лучше — граф. Короче и удобнее. К тому же тебе надо силы беречь.

КАНТЕМИР. Уж это так. Остались кожа, кости и дух. Примите наши поздравления, граф.

ТОЛСТОЙ. Благодарю.

КАНТЕМИР. А знаете, Петр Андреевич... Мы с вами жизнь прожили вместе. Иной раз лежишь так ночами и начинаешь ее заново перебирать, год за годом, событие за событием, судьбу за судьбой, точно по морю-океану плаваешь...

ТОЛСТОЙ. И что ты там, в том море-океане выловил?

КАНТЕМИР. Полные сети загадок. Неразрешимых, труднейших, мучительнейших загадок...

ТОЛСТОЙ. Давай вместе попытаемся их разгадать.

КАНТЕМИР. Вот, к примеру, почему-то все время возвращаюсь к той пасхальной ночи в Константинополе, когда мы вместе совершали крестный ход вокруг Патриаршего собора. Будучи русским послом, вы вдруг покинули свое седалище, прошли вместе с нами весь крестный ход, а когда Патриарх возгласил «Христос Воскресе!», вы затерялись в толпе, поздравляя направо и налево, а подойдя ко мне, поздравили, подарили расписанное яичко, прошептав при этом: «Не для стола. Для чтения». Вернувшись домой, я долго изучал ваш подарок, и, в конце концов, в его ажурной росписи обнаружил два слова — *saveo te*. Ищи меня.

ТОЛСТОЙ. Разве?! Совершенно не помню.

КАНТЕМИР. Прекрасно вы все помните. Я вас нашел. Мы встретились. Потом множество раз, по всяким поводам, встречались. Две битвы вместе проиграли — Прутскую и Персидскую.

ТОЛСТОЙ. На войне как на войне — либо выигрываешь, либо проигрываешь. Не вижу, где тут загадка.

КАНТЕМИР. Загадка в том, что, вот, лежу я ночами и думаю — к добру или ко злу была та наша встреча? Чего больше принесло мне в жизни то пасхальное яичко — радости или горя, счастья или несчастья?

ТОЛСТОЙ. Не гневи Бога, Думитрашку! Как язык поворачивается говорить такое?

КАНТЕМИР. А почему бы мне такое не говорить?

ТОЛСТОЙ. Да потому, что, если бы я не подошел тогда к тебе с тем пасхальным яичком, ты бы уже давно лежал в могиле. Думаешь, я не видел, как ваши бояре бегают с доносами в Царьград, поедая, что ни год, по господарю? А если не насыщаются, сколачивают партии и начинают поедать друг друга.

КАНТЕМИР. Но там есть и истинные, верные...

ТОЛСТОЙ. Знаю я этих истинно-верных. Сам был свидетель тому, как они тайно бегали к Петру Алексеевичу доносить на тебя — мол, турок он, а не молдаванин. Хоть и носит крест, в душе мусульманин. Они видели в тебе выскочку, отпрыска покойного Господаря, который рвется к власти. Твое главное везение в жизни — встреча с русским царем. Петр Великий обладает удивительным даром угадывать таланты. Петр увидел в тебе ученого, художника, мыслителя, вывел из балканского хоровода, одарил поместьями, домами, запер и заставил трудиться... Все твое богатство, все что у тебя там, в том железном сундучке, написано тут, в России...

КАНТЕМИР. Но... Откуда вам известно про сундучок?!!

ТОЛСТОЙ. Тайная канцелярия на то и создана, чтобы все знать. Там нарботано изрядно, и сегодня, в этот праздничный день, не загадки должны владеть твоей душой, а полнота исполненного долга!

КАНТЕМИР. Какой исполненный долг, когда страна моя опустошена, турки огнем и мечом мстят за союз с Россией! Народ бьется между жизнью и смертью, монастыри, храмы, могилы предков разорены... О каком исполненном долге вы говорите!!

ТОЛСТОЙ *(тихо)*. Потерпи. Осталось недолго.

КАНТЕМИР *(оживившись)*. Есть новости?!

ТОЛСТОЙ *(в полголоса)*. Есть. Готовимся против турок богатою рукой. По секретному указу императора, на юге Украины создаются огромные запасы провианта, фуража, амуниции. Как только пещеры будут пополнены...

КАНТЕМИР. Какие пещеры?!

ТОЛСТОЙ (*тихо совсем*). Под Каменкой, я сам подобрал сухие, хорошо проветриваемые пещеры...

КАНТЕМИР. Видели вы сами, своими глазами, эти склады?!

ТОЛСТОЙ (*в ярости*). Зачем мне их видеть, когда я сам, на масленице, продал императору десять тысяч пудов овса!

КАНТЕМИР. По какой цене?

ТОЛСТОЙ. По сорок копеек за пуд.

КАНТЕМИР. Цена хорошая.

ТОЛСТОЙ. Можно бы и подороже, ну да ладно, христиане...

КАНТЕМИР (*после долгой паузы*). Петр Андреевич, не знаю, удастся ли нам еще когда свидеться... Могу ли я просить вас об одном, возможно, последнем одолжении?

ТОЛСТОЙ. Я к твоим услугам.

КАНТЕМИР. Поклянитесь перед этой иконой, что на Днестре создаются российские склады с провиантом и фуражами...

ТОЛСТОЙ. Клянусь.

КАНТЕМИР. И икону поцелуйте.

ТОЛСТОЙ. Поцелую. И не раз, а трижды.

КАНТЕМИР. Вы осветили мне закат, мой старый и верный друг. Будучи не в силах стоять, я не смею рассчитывать на лобызание, но дайте мне вашу руку, руку верного друга...

ТОЛСТОЙ. Думаешь, граф Священной Римской империи не может склониться к молдавскому Господарю для лобызания?! Очень даже может. Человек я одинокий, у меня очень мало друзей. Достойных — еще меньше, верных — по пальцам сосчитаешь... Ты один из них. Храни вас Господь...

КАНТЕМИР (*после ухода графа, устало*). Ну, что же... Солнце идет к закату, труд завершен. Пансофий! Поставь кресло в центре, под куполом.

ПАНСОФИЙ. Простудитесь, князь. Там сквозит.

КАНТЕМИР. Сквозит, но там мой Ангел.

ПАНСОФИЙ. Где?!

КАНТЕМИР. Наверху, под куполом. Я построил четыре храма в России — один в Дмитровке, другой в Курске, третий в Черных Грязях, но этот особенно мне близок и дорог... Сам сделал проект, сам закупал материал, сам нанимал художников, заказывал иконы, алтарь, а уж ангела под куполом сам и нарисовал. Если на него долго, не мигая, смотреть, такое ощущение, что он не просто парит, а летает... Недолго же ты мне налетал, светлый мой Ангел-хранитель...
Мария, опустившись рядом с креслом, обняла, разрыдалась...

КАНТЕМИР. Нет, Мария, эти женские слабости с сего дня уже не по тебе.
Встряхнись, взбодрись и слушай мои слова.

МАРИЯ. Слушаю.

КАНТЕМИР. Не позволяй обидам и горечи овладевать собой, не становись рабыней своей оскорбленной гордости.

МАРИЯ. Что делать? Как спасти свою душу?

КАНТЕМИР. Встань, поднимись во весь свой рост. Человек есть творение Всевышнего, в нем живет Дух Господний. Никто и ничто в этом мире не смеет крушить Дух Господний. Встань, выпрямись в меру отпущенных тебе даров, и ты увидишь, как ты велика и непоколебима под защитой Отца Небесного, и как ничтожно мало горе, которое хочет тебя сокрушить...

МАРИЯ. Всю жизнь я только и делаю что поднимаю себя, выпрямляю, а меня гнут, и гнут, и гнут...

КАНТЕМИР. Это потому что ты поднимаешься вместе со своим горем, а ты горе оставляя на земле и поднимись в светлой радости Христовой... Свое детство я провел в деревне, у моей покойной бабушки Анны Бантыш. Ее травили всю жизнь за то, что она отдала дочь замуж за крещеного татарина.

МАРИЯ. Кто травил?

КАНТЕМИР. Все. И родня, и соседи, и чужаки. От всего этого у нее часто отнимались ноги, но ее глаза не переставали при этом улыбаться. Завидя меня, подзывала, гладила по головке, прижимала к себе, повторяя без конца — «Творите добро ненавидящим вас, и Господь вас не оставит».

МАРИЯ. И она действительно его творила?

КАНТЕМИР. Без конца. Она радушно принимала всех этих гнусных сплетниц, одаривала всех этих интриганов, помогала всем и каждому, дожила до глубокой старости и скончалась с той же улыбкой бесконечной доброты.

МАРИЯ. Напишите своей рукой те бабушкины слова.

КАНТЕМИР. Для чего?

МАРИЯ. Чтобы иметь в жизни опору.

КАНТЕМИР. Бумагу. Перо.

МАРИЯ (*получив текст, несколько раз прочла его про себя, приложила к нему уста, упрятала за пазуху и опустила на колени*). Пресвятая Богородица... Да пребудет Твоя доброта надо всем миром, и над этой державой, и над царствующими особами, Его Императорским Величеством, Петром Алексеевичем, и... Ее... и... Ее...

КАНТЕМИР. И Ее Императорским...

МАРИЯ. И Ее Императорским...

КАНТЕМИР. Величеством...

МАРИЯ. Величеством...

КАНТЕМИР. Екатериной...

МАРИЯ. Екатериной...

КАНТЕМИР. Алексеевной.

МАРИЯ. Алексеевной.

За окном продолжался воистину царский праздник. Гремели колокола, играли оркестры, толпы ликовали, и только где-то далеко-далеко, за горизонтом, слышно было, как тоскует и мается в своем невысказанном горе душа человеческая...

Картина девятая.

В Большом зале Петродворца бал. У входа замерли гренадеры в парадной форме. Через открытые окна течет река нескончаемого торжества — гремят колокола, салютуют пушки. Высшие сановники империи, генералы, ближайшие соратники Петра, выстроившись вдоль стен каждый со своим музыкальным инструментом, сотрясают зал своей игрой, но сам Император лежит в центре зала на больничной койке. Все оваяно заревом воспаленного духа и воплями мучительных страданий. Императрица у кровати склонилась над больным.

ЕКАТЕРИНА. Пора, Сир.

ПЕТР (*преодолевая боль*). Пора-то пора, да охоты нету.

Поднявшись с постели, в ночной рубашке, подлаживается к ритму исполняемых мелодий, но все никак не попадет в такт.

ЕКАТЕРИНА. Дай я поведу.

ПЕТР. Еще чего! Меня от рождения никто не вел. Я для того и рожден был, чтобы вести.

ЕКАТЕРИНА. Ну так веди! Сделай хотя бы шаг!

ПЕТР. Не могу. Нет устойчивости.

ЕКАТЕРИНА. В чем нет устойчивости?

ПЕТР. В основе... Сам выбирал место для дворца, присутствовал при закладке фундамента, я один знаю сколько всего в основании заложено, и вот, поди же ты, качается...

Что-то почудилось. Встал, как вкопанный, весь превратившись в слух. Сквозь танцевальные ритмы кто-то отчаянно стучится в парадные двери.

ПЕТР. Слышишь? Не все еще собрались. Подождем.

ЕКАТЕРИНА. Все, все. Выпрямись, расправь плечи. Они не должны видеть твою слабость.

ПЕТР. У императоров слабости не бывает. Они либо живут и правят, либо умирают.

ЕКАТЕРИНА. Ну так... Либо одно, либо другое...

Петр, наконец, сдвинулся с места, но ноги, ноги, не слушаются ноги. И тут к нему ринулись на помощь. Грохот, треск, взломанные двери. Гренадеров бурей разметало.

Одетая в темное монашка, не долго думая, пошла вдоль стен. Вырывала у высоких сановников музыкальные инструменты и выбрасывала их в открытые окна, а самих вельмож повытолкала за дверь вместе с императрицей.

Очистив дворец, закрыла окна, заперла дверь.

МОНАШКА. Почему вы не в постели?!

ПЕТР (*задумчиво*). То, чего я больше всего боялся, произошло. Вот, постой рядом. Ведь, качается же?

МОНАШКА. Качается, потому что вас подняли с постели. Какой бал, какие гости, какие музыканты! Есть время танцев, но есть и время лежания в постели.

ПЕТР. В Святом писании такого стиха нет.

МОНАШКА (*уложив царя, поправляет постель*). Есть. Но он там, между строчками...

ПЕТР. А, собственно... Откуда ты... вот, опять качается...

МОНАШКА. Пожалуйста, Петр Алексеевич, никаких вопросов, пока не успокоится основание...

ПЕТР. Тебя как звать-то?

МОНАШКА. Сестра Агапия.

ПЕТР (*послушно, как ребенок, дает ухаживать за собой*). Откуда-то мне твой голос знаком... Такой милый, родной, утешающий... Тебя как звали до пострижения?

АГАПИЯ. Я уж и не помню... Оставила за порогом монастыря и свое мирское имя, и все, что было в той, другой жизни...

ПЕТР. А откуда ты знаешь, как нужно взбивать мою подушку, чтобы было мне удобно?

МОНАШКА. Ваш ангел-хранитель шепнул на ушко..

ПЕТР. Надо будет как-то его отметить, этого ангела-хранителя, наградить чем-нибудь. И с каким еще предписанием направил он тебя?

АГАПИЯ. А ни с каким. Сказал просто — поди, поправь Петру подушку..

ПЕТР (*удивленный в высшей степени, приподнимается с постели*). Так и сказал — поди, поправь Петру подушку?!

АГАПИЯ. Так и сказал. Поди, поправь Петру подушку.

ПЕТР. Он произнес мое имя, не употребляя при этом общепринятые титулы и звания?! Что они себе там позволяют?!

АГАПИЯ. Не сердитесь, Петр Алексеевич. Там мирские звания и титулы не употребляются.

ПЕТР. Как же они, в таком разе, общаются меж собой?!

АГАПИЯ. Просто. Поди, помоги Петру. Помоги Ивану.

ПЕТР. И — все?!

АГАПИЯ. И все.

ПЕТР. Мне руки твои откуда-то знакомы. Их запах, их мягкое прикосновение... Пожалуйста, пусть они полежат немного на моем челе, они несут живительную прохладу... И постарайся вспомнить, как тебя звали до пострижения...

АГАПИЯ. Не застревайте в прошлом, Петр Алексеевич. Устойчивость теряется, когда мы слишком долго пребываем в прошлом. Помните слова Спасителя? Возложивший руки свои на плуг и оглядывающийся назад недостоин царствия небесного. А вы, между прочим, главный пахарь России.

ПЕТР. Я не столько пахал, сколько строил. При том неважно строил. Ведь качается же...

АГАПИЯ. Слава Богу, уже не так качается.

ПЕТР (*после долгой паузы*). Может и вовсе не качаться, да что толку, если устойчивости нет. Пропала устойчивость.

АГАПИЯ. Положитесь на Бога, Петр Алексеевич... Все мы муравьи Господни, каждый из нас несет свою ношу, а что из всего этого получится, один Всевышний ведает, он есть Главный Строитель...

ПЕТР. Наклонись ко мне.

АГАПИЯ. Я и так все время подле вас.

ПЕТР. Нет, ты наклонись низко-низко...

АГАПИЯ. Больше нам нельзя. Мы невесты Господни.

ПЕТР. Еще чуть-чуть... Откуда-то мне твое дыхание знакомо... Тебя, случайно, не Марией звали в той, домонашеской жизни?

АГАПИЯ. Не помню, Петр Алексеевич, не помню... Однако, мы с вами договорились не застревать в прошлом... У вас очень мало сил, а путь долг, еще идти да идти...

ПЕТР. Куда мы идем?

АГАПИЯ. Далеко-далеко... В мир покоя и вечности.

ПЕТР. Зачем мне покой, на черта мне вечность?! Я человек действия, человек крушения и созидания, я воин, пахарь, строитель... Зачем мне вечность?! Это не моя стихия. Я не желаю туда.

АГАПИЯ. Вечность и покой есть изначальное состояние мира. Нас Всевышний слепил, одухотворил, мы сделали то, что смогли, кто лучше, кто хуже, но затем мы должны вернуться в царство вечности и покоя, ибо там наша истинная родина...

ПЕТР (*свирепо*). Нет, и тысячу раз нет!!! Я эти ваши поповские штучки к чертовой матери... О, Господи, опять правая рука куда-то

проваливается... Пожалуйста, уложи мне ее рядом в постели, я не могу здраво вести дела, когда рука висит в беспомощности...

Агапии никак не удастся ни согнуть, ни поднять правую руку...

АГАПИЯ. Боюсь, не смогу я...

ПЕТР. А ты словами подсоби.

АГАПИЯ. Как словами? Какими словами?

ПЕТР. Помнишь как ты тогда, в ту ночь, сказала — Господин мой! Укрой меня своим крылом. Она у меня и тогда проваливалась куда-то, висела беспомощно, но твой голос, твои слова вернули ее к жизни. Пожалуйста, облегчи мои страдания еще раз...

МАРИЯ. Ничего у нас с вами, Петр Алексеевич, не получится.

ПЕТР. Да почему не получится?!

МАРИЯ. Потому что только раз в жизни женщина просит мужа укрыть ее своим крылом, и только раз в жизни у мужа воистину расправляются крылья...

ПЕТР. Глупости, Мария! Это происходит много раз в жизни, ты еще слишком молода, чтобы судить о таких вещах. Я тебе нашел хорошего жениха, как только поправлюсь, устроим свадьбу на весь Питер, на всю Россию, на весь мир, только повтори еще раз...

МАРИЯ. Нет. Мне это не дано.

ПЕТР. Да почему не дано-то?

МАРИЯ. Потому что все главное, насущное, святое, что есть в нашей жизни — оно не-пов-то-римо...

ПЕТР. Что такое?! Опять качнуло?...

МАРИЯ. Не переживайте, Петр Алексеевич. Совершенной устойчивости в мире нет. Мы к ней стремимся, мы о ней мечтаем, но ее почти что нет... А то, что нам кажется устойчивым, видит Бог...

ПЕТР. Что же теперь делать?

МАРИЯ. Сказано — утешайтесь в Господе. Там наша с вами устойчивость.

ПЕТР. Я грешен, Мария. Очень грешен. Мне там не дадут утешения...

МАРИЯ. Дадут. Я опущусь тут на колени, я буду молиться за вас...

Тихо, один молитвенный шепот слышен. Зарево воспаленного духа уступает место серому утру. Вдоль стен стоят в глубоком потрясении соратники Петра. У входа замерли гренадеры. В центре зала больничная койка с утихшим Петром. Императрица хлопочет вокруг покойника, прикрывает ему веки, пытается сложить ему руки на грудь, но мешает молящаяся у ног покойника Мария.

Императрица подала знак гренадерам. Массивным, покойным, державным шагом гренадеры подошли, взяли Марию под руки. Она сопротивляется, не дается.

МАРИЯ. Не смейте прерывать мою молитву!!!..

ГРЕНАДЕР. Ну, ты, сучка волошская...

МАРИЯ. Вы не смеете так называть ту, которую царь любил...

ГРЕНАДЕР. Царь любил одну царицу. Это ведомо всем.

Силой выводят ее из зала. Сенаторы выставляют в открытом окне русский флаг, увешанный траурными лентами. А Петр Великий лежал неподвижно, и его натруженная права рука по прежнему висела, почти касаясь пола...

Картина десятая.

Темный, убогий каземат. Луч солнечного света с трудом просачивается откуда-то сверху. Тяжелый дух заточения. На деревянных нарах куча пыльного хлама. Ни стола, ни стульев, одна пустая полка, приделанная к стене.

В сенцах лихорадочный шепот. Гремят засовы. Тяжелая дверь, открывшись с душераздирающим воплем, замерла. На нарах куча пыльного тряпья ожила на минуту, чтобы выдохнуть из себя:

— Оставь на полке и уходи.

Шаги, звон посуды, чья-то тень мелькнула и замерла в уголочке.

Дверь с тем же воплем вернулась на свое место. Отзвенели ржавые засовы. Громада хлама на нарах мается, мается, никак не уляжется.

— И не может того быть!

Через некоторое время подали голос кандалы. Болезненный, лохматый, заспанный старик спустил ноги, потрянул головой, точно просыпался от дурного сна, еще раз потянул носом.

— Да не может такого быть!!!

Близорукий, на ощупь добрался до полки, все принюхиваясь к чему-то, и наконец завопил.

— Ванюша!! Наша молитва дошла да Господа, а наша челобитная дошла до царя. Нам таки сварили куриный суп. Впервые, за год с лишним, мы поедем мясца!

МАРИЯ. Нет, Петр Андреевич. Это не царская милость. Куриный суп я принесла.

ТОЛСТОЙ. Мария?! Голубушка, ангел ты мой небесный, откуда ты взялась? Как ты могла сюда проникнуть?!

МАРИЯ. Ну, приехав в Соловецкий монастырь на богомолье, навестила крестного... Что тут такого?

ТОЛСТОЙ. Боже мой, да это же тюрьма, причем строжайшая, по особому высочайшему указу учрежденная! Тут не то что живого человека — неба Божьего не видать, света солнечного по капле выдают! Кормимся объедками с монашеского стола, а у монахов, сама понимаешь,

какие объедки! Ради Господа Христа, уходи, неровен час — схватят, я и так довольно горя принес вашему роду. Уходи!

МАРИЯ. Как я уйду, не исполнив то, ради чего пришла.

ТОЛСТОЙ. А чего ради ты меня навестила?

МАРИЯ. Чтобы поздравить с днем ангела. Сегодня праздник равноапостольных Петра и Павла. Вы мой крестный, и я всю жизни в этот день приходила к вам с поздравлением.

Загремели кандалы. Опустившись на колени, Толстой помолился и заплакал.

ТОЛСТОЙ. Дочь моя, простишь ли ты меня в сомнениях моих?

МАРИЯ. Уже простила.

ТОЛСТОЙ. Велик Господь!

Несколько успокоившись, поднялся, подошел к полке с пищей.

МАРИЯ. Пожалуйста, поешьте, пока теплый.

ТОЛСТОЙ. Дай насладюсь запахами.

Загремели засовы. Дверь чуть приотворилась, и хриплый шепот из сеней предупредил: — Начальник вышел из караульной. Закругляйся.

ТОЛСТОЙ. О Господи, этот Перфильев — аки лютый зверь! Голубушка, родненькая... Ступай себе с Богом. Не вешай на меня еще одну печаль...

МАРИЯ. Что же я? Такой длинный путь проделала, так давно вас не видала, и уйду, не поговорив?..

ТОЛСТОЙ. А ты подумала, отчаянная твоя головушка, какая может быть цена нашему разговору? Тебя заточат по соседству.

МАРИЯ. Не заточат. У меня охранный грамота.

ТОЛСТОЙ. От кого?

МАРИЯ. От Архангельского епископа, Анастасия Кондоиди...

ТОЛСТОЙ. Кондоиди назначен Архангельским епископом?! И давно?

МАРИЯ. С Рождества.

ТОЛСТОЙ (*стучит в стену*). Ванюша, ты слышишь, наш друг, наш большой и верный друг назначен Архангельским епископом... О Боже, сколько радостей на мою голову в один день! Крестница пришла поздравить, куриный суп на полочке и Архангельский епископ еще в придачу. Жив Господь наш, жив!!

МАРИЯ. Поешьте. Остывает.

ТОЛСТОЙ. Но как ты могла догадаться, что по ночам нам с Ваней снится теплый, душистый, куриный супчик?!..

МАРИЯ. Это не моя заслуга, прислуга догадалась. Я вам книг всяких навезла, но Смарианда, рано утром, пока я спала, обошла тут все, потом пришла и говорит — зачем им книжки, там окна застроены кирпичами, они впотьмах живут, я лучше заму сготовлю.

ТОЛСТОЙ. Что такое — зама?

МАРИЯ. Так в Молдавии называют куриный суп.

ТОЛСТОЙ. Но тут же островной монастырь — тюрьма, где она тут достала курицу, кастрюлю, приправу?..

МАРИЯ. Все достала, сварила, оставила завернутое в полотенце, чтобы не остыло, и побежала в храм на утреню.

ТОЛСТОЙ. Истинно христианская душа... Дай немного отольем и отошлем сыну Ивану за стеной...

МАРИЯ. Уже. Отлила. Передала.

ТОЛСТОЙ. Но, погоди-погоди... Ты же ведь не знаешь того, что Ванюши уже нет?

МАРИЯ. Знаю.

ТОЛСТОЙ (*крестясь*). Царствие ему небесное... Кому же ты суп отлила?

МАРИЯ. Часовому.

ТОЛСТОЙ. Но... ты не забыла сказать — за помин души раба Божия Ивана?

МАРИЯ. Не забыла.

ТОЛСТОЙ. Они такие халуги. Много с тебя содрали?

МАРИЯ. Для чего?

ТОЛСТОЙ. Чтобы впустили ко мне.

МАРИЯ. Ну, пришлось кое что прибавить...

ТОЛСТОЙ. Подойди. (*Осмотрел ее руки, уши, шею*). Господи, да они отобрали тебя как липку... А на тебе были царские украшения...

МАРИЯ. Главное украшение в человеческой жизни — душа.

Дверь еще раз скрипнула. В щель прошипели:

— Лейтенант уже идет. Минута на прощанье.

ТОЛСТОЙ. Мария, голубушка ты моя, можно я тебе исповедуюсь?

МАРИЯ. Что вы, Петр Андреевич! Это невозможно.

ТОЛСТОЙ. Почему?

МАРИЯ. В Молдавии не принято, чтобы крестный исповедывался своему крестнику.

ТОЛСТОЙ. А почему? Исповедь существует со дня сотворения мира. Человек исповедывается человеку. Даже у Патриарха есть некий духовник, которому он исповедывается. Без этого нельзя. Вот, я опускаюсь пред тобой на колени...

МАРИЯ. Тогда и я стану на колени.

ТОЛСТОЙ. Я пожилой человек, Мария, мне уже за восемьдесят...

МАРИЯ. До ста еще далеко...

ТОЛСТОЙ. Как и любой русский, достаточно поживший на своем веку, я многое перевидал, многое пережил. Было хорошее, было и дурное. Помнишь, твой покойный отец, царствие ему небесное, в храме тогда, в день коронавания покойной императрицы, признался, что не спит ночами, блуждает по морю-океану воспоминаний...

МАРИЯ. Помню.

ТОЛСТОЙ. Настал вот и мой горький час, блуждаю и я по морю океану. Все бы ничего, да невинная кровь нескольких душ на мне, и это мучает меня несказанно... А среди тех, пред которыми я особенно виноват, ты стоишь первая, Мария Кантемир... Ведь это я закрыл твой роман с царем, это я уговорил Паликулу скготовить ту настойку...

МАРИЯ. Знаю.

ТОЛСТОЙ (*после долгой паузы*). Откуда ты это можешь знать?!

МАРИЯ. От Паликулы.

ТОЛСТОЙ. Он, что... Ума лишился?

МАРИЯ. Почему же? Умер в здравом уме и твердой памяти.

ТОЛСТОЙ. Паликула помер?! Когда?

МАРИЯ. На страстной неделе.

ТОЛСТОЙ. Отчего?

МАРИЯ. В лазарете заразился. Меня подняли среди ночи — доктор срочно просит к себе...

ТОЛСТОЙ. Тоже, небось, исповедываться?

МАРИЯ. Ну, поговорили...

ТОЛСТОЙ. Греки, злоковарные лукавцы, они всего не скажут...

МАРИЯ. То что касалось меня, он поведал.

ТОЛСТОЙ. Все-все-все? И то что...

МАРИЯ. Да. И то что плод был мужского пола.

ТОЛСТОЙ. Боже, что творится... И, зная все это... ты нашла в себе силы преступить этот порог?!

МАРИЯ. Я каждый год поздравляла вас с днем ангела. Даст Бог, на будущий год, живы будем, тоже приду...

ТОЛСТОЙ. Дочь моя, почему не упрячешь себя в какой-нибудь монастырь? Покойная Екатерина Алексеевна, хоть и пережила ненадолго своего супруга, за время своего царствования сделала все, чтобы возненавидели тебя в России...

МАРИЯ. Твори добро ненавидящим тебя, заповедал мне отец.

ТОЛСТОЙ. А ты вообще ненавидеть умеешь?...

МАРИЯ. Умею, но не люблю.

В дверь стучали уже беспрерывно.

ТОЛСТОЙ. Мария, душа моя, каждый раз, когда ты меня поздравляла с днем ангела, я, в благодарность, дарил тебе чего-нибудь... Прости меня, родная. Я еще недавно был одним из богатейших в России, а теперь нищ, совершенно мне нечем отблагодарить за поздравление. Боже, как я унижен! Как я страдаю!!

МАРИЯ. Не переживайте, Петр Андреевич! Крестные в Молдавии — народ

прижимистый, на подарки не любят тратиться. Для них самое главное, дать крестникам наставление после поздравления.

ТОЛСТОЙ. Вот, ты меня спасла! Итак, наставление. Я обращаю к тебе слово, совет, заклинание...

Дверь еще раз скрипнула, в щель просунулась рука часового, собранная в угрожающий кулак.

ТОЛСТОЙ. Живи, Мария. Живи, родная. Живи долго. Россия — страна обиженных. В России невозможно найти человека, которого хоть один раз в жизни не обидели бы жестоко, несправедливо... Для оправдания в России нет никаких возможностей. Никто слушать тебя не станет. Единственная возможность доказать свою правоту — это продолжать жить. Но жить надо долго, очень долго, до глубокой старости, а то и еще дольше, в надежде, что когда-нибудь кто-нибудь да скажет, а ведь мы с тем, пожалуй, нехорошо обошлись... Так что, дорогая моя Мария! Живи! На радость близким, на зло недругам, на погибель врагам своим — живи!!

Последние слова Мария возможно и не расслышала, потому что мощная рука смела ее из каморки. В полутемных сенцах стучали сапогами, на что-то натыкались, чертыхались, и наконец в каморку вошел лейтенант Перфильев в сопровождении солдата.

ПЕРФИЛЬЕВ. *(торжественно разворачивая лист перед собой)*. Высочайший рескрипт. Кандальным Толстым. На ваше прошение о допущении к мясному рациону высочайшей рукой Государя Императора Петра Второго начертано: Фиг.

ТОЛСТОЙ. Что есть — фиг?

ПЕРФИЛЬЕВ. То ж, что и хрен.

ТОЛСТОЙ. Неужто я, за все мои труды на благо Отечества...

ПЕРФИЛЬЕВ. А ты что думал? Алексея Петровича, отца нынешнего Императора, в гроб вогнал, а он будет тебя кормить мясом?!

ТОЛСТОЙ. Но что это за резолюция — фиг?

ПЕРФИЛЬЕВ. Детское просторечье.

ТОЛСТОЙ. Ты сказал — детское просторечье?!

ЛЕЙТЕНАНТ. Прошу прощения. Юношеское. Его Величеству минуло двенадцать лет.

ТОЛСТОЙ. Но, если это Высочайший Императорский рескрипт, почему держите его вниз головой?..

СОЛДАТ *(быстро выправляя оплошность)*. Виноваты. Господин лейтенант не ведает грамоты.

ТОЛСТОЙ. Ты-то сам грамоту знаешь?!

СОЛДАТ. Я образован. С моих слов господин лейтенант заучивает наизусть рескрипты...

ПЕРФИЛЬЕВ. Зенцов, разговорчики! Кандальный, ты все понял?

ТОЛСТОЙ. Усвоил и смиренно повинуюсь.

ЛЕЙТЕНАНТ. То-то. Не марай больше бумагу. Про мясо забудь.

Важные, преисполненные значительностью своего положения, уходят. Тяжелая дверь с воплем запирается. Щелкают, скрежещут и скрипят многочисленные замки-засовы. Петр Андреевич подходит к нарам, копается в куче хлама, достает какую-то грязную тряпочку, повязывает ее вместо салфетки, открывает кастрюлю, еще раз втягивает в себя аромат, берет ложку, замигает...

ТОЛСТОЙ (обратясь к небу). Россия!

Эпилог.

Прошло тридцать лет. И снова Кантемировский дворец в Санкт-Петербурге, и снова холодная зима... Дом пуст, одинокий, сиротлив. Мария Кантемир, в меховой безрукавке, греет руки у полыхающего камина. Смарианда, выбиваясь из сил, воюет с запустением.

СМАРАНДА. Голубушка моя, подальше от огня, неровен час...

МАРИЯ. Руки никак не согрею. А эти господа, едва переступив порог, тут же руки целовать, а потом долго стоят в раздумье...

СМАРАНДА. И почему они так стоят?

МАРИЯ. Никак не поймут, отчего это у них, с холода, руки теплые, а у меня, сидящей в доме, руки холодные...

СМАРАНДА. А знаете что? Я заготовила извар, дайте я им ручки ваши протру... Вмиг согреются!

МАРИЯ. Нет, Смарианда... Как только поместили в семейную усыпальницу Антиоха, руки остыли, наполовину как бы вымерли. Некого больше ждать, не о ком заботиться, некому письма писать в Париж...
На улице подъехали сани.

СМАРАНДА. Свети Боже, они уже приехали... Вот нет того, чтобы опоздать немного, пожалеть бедную хозяйку, они прямо точь в точь.

МАРИЯ. Нехорошо оговаривать гостя, которого сам и пригласил.

СМАРАНДА. Вы сами пригласили?! Зачем?

МАРИЯ. Ради будущего. Хочется хоть одним глазком на него посмотреть...

СМАРАНДА. Они, что, такие молоденькие?!

МАРИЯ. Будущее — это не кудри на голове.

СМАРАНДА. А что?

МАРИЯ. Дух. Созидательная энергия.

На улице слышна речь. Слуги открывают гостям входные двери, помогают раздеваться. Входят.

БАЙЕР. Госпожа Кантемир, простите, что мы нарушаем ваше уединение.

Весь Петербург знает, что после кончины вашего брата и моего ученика, несравненного Антиоха Кантемира, вы никого не принимаете. Тем отрадней было для нас получить ваше приглашение... Разрешите представить вам нашего друга, зачинателя многих добрых дел в России, Ивана Ивановича Бецкого.

МАРИЯ. Не волнуйтесь, господин Байер, мы давно знакомы. Правда, заочно, по переписке. Лицом к лицу встречаемся впервые.

БАЙЕР. Вот уж парадоксы русской истории! Надо чтобы некий немец из Кенигсберга перебрался в Россию, чтобы свести лицом к лицу два знатных рода, Кантемиров и Трубецких, которые, к тому же, состоят в родстве...

МАРИЯ. Пожалуйста, проходите, садитесь, согрейтесь с улицы... О нет-нет-нет, пожалуйста, только не в это кресло...

БЕЦКОЙ. Простите мою бестактность, княгиня...

МАРИЯ. Вам незачем просить прощения. Этот дом будет в вечном, неплатном долгу перед вами...

БЕЦКОЙ. Разве? С чего это?

МАРИЯ. Об этом речь впереди. Надеюсь, вы не очень спешите?.. Может, по стаканчику горячего пунша, или извара, как называет этот напиток моя домоправительница... Пожалуйста, не отказывайтесь. Тем самым вы дадите мне возможность вместе с вами выпить чашку, а то по ночам Смаранда всхлипывает и жалуется Богоматери, что ее госпожа-голубушка спивается...

БАЙЕР (*Бецкому*). Не отказывайтесь, князь. Получите редкое удовольствие...

МАРИЯ (*угощая гостей*). Позвольте мне поднять эту горячую кружку вина за здоровье моей сестренки, и выразить вам, Иван Иванович, глубочайшую признательность, что вы воспитали нашу сестренку и вашу племянницу быть достойным продолжателем нашего и вашего рода... (*Пьют*). Как она там?

БЕЦКОЙ. Блистает на венских приемах со своим супругом, князем Голицыным, нашим послом в Австрии...

МАРИЯ. Потомства еще нет?

БЕЦКОЙ. По-моему, ждут, хотя Екатерина Дмитриевна избегает...

МАРИЯ. Все-таки, Екатерина... Мы звали ее Смарагдой, но, как говорится, никто не знает под каким именем женщина найдет свое счастье... (*После паузы*). Пожалуйста, еще по чашечке, пока вино не остыло... Оно очень согревает. Расскажите, что вы такое затеваете? Мы, хоть и живем в уединении, кой-какие слухи дошли и до нас... По городу ходят легенды о вашей кипучей энергии, о ваших многочисленных просветительских начинаниях...

БЕЦКОЙ. Как и все легенды, эта тоже сильно преувеличена. Я чрезмерно осторожен, медлителен, хотя Господь изредка осеняет идеями, и вот одну из них мы привезли к вам на санях...

МАРИЯ. Да неужто? И где же она?

БАЙЕР. Сейчас развернем в наилучшем виде...

БЕЦКОЙ. Мы с Ее Высочеством, принцессой Екатериной, невесткой правящей императрицы Елизаветы Петровны, затеяли учебное заведение для девиц из среднего сословия... Собрали достаточно средств на первое время. Нашли помещение. Ищем преподавателей.

МАРИЯ. Говорят, эта Ангальт-Цербтская принцесса образована и на удивление деятельна?

БЕЦКОЙ. На удивление, княгиня! Ей мало дворца, ей мало Санкт-Петербурга, она рвется довести до логического завершения все начинания Петра. Она буквально бредит Петром Великим. Между прочим, я к вам с деликатнейшим поручением от принцессы Екатерины.

МАРИЯ. Для меня большая честь, что я могу хоть чем-нибудь быть ей полезной... В чем же состоит ее поручение?

БЕЦКОЙ. Принцесса Екатерина собирает все, что хранит память о Петре Великом. Свидетельства, записки, рисунки, чертежи...

МАРИЯ. Зачем?

БАЙЕР. Чтобы пополнить институт.

МАРИЯ. Какой институт?

БАЙЕР. Институт Петроведения.

МАРИЯ. Надо же, какие ученые слова придумывают — Петроведение... Гм... Ну и что принцесса поручила вам узнать у меня?

БАЙЕР. Вы были не просто современницей Петра Великого. По Петербургу ходят легенды о ваших взаимоотношениях с Петром Алексеевичем... Говорят он умер с вашим именем на устах...

БЕЦКОЙ. Принцесса согласна на все ваши условия. Она мечтает хотя бы одним глазом взглянуть на те живые свидетельства, которые у вас наверняка сохранились в великом множестве...

МАРИЯ. Ах вот вы о чем...

Вышла в соседнюю комнату, затем, минутой спустя, вернулась с огромным серебряным ларцом. Поставила его на стол, открыла. То улыбаясь, то укоризненно качая головой, то заливаясь смехом, перебирала письма, портреты, подарки, записки. Пережив на глазах гостей еще раз свою жизнь, постояла в раздумье, после чего взяла ларец, подошла к камину и высыпала все содержимое в пылающее пекло.

БАЙЕР (в отчаянии). Боже мой, что она сделала, княгиня, вы понимаете, что вы сделали?! Вы уничтожили потрясающий роман, может быть

самый великий роман в русской истории — последняя любовь Петра Великого!..

МАРИЯ (*вернувшись к столу с пустым ларцом, допила остаток из чашки*). Ошибаетесь, дорогой господин Байер. Никакого романа не было. Петр Алексеевич, действительно, часто бывал в этом доме, навещая моего отца, князя Дмитрия Константиновича. Бывало, я издала на блюдала царя, может быть, мы обменялись двумя-тремя репликами, не более того... Так и передайте принцессе Екатерине, вместе с моим глубочайшим к ней почтением...

БАЙЕР. Но, княгиня... Тридцать с лишним лет прошло после смерти Петра Великого, а вы продолжаете носить печальное платье...

МАРИЯ. Ну, нравятся мне темные цвета, я и ношу темные. Другим нравится светлое, носят светлое.

БАЙЕР. За эти тридцать лет какие только женихи не сватались...

МАРИЯ. Знать, не судьба.

БАЙЕР. А это кресло! Вся Россия говорит о кресле в вашем доме, в котором вы никому не позволяете...

МАРИЯ. Ну, бывает, полюбит человек какую-нибудь вещь в своем доме и ее особенно опекает. Мне, вот, дорого это кресло — что ж тут такого?!

БАЙЕР. А как мы объясним будущему потомству день двадцать восьмого июня?

МАРИЯ. При чем тут двадцать восьмое июня?

БАЙЕР. Весь Петербург знает, что каждый год двадцать восьмого июня шестерка лошадей княгини Марии Кантемир подъезжает к Невской лавре. Вы сходите с одной единственной розой, входите в усыпальницу и кладете ее на могилу Петра Великого...

МАРИЯ. Что ж тут такого! Петр Алексеевич был воистину Великий царь. Многие приходят и кладут цветы на его могилу.

БАЙЕР. Но откройте мне, как человеку, писавшему книгу о вашем роде, почему именно двадцать восьмого июня? И это из года в год? Что было между вами и Петром Великим двадцать восьмого июня?

Мария стояла молча, величественная, окаменевшая, возле пустого ларца, и только руки ее дрожали мелкой дрожью.

БЕЦКОЙ. Княгиня, простите за боль, которую мы вам, по неведению нашему, причинили...

МАРИЯ (*после потрясения, устало*). Они хотели от меня наследника. А я хотела сына. Просто сына. На этом разошлись.

БЕЦКОЙ. Разошлись с кем? С Петром Алексеевичем?

МАРИЯ. С Россией.

БЕЦКОЙ. Но, разойдясь, вы продолжаете в ней жить? Почему?

МАРИЯ. Россия умеет привязывать к себе.

БЕЦКОЙ. Чем?

МАРИЯ. Грехопадениями и постоянной готовностью к покаянию. Иной раз кажется, что в России собран весь мир — от первобытных общин до самого судного дня, со всеми формациями, какие были и какие еще только будут. С этим трудно жить, но еще труднее расстаться. Да простит меня Господь, если я что не так сказала.

БЕЦКОЙ. Мы вас утомили. Позвольте откланяться...

МАРИЯ. Я вам очень благодарна, Иван Иванович, за вашу заботу о рукописях моего отца и моего брата... Мне не хотелось бы отпускать вас с пустыми руками, и раз уж вы собираете всякую старину, позвольте вам преподнести небольшой листок, на котором начертаны четыре слова моей покойной бабушки, записанные рукою покойного отца. Я прожила с ними жизнь в России. Полагаю, что и вам, если придется надолго тут задержаться, эти четыре слова помогут в ваших делах...

Подошла к иконе, взяла листок, протянула гостю.

БЕЦКОЙ (*читает*). «Творите добро ненавидящим вас, и Господь вас не оставит». (*После паузы*). Княгиня, позвольте склонить голову перед вашим достоинством, и поцеловать на прощании ваши...

МАРИЯ. Ой, не надо, а то и вы начнете расспрашивать, отчего они у меня такие холодные...

БЕЦКОЙ. Нет, княгиня, я об этом спрашивать не буду. Мне уже это известно.

Распроставшись, гости ушли. Смаранда, собрав чашки, уходит по хозяйству. На сцене остается одна Мария. Стоит, как изваяние, как молитва, как живая боль; на ней медленно гаснет свет, и они вместе со сценой уходят в небытие.

занавес

Р.С. Той же осенью Мария Кантемир ехала в гости к Черкасским. На Никольской, недалеко от Николо-Греческого монастыря, шестерка лошадей вдруг понесла, опрокинулся экипаж, и Мария погибла. В своем завещании она просила похоронить ее под Москвой, в деревне Марьино, в построенной ею церкви, основав на ее часть наследства женский монастырь. Пережившие ее братья решили, что все это блажь. Похоронили Марию в семейной усыпальнице, а наследство ее поделили меж собой.

В 1935 году, в связи со строительством станции метро «Площадь Революции», Николо-Греческий монастырь подлежал сносу. Москва предложила Бухаресту останки господаря Дмитрия Кантемира.

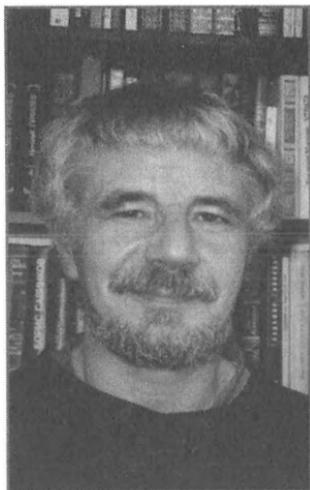
Они были перезахоронены с государственными почестями в Яссах, древней столице Молдавии, в соборе Три Святителя.

В 1958 году, в связи с юбилеем Антиоха Кантемира, одного из основателей русской словесности, Союз писателей СССР обратился в Моссовет с просьбой указать, где могут находиться останки семьи Кантемиров, в частности, Антиоха Кантемира, с тем, чтобы сохранить их для потомства. Моссовет ответил, что при производстве подземных сооружений земляной балласт вывозится грузовиками за пределы коммуникаций.

В нынешнем, 2003 году, отмечается 300-летие великого творения Петра, Санкт-Петербурга. И этот же год, по решению ЮНЕСКО, в связи с юбилеем объявлен годом Дмитрия Кантемира. Воистину, как говорит народная мудрость, вода то наступает, от отступает, а камни таки остаются.

Москва, апрель 2003 г.

Великая Пятница

**Александр
Железцов**

Родился в 1954 году. Живет в поселке Ново-Подрезково Московской области.

Драматург, прозаик. Пьесы публиковались в журнале «Современная драматургия», ставились в Москве, Петербурге, Пензе, Мурманске.

В настоящее время спектакли в Центре драматургии и режиссуры под руководством М. Рощина и А. Казанцева и в Гданьске (Польша).

На конкурс представил пьесу «Диалоги о животных» (третья премия).

Диалоги о животных

собрание коротких пьес

Диалоги о животных

У телевизора: ОН.
 ОНА.
 МАМА.

ОНА. Да сядь ты, сядь!

ОН. Вообще-то, я футбол рассчитывал...

ОНА. Это Галапагосские острова, это выюрок, птичка, у него клюв до личинки в дереве не достает — видишь? А он ее палочкой выковыривает, сейчас покажут...

ОН. А футбол?

МАМА. На воробья похож.

ОНА. Как колбаса, да? Это они в само дерево камеру поместили и личинку показывают. Ночью футбол посмотришь. Видишь — палочка в клюве? Видишь? Сейчас достанет её.

ОН. Живая такая, нежная, трогательная — посмотри, окраска какая...
МАМА. А как они сказали, птица называется?
ОНА. Подцепляет... Нет — никак!
ОН. Птица вьюрок.
МАМА. Похоже на «вьюнок» — это растение такое.
ОН. Вьюрок, Зинаида Сергеевна. Вью-рок.
МАМА. Я понимаю. Просто есть такое растение — вьюнок.
ОНА. Да подождите вы! Упирается ещё!..
ОН. Не достанет. Толстушке надо просто сидеть и не дергаться.
МАМА. Смешная какая птица.
ОНА. Давай! Давай её, толстомясую!
ОН. Вот-вот. И вся жизнь в этом...
МАМА. Птица приспособлялась, приспособлялась и придумала себе палочку — по Дарвину. Это эволюция.
ОН. По современным представлениям, Зинаида Васильевна, никакой эволюции вообще не было.
МАМА. Ну, я не знаю, науку ещё никто не отменял!
ОНА. Да смотрите вы! Он сейчас другую палочку возьмёт.
ОН. Нет. Он плюнул и отцепился. Главное — не дёргаться!
ОНА. Ага, правильно, кривую взял, цеплять лучше, умница! Сейчас подцепит.
ОН. Собственно, в этом — чуть ли не основная причина краха христианской цивилизации, в этом кровавом азарте...
ОНА. Ты что, сдурел? Личинки — паразиты.
МАМА. Личинки уничтожают посевы.
ОН. Это для вас паразиты, а для Бога — это просто она. Она — это она! А тут прилетает какой-то шустрый с палкой в клюве и начинает её доставать. А с чего, собственно?! За что?!
ОНА. Ур-р-ра!
МАМА. Как быстро кушает... Конечно — она ведь нежная такая, мясистая...
ОН. Все с палками, а она нежная и без палки...
ОНА. Ненавижу личинок!
ОН. А вьюрок твой любимый кто?! Нет, ты послушай! Вот сделал тебя Господь птицей, так что ж ты, сволочь, палку в клюв берёшь?! Раз птица — клюй честно! А если личинка палку возьмёт? Или кирпич? И всех по морде, кто сунется?! А?!
МАМА. Черепуха показывают. Интересно, как они называются?
ОН. А в следующий раз ваш вьюрок прилетит с автоматом!
ОНА. Не кричи — не на футболе.
МАМА. Обезьяны какие смешные.

ОН. С этого всё и началось, с первого шустрого, который взял палку. Эволюция ему понадобилась, как же, он ведь шустрый!

МАМА. А слоны-то какие смешные: ушки, хвостики...

ОН. Они не смешные совсем. Они никакие, они слоновые.

МАМА. Это черепахи слоновые. Ой, а эти-то, смешные какие: хвостики, ушки...

ОНА. Это гиены. А личинки твои толстожопые могли бы просто глубже забиваться в свои щели. Но им даже это лень.

ОН. Достанут. Прилетят и достанут.

МАМА. А крокодилы-то...

ОН (*орёт*). Смешные?! Смешные крокодилы, Зинаида Сергеевна, да?! Ушки-хвостики, да?!

ОНА (*орёт*). Дашь ты нам посмотреть спокойно?!

МАМА. Голова у меня что-то болит. Надо чаю попить, а то уже сухость в горле наступила. А там и кино начнётся... А ты чайку не хочешь? Говорили по радио, что магнитные бури сегодня. И завтра магнитные бури. И послезавтра...

ИНТЕРМЕДИЯ «ПО БЛЯДЯМ...»

*В разных концах зала появляются два явно пожилых человека:
ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ.*

ПЕРВЫЙ (*замечая Второго, радостно*). А-а, а я смотрю — тебя нет. Я уж думал ты по блядям пошел!

ВТОРОЙ (*прикладывая руку к уху*). Что?

ПЕРВЫЙ (*делает несколько шагов к нему, кричит громче*). Я говорю, я уж думал ты по блядям пошел!!

ВТОРОЙ (*делает несколько шагов к нему, все так же прикладывает руку к уху*). А-а?!

ПЕРВЫЙ (*приближается, кричит еще громче*). Я говорю, что я уже думал, что ты уже по блядям пошел!!!

ВТОРОЙ (*приближается, все так же не слышит*). А-а-а?!!

ПЕРВЫЙ (*приближается, кричит еще громче*). Я думал ты по блядям пошел!!!

ВТОРОЙ (*приближается, все так же не слышит*). А-а-а?!!

Сходятся нос к носу.

ПЕРВЫЙ (*с нормальной громкостью*). Я думал ты по блядям пошел!

ВТОРОЙ (*вяло*). А-а-а...

Без интереса смотрят друг на друга, расходятся.

СЦЕНАРИЙ

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. *Художественный руководитель театра.*

ВЕРОЧКА. *Завлит.*

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. *Пожилой и потрепанный.*

Приемная. Входная дверь, дверь в кабинет. За столом сидит Алла Алексеевна, сервирует его к чаю. Вбегают Верочка, быстро запирает за собой дверь.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Привет! Ты что?

ВЕРОЧКА. Опять пришел! За мной идёт! Он видел, куда я пошла!

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Господи! Просто отдаёшь и говоришь, что нас это не интересует. Всё! В чем проблема?

ВЕРОЧКА. Я не могу... Он... *(Всхлипывает).*

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Приставал?! А ну-ка, открой дверь!

ВЕРОЧКА. Нет, не надо... Жалко его...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Послушай, я прочитала. Просто бред. Большой человек, алкоголик, судя по всему... Всех жалко.

Стук в дверь.

ВЕРОЧКА. Я не могу! Я... *(Выхватывает из сумки кипу листов, сует Алла Алексеевне).* Отдайте ему сами, ну, пожалуйста! Скажите что-нибудь... Я в кабинете у вас.

Убегает в дверь кабинета. Алла Алексеевна решительно открывает дверь приемной. Входит Петр Степанович.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Где она?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Здравствуйте. Вера Петровна занята. Я — художественный руководитель театра. К сожалению, ваша пьеса нам не подходит. *(Протягивает ему листки).*

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Чем это она занята?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Работой. И я, на минуточку, тоже. Держите — и я с вами прощаюсь. *(Петр Степанович не берёт листки и неожиданно всхлипывает).* Вы что?! Прекратите немедленно! Будете плакать — я милицию вызову! Вот, выпейте, это кофе. Ну? Ну, не надо... Вот, чай.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А пирожное можно?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Берите все и идите.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А можно тут?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Только быстро.

Петр Степанович ест пирожные.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А вы прочитали?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Прочитала.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Понравилось?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Не то слово. Но нам не подходит.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А вы почём платите? Ну, за сценарий?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. По-разному. Но это нам не подходит.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Я за полцены могу. Вообще без денег пускай, бесплатно...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. И бесплатно не подходит.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Примитивность, да?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Что?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Ну, это когда не настоящее искусство, а так... Я, вон, в общежитии когда жил, давно ещё, там со мной два брата-татарина в одной комнате жили, а я по клеткам Григория Мелехова перерисовал, с афиши, кино «Тихий Дон», перерисовал, раскрасил — цветными карандашами, красиво вышло, все смотреть ходили, всё общежитие, а это примитивность была, мне один сказал, что примитивность это...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Да-да. Доедайте.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А что делать-то? Если примитивность?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Читайте больше. Извините, у меня работа.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А я много читал.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Значит, ещё читайте!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А зачем?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Да, действительно... Господи!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Сейчас, я ухажу уже, сейчас. А вот как вы скажите — есть такая книжка, где написано как надо? Как правильно надо? Ну, вообще, как надо, чтобы правильно... Есть?

Пауза.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Евангелие, может быть?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Это библия что ли? Не про нас писано. Читаешь — ни хрена не понятно, вы извините, конечно. Я вот и написал, ну, сценарий этот — чтобы жизненно, к нашей жизни...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Потрясающе. Что же, у нас в жизни одни праздники?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Нет...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Ну, как же — у вас тут только праздники: начинается со дня рождения, потом 23 февраля, потом 8 марта, Первое мая, Девятое мая, а потом две свадьбы. При этом ничего не происходит. Вообще ничего! Просто!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Почему?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Не знаю! Вот, пожалуйста! *(Выхватывает наугад один из листов рукописи)*. «Любовь Степановна, передайте мне огурчиков солёных. — Пожалуйста, Иван Петрович, только грибки маринованные под водочку лучше. — Нет, Любовь Степановна, я лучше огурчики люблю! — Хорошо, Иван Петрович, только вы грибки

попробуйте! — Хорошо, попробую, только я сначала хочу сказать тост за дам! — Нет, Иван Петрович, я сначала хочу сказать тост за вас! — Нет, Любовь Степановна, вы мне лучше огурчики передайте, а то там картошка уже, наверно, готова. — Да! У меня там картошка с сосисками готовится, как же я забыла, но я сначала хочу сказать тост...» И это бесконечно! Выпивают и закусывают! Закусывают и выпивают! Это хоть кому-нибудь интересно?!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Но хорошо ведь! Люди смотреть будут и радоваться.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Чему?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Что душевно всё, как надо... Закуску хорошую надо сделать: картошечки, огурчиков, колбаски разной, — сосисок — у меня там всё перечислено. Отдельно — холодное, отдельно — горячее.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Поймите — это сцена! Всё ненастоящее!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А настоящее нельзя?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Из зала всё равно не видно!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А в бинокли? У вас же есть.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Бинокли — за артистами следить. Как они... играют... переживают!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А чего переживать — тут всё по-хорошему...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. А в жизни всё по-хорошему? Вот у вас?

Пауза.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. В жизни бляди все! Бляди! *(Всклипывает)*.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Кто бляди?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Все.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Понятно. Все — это кто?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Дочка.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Понятно. А ещё кто?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Все. Хэхель её. У-у, блядь! *(Бьёт кулаком по столу)*.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Понятно. Хэхель блядь. А ещё кто?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Все. Соседи. В милиции. На работе... Извините. Сейчас я. Вы извините. Вон, говорят, что в искусстве жизнь человеческой души должна быть, да?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Духа.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Да нет, дух — это так... Вроде привидения. А душа — это... вещь! Я вот и написал тут, ну, про души — как они между собой... Они же не как мы. Они такие... лёгкие. Красивые.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Так это у вас души водку пьют и огурцом заедают?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Да нет! Это вы непьющая, видно, женщина — вам и непонятно. А у меня уж тут было... Я сам пьющий. И вёл себя неправильно в жизни, и жена умерла, и дочка ушла, что якобы, я её бил и она из-за меня умерла, правда, бил, а умерла она, фактически,

сама по себе, а дочка ушла всё равно с хахелем, а я ещё больше пить, и не помню ничего, и вдруг иду ночью по дороге: кусты, туман, тихо, только шаг мой. Туман белый, асфальт чёрный. И вдруг на асфальте, впереди, чего-то как... я не знаю... такое цветное всё, яркое и шевелится — и так грудь заломило-заломило... Подхожу — а это бабочки! Сплошняком, много, разные все: большие, маленькие: капустницы, крапивницы и такие, что и не знает никто — черные такие, как кони, и голубенькие, и всякие — шевелятся, вьются... А это молоко везли и на асфальт пролили, они и пьют! А тут ещё солнце встаёт! Кусты прямо загорелись, птицы как заорут, коровы как замычат, грудь так заломило, что стоять не могу, а они передо мной — вьются, а я глажу их — в воздухе — и нет меня совсем, я — бабочки эти, и молоко, и шоссейка, и кусты — это я всё, и сверху я тоже — и всё вижу, — вижу, как я мордой на шоссейку валюсь... Я не помню ничего дальше. Домой как-то дошел и сразу сценарий этот писать, как чокнутый — день и ночь. А выходит, и непонятно...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Понятно.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Правда?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Только в пьесе этого нет, в сценарии вашем... нет бабочек каких-то таких, как они молоко пьют — понимаете?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Так и пьют...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Да не как пьют, а КАК пьют — понимаете?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ (*подумав*). Хоботками.

(*Пауза*). А вы мне семь рублей не дадите?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Конечно, сейчас. Вот, только десятка. Понимаете, нет... вот этого внезапного ощущения трагической благодати бытия, прорыва какого-то...

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ (*беря деньги*). Я в понедельник отдам. Обязательно.

Дверь кабинета распаивается, вбегает Верочка.

ВЕРОЧКА. Не давайте ему!

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Это Вера Петровна, наш завлит, она освободилась...

ВЕРОЧКА. Отдай деньги.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Ну, здравствуй...

ВЕРОЧКА. Отдай деньги — и уходи. Я приду к тебе... потом. Сколько он пирожных съел — я заплачу.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Бог с вами, Верочка!

ВЕРОЧКА. Сколько?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Три.

ВЕРОЧКА. Отдай деньги — и уходи.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А я вообще не к тебе пришел! Я, вот, с женщиной разговариваю, а не с тобой!

ВЕРОЧКА. Это я не с тобой разговариваю!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Я тебя вообще, в упор не вижу! Дочь родная!

ВЕРОЧКА. Сам ты блядь! Ты на него первый накинулся и рубашку порвал!

Ты не можешь, когда другим хорошо! Мама из-за тебя умерла!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Из-за меня...

ВЕРОЧКА. Из-за тебя!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Из-за меня.

ВЕРОЧКА. Из-за тебя!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Из-за меня.

Пауза.

ВЕРОЧКА. Почему ты не ешь?! Я тёте Лизе оставила денег тебе на продукты. Почему ты продукты не покупаешь и не ешь?!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Не хочется.

ВЕРОЧКА. Не ври! Они у тебя всё время едят!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Потому что они... друг друга... уважают.

ВЕРОЧКА. Папка, бедный, все тебя уважают. Все тебя уважают! Он знает, как потом расстраивался, что тебя с лестницы толкнул! Все тебя уважают!

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Вы пьесу написали!

ВЕРОЧКА (*обнимая его*). Господи, худой какой! Алла, можно мы у тебя в кабинете посидим, а то я домой не могу...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Конечно-конечно, я зайду к вам потом.

(Они уходят в дверь кабинета, она набирает номер телефона).

Алло, Люся? У нас там сардельки есть? А селёdochка? Хорошо. Курица у тебя вроде бы была, да? А картошка? В кабинет ко мне можешь принести? Минут через десять? Замечательно! *(Кладет трубку, открывает рукопись. Читает, смеется. Плачет. Снова смеется)...*

ИНТЕРМЕДИЯ «КАКИМ ОБРАЗОМ?»

Звуковая атмосфера ночного клуба. На стуле дремлет одинокий МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Видно, что он давно и хорошо пьян.

Звонок мобильного телефона. Молодой человек с трудом находит свою трубку, прикладывает к уху, в первое мгновение пытается что-то сказать, но напор «с той стороны» так велик, что он только слушает. Клонится, раскачивается, крутит головой, закатывает глаза, иногда отнимает трубку от уха и смотрит на нее, но снова прикладывает к уху и слушает... Все это долго — минуты три-четыре. Внезапно оживает.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*с очень отчетливой дикцией*). Скажите пожалуйста,

Зинаида Васильевна, каким именно образом я не даю вам заснуть?
Торжествующе отключает телефон, роняет голову, засыпает...

РЕЦЕССИВНЫЙ ГЕН

МАРЬЯ ИВАНОВНА. *Молодая женщина.*

НАТАША. *Чуть постарше.*

Редакционный кабинет. Марья Ивановна — за столом, Наташа — у двери.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Наташа, я с вами посоветоваться хочу. Вот эта стенка у меня какая-то очень пустая получается, да? Может быть, повесить портрет какой-нибудь? Президента, например? Мы с Виталием Сергеевичем говорили, да так и не решили ничего. Вот вы, как художник, что скажете?

НАТАША. Вообще... какое-то пятно тут просится... Что-нибудь акварельно-пастельное... Можно и президента.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Значит президента?

НАТАША. Можно и президента.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Нет, а вы как к этому отнесётесь?

НАТАША. Никак, честно говоря.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. А редакция вообще?

НАТАША. Марья Ивановна, вы же их уже знаете: как надо, так и отнесутся!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Нет, я все-таки ничего резко менять не хочу. Одно дело — корректировка общего курса, а другое — взаимоотношения в коллективе. И Виталий Сергеевич так считает. Интерьер — это же важно. Чтобы было, знаете, всё-таки по-московски...

НАТАША. Как скажете — так и будет. Это как раз и есть по-московски. Главное — не заморачиваться. Вы начальник — свободный человек!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Это вы свободные — художники... А я... я так не могу — лёгкости этой нет. Даже внешне — в одежде, в манерах — я чувствую!

НАТАША. Да нет, всё у вас вполне... Только очки, может быть... Линзы если попробовать?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. А они мне вообще не нужны, они без диоптрий, просто глаза прикрывают — у меня ужасное косоглазие.

НАТАША. Ну-ка, снимите. *(Марья Ивановна снимает свои дымчатые очки).* Слушайте, да ничего не заметно. Вы бы не сказали, — я бы не заметила. Так и ходите!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вы считаете? Серьезно? Да вы садитесь-садитесь!
(Наташа садится). Я хотела с вами... помните, вы мне снотворное
рекомендовали?

НАТАША. Помогло?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ничего мне не помогает.

НАТАША. Микстуру Кватера еще можно попробовать, настойку пиона...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Всё перепробовала!

НАТАША. А, может, к врачу?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Знаю я этих врачей... Можно мне с вами... посекретничать? Сядьте поближе. Понимаете, у меня... ой, даже не знаю!
А давайте на «ты», хорошо?

НАТАША. Хорошо.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вот. В общем, у меня есть... Слушай, ну ты только никому, ладно?

НАТАША. Могила.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Короче, у меня есть... Ну, ты пойми: женский коллектив. Сразу же сплетни, пересуды...

НАТАША. Никому ничего не скажу.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Очень надеюсь! Короче говоря, у меня есть... Я думаю, ты меня правильно поймешь — как человек искусства...

НАТАША. Любовник?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я что, похожа на женщину, у которой есть любовники!? Мы очень счастливы в браке с Виталием Сергеевичем. Мы долго искали друг друга, и мы очень счастливы... (Всхлипывает).

НАТАША (трогая её за руку). Ну что? Что у тебя такое?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Сейчас. (Закрывает дверь в кабинет).

НАТАША. Что — рак?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. В чем-то даже хуже...

НАТАША. СПИД?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Хвост...

НАТАША. Что?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Хвост у меня! С детства! Родилась такая! Уродка! Врачи говорят паталогия, рецессивный ген, сейчас уже неоперабельно, раньше надо было, а я в деревне — какие там операции... В Москве бы у вас запросто, а я что — деревня! (Плачет).

НАТАША. Большой?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что ж я — совсем уже! Маленький... Вот. Посмотри... Показывает Наташе свой хвост. Как она это делает — проблема режиссера...

НАТАША (растроганно). Ой, розовенький какой... Кожица нежная... И кисточка на конце...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Осторожно, он не гнется!

(Принимает нормальную позу). Вот так вот.

НАТАША. Ну и что? Хвостик себе и хвостик. Даже пикантно!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Это тебе пикантно! А мне?! Извини... Понимаешь, когда мы с Виталием Сергеевичем... ну, ты понимаешь... хвост мой упирается в кровать и это очень больно, а в самый-то этот момент, когда Виталий Сергеевич... ну, ты понимаешь... боль просто непереносимая, я себя совершенно не контролирую и сбрасываю Виталия Сергеевича...

НАТАША. С кровати?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. С себя. И он не получает никакого удовлетворения. И мы оба не можем заснуть. И нет никакого нормального снотворного!

НАТАША. Причем тут снотворное?! Он что — не понимает, что тебе больно?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я ему ничего не говорю.

НАТАША. Он не знает?!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Нет.

НАТАША. Он вообще не знает, что у тебя?..

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да. Я решила не говорить, потому что он может неправильно понять. Мы оба люди верующие, это очень важно, а у меня, кроме того, что косоглазие — еще и... Он может это связать воедино и совершенно неправильно понять. Понимаешь?

НАТАША. Господи... *(Пауза)*. Сколько времени вы женаты?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Третий месяц.

НАТАША. И он всё это время... Слушай, да в первую же ночь...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Мы оба были пьяны! *(Улыбается)*. В стельку! Притом, что оба не пьем! Это было волшебное... Конечно было больно, я стонала, но он решил что это потому, что я девушка. Его настолько потрясло, что в двадцать восемь лет человек — девушка, что он уже ни на что не обращал внимания.

(Наташа произвольно хмыкает).

Ничего смешного! Потом мне уже приходилось терпеть, чем дальше, тем больше, но в первую ночь это было потрясающе!

НАТАША. Слушай, он вообще-то... смотрит хоть на тебя?!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Естественно! И всё замечает, между прочим: и прическу, и макияж. Он очень заботливый и внимательный. У нас всё нормально!

НАТАША. Но он... трогает тебя как-то? Руками?

МАРЬЯ ИВАНОВА. Конечно! Он меня обнимает... целует. У нас всё нормально!

НАТАША. Ну а... На колени, например, к нему ты садишься?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я что — похожа на шлюху?! У нас всё нормально именно потому, что есть душевная общность... Мы оба не терпим разврата, если хочешь знать, поэтому мы и сблизились. Я же знаю, что обо мне говорят «Провинциальная хищница! Схватила и держит!» Ничего подобного! Просто он смог меня оценить.

НАТАША. Слушай, а... То есть, вся проблема в том, что хвостик упирается в кровать, да?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да.

НАТАША. А если ты сверху?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Как?

НАТАША. Ну, позиция, при которой ты сверху и хвостик ни во что не упирается.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Как это?

НАТАША. Да обыкновенно! В кино, что ли, не видели?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Если ты имеешь в виду порнографию по телевизору, то мы ее не смотрим. Принципиально.

НАТАША. Понятно. Ну... давай я тебе нарисую, что ли?

(Рисует). Вот, это Виталий Сергеевич, а вот это ты. И вот твой хвостик — ни во что не упирается. Видишь?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Это разврат.

НАТАША. Но хвостик не упирается!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Разврат!

Вырывает у нее лист из рук и рвет в клочки.

НАТАША. Извини, я слишком подробно, наверное... Но принцип понятен? Просто Виталий Сергеевич внизу.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Виталий Сергеевич — мужчина. Он не может быть внизу!

НАТАША. Да почему, господа?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Он мужчина и он не будет внизу! Ты что мне предлагаешь?!

НАТАША. Можно по-другому... Сейчас нарисую...

Марья Ивановна вырывает у нее бумагу и ручку.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Нет!

НАТАША. Ну, хорошо... *(Показывает руками)*. Ты стоишь как бы на четвереньках, опираясь на локти и на колени, а Виталий Сергеевич...

МАРЬЯ ИВАНОВНА *(звонящим голосом)*. Я не встану на четвереньки!

НАТАША. Да не обязательно на четвереньки! Можно...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Мы не встанем на четвереньки! Он муж, а я — жена! У нас семья, а не зверинец! Вы тут в Москве разных гадостей нахватались — думаете сами до них додумались?! Это всё внедрялось — спецслужбами! Миллиарды долларов! Чтобы все на четвереньки —

и озверели, облик позабыли! Специально духовность выкорчевывали — Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Глинку, традиции, песни наши народные!

Пауза.

НАТАША. Вот и пой народные песни. Как захочется Виталия Сергеевича сбросить, «Дубинушку» запеваешь, — смотришь, — и перетерпела. И снотворного не надо.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*надевая очки*). Я сожалею, что у нас состоялся этот разговор. Но продолжаю рассчитывать на вашу порядочность.

НАТАША. Безусловно. (*Пауза*). Я пойду?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Пожалуйста.

НАТАША (*у дверей*). Кстати, эта позиция, когда жена внизу, а муж сверху, называется «римско-католическая».

МАРЬЯ ИВАНОВНА. То есть? Почему?

НАТАША. Только она утверждена католической церковью, как единственно верная.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Как?! Но... у нас же... испокон веков! При чем тут католики?!

НАТАША. Не знаю. Но называется «римско-католическая».

МАРЬЯ ИВАНОВНА Подождите! Подожди! А православная тогда как?!

НАТАША. Не знаю. Запрос, наверное, надо посылать в Патриархию. В отдел внешних сношений. Или внутренних? В общем, не знаю. (*Выходит*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*одна*). Зараза! Прошмандовка! Нет, ну не может такого быть — нарочно издевается! Это же всегда! При чем тут католики?! Сволочи! У-у, сволочи! Извратили все, изгадили, нарочно грязью своей, вообще уже, последнее уже из рук рвут!

Рыдает, но потом собирается с силами и так-таки вешает на стену здоровенную картину в позолоченной раме. Это копия «Боярыни Морозовой».

ИНТЕРМЕДИЯ «ДЕФИЛЕ»

Музыка.

Появляется манекенщица.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*по трансляции*). И наконец — новинка сезона!

Изящный романтический хвостик становится неотъемлемой частью гардероба любой деловой женщины. Используются по преимуществу натуральные мех или перья, но иногда вполне допустима искусственная чешуя, как, скажем, в этой модели «Русалочка».

Появляется манекенщик, смена музыкальной темы.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Мужская мода по прежнему консервативна, и деловые мужчины предпочитают строгие, лаконичные, даже аскетичные хвосты — такие как в модели «Бульдог».

К сожалению те, кто все еще не решился на элементарную и абсолютно безопасную процедуру имплантирования, с блеском проводимую сетью клиник «Орган плюс» вынуждены, как эта пара, носить накладные хвосты... Но после всем известных событий всемирная биореволюция уже неостановима и новое поколение уже сделало свой выбор!!!

Смена музыкальной темы, манекенщики исчезают, появляется молодой человек — ОН.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Абсолютно новый путь к вечно недостижимой цели — полной гармонии с природой! Но это также и гармония с самим собой! Отрастив хвост вы вырываетесь из пут одиночества и отчуждения, вы обретаете поистине неразлучного друга и помощника: на работе и в быту, в минуты скорби и тягостных сомнений, в часы отдыха и развлечений!

Пантомима переходит в танец.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Официальный спонсор нашего дефиле, всемирная сеть клиник «Орган плюс» представляет вам своего миллионного клиента!

Эффектный финал танца, Он замирает. Аплодисменты.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Скажите, Александр, что вы ощущаете, обладая полноценным собственным хвостом?

ОН. Вау!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Замечательно! И мы все тоже ощущаем переполняющую вас энергию, активность и потрясающую потенцию! Это прикольно?!

ОН. Вау!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Это классно?!!

ОН. Вау!!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Да, Александр прав — это дико прикольно и классно! Поэтому наш спонсор — компания «Орган плюс» дарит ему специальный, абсолютно полный набор аксессуаров для ухода за его новым дружкой!

Музыка. Появляется предыдущая пара и вручает набор.

ОН. Вау!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Да, и мы тоже от всего сердца благодарим нашего спонсора, компанию «Орган плюс!»

ОН. Вау!!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Конечно, Александр! Мы обязательно встретимся вновь!

А сейчас, пока Александр идет за кулисы позвольте представить вам...

ОН. Вау!!!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Да, конечно! До новых встреч Александр!

ОН. Вау-вау! Вау! Вау! *(Швыряет набор на пол и «загребает» его ногами).* Вау-вау-вау-вау!!!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Мы все очень хорошо понимаем Александра! Бывают такие мгновения счастья, когда человек не владеет собой!!! Выразить их способна только музыка! Музыка! Музыка, я сказал!
Вместо музыки раздается какое-то техническое шипенье. Замешательство. Один из манекенщиков бьет расхолодившегося Александра подарочным набором по голове.

ОН. Упс!

Манекенщики тащат обмякшее тело за кулисы. Звучит долгожданная музыка.

БЛЕСК

МИЛИЦИОНЕР. *Молодой, в форме, с дубинкой.*

МУЖЧИНА. *Немолодой, с сумкой и тремя пакетами в руках.*

Ночь, улица, фонарь. Периодически слышатся объявления по вокзальной трансляции. Появляется Милиционер. Бравый, подтянутый, решительный, поигрывающий дубинкой. Навстречу ему — Мужчина. Он буквально утыкается в Милиционера, — как будто тот его притягивает. Милиционер делает шаг в сторону, Мужчина тоже делает шаг в сторону и снова в него утыкается. Так повторяется два-три раза, и когда Мужчина ухитряется, наконец, его обойти, Милиционер уже полон подозрений...

МИЛИЦИОНЕР. Мужчина!

МУЖЧИНА *(не останавливаясь)*. Вы мне?

МИЛИЦИОНЕР. Стоять!

МУЖЧИНА. Зачем?

МИЛИЦИОНЕР. Ах, ты... *(Заворачивает ему руку за спину)*. Пил?

МУЖЧИНА. Больно!

МИЛИЦИОНЕР. Выпил — так и скажи! Пивка, наверное, да? Немножко, да?

МУЖЧИНА. Я не пью.

МИЛИЦИОНЕР. А глаза блестят! Наркотики, значит?!

Деловито расстегивает куртку Мужчины и начинает его обыскивать.

МУЖЧИНА. Вы не имеете права! Мне щекотно!

МИЛИЦИОНЕР (*отпуская его руку*). Почему глаза блестят?

МУЖЧИНА. У меня?

МИЛИЦИОНЕР. Нет, у меня! В сумках что?

МУЖЧИНА. Ничего практически... Бумаги разные.

МИЛИЦИОНЕР. Откроем.

МУЖЧИНА. Слушайте, зачем все это?

МИЛИЦИОНЕР. Открывай.

Мужчина открывает сумку и пакеты, показывает.

МИЛИЦИОНЕР. А еще что?

МУЖЧИНА. Ну, мыло там, не знаю... Носки запасные...

МИЛИЦИОНЕР. А это?

Открывает боковой карман сумки, достает бутылку.

МУЖЧИНА. Минералка. Как бы запивать наркотики...

МИЛИЦИОНЕР. Шутим. Документы. Здесь с какой целью?

МУЖЧИНА (*протягивая паспорт*). На вокзал иду.

МИЛИЦИОНЕР (*просматривая паспорт*). Регистрация в городе Санкт-Петербурге. У нас с какой целью находитесь?

МУЖЧИНА. По работе. На вокзал иду.

МИЛИЦИОНЕР. С какой целью?

МУЖЧИНА. А с какой целью на вокзал ходят? (*Пауза*). Уезжаю.

МИЛИЦИОНЕР. С какой целью?

МУЖЧИНА. С таинственной! Вообще-то это мое дело. Ну, по работе.

МИЛИЦИОНЕР. Приезжаете по работе, уезжаете по работе... Интересно.

МУЖЧИНА. Нисколько. Я в трех местах работаю, а вы еще говорите, что у меня глаза блестят...

МИЛИЦИОНЕР (*доставая из паспорта железнодорожный билет*). Один едете?

МУЖЧИНА. Один. Я могу идти?

МИЛИЦИОНЕР. Успеете. Что-то с вами не то...

МУЖЧИНА. Это с вами не то. Ежику понятно, что я не пьяница, не наркоман и не бандит!

МИЛИЦИОНЕР. Кто ежик?

МУЖЧИНА. Никто. Это фигуральное выражение. Ежику понятно, козе понятно... ну, не знаю там... идиоту!

МИЛИЦИОНЕР. Кто идиот?

МУЖЧИНА. Никто.

(Пауза). Ну, я! Я! Вечно влипну! Ничего никогда, всю жизнь как стеклышко — и влип! Просто из-за...

МИЛИЦИОНЕР. Временная регистрация где?

МУЖЧИНА. В паспорте, под обложкой!

Милиционер достает из паспорта бумагу, разворачивает, сверяет фотографию с лицом МУЖЧИНЫ, тот стоит, переминаясь с ноги на ногу.

МИЛИЦИОНЕР. Как стеклышко?

МУЖЧИНА. Да! Это моя фотография, а это я! Как стеклышко!

МИЛИЦИОНЕР. А почему не вклеена фотография после сорока пяти лет?

Прочтите, что написано. (Не выпуская паспорт из рук, раскрывает его и сует мужчине под нос).

МУЖЧИНА. Не вижу. Очки в сумке.

МИЛИЦИОНЕР. Достанем.

Мужчина, наклонившись над сумкой, ищет очки. Снова слышится объявление на вокзале.

МУЖЧИНА (*выпрямляясь*). Я не знаю где очки. Что там в этом чертовом паспорте?!

МИЛИЦИОНЕР (*читает*). «По достижении гражданами 25-летнего и 45-летнего возраста органами внутренних дел вклеиваются в паспорт новые фотографические карточки, соответствующие этим возрастам. Паспорта, не имеющие таких фотографических карточек являются недействительными». У вас паспорт недействительный. Подложный.

МУЖЧИНА. Гос-с-споди!

МИЛИЦИОНЕР. Верующий?

МУЖЧИНА. Агностик. Но ехать надо! Ну что — крестами, что ли надо обменяться — как у Достоевского?! Нет у меня креста! Ну, вот нет! Вот такое я говно!

МИЛИЦИОНЕР. Ясно. (*Пауза*). Ну, счастливого, как говорится, пути! (*Возвращает паспорт*).

МУЖЧИНА. Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Подхватив сумку, рысцой устремляется к вокзалу. Милиционер прохаживается вокруг фонаря. Мужчина как-то неуверенно возвращается и встает перед ним. Пауза.

МУЖЧИНА. Билет. В паспорте был мой билет. Сейчас его нет.

МИЛИЦИОНЕР. Потеряли что ли?

МУЖЧИНА. Я не терял. Билет был в паспорте, под обложкой. Вы забирали мой паспорт, и теперь билета там нет.

МИЛИЦИОНЕР. Вы что же хотите сказать? Что я ваш билет украл, вы хотите сказать?! Да?!

МУЖЧИНА. Нет. Просто отдайте. Вы его, наверное, случайно... Знаете, повертишь что-нибудь в руках, а потом случайно в карман положишь — с кем не бывает! Просто отдайте — и все! Зачем он вам?!

МИЛИЦИОНЕР. Зачем он мне?!

МУЖЧИНА. Конечно! Зачем он вам?!

МИЛИЦИОНЕР. Да зачем он мне?!

МУЖЧИНА. Конечно! Зачем он вам?!

МИЛИЦИОНЕР. Ну, зачем он мне?!

МУЖЧИНА. Конечно! Зачем он вам?!

Пауза.

МИЛИЦИОНЕР. Можете вы мне объяснить: зачем мне ваш билет?!

МУЖЧИНА. Продать кому-нибудь?

МИЛИЦИОНЕР. Кому?!

МУЖЧИНА. Тут же мафия билетная. Вы им билет, а они вам — деньги. Половину, допустим.

МИЛИЦИОНЕР. А фамилия?

МУЖЧИНА. А что фамилия? Когда проверяют, когда нет. Тоже мафия.

МИЛИЦИОНЕР. Да, везде мафия. *(Пауза)*. Не брал я твой билет. Понимаешь, — не брал!

МУЖЧИНА. Я паспорт там за углом развернул, — номер вагона посмотреть. А билета нет!

МИЛИЦИОНЕР. По дороге выронил.

МУЖЧИНА. Я смотрел по дороге. И никто там не проходил

МИЛИЦИОНЕР. Подожди-подожди... Ну-ка, дай паспорт!

МУЖЧИНА. Правильно! Вы его просто туда положите, — как будто он там и был, а я его просто не заметил! Точно!

(Пауза). Если вам неудобно — я отвернусь. *(Протягивает паспорт, отвернув слегка голову)*.

МИЛИЦИОНЕР. Ну, не брал! Не брал я, мужик, билет твой!

МУЖЧИНА. Если честно, я бы никогда к вам не подошел... Я боюсь милиционеров! Если бы у меня были деньги, я бы просто купил другой... Но у меня нет денег! В Питере только будут! Даже на квартиру уже не вернуться! Отдаете, или я иду к вашему начальству?!

МИЛИЦИОНЕР. Ты по дороге его выронил. Поискать надо. Пойдем, вместе поищем — у меня фонарик есть!

МУЖЧИНА. Тут двадцать метров до угла. Я смотрел все. Где начальство сидит?

МИЛИЦИОНЕР. При чем тут начальство, когда ты билет потерял?!

МУЖЧИНА. Меня зовут Виктор Петрович! Где начальство?!

МИЛИЦИОНЕР *(слегка прихватив его за рукав)*. Пойдем-пойдем, поищем.

МУЖЧИНА *(отскакивая)*. Я не пойду отсюда!

МИЛИЦИОНЕР. Чего?

МУЖЧИНА. Здесь светло!

МИЛИЦИОНЕР. Чего?

МУЖЧИНА. У тебя глаза блестят!

МИЛИЦИОНЕР. Ты что? Это от фонаря — свет так падает.

МУЖЧИНА. Они и в темноте блестят... Ты меня ударишь чем-нибудь по голове, а потом задушишь. Я сейчас вдруг понял, я почувствовал...

МИЛИЦИОНЕР. Да зачем?!

МУЖЧИНА. А труп спрячешь там. Там где-нибудь...

МИЛИЦИОНЕР (*потрясенный*). Гос-с-споди! Слушай, ну ты!.. Ладно, сейчас пойдем в пикет, к начальству, куда хочешь...

МУЖЧИНА. Там вы все на меня навалитесь, отобьете почки и печень, сломаете позвоночник, а потом забьете насмерть. Сапогами! Из-за билета несчастного!!!

МИЛИЦИОНЕР. Ты соображаешь, что несешь?! Из-за чего бы, главное?! Из-за говна, из-за билета!

МУЖЧИНА. Это тебе говно! Вам все говно! Отдавай билет!

МИЛИЦИОНЕР. Да не брал я! Не веришь, — обыщи!

МУЖЧИНА. Как я тебя обыскивать буду — я не умею! Я стесняюсь. Я подойду, а ты меня — по голове!

МИЛИЦИОНЕР (*выворачивая карманы*). Ну вот, видишь, — нет. Видишь, — нет! Тут тоже нет!

МУЖЧИНА. А это что?!

МИЛИЦИОНЕР. Это деньги. Зарплату получил.

МУЖЧИНА. Зарплата такая не бывает! Нахапал?!

МИЛИЦИОНЕР. Зарплата!

МУЖЧИНА. И еще на чужой билет позарился...

МИЛИЦИОНЕР. Ну, ты... Ну, ты... Ну, ты... Вот! Вот! Вот тебе — сунешь проводнику и катись ты отсюда, бога ради! На — катись!
Протягивает деньги, Мужчина отшатывается.

МУЖЧИНА. Не подходи — кричать буду!
Милиционер неожиданным рывком настигает его и так-таки всовывает деньги. Отскакивает.

Пауза.

МУЖЧИНА. Забери. Я твои кровавые деньги не возьму! Мне нужен мой билет! Где мой билет?! (*Медленно надвигается на Милиционера*).

МИЛИЦИОНЕР. На поезд, на поезд давай — быстро!

МУЖЧИНА. Думаешь управы на вас, сволочей, нету?! Думаешь, навек присосались?! Где билет?!

МИЛИЦИОНЕР. Свистеть буду! Еще шаг — и по голове! По печени, по почкам, вообще, страшное дело!

МУЖЧИНА. Билет!!

МИЛИЦИОНЕР. Стрелять буду!
(Пятится, расстегивая кобуру, Мужчина — за ним. Милиционер расстегивает кобуру, наводит на него пистолет). Стоять! Шаг назад! Еще шаг назад! Еще! Еще! Руки за голову! Назад!

Мужчина, выполняя его команды, отходит, спотыкается о свою сумку, падает; Милиционер, пятясь, отступает, в момент падения мужчины убегает. Мужчина долго и нелепо возится на земле, садится, трет голову, разглядывает деньги в руках, достает паспорт, сует в него деньги. Из паспорта что-то выпадает. Мужчина поднимет и разглядывает свой билет, трет голову, смотрит на часы...

МУЖЧИНА. Эй! Эй! Спасибо! Спасибо, эй! Спасибо! Спасибо! Спасибо!
Подхватив вещи убегает.

ИНТЕРМЕДИЯ «ПРИМИ ЭТО»

ОНА (*перед зеркалом*).

Что с моими волосами? Они такие безжизненные и ломкие!
Моя кожа совсем не такая, как у моей дочери!
Мои потрясающие реснички потеряли 63 процента объема!
Моя улыбка не сияет здоровьем — в ней появилась перхоть!
Мне совсем не хочется танцевать всю ночь напролет!
Я ощущаю первые симптомы диареи,
простуды, болезни Боткина,
першение в горле, тяжесть в желудке,
шум в ушах, шуршание в голове,
вздутие живота, отложение солей,
заложенность носа,
свечение глаз,
мерцание, мелькание,
аритмию, влагу, температуру,
жар, сухость,
шелушение,
повышенную кислотность,
горечь,
печаль
и холод...
Что же мне принять?!

Из-под стола выскакивает Тетя Ася, — босая, в халате и бигуди.
ТЕТЯ АСЯ (*радостно*). Прими это!

Выхватив из-под стола страшную косу, взмахивает ею. Она падает как подкошенная. Тетя Ася хватает Ее за волосы и утаскивает.
Музыка.

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА

ОНА.

ОН.

ОЧЕРЕДНИК.

Приемная. Дверь с казенной табличкой. У двери — одинокий стул, на стуле сидит Она. Дорого, но не по-московски одета, на руках — золотые кольца. Она медленно, как в трансе, разглядывает их. Деловито входит Он: кейс, костюм-«тройка»

ОН. Принимает? *(Пауза. Она продолжает разглядывать кольца).*

За вами занимали? *(Пауза продолжается).*

Что — ответить трудно?! *(Пауза продолжается).*

Слушайте, вы посмотреть на меня можете? Просто посмотреть и ответить по-человечески?!

ОНА *(тускло)*. Потише можно?

ОН. Потихе?! Мало того, что маринуют в очереди, вообще уже... стулья даже попрятали!

ОНА. Стулья забрали на траурное собрание. Он умер.

ОН. Кто?

ОНА *(кивая на дверь)*. Он.

ОН. В смысле?

ОНА. В смысле умер.

ОН. Кто?!

ОНА. Он.

ОН. Он?!

ОНА. Да.

ОН. К-к-как?

ОНА. Скоропостижно.

Пауза.

ОН. Где труп? Они... они труп обязаны предъявить! Где труп?!

ОНА. В церкви отпевают.

ОН. Отпевают?! Отпевают его?! Это мои две штуки отпевают! Баксов!!! Под колокольный звон!!! Кинул, как лоха последнего! Умер он, а?! И в префектуре теперь, и... Мамочка... *(Хватается за сердце, начинает оседать на пол)*. Мамочка, больно... мамочка, миленькая... Она успевает его подхватить и усаживает на стул.

ОНА. Дыши! Дыши! Дыши сейчас же! Кому говорю — дыши! *(Роется в сумочке, выхватывает таблетки)*. Правильно — дыши! Молодец — дыши! Открой рот. *(Он открывает рот, Она кладет таблетку ему под язык)*. Дыши-дыши.

ОН. Уф-ф-ф... Отпустило. Спасибо.

ОНА. Молчи — дыши.

Пауза.

ОНА. Лучше?

ОН. Лучше не бывает. Спасибо тебе. *(Целует ей руку).*

ОНА. Идти можешь?

ОН. Куда?

ОНА. Ну, не знаю... вообще?

ОН. Вот и я не знаю. Слушай, а ты... тоже, да? Давала?

(Она всхлипывает). Ё-ёёё... Жизнь. Сколько?

ОНА. Не спрашивай.

ОН. Да чего уж теперь... Сколько?

ОНА. Всё.

ОН. В смысле?

ОНА. Всё! Всё-ё-ё-ё-ё... *(Рыдаёт. Не прекращая рыданий достает из сумочки таблетку, сует под язык).*

ОН. Ну, брось, не надо, ну, не надо... *(Гладит ее по плечу).* Сядь, успокойся... *(Пытается подняться и усадить ее на стул. В итоге Она, продолжая рыдать, оказывается у него на коленях; он гладит ее по голове).* Образуется всё, ну, что ты...

ОНА. Только... колечки... остались. И всё... И всё...

Входит Очередник.

ОЧЕРЕДНИК. Извините. *(Мгновенно исчезает, но тут же возвращается).*

Извините, вы... на прием?

Она пытается встать, Он ее удерживает.

ОН. Подожди, посиди еще...

ОЧЕРЕДНИК. Извините, вы здесь... Это учреждение.

ОН. Мы в очереди.

ОЧЕРЕДНИК. К нему?

ОН. Вообще-то да...

ОЧЕРЕДНИК. Что значит «вообще-то»? Вы записаны?

ОН. Все записаны — с рождения. *(Ей).* Посиди пожалуйста...

ОЧЕРЕДНИК. Вы шутите что ли? Там есть кто-то?

ОН. Там полно народа. Просто навалом... И самое главное, что еще никто не возвращался...

ОЧЕРЕДНИК. Вообще?!

ОН *(хмыкнув)*. Никто.

ОЧЕРЕДНИК *(понижив голос)*. ФСБ?

ОН. Нет.

ОЧЕРЕДНИК. А что?!

ОН. Неизвестно... Суд.

ОЧЕРЕДНИК. Какой суд?!

ОН (*хмыкнув*). Последний... (*Внезапно смеется*). Страшный!

Хочовет, повторяя «Страшный!». Через некоторое время Она присоединяется к его смеху. Очередник, пятась от них, подхихикивает.

ИНТЕРМЕДИЯ «ПОПУГАЙ ФЛОБЕР»

ОНА (*стоит и держит клетку с попугаем*).

Это большой какаду, хорошо бы настоящий.

Да, продаю. Пять тысяч.

Ну, не знаю... Пять тысяч.

Да, говорящий.

Что вы, женщина — он так сразу не может, видите, он волнуется.

Ну, он же понимает, что продают — и волнуется.

Да, Флобер?

Это у Вертинского, знаете, песня — «Попугай Флобер».

Почему старый?

Он совсем хороший еще, попугаи вообще долго живут, да Флобер?

Это неважно.

Нет, я могу сказать, но это неважно.

Нет, я могу, просто у людей разное отношение бывает, когда говоришь, откуда...

Нет, я могу.

Из Грозного.

Просто я стараюсь не говорить.

Кончилось все, выбралась — что я опять буду?..

Главное — выбрались; да, Флобер?

И нужно пять тысяч.

Очень.

Что вы — он такой говорящий!

До войны знаете как говорил!

Он в подвале вообще...

Новое даже слово выучил, — представляете?!

Не выходили уже из подвала — такая бомбежка,

тем более и квартиру разбомбили — с вещами, со всем...

Хорошо у меня был с собой запас корма попугайского.

Холодно так в подвале,

А он нежный очень.

Он умирал сначала,

а потом ничего —

над керосиновой лампой его согревала —
электричества же не было и, главное,
воды —
воду из батарей сливали и пили,
а потом, когда федералы пришли,
ну, наши,
ну, это мы так сначала думали, что они наши —
когда они пришли — они трупы в каналы скидывали
и вся вода стала трупная ...
Извините, я больше не буду.
В общем, он в подвале выучил...
Мы же все — нас девять человек было:
русские, чеченцы, армянская семья —
все там...
Извините.
Как они шандарахнут по нас —
ракетой, бомбой, не знаю, что там у них, —
а он на весь подвал:
«Господи!»
А они еще!
А он опять:
«Господи!»
«Господи!, Господи!»
Громко так — да, Флобер?
Мы все смеялись
А вот здесь чего-то он...
Ну, скажи, Флобер!
Скажи, ты же знаешь!
Ну, это-то слово ты знаешь!
Подождите, женщина!
Подождите, сейчас он!
Ну господи!
Господи!
Ну?!
Да, господи!!!
Говори же господи!
Скажи мне господи!
Говори! Господи!
Господи!
Говори!
Господи!!!

ДАШКА

ОН.

ОНА.

ДАШКА.

Большая пустая комната. На полу телефон, стопы старых журналов, цветы в горшках, чемоданы, пакеты. Он сидит на чемодане, просматривает и сортирует журналы, рядом, где-то на газетах, пристроилась Дашка. Она укладывает пакет, попутно вытирая пыль.

ОНА. Слушай, а где ежик?

ОН (*читая*). Нет, какие недоумки! Потрясающе...

ОНА. Здесь вот, на подоконнике, все время Дашкин ежик лежал... Даша, где ежик?

ДАШКА (*не совсем по-человечески, но внятно*). Где ежик-где мячик-играй-гулять.

ОНА. Ты не сопи, ты ищи давай. Где ежик? (*Дашка ищет, Она подходит к Нему*). Ты в пыли весь! Хватит уже, все! Все! (*Отбирает у него журнал, потряхивает его брюки*).

ОН. Вот по этой еще полемике — в восемьдесят шестом году — уже можно было предвидеть во что это все выродится.

ОНА. Вот: это Дашкин пакет для Люси. Подстилка, обе попонки, два ошейника и от блох еще, здесь витамины ее, «Педигри» на первое время... *Демонстрирует содержимое пакета. Дашка разглядывает все с интересом, Он — без интереса.*

ОН. Ну, хорошо.

ОНА. А игрушек совсем нет. Мячик давно уже потерялся, а ежик на подоконнике лежал...

ОН. Ну найдет ей там Люся что-нибудь!

ОНА. Это ее был ежик! Любимый. Она спала с ним, она им пищала...

ОН. Он уже давно не пищал — там эта пимпочка потерялась.

ОНА. Я ее нашла и вставила — он пищал. Пищал! Пищал!!

Пауза. Он обнимает Ее.

ОН. Ей там правда хорошо будет: воздух, зелень, Борю с Люсей она любит — все хорошо. Дашуня, на дачу хочешь? К Боре с Люсей? Где Люся?

ДАШКА. Где Люся-где мячик-где ежик-где кошка.

ОНА. Слушай, а где Люся? Начало четвертого...

ОН. Сейчас приедет.

ОНА. Цветы так и не пристроили... Может этим, с третьего этажа? Журналы... А давай честно снесем их на помойку! И Дашку возьмем — прописается заодно — ей же ехать. Вы во сколько гуляли?

ДАШКА (*воодушевленно*). Гулять-гулять-гулять-гулять-гулять!

ОНА. Сиди.

ДАШКА. Сидеть-тихо-фу-нельзя!

ОН (*перебирая журналы*). Надо же — полжизни собирали.

ОНА. А мы много чего полжизни делали. В этой стране, например, вообще всю жизнь прожили. И что?

ОН. Выражение «эта страна» побереги для Германии. Мне кажется оно нам там очень сгодится...

ОНА (*яростно перетаскивая стопки журналов*). Все уже! Все! И замечательно! Что журнальчики выкинем! Что барахло сплавим! И мебель! Все канapé-хренопе! Все заново! На пустом месте! Мы же хотели! Мы так хотели!

ОН. Вообще-то да...

Целуются. Частые звонки телефона.

ОН. Мюнхен.

ОНА. Люся.

ОН. Мюнхен — гудки слышишь?

Она бежит к телефону.

ОНА. Люся? Слава богу! А то мы уже... Ты где, ты на даче еще? Что? Подожди... Подожди, что ты говоришь... Ты соображаешь вообще? У нас самолет утром. Люся, у нас утром самолет, ты понимаешь?! Позови Борю. А я тебе говорю — позови мне Бориса! Сука! Что слышала! (*Швыряет трубку. Пауза*). Они ее не берут.

ОН. Что?

ОНА. Все обдумали и решили, что не могут. К сожалению, блядь! Друзья... (*Закрывает лицо руками. Долгая пауза. Дашка бежит от Нее к Нему и поскуливает*). Все. Времени нет. Что делаем?

ОН. Ну... как-то ее надо... Не на помойку же!

ОНА. А куда, извини? Всех кого могли — уже просили. Все не могут, все свои дела делают...

ДАШКА. Делай свои дела-пишай давай-какай давай-делай давай свои дела!

ОН. А может и нас на помойку?

ОНА. А где мы?! Но утром мы улетаем!

ОН. Это... Так нельзя.

ДАШКА. Нельзя-фу-прекрати немедленно!

ОНА. Да замолчи ты!

ДАШКА. Замолчи-прекрати-сидеть-убью!

ОНА. Молчи!

ОН. Не ори на нее! Она дрожит! Она понимает!

ОНА. Она понимает что мы психуем! Поэтому — спокойно надо! Спокойно-но! Понимаешь — спокойно!!!

- ОН. Она и слова понимает. Помнишь, — читали: примерно сто слов. Как я — немецкий...
- ОНА. Прекрати юродствовать! (*Пауза*). Интересно: этнический немец — ты, а по-немецки говорю я. И всегда так...
- ОН. Этническая еврейка.
- ОНА Куда там... Мама-то русская.
- ОН. Значит этническая русская. А Дашка у нас — этническая дворняга. За чистопородную колли не проканала, в европы таких не берут. Поэтому выкинем ее на помойку ради нашей счастливой жизни в лагере временного размещения...
- ОНА. Пока Люська еще не возникла, что возьмет, а остальных мы уже обзвонили, я позвонила в ветлечебницу: как можно усыпить? Просто подъехать с собакой и с деньгами. Говорят не больно. Заснет на твоих глазах.
- ОН (*вскакивая*). Слушай, это бред! Бред! Оставим — и все!
- ОНА. Где она жить будет?
- ОН. Где угодно: у магазина, на улице, в подвале — это ее жизнь! Мы не Бог! Что мы как... На помойке! Тоже жизнь!
- ОНА. На любой помойке свои есть — выводок целый. И чужих они не подпустят. Это как, помнишь, ты на телевидение совался — все то же самое. Старая она для помойки: печень, почки, видит плохо — ее загрызут. Она наша с тобой. Не можешь взять — сделай так, чтоб не мучилась. Свою собаку человек должен убить сам. Просто заснет. На твоих глазах. И мы будем точно знать, что с нее с живой не содрали шкуру на шапку. Сейчас они еще работают, если на такси — еще успеваем...
- ОН. Господи...
- ОНА (*обнимая его*). Я бы сама, но они же звонить чего-то будут, а ты не поймешь. Собирайтесь потихоньку.
- ОН (*вырываясь*). Да не могу я!
- ОНА. Просто спокойно заснет — ты будешь рядом. И будет спать...
- ДАШКА. Спать-тихо-хорошо-Даша.
- ОНА. Знаешь, мне бы такой смерти: спокойно, без боли, без ужаса, от любящих рук... (*глядит Дашку*). Умничка... хорошая... красивая... любимая...
- ОН. Всегда надеялся, что припрет по-настоящему — повешусь. Просто повешусь — и все. Вот, приперло...
Она неожиданно фыркает от смеха.
- ОНА. А на чем?! И веревки-то нет... (*Сквозь смех*). Если только на поводке на Дашкином! (*Смеется*). А он старый — поводок! Рваный — не выдержит!
Оба смеются. Хохочут.

- ДАШКА. Поводок-гулять-поводок-гулять-поводок! *(Находит в пакете поводок, приносит в зубах и кладет у их ног. Смех затихает. Пауза).*
- ОНА. Собирайтесь давайте — закроют. Одевайся. Времени совсем нет.
- ДАШКА *(прыгая вокруг него)*. Гулять-писай давай-какай давай-делай давай свои дела!
- ОН *(остервенело расшвыривая ногами стопки журналов)*. Нет-нет-нет-нет! *Дашка высоко и протяжно воет. Он останавливается.*
- ДАШКА. Писай давай-нет-красивая-нет-гулять-нет-хорошая-писай-нет... *Поджимается, замирает, потом виновато отходит. На полу огромная лужа. Он трет лоб, потом решительно идет.*
- ОНА. Ты куда?
- ОН. В туалет. *(Выходит).*
Частые телефонные звонки. Она подбегает, слушает.
- ОНА. Я... Я-я... Я. Я. *(Какое-то время слушает молча)*. Данке шен. *Кладет трубку. Медленно, как-то криво идет по комнате. Входит Он.*
- ОН. Что хочешь говори — не мы давали ей жизнь — не нам и забирать. Просто оставим.
Она всхлипывает и хнычет — тоненько, как маленькая, оседает на пол. Он обнимает Ее, гладит, целует. Дашка ей подвывает.
- ОНА *(сквозь слезы)*. Они говорят... в правилах изменения... я не поняла... они нас не берут... не принимают...
- ОН. Не надо. Ну, не надо... И не надо! Милая моя, любимая...
- ДАШКА. Хорошая-красивая-умная.
- ОНА *(причитает)*. Все продали, похерили, порвали... Да как же мы... Куда же мы... За что же нам...
- ОН. Ну хорошо. Хорошо. Перестань. Ну все!
- ДАШКА. Перестань-прекрати-фу-нельзя!
- ОНА. Ничего же нет!
- ОН. Мы есть. Мы есть?
(Пауза). Ты есть?
- ОНА. Не знаю.
- ОН. А я есть?
- ОНА. Есть. Дурак.
- ОН. Какой есть. А Дашка есть?
Дашка лижет Ее в нос.
- ОНА. Фу!
- ОН. Ничего не «фу»! Есть Дашка?!
- ОНА. Ну.
- ОН. А ты есть?
- ОНА. Не знаю...
- ОН. А стены есть?

ОНА. Только стены и есть! Все же продали! Все-все!

ОН. Но стены есть?

ОНА. Ну есть...

ОН. Без «ну». Есть?

ОНА. Есть.

ОН. А пол.

ОНА. Хватит уже...

ОН. Есть пол?!

ОНА. Есть.

ОН. А потолок?

ОНА. Есть.

ОН. А ты есть?!

ОНА. Я правда не знаю...

ОН. Понятно. *(Ведет Ее за руку к окну)*. Улица есть?!

ОНА. Ну есть...

ОН. А тополь?

ОНА. Ну да...

ОН. А качели?

ОНА. Что?

ОН. Есть там качели? *(Она закрывает лицо руками. Дашка сзади скребет Ее лапой, Она поворачивается к ней)*. А Дашкин нос есть?

ОНА *(обнимая Дашку)*. Есть.

ОН *(обнимая Дашку и Ее)*. А хвост?

ОНА. Есть.

ОН. Слушай, а Мюнхен-то есть?

ОНА *(легко)*. А черт его знает!

ОН. Дашка, как думаешь: Мюнхен какой-нибудь есть?

ДАШКА *(роясь в журнальном развале)*. Есть-кушать-педигри.

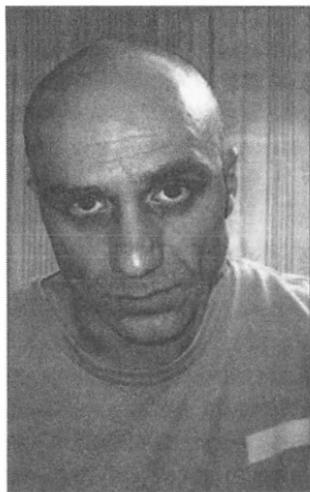
ОН. И Дашка не знает! Да и хрен с ним, с Мюнхеном — пускай они сами разбираются! Пошли ребята гулять! Дашка! Теперь ты за журналы взялась?! Гулять!

ОНА. Гулять!

ОН. Гулять! Дашка, гулять!

ОНА. Гулять-гулять-гулять-гулять!

Из груди журналов выскакивает Дашка с ежиком в зубах и торжественно им пищит. Все громче и громче. Стены разлетаются, вступает музыка и вот они уже летят — три птицы в голубом небе. Вдруг пикируют в океан — и плывут в нем и играют — три дельфина! Скачут лошаадьми, ползут змеями, прыгают лягушками, вьются мотыльками, играют котятами и еще, и еще — под нарастающую ликующую музыку!

Виктор Шаширов

Родился 24 мая 1966 в Ростове-на-Дону.
Живет и работает в Москве.

Окончил режиссерский факультет ГИТИСа
(мастерская М. А. Захарова).
Работал в Театре Армии, театре-студии
«Человек», театре «Школа современной пьесы»
и других.

Поставил спектакли: «Дон Жуан» А. Толстого,
«Не все коту масленица» А.Островского,
«Мастер-класс» Т. МакНелли, «Зима»
Е. Гришковца, «Сирано» по пьесе Э. Ростана,
«Маскарад» М. Лермонтова и другие.
Автор пьес «Ничего особенного» (под
псевдонимом Валерий Ветхов, 1997)
и «Затерянные в раю» (под псевдонимом Нед
Русетски, 1997); обе пьесы поставил
в Московском театре «Школа современной
пьесы».

На конкурс представил пьесу «Одни» (третья
премия).

Роли: две женщины,
двое мужчин,
все в зоне тридцати

Одни

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ОДНА. Я не помню, с чего я начала.

ДРУГАЯ. Я тоже не помню. Книгу ты купила об отношениях.

ОДНА. Нет, это потом.

ДРУГАЯ. Про Мишку ты говорила.

ОДНА. Да. Да. Но тоже не сразу. Сначала еще что-то было. Была какая-то мысль. Мишка уже потом возник, для примера.

ДРУГАЯ. Не знаю.

Пауза.

ОДНА. А про него что я говорила?

ДРУГАЯ. Ты говорила, что Мишка чего добивается непонятно.

ОДНА. Ну. Не знаю, что делать уже. Начинаю думать уже иногда: а нужно мне оно, всё это? Ну вот зачем, зачем? Пусть бы он там, я не знаю, действительно что-то делал толковое, ну, я бы поняла, может: мужчина, всё такое, занят делом, потому всё остальное через жопу. Но это же надо видеть, на что у него время уходит! Я иногда из дома уйду, только чтобы не смотреть на него, поверишь, нет?

ДРУГАЯ. Кошмар.

ОДНА. Главное: зачем? Если бы хоть было что.

ДРУГАЯ. Ну.

ОДНА. Устала я от этого всего.

ДРУГАЯ. Бросай, чего ты?

ОДНА. Да надо бы, честно говоря. Только толку?

* * *

ОДИН. Вот сколько стоит? Нет, ты ничего больше не спрашивай, просто ответь. Сколько, на твой взгляд, должна стоить такая вещь?

ДРУГОЙ. Чего ты пристал ко мне?

ОДИН. Попробуй, угадай, тебе трудно, что ли.

ДРУГОЙ. Тебе как приятно, чтобы я сказал: много или мало?

ОДИН. Мне приятно, чтобы ты честно оценил и позавидовал.

ДРУГОЙ. Я завидую.

ОДИН. Обрати внимание на это. Это оцени. Заметь качество. Здесь карманы, всё, здесь тоже карман, здесь на молнии, здесь для мобильника, если есть, и здесь потайной, для больших денег.

ДРУГОЙ. Или для наркотиков.

ОДИН. Чего наркотики, не понял?

ДРУГОЙ. Наркотики через границу провозить. Никто не догадается.

ОДИН. А-а, на таможене там, да? Как в кино? Да нет, пожалуй, догадаются.

ДРУГОЙ. Я бы взялся. Я говорю: взялся бы наркотики возить, если бы предложил кто. У меня лицо непроницаемое. Здесь ведь важно, чтобы нерв от человека не шел, всех ведь не обыщешь, вот они и выбирают наугад. Я бы летал раз в месяц, в Лондон, там, или в Германию, куда они там возят, раз в месяц туда и обратно, получал бы с каждого рейса, допустим, по штуке баксов, мне кажется, это нормальная сумма для такого риска, на пятьсот бы жил, пятьсот бы откладывал. Два года бы полетал, и всё. У меня за это время в тихом месте скопилось бы, пятьсот на двенадцать на два.

Пауза.

ОДИН. Две двести.

ДРУГОЙ. Почему?

ОДИН. Ну сам посчитай.

ДРУГОЙ. Ну, считай: пятьсот на десять — это уже пять штук.

ОДИН. А, черт, я чего-то не то умножил, что ли.

ДРУГОЙ. Пять штук. Плюс пятьсот на два — это еще одна, стало уже шесть, и еще на два, стало двенадцать. Понял? Двенадцать штук. Теперь, если считать, что я так и буду примерно по пятьсот в месяц тратить, сейчас посчитаю. Двенадцать штук разделить на пятьсот.

Пауза.

ОДИН. Столько же. Просто столько же, те же два года.

Пауза.

ДРУГОЙ. Ну да, ну да, правда, столько же.

ОДИН. Два года работал, два года отдыхаешь.

ДРУГОЙ. Вот, блин, да?

ОДИН. И потом, пятьсот в месяц, это ты хило взял, это не так много, подумай.

ДРУГОЙ. Нормально вроде. В месяц — это пятьсот на тридцать если разделить.

ОДИН. Вот ты сейчас сколько зарабатываешь?

ДРУГОЙ. По-разному бывает.

ОДИН. В среднем, примерно?

ДРУГОЙ. Ладно тебе, а? Смотри. Не туда, куда ты смотришь, вон та, в синем. Ох ты. Ох ты. А?

ОДИН. Можно.

ДРУГОЙ. Ты чего нудный? Старый стал? У тебя сейчас есть кто? Ты не жмись ты, я тебя люблю, вот и спрашиваю.

ОДИН. Сейчас нет.

ДРУГОЙ. И давно у тебя это сейчас тянется?

ОДИН. Мне не хочется.

ДРУГОЙ. Твою душу так. Вот это сказал, так сказал.

* * *

ОДНА. Ты сейчас говоришь, как моя мама.

Нет, конечно, я совсем не хочу тебя равнять, моя мама — это другого времени человек, я иногда думаю, как возможно, как это вообще могло получиться, что при такой маме я выросла такая, как есть, должна была получиться, по идее, какая-то другая женщина, более ожесточенная, что ли, несчастная, наверное, ну, ты понимаешь, о чем я.

Да, да.

Ты же ее не видела, да?

Да. Нет, я не могу сказать, откуда у меня это ощущение, что ты как она говоришь, но я могу сейчас подумать, если тебе интересно, здесь, наверное, складывается у меня такое чувство, что ты меня ревнуешь, нет, ты подожди, подожди возражать, я же тебе рассказываю свое чувство, а ты сразу, будто я тебя обвиняю, но я же не поддельваю свое чувство.

Ревнуешь?

К Мише.

Вот представь себе.

Вот представь себе. Не потому, что он такой уж ценный кадр, а он зато есть стабильно.

Нет, я не хочу такого тебе сказать.

Ты неправильно всё воспринимаешь, у тебя комплекс на предмет своей независимости.

Ну и что, что у него животик, это здесь при чем? То, что ты так нервничаешь, ты слышишь меня, послушай меня, то, что ты нервничаешь, это значит, это для тебя важно.

А я говорю, нервничаешь.

А я еще раз тебе говорю.

А чего ты тогда кричишь на меня?

Я-то кричу, чтобы ты меня услышала. Давай потом об этом поговорим, ладно, когда ты придешь в норму, а то я начинаю тоже злиться, наговорю гадостей, потом буду терзаться своей виной, у меня опять желудок разладится, только-только немного я его в порядок привела, слышишь меня?

Нет, я не сержусь, ты пойми меня правильно, получилось же как? Я хотела рассказать тебе свое чувство, а ты поняла так, что я над тобой издеваюсь. Ну согласись, ведь вспомни, мы с чего начали?

ДРУГОЙ. Ты надолго еще?

ОДНА. Сейчас, подожди секунду, тут Миша чего-то хочет. Прекращай издеваться. Чего?

МИША. Мне позвонить надо.

ОДНА. Срочно?

МИША. Нет, не очень, но я хотя бы хочу понять.

ОДНА. Полчаса еще. Тебя устроит?

МИША. Лена, прекращай так со мной разговаривать.

ЛЕНА. Оль, я тебе попозже перезвоню. Да. Да Мишка набыченный стоит рядом, как тут поговоришь. Да, расскажу. Ну ты дома, да? Ага. На, звони.

МИША. Лена. Я буду позвонить, то есть, я хочу сказать, я позвоню тогда, когда мне будет нужно, хорошо?

ЛЕНА. Миша. Блядь. Не мог бы ты, в таком случае, говорить мне, когда именно у тебя созреет это самое настроение звонить, и тогда уже ко мне подъезжать со своим недовольством, а я чтобы понимала, что я не зря прерываю серьезный разговор, а чтобы дать тебе возможность позвонить, потому что тебе нужно. А до того, как тебя подпрет, не мог бы ты не мешать мне разговаривать, а пойти там, я не знаю, заняться чем-нибудь или телевизор посмотреть?

МИША. Знаешь, что я хочу тебе сказать? Сказать?

ЛЕНА. Так.

МИША. Я скажу не для того, чтобы тебя обидеть, или претензию высказать, я понял просто кое-что и могу с тобой поделиться.

ЛЕНА. Вся внимание.

МИША. Я сейчас, наконец, понял. Ты меня не любишь. Вот что.

ЛЕНА. А ты? А ты? Нет, ты подожди, чего ты уходишь?! Ты сам начал, теперь уходишь!

МИША. Звони обратно Галке своей, Малке, Оле, Зинусику, расскажи ей всё, какой я говнюк, может, легче станет.

ЛЕНА. Иди сюда! Я не закончила еще с тобой разговаривать, куда ты пошел!

* * *

ОЛЯ. У меня бывает такая фантазия, что вроде бы ко мне кто-то приехал. Он, или она, может быть, со мной в очень хороших отношениях, здесь, конечно, кто-нибудь может меня неправильно понять, но я в таких случаях говорю, что каждый воспринимает в меру своей испорченности. И всё. Он, этот человек, я имею в виду, он так меня хорошо знает, что мне ему не надо объяснять ничего про себя, он же знает, какая я, но ему только очень интересно, как я живу. Буквально все ему интересно. И я ему показываю свою жизнь. Вот где мне пришла в голову эта фантазия, там я и начинаю, и пока не забуду, долго иногда может продолжаться. Например, иду где-нибудь и говорю: смотри, видишь, это хороший магазин, раньше он был закрыт долго на ремонте, а еще раньше он был больше, теперь там мебель сбоку, но тогда он был так себе и очень грязный и толпы. Хочешь, зайдём, я тебе покажу? Мы заходим, и там даже играет музыка, то есть всё оказывается еще лучше, чем я обещала, и, значит, мне можно верить. Смотри, я говорю, здесь можно купить то и то, так что, если тебе будет нужно, ты можешь сюда заходить, он допоздна. Или мы идем где-то, и я говорю: видишь, какой дом красивый? Знаешь, что здесь было до революции? И рассказываю всю историю, я в газете читала. Тогда получается, что этот город — мой, я в нем живу и укоренилась. У меня ведь, в принципе, всё нормально складывается, вполне.

* * *

ЛЕНА. Тебе было хорошо?

МИША. Да.

ЛЕНА. А ты так говоришь, будто нет.

МИША. Как я говорю?

ЛЕНА. «Да».

МИША. Я разве так сказал?

ЛЕНА. А как, по-твоему?

МИША. «Да».

ЛЕНА. Нет, дорогуша, ты сказал «да». Тебе было хорошо? «Да».

МИША. Ты балуешься, что ли? Чего-то у тебя настроение.

ЛЕНА. Тебе жалко?

МИША. А мне спать как-то хочется.

ЛЕНА. Отменяется.

МИША. Ленка, ну пожалуйста.

ЛЕНА. А так?

МИША. Ленка, ну больно, ну пожалуйста, слышишь, имей совесть.

ЛЕНА. Ладно, спи. Только я тебя во сне задушу, чтобы ты был в курсе.

МИША. Хорошо.

Пауза.

ЛЕНА. Спишь уже? Миш?

МИША. А?

ЛЕНА. Так мне Ольку жалко. Живет всё время одна, можешь себе представить? В этом есть, конечно, свои плюсы, но всё время, всё время одна и одна — это же сдуреть можно. Мне кажется, у нее характер стал уже портиться, и на лицо стала того малость, хотя, она, вроде бы, за собой следит, не знаю. Ей бы помочь, вот бы дело было хорошее.

МИША. Наверное.

ЛЕНА. Я к тому, что нет у тебя парня знакомого попримичнее? Не обязательно красавцев, даже лучше, если наоборот, ну, не страшила, ясное дело, но не нарцисс тоже. Не хам, не пьянь, работающий. Лет можно до примерно тридцати пяти, даже до сорока. А?

МИША. Пусть в объявления напишет.

ЛЕНА. Она удавится, но не напишет. А если напишет, но она не напишет, то не пойдет встретиться, ей стыдно будет, что она напрашивается. Представь себе эту встречу: он с газетой, она в полосатом платье на второй лавочке от остановки. И кто там придет по этим объявлениям? Мне даже жутко себе предположить.

МИША. А она как, Олька?

ЛЕНА. В смысле, внешне? Очень даже. Ты видел же ее, вспомни!

МИША. Когда?

ЛЕНА. У меня на дѣе рождения, год назад, она приходила в шортах больших и симпатичной такой маечке без рукавов, на кухне мне помогла, я совсем закурилась. Календарь подарила с видами.

МИША. Не люблю я эти календари.

ЛЕНА. Зато красивый. Вон там за шкафом лежит. Не помнишь? Я не знаю, как тебе описать, она хорошая, у нее фигура неплохая, нельзя сказать, чтобы без проблем, но в целом всё пристойно, у нее улыбка

хорошая, и лицо, такой тип, как бы, не знаю, не как ты любишь, но я знаю, есть мужчины, которые именно очень и очень. Она не из-за внешности, ты пойми, у нее, что ли, требования завышенные, или в свое время не пошло что-то, и теперь она боится и ссылается. Ладно, спи.

МИША. Валерику, что ли, предложить?

* * *

ОЛЯ. Поэзия составляет большую часть моей жизни. Наизусть я запоминаю плохо, и это жаль, я иногда представляю себе, как я хорошо читаю наизусть перед собранием людей. Не обязательно это концерт или выступление, а, может быть, люди просто собрались провести время, смеялись, развлекали друг друга как-то, потом кто-то предложил почитать стихи по очереди, и стали читать. Может быть, это на юге где-то, ночью, со свечками или с одной лампой под навесом. Хорошо, конечно, если слышно море, но это уже чересчур немного, лучше, если оно есть недалеко, но его не слышно, реалистичнее. Слышны цикады, вот что. И доходит до меня очередь, я начинаю отказываться, меня уговаривают, и никто уже особо ничего от меня такого не ждет, как вдруг я начинаю все-таки читать. Все замолчали, и я начала. Стало очень тихо. Только цикады, и мой голос. «Ночь печальна, как мечты мои. Далеко в глухой степи широкой огонек мерцает одинокий... В сердце много грусти и любви». Дальше не помню, к сожалению, поэтому дальше я уже как будто я уже дочитала, и все молчат.

Пауза.

Потом спрашивает один меня: «Это чье?». Я говорю. Меня просят еще читать, и я сразу: «Назначь мне свиданье на этом свете. Назначь мне свиданье в двадцатом столетье. Мне трудно дышать без твоей любви. Вспомни меня, оглянись, позови!». Или: «Не криви улыбку, руки теребя, я люблю другую, только не тебя...». У меня сейчас книжек нет с собой, у меня дома очень много и брошюрок всяких, сейчас нет, я бы почитала целиком, жалко.

* * *

ЛЕНА. Да что вы?! Как интересно! Миша, ты это слышал?

МИША. Что?

ЛЕНА. Валера рассказывает, как он служил в армии, иди сюда, послушай.

Он рассказывает удивительные вещи, я себе такого даже представить не могла. Что ты там делаешь?

МИША. Тыкаю утку.

ЛЕНА. Так что, значит, вы говорите, минус двадцать? Ай-яй-яй.

ВАЛЕРА. Но это само не очень, минус двадцать, в этом самом ничего экстраординарного нет, у нас бывает тоже минус двадцать, и как бы что, да? Там проблема в том, что влажность. Влажность и ветер. Степь. Стоять два часа на морозе, деться некуда, спрятаться, тулуп килограмм десять весит, но не спасает ничего. Вот такой воротник. К углу прибьешься какому-нибудь, стоишь. Автопарк триста метров, три футбольных поля в длину, темень, пустота, ветрила бешеный. Причем сколько мы всего на себя под форму одевали, свитеров всяких, а все равно безнадежно. Думаешь: сейчас умру, не может быть, чтобы всё это продолжилось без перемен еще даже пять минут. Или можно ходить, я мог эти триста метров полчаса идти. Идешь, поешь что-то, танцуешь, как сумасшедший, вот так со стороны посмотреть. А еще иногда устраивали нам проверки, дежурный по части приезжал из части и шел со старшим проверять меня, то есть, попросту, начинали они меня по автопарку искать, а я должен был их увидеть и сказать: «Стой, кто идет?», как будто я не вижу на самом деле, что это меня проверяют.

ЛЕНА. О, звонят, звонят! Это, наверное, Оля.

ВАЛЕРА. А-а.

ЛЕНА. Я пойду, открою?

ВАЛЕРА. Да, конечно, пожалуйста.

МИША. Лен, ты идешь открывать?

ЛЕНА. Да!

МИША. Мужик, ну, ты меня понял. На твое усмотрение, то есть никаких проблем. Как сочтешь нужным. Ей она, по-моему, вообще ничего не говорила, так что, сам понимаешь, да?

ВАЛЕРА. Я вообще просто пришел к тебе в гости, посидеть, вина выпить, я вообще не циклюсь на этом, что ты наезжаешь на меня?

МИША. Я хочу, чтобы ты понял, что мне по фигу. То есть то, что ты делаешь, ты делаешь сам. Или не делаешь сам.

ВАЛЕРА. Иди в жопу.

ОЛЯ. Здравствуйте.

ЛЕНА. Знакомьтесь, это Оля, это Валера, с Мишей ты знакома.

ОЛЯ. Очень приятно.

ЛЕНА. Миша готовит утку, он большой специалист по этому делу и меня никогда не допускает помогать, когда соберется. Так что я даже не знаю и не в курсе, что происходит, и когда за стол.

МИША. Десять минут.

ЛЕНА. Ага. Ага. Прекрасно. Вот, Валера принес вино, посмотри, мы его сейчас пробуем, хочешь с нами за компанию?

ВАЛERA. Добрый день.

ОЛЯ. Здравствуйте.

ЛЕНА. Валера, нальешь Оле? Ах, надо бокал, одну секунду, Миша, подвинься, будь так добр, ручка болтается, пожалуйста.

Пауза.

ВАЛERA. Я не знаю, может, и не очень, я здесь у вас за тем домом покупал. Мне ребята, вроде, сказали, нормальное.

ЛЕНА. Можем в комнату пойти, если хотите.

МИША. А чего оно будет ненормальное, ну сам подумай, ну чего с вином такое можно сделать, чтобы оно было ненормальное, что, они сидят там на фабрике и ацетон в него доливают, что?

ВАЛERA. Бывают же подделки всякие, я читал. Не знаю. Отравления.

ЛЕНА. Интересная тема.

ОЛЯ. Я например знаю, что официанты в ресторанах сливают вино из недопитых бокалов, ну, и коньяк, конечно, всякий и водку, но всё по отдельности, а потом наливают заново в бутылки и подают.

МИША. Валера, ты не в ресторане покупал, случаем?

ВАЛERA. Нет, в магазине. Я же говорил, за тем домом.

МИША. Видишь, Оля, это из магазина.

ОЛЯ. Всякий раз можно что-нибудь другое придумать. Мы же не знаем.

Пауза.

ЛЕНА. Можно сделать вино из плохого винограда.

ОЛЯ. Можно так, что оно само невкусное, а в него добавили химии, и оно стало слаще. И красители.

МИША. Главное, мне кажется, чтобы нравилось, а что вам за разница — добавили, не добавили?

ОЛЯ. Химия — вредно.

ВАЛERA. И потом, здесь написано: выдержка три года, а могли выдержать год только, к примеру.

МИША. Валерик, скажи мне, дорогой, ты различишь год от трех?

ВАЛERA. Сейчас я не могу различить, понятно, но если бы здесь были две бутылки такая и такая, я бы, может, и различил.

МИША. Ни фига.

ВАЛERA. Спорим.

МИША. Спорим.

ВАЛERA. Оля, разбей.

ОЛЯ. Но знаете, что я хотела сказать? Мне вино-то понравилось! Сладкое.

* * *

МИША. Он скромный у нас, потому рассказывать не хочет. Давай, расскажи, расскажи.

ВАЛERA. Миша.

МИША. Девчонки, вам будет интересно, зуб даю. Оля, ну куда ты, красавица, все время собираешься, детское время, ну ёханный бабай, так сидели хорошо!

ЛЕНА. Миша.

ОЛЯ. А что было такое с Валерой?

МИША. Он с милицией стал права качать! Умняк настроил конкретно, вроде адвокат. Как ты сказал-то тогда: основания, основания?

ВАЛERA. Миша.

МИША. Подожди, дай вспомнить! Основания для задержания! Какие у вас основания для задержания? Я чуть не устался. Не от смеха, если кто понимает, не от смеха. Я бы, конечно, смеялся бешено на такую фразу, но в другой ситуации, попроще.

ОЛЯ. Вы зачем туфли одеваете?

ВАЛERA. Провожу.

ОЛЯ. Спасибо, нет, спасибо, нет. До свидания. Приятно было познакомиться.

МИША. Поцелуемся на прощание?

ОЛЯ. Все было очень хорошо, спасибо, до свидания. Лена, я позвоню.

ЛЕНА. Да. Пока.

ОЛЯ. До свидания.

ВАЛERA. Счастливо.

ОЛЯ. Счастливо. Я позвоню.

ЛЕНА. Да.

МИША. Все было очень приятно.

Пауза.

ЛЕНА. Еще чай?

ВАЛERA. Не знаю.

МИША. Пойдем торт доедать. Не хочет меня никто слушать.

Пауза.

ВАЛERA. Лен, не надо чай ставить, я сейчас пойду.

ЛЕНА. Чего? Посидел бы еще.

ВАЛERA. Мише надо спать, по-моему, ты тоже устала. Я бы сразу ушел с Олей, но видишь, как она, а я не люблю навязываться.

ЛЕНА. Я тоже ничего не поняла.

ВАЛERA. Она, может быть, неправильно меня поняла, или что-то ей показалось. Что я, похож на такого, я не знаю? Я хотел, пройдуся, думаю, немного.

ЛЕНА. Хочешь, спроси сам у нее, я телефон дам.

ВАЛERA. Что это я вдруг ей буду звонить, чего спрашивать? Ерунда. Миша! Пока.

МИША. Не уходи.

ВАЛERA. Давай, всё хорошо. Ложись спать.

Пауза.

МИША. Ну, что?

ЛЕНА. Всё плохо.

МИША. И я должен теперь отгадывать, почему, правильно? Я бы стал отгадывать, Лен, но, честное слово, сил нет. Скажи мне, пожалуйста, почему все плохо, а, если не скажешь, так и скажи сразу: не скажу.

ЛЕНА. Он ей понравился.

МИША. Да?

ЛЕНА. Чересчур. Немного чересчур.

МИША. А он что, по-твоему? Как она ему?

ЛЕНА. Что он?

МИША. Да.

ЛЕНА. Какая, блядь, разница. Что это изменит?

* * *

ОЛЯ. Почему ты считаешь, что это так уж для меня важно, я не могу понять!

Ну как же ты не считаешь, если ты об этом говоришь, значит, считаешь. У меня нет таких проблем, не знаю, как тебе объяснить.

Подожди, но ведь все люди разные.

Ага, и что?

И что из того?

Так вот это мне кажется очень даже сомнительным, если хочешь знать. Здесь в таких вещах важно, как я сама это ощущаю, почему я должна ощущать как ты, или как большинство какое-то неизвестное. Я тебе больше скажу, хотя я понимаю, что ты можешь не поверить, но это уже твое дело: если мне нужно будет, я себе найду. Мне помощь со стороны не требуется, я себе цену знаю, у меня все в порядке.

Конечно, ты тоже знаешь, откуда только тогда эти благотворительные идеи, я понять не могу. Даже вот что тебе скажу: подумай, что с тобой происходит? Откуда такое обо мне беспокойство? Может, это твои проблемы, а не мои?

Не думаю.

Кстати, как он тебе?

Да?

И что?

Ну и ладно, боже мой.

А откуда Миша его знает?

Ну и ладно.

* * *

ВАЛERA. Алё.

Здравствуйте, Олю можно?

А, я не узнал. Здравствуйте.

Оля, меня зовут Валера, мы познакомились неделю назад у Миши с Леной, помните? Валера.

Оля, у меня есть как бы небольшое предложение к вам, я могу предложить, если вы не сразу против. Не хотите сходить куда-нибудь?

Не знаю, придумаем. Можем просто погулять, если что.

Не знаю. Когда у вас есть время. Сегодня можно.

Ну да, а чего?

А вы далеко от центра?

А-а, ну вот. Тогда, допустим, в пять где-нибудь в центре, вас устроит?

Надо, чтобы мы оба хорошо знали это место, чтобы не перепутать, и чтобы потом пойти сразу гулять оттуда.

Да, да.

Да, отлично!

Да, знаю. Вот там, да?

Хорошо. В пять, да?

Тогда до встречи.

* * *

ВАЛERA. Здравствуйте.

ОЛЯ. Здравствуйте. Мы здоровались уже.

ВАЛERA. Ничего страшного. Оля, я хотел спросить вас: я вам по телефону много глупостей наговорил?

ОЛЯ. Я не заметила.

ВАЛERA. Со мной бывает, я иногда плохо понимаю, что несу, что ни скажу, всё ни в дугу, некоторые шарахаются. Я не ругаюсь, но говорю ерунду всякую. У меня последнее время такое самочувствие, и сегодня, меня как бы несет. Оля, вы взрослая серьезная девушка, мне показалось почему-то, что с вами можно просто поговорить, без как положено фа-фа-ля-ля, вы не будете меня бояться?

ОЛЯ. Нет, наверное.

ВАЛERA. Оля, я хочу вам сказать, что я очень рад, что вы согласились сегодня приехать и со мной повидаться. И что приехать, и, особенно, что сегодня, а не, там, завтра. Это так противно, когда: я сегодня не могу, а могу только в четверг, потому что во вторник у меня то, а в среду сё. Могу не раньше четверга. И надо еще созваниваться. А я могу сегодня! Вы прекрасно выглядите. «Спасибо» не надо, за комплимент не надо благодарить, иначе — торговля, ты мне, я тебе, я ведь сказал это не

потому, что хотел получить что-то в ответ, даже благодарность, и не потому, что хотел сделать приятное, а потому, что мне приятно было это говорить. Вы не будете против, если я иногда буду говорить слова в этом духе, нет? Хорошо. Куда мы пойдем? Давайте прямо.

* * *

ВАЛЕРА. Оля, ты представить себе не можешь, до какой степени меня это грузит! Бывала пару раз ситуация, я думал: всё, кранты, сейчас улетят предохранители, и я начну на всех бросаться. Убью кого-нибудь. Я тороплюсь, например, а передо мной баба с сумками тоже торопится, но тупо торопится, бестолково и всё время меняет направление движения непредсказуемо, ну, думаю, убью, не могу больше так жить.

ОЛЯ. Ты чего так смешно делаешь?

ВАЛЕРА. Орех от мороженого в зубе застрял.

ОЛЯ. Дать булавку?

ВАЛЕРА. Не, я сейчас сам его.

ОЛЯ. У меня, вообще-то, тоже так бывает. Когда кажется, что уже хуже быть не может, что-то меняется, но не к лучшему, а в сторону.

ВАЛЕРА. Да! Давай, ладно, булавку.

ОЛЯ. И сначала всё пытаешься понять: какая она, эта новая сторона, хорошая или плохая, но некогда. А потом уже живешь, втянулась. А потом замечаешь вдруг, что все-таки нет во всем этом ничего хорошего, и каждый день приносит только одни новые огорчения.

ВАЛЕРА. Да.

ОЛЯ. Спасибо тебе, что ты позвонил мне. Мне на самом деле было очень кисло и одиноко. А тут я хоть походила, воздухом подышала. За коктейль двойное спасибо, я бы подсела на него, но я название запомнить не смогу. Такой классный пьяный коктейль.

ВАЛЕРА. Я буду напоминать тебе.

ОЛЯ. Давай.

Пауза.

ВАЛЕРА. Устала?

ОЛЯ. Ну да. Но я могу ещё погулять.

ВАЛЕРА. Оля.

ОЛЯ. Да.

ВАЛЕРА. Оля. Давай поедем к тебе или ко мне.

Пауза.

ОЛЯ. Прямо так сразу?

ВАЛЕРА. А чего нам ждать, скажи? Мы ведь не дети уже обувь стаптывать до трех ночи.

ОЛЯ. Я даже не знаю. Мы не целовались даже.

ВАЛERA. Это да, правда.

Поцелуй.

ВАЛERA. Поедем.

ОЛЯ. Вон та посмотрела на нас тетка как.

ВАЛERA. Оля.

ОЛЯ. Нет такого, что мы торопимся?

ВАЛERA. Поедем.

ОЛЯ. Ко мне нельзя, там ужас что творится, а к тебе я не взяла с собой много чего.

Поцелуй.

ВАЛERA. Я ловлю машину.

* * *

ОЛЯ. Подожди, подожди, я сейчас приду, Валера, ну что ты, о, ну что ты делаешь, послушай меня, послушай, я сейчас приду, я сейчас приду. Можешь пока поставить чай. Это кто?

ВАЛERA. Мой дед. Серьезный был человек, коммунист. Заведовал сельским хозяйством.

ОЛЯ. Похож.

ВАЛERA. В преф, говорят, хорошо играл.

ОЛЯ. Интересно. Какое лицо.

ВАЛERA. Иди, куда шла, а то не дойдешь опять.

ОЛЯ. Иду, иду, иду.

* * *

ОЛЯ. Не молчи, скажи что-нибудь.

ВАЛERA. Оля.

ОЛЯ. О!

ВАЛERA. Ты такая красавица.

ОЛЯ. О!

ВАЛERA. Такая красавица.

ОЛЯ. О!

ВАЛERA. Красавица.

ОЛЯ. О!

ВАЛERA. Такая, такая... О!

ОЛЯ. О!

ВАЛERA. О!

ОЛЯ. О!

Пауза.

ОЛЯ. Тебе хорошо было?

ВАЛERA. Да. А тебе?

ОЛЯ. Мне тоже да.

ВАЛERA. Мне тоже.

ОЛЯ. Ну и хорошо. У меня синяк будет.

ВАЛERA. Почему? Где?

ОЛЯ. Вот. Видишь? И здесь тоже может быть.

ВАЛERA. Это я, что ли?

ОЛЯ. Нет, что ты, это я сама неудачно повернулась.

ВАЛERA. Прости, пожалуйста.

ОЛЯ. Да ладно.

ВАЛERA. А ты меня зато поцарапала.

ОЛЯ. Слушай!

ВАЛERA. Видала?

ОЛЯ. Бедненький. Дай, поцелую.

Пауза.

ВАЛERA. Вот как это, невозможно понять. Как это, что ты здесь рядом со мной лежишь? Я не могу этого понять. Тебя же не было, теперь ты здесь лежишь. Это, может быть, чудо?

ОЛЯ. Я тоже не очень, если честно. Я должна быть сейчас дома.

ВАЛERA. Ну. А я должен футбол по второму смотреть, всю неделю ждал.

ОЛЯ. Ты любишь?

ВАЛERA. Смотрю. В детстве играл, в институте. Сейчас нет, куда. Негде, не с кем, некогда. Смотреть люблю, когда классные команды.

ОЛЯ. Ты из-за меня не смотришь?

ВАЛERA. Нет, нет.

ОЛЯ. Хочешь, вместе посмотрим? Расскажешь мне где кто, когда радоваться. Я понятливая.

ВАЛERA. Нет.

ОЛЯ. Серьезно, давай. Покричим.

ВАЛERA. Нет, не хочу. Мне с тобой без ничего лучше.

ОЛЯ. Да?

Пауза.

ОЛЯ. Валера.

ВАЛERA. М?

ОЛЯ. Как думаешь, можно сказать, что нам повезло?

ЛЕНА. Почему ты мне сразу не рассказал?

МИША. Лена.

ЛЕНА. Нет, ты ответь на вопрос, что «Лена»? Это разве первый раз? Помнишь, мы весной четко договорились, что будем обо всем друг другу рассказывать? Ты же знаешь, что потом только хуже, чего ж ты каждый раз делаешь одно и то же? Или, ты думаешь, не выплывет? Скажи мне, ты просто надеялся, что я не узнаю, потому?

МИША. Лена.

ЛЕНА. Или на самом деле я иногда только случаем узнаю, а на самом деле всё гораздо хуже, и, если бы я всё узнала, я бы тебе вообще тогда не знаю что должна была бы сделать? Скажи мне, всё, что я знаю, это всё или не всё?

ВАЛЕРА. Думаю, да, нам повезло. То есть мне повезло наверняка.

ЛЕНА. Ты понимаешь, да, что, когда ты молчишь, я твоё отсутствие ответа истолковываю наихудшим возможным образом?

МИША. Лена, чего ты хочешь от меня?

ОЛЯ. «Повезло» — это неправильно я сказала. Правильно ты сказал раньше «чудо». Мы выиграли в лотерею, в которую все проиграли.

ВАЛЕРА. Как ты сказала, прости?

ЛЕНА. Я хочу от тебя, чтобы ты мне не врал.

МИША. Я тебе не врал.

ЛЕНА. Я заслуживаю того, чтобы ты мне не врал. Я заслуживаю.

ОЛЯ. Я и сама уже не соображу, как я сказала. Ладно, боже мой.

МИША. Я тебе не врал.

ЛЕНА. Ты скрывал, это то же самое.

МИША. Это не то же самое.

ЛЕНА. Это то же самое.

МИША. Откуда я знаю, что тебя может заинтересовать из того, что я тебе не рассказываю? Вот я сегодня, например, обнаружил, что я хожу в штанах уже четыре дня, а в них дыра на самом интересном месте, это тебе интересно?

ВАЛЕРА. Тебе завтра куда надо идти?

ЛЕНА. Ты сейчас делаешь вид, да? Что не понимаешь, да, о чем я говорю? Я тебе идиотка?

МИША. О чем ты говоришь?

ЛЕНА. О женщинах! О бабах! О блядах твоих бесконечных, вот о чем я говорю!

ОЛЯ. Да вот, думаю. Вообще-то надо было там.

МИША. Слышала бы ты себя сейчас и видела бы себя в зеркало.

ВАЛЕРА. Не ходи.

ЛЕНА. Давай, Миша, прекращать это всё. Вот что. Спокойно, не торопясь всё обсудим и примем решение. А то что это я разоряюсь и вправду, как будто прямо что-то такое случилось или конец света?

МИША. Ты хочешь, чтобы я ушел?

ВАЛЕРА. Миха.

МИША. Ай?

ВАЛЕРА. Спасибо. Ты мужик, что уговорил меня.

ЛЕНА. Да. Уходи.

ВАЛERA. Мне-то казалось, что вся идея с этим знакомством полная туфта. Видишь, как оно. Не поймешь.

ОЛЯ. Хочешь, я тебе завтра приготовлю что-нибудь вкусное? Мясо, например. Или сладкое, ты любишь сладкое? Я могу печь торт «Графские развалины».

ВАЛERA. Speки.

МИША. Прямо сейчас?

ЛЕНА. Да.

МИША. Ты понимаешь, что делаешь?

ЛЕНА. Да.

ВАЛERA. Какую поцеловать, эту или эту?

МИША. Куда я сейчас пойду, подумай?

ОЛЯ. Эту.

ЛЕНА. Я рада, дорогая, что у тебя всё так в порядке, хоть ты этому так противилась, если помнишь. Не забывай меня. Желаю тебе, не знаю даже чего, желаю, чтобы ты была рада.

МИША. Из-за какой-то ерунды! Из-за того, что тебе что-то наговорили, ты уже готова меня выгонять и ненавидеть!

ОЛЯ. Я позвоню.

ЛЕНА. Да, конечно.

МИША. Ты лучше признайся тогда, что уже давно и так просто так меня ненавидишь, а это тебе нужен был повод для вида! Что я думаю или чувствую тебе по барабану, главное, что там кому-то привиделось!

ОЛЯ. О! Валера.

МИША. Хочешь, чтобы я ушел, хорошо, пожалуйста, но только ты не делай вид, что это из-за меня происходит! Будь хоть напоследок немного честной!

ВАЛERA. Если бы я знал слова, я сказал бы. А можешь себе представить, что вот я касаюсь тебя, это будто я говорю?

ОЛЯ. Да.

ЛЕНА. Если я была бы честной, давно уже не стала бы ничего терпеть! Я же себе душу выкручивала, заставляла себя примириться, думала, что всё, может быть, это временно, это пройдет, что ты поймешь, наконец! Зачем, зачем? Какая же я была идиотка!

ВАЛERA. Оля! Оля! Оля! Оля!

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

ВАЛERA. Имя, фамилия.

Пол.

Сколько вам лет?

Семейное положение.

Есть ли у вас дети, сколько, пол, возраст?

Сколько детей вы хотели бы иметь, если бы имели такую возможность? Три. Трёх.

Как вы оцениваете свой социальный статус? Средний.

Достаточно ли вы зарабатываете? Нет, конечно.

Как вам кажется, соответствует ли ваша заработная плата тому, что вы делаете? Если здесь брать, то да, соответствует.

Могли бы вы выполнять более квалифицированную работу? Мог бы. Мог бы.

Ваши родители живы? Отчасти.

Как вы оцениваете своё образование? Никак. Было и было.

Если вам предоставится возможность улучшить своё образование, пойдете ли вы на это? Вряд ли.

Сколько книг вы прочитываете за год? Это надо прикинуть. Это в месяц, допустим, четыре, хотя даже три, и в год тогда примерно тридцать шесть. Тридцать-сорок.

Вы удовлетворены размером своего члена? Ну, да.

Какие книги вы предпочитаете? Чужие. Детектив люблю, фантастику не очень, особенно выдумки эти под сказку. Исторические ничего, особенно про русскую историю.

Вам предлагают долгосрочную высокооплачиваемую работу за рубежом, поедете ли вы? Сто раз да.

Как часто вы читаете стихи, много ли помните наизусть? У лукоморья ходит кот назад и снова наперед.

ЛЕНА. Я принесла колбасу, хочешь?

МИША. Чего-то нет.

ЛЕНА. Ты вчера говорил, что хочешь колбасы.

МИША. Да?

ЛЕНА. Ты чего так быстро всё забываешь, Миша? Мне кажется, я однажды вот так приду, а ты забудешь как меня зовут и кто я тебе такая.

МИША. Лен, я помню, кто ты такая.

ЛЕНА. Скажи мне, ты будешь есть колбасу или нет, а то я очень хочу ее выбросить?

МИША. Буду.

ЛЕНА. Почему ты не спросишь меня, как там и что?

ВАЛERA. Вы боитесь летать на самолете? Я взлетать боюсь. А летать я не боюсь, я сплю.

ЛЕНА. Или ты забыл?

МИША. Я не забыл, конечно, не выдумывай, но чего я буду лезть к тебе в душу без мыла. Захочешь, расскажешь.

ЛЕНА. Да. Я поняла. Хорошо.

Пауза.

МИША. Так что?

ЛЕНА. Что?

МИША. Ты не видишь, я жду стою?

ЛЕНА. Чего?

МИША. Ну, что тебе сказали?

ЛЕНА. А, это. Я не хочу тебе говорить. Не хочу забивать тебе голову чужими проблемами.

ВАЛERA. В каком возрасте вы впервые вступили в половой контакт? В пять с половиной. Вообще-то довольно поздно, в девятнадцать. С третьей попытки. Это был хороший подарок ко дню рождения. Да, значит, почти двадцать, почти двадцать мне было.

Что для вас важнее: поесть или выспаться? Второе.

Главное событие вашей жизни за последние пять лет? Прочерк.

МИША. Ведешь себя, как старая занудная бабка.

ЛЕНА. Мне страшно, вообще, между прочим! Подойди, обними меня!

Пауза.

ЛЕНА. Я умереть могу.

МИША. Не выдумывай.

ЛЕНА. Это, правда, пока всё не совсем еще пока понятно, надо сдать еще другие анализы, обследование.

ВАЛERA. Кто был первым человеком, которого вы увидели сегодня? Актриса по телевизору. Плохой сериал, я обычно его не смотрю.

ЛЕНА. Ты есть, правда, не хочешь?

МИША. Ты не верь всему, что врачи говорят, ты что. Их послушать, так странно даже, что мы ходим и по дороге на кусочки не рассыпаемся.

ЛЕНА. Да?

МИША. Ну конечно, ты что. Мне вот тоже уже сто лет надо бы давно сходить провериться, а я думаю, что ну его к черту, еще найдут что-нибудь серьезное, вся жизнь изменится.

ЛЕНА. А у тебя что?

МИША. Не то, что ты подумала.

ЛЕНА. Что я подумала?

МИША. Ладно.

ОЛЯ. Как быть, если ребенок не хочет слушаться? Лет пять ему, допустим.

Я ему, например, говорю: иди ложись спать, а он говорит: нет. Заставлять ведь нельзя, нельзя подавлять его волю и желания, он вырастет забитым, робкий мужчина — это ужасно. С другой стороны, если разрешать ему делать всё, что он захочет, его могут не понять другие люди. И он может их не понять. Он привык желать, а тут надо вписываться. Его могли бы звать Александр. Что за принцип в том, чтобы не давать ребенку смотреть телевизор после десяти, в конце концов? С другой стороны, конечно, если завтра в садик.

МИША. То ли сердце, то ли невралгия или еще что-то, не знаю. Уже полгода где-то, изредка как прижмет, дышать не могу, в левой руке мурашки. Ночью особенно страшно. Ты спишь, одеяло всё слезло, ноги мерзнут, боюсь даже пошевелиться поправить, на кухне холодильник туда-сюда включается как сумасшедший. Из-под дивана какой-то запах. Всё так тупо, как и должно быть в последние полчаса, именно, чтобы показать мне. Вот оно вот так. А ты что думал?

ВАЛЕРА. Опишите свой нынешний день так подробно, как сможете. Я проснулся, встал с кровати, позавтракал, поехал на работу, работал. Там же я пообедал. Спал с утра плохо, потому проснулся раньше будильника и решил уже не засыпать, нет смысла. Будильник выключил и стал волноваться, что, если всё же усну нечаянно, то просплю, тогда включил телевизор, смотрел ерунду утреннюю всякую, захотел в туалет, чистил зубы, решил не бриться, уронил крышку от тюбика за унитаза, искал, мыл руки, пошел смотреть градусы, по новостям увидел интересный сюжет про эпидемию, стоял смотрел, переждал про премьеру какую-то и посмотрел заодно спорт. Пошел на кухню, чайник, сосиски в ковшик не помещались, я порезал их ножиком, таракана ни одного не встретил, порадовался, вымыл тарелку со вчера и вилку, отрезал хлеб, пошел вытереть туфли, пока вытирал, стал смотреть на себя в зеркало, задумался о всяком. Потом чайник щелкнул, я пошел чистить бьюки.

ЛЕНА. Если невралгия, то массаж может помочь. Сказал бы, я бы сделала.

МИША. Да, дождешься от тебя.

ЛЕНА. Не говори со мной так, я сейчас плакать буду.

МИША. Извини, Лена, извини. Я нечаянно, по привычке.

ВАЛЕРА. О чем именно вы думали, когда смотрели на себя в зеркало? Ни о чем. Смотрел на себя. Нет, ни о чем не думал. Руками шевелил, так постоял, так. Чесался. Еще один момент было странно, что именно эти обои, при чем тут мое лицо и эти обои. На лестнице мужики курили, и тянуло из-под двери.

Часто ли вы слушаете музыку? Если радио считать, то часто. Если специально сесть послушать, то, может быть, никогда.

ЛЕНА. Миша, я всё про тебя знаю, и как ты ко мне относишься, я понимаю, что сейчас спрошу глупость, но ты прости мне, что я так, скажи мне. Ты будешь меня жалеть?

МИША. Боже ты мой.

ЛЕНА. Не отверчивайся, скажи просто, если со мной что-нибудь обнаружится, не знаю, если я, ты будешь меня жалеть?

МИША. Я тебя жалею, ну зачем ты. Я и так. Не надо говорить обо всем таком, Лена, правда.

ЛЕНА. Ты правду говоришь?

МИША. Да. Разве не видно?

ВАЛЕРА. Итак, щелкнул чайник, чем продолжился ваш день? Он продолжился яичницей. Яичница бывает разная, я люблю из яичниц омлет, но никогда его не готовлю, потому что много возни, а что получится, неизвестно. Я несколько раз в жизни готовил омлет, но всякий раз наугад, я просто надеялся на лучшее.

Об этом подробнее, пожалуйста. Ну, надеялся на лучшее. Вообще обычно я делаю глазунью или болтушку, иногда с колбасой, иногда с хлебом. С помидорами тоже ничего.

ОЛЯ. Я прочитаю свои стихи, когда мне было лет четырнадцать.

Кошки греются на люках,
Собачки греются на люках.
У них нет дома,
А у меня нет люка.

Здесь легко можно обратить внимание, что эти стихи без рифмы, называются белые. Я это говорю к тому, чтобы они не показались глупыми из-за того, что в них нет рифмы.

* * *

МИША. Сейчас я найду, подождите. Две секунды.

ЛЕНА. Разобрал бы уже диски свои давно.

МИША. Чего разбирать, нужно стойку, и в нее всё расставить. Я даже систему придумал, что как отделить.

ЛЕНА. Я про эту стойку уже сто лет слышу.

МИША. Отдельно то, что нравится, отдельно то, что так себе, отдельно то, что зря купил или подарили, а выбросить жаль.

ОЛЯ. Можно еще по музыкальным направлениям, допустим, джаз, классика.

ЛЕНА. Какие у него там направления, перестань, что в шестнадцать лет слушал, то и сейчас слушает.

МИША. Нет, это не то. Тоже, кстати, хороший диск, редкий, настоящая запись с концерта в каком-то городе, забыл уже. На, посмотри, ты

оценишь. Отдельно, что непонятно, нравится или нет, как-нибудь
сесть спокойно, попробовать расслушать, если никто не мешает. Всё,
вот оно.

ЛЕНА. Ой, кто тебе мешает?

ВАЛЕРА. Держи.

МИША. Ну как?

ОЛЯ. Лен, тебе помочь?

ВАЛЕРА. Не знаю, я не фанат. Обложка ничего.

ЛЕНА. Сейчас пойдём.

МИША. Обложка.

ЛЕНА. Только, Миша, прошу тебя, не так громко, как ты сам слушаешь!

МИША. Это нельзя тихо. Смысла нет. Готовы? Поехали.

ОЛЯ. Ух!

МИША. Какой драйв!

ЛЕНА. Миша, я тебя просила!

МИША. Да послушай ты хоть раз две секунды! Послушай, не разговаривай!

Пауза.

МИША. Вот здесь особенно сейчас будет!

Пауза.

МИША. Та, та, та, та, та, та, та, та, та, та!

Пауза.

МИША. Что скажете?

ЛЕНА. Во всяком случае, я тебе не мешала. Оль, пойдём.

МИША. Валера.

ВАЛЕРА. Ничего, энергично.

МИША. Понятно.

ЛЕНА. Стол передвиньте пока.

ОЛЯ. По-моему, это хорошая была музыка. В ней есть чувство.

ЛЕНА. Если я сейчас визжать начну, во мне тоже будет чувство, и не хуже, чем у них, уверяю тебя. У меня и поводов-то побольше будет для чувств, чем у этих наркоманов разряженных. Давайте и меня на микрофон запишем.

ВАЛЕРА. Музыка, по-моему, пишется для красоты. Не для любых чувств, а чтобы приятно, мало ли, действительно, что со мной по жизни происходит, зачем мне такая музыка. Я, например, люблю, когда в машине еду, чтобы играло что-нибудь веселое или задумчивое, сразу кажется, будто кино смотришь. Кино ведь, если хорошее, всегда показывает всё красиво.

ОЛЯ. Какие такие сложные тяжелые чувства ты испытываешь в жизни? Назови мне. Купил, съел что-то — тебе приятно, ударился — больно.

Ты хочешь чего-то, а не можешь — раздражаешься, заимеешь — приятно. Это, что ли, чувства?

ВАЛЕРА. Мы о музыке, кажется, говорили, а не о том, что я деревянный Буратино.

ОЛЯ. Я не о тебе, не пугайся, я о всех.

МИША. Песня должна сносить крышу. Приятность это не тема. Должно быть так, что ты спал, пошла вещь, и ты проснулся. И потом, не обязательно даже скоро, ты можешь быть далеко, в обычной своей ерунде, но ты знаешь кто ты. Да, сейчас ты спишь, но ты можешь проснуться.

ВАЛЕРА. Если тебе надо по ушам получить, чтобы проснуться, я готов иногда помочь по дружбе.

ЛЕНА. Вся эта ваша музыка обман, просто зарабатывают на вас, а вы и рады. Вы посмотрите только на эти рожи, о чем тут говорить.

ВАЛЕРА. Разговор как разговор, не хуже других.

ОЛЯ. Ладно, Лена, пошли, салаты ждут.

ЛЕНА. Ага. Я про стол сказала?

МИША. Да, дорогая.

ЛЕНА. Скатерть знаешь, где?

* * *

ЛЕНА. Да ты что?

ОЛЯ. Вот так.

ЛЕНА. А точно?

ОЛЯ. Да.

МИША. Моя контора чего-то в гору поперла, одно, другое. Грех жаловаться.

ЛЕНА. А к врачу была?

ОЛЯ. Да.

ЛЕНА. Чего говорит?

МИША. Я теперь и дома-то мало бываю, даже ругаться некогда стало, устаю, поем, два канала переключил и в аут.

ОЛЯ. Всё нормально.

ЛЕНА. Чего делать будешь?

МИША. Утром раз, два, и нет меня, на целый день, без вопросов. Я девочку себе завел красоты безумной, причем она ко мне не из-за денег. Что интересно, с Ленкой отношения как-то лучше сразу стали, даже странно.

ОЛЯ. Оставлю.

ВАЛЕРА. Ну так ушел бы уже, не пойму я тебя.

ЛЕНА. А он что?

МИША. Мне жалко её, ты не поймешь.

ЛЕНА. Он вообще в курсе?

ОЛЯ. Нет.

ЛЕНА. Ну, а он собирается, или как?

МИША. У ней же сейчас и с работой проблемы, и здоровье непонятно что творится, всё по врачам ходит. Я забочусь.

ОЛЯ. Не знаю. Непохоже.

ЛЕНА. И как ты, что, я не понимаю? Ты как-то себе представляешь, планируешь, или живешь, куда несет?

ОЛЯ. Ты мне что-то предлагаешь? Я тебя правильно поняла?

ЛЕНА. Оля.

ОЛЯ. Что? Я Оля. Ты зачем мне говорила всё это, подумай? Чтобы мне лучше стало? Ты мне помогла чем-нибудь, что-нибудь, может быть, предложила?

ЛЕНА. Я просто пыталась понять. Я должна же понять, что у тебя в голове.

ОЛЯ. У меня не в голове, а вот где. Я этим местом и думаю.

ВАЛЕРА. И при этом ты её жалеешь и девочку себе завел на стороне, это еще не считая старых. Так?

МИША. В общем, да, есть кое-кто.

ВАЛЕРА. Я, наверное, тебя не понимаю. Зачем ты с ней живешь, почему не уйдешь? Тебя квартира держит?

МИША. Квартира дело серьезное, конечно, но зачем из меня жмота такого прямо уже делать?

ВАЛЕРА. Ты ведь ей врешь каждый день, утром и вечером. Ты и девочке своей красавице тоже, думаю, не все говоришь про своих прежних. Неужели не противно тебе? Завтра тебе еще понравится одна, ты и ей начнешь вдвух без паузы новое вранье еще одно. Так же и забыть можно, где ты настоящий, если ты ни с кем не говоришь, ничего не контролируешь, не притворяясь, не обманывая.

ЛЕНА. А работа?

ОЛЯ. Буду скрывать, сколько можно. Потом, что делать, уйду.

МИША. Ты не всё понимаешь.

ЛЕНА. Обрато возьмут потом?

ОЛЯ. Вряд ли.

МИША. Как я без нее, ты что. Она же моя единственная, она моя принцесса. Я ее люблю.

ВАЛЕРА. И потому бегаешь от нее направо и налево?

МИША. Я не от нее, у меня природа такая, что же мне делать? Мне хочется. Это ведь к ней, кстати, не имеет отношения, эти вещи у меня в голове даже не пересекаются, я поэтому ей не вру, как ты думаешь, я просто общаюсь с ней, а не с другими.

ВАЛЕРА. Удобно.

ЛЕНА. К родителям поедешь?

ОЛЯ. Не хочется. Нет, они бы ругать, конечно, не стали, даже, не исключено, даже и рады были бы, не хочется.

ЛЕНА. А как тогда?

ОЛЯ. Не знаю.

ЛЕНА. Но скажи мне хотя бы: ты точно уверена?

ВАЛЕРА. Лучше вообще ни с кем не говорить, но и ни врать никому.

ОЛЯ. Да.

МИША. Ты как подросток.

ЛЕНА. Я сейчас плакать буду.

МИША. С этой-то как у тебя?

ЛЕНА. Посмотри мясо в духовке.

* * *

ЛЕНА. Как?

МИША. Отлично.

ВАЛЕРА. Нормально.

ЛЕНА. Не жесткое?

ВАЛЕРА. Ну, так.

ЛЕНА. Жесткое?

ОЛЯ. Очень вкусно.

ВАЛЕРА. Хорошее, хорошее.

ЛЕНА. По-моему, как раз.

МИША. Да потрясающе.

ЛЕНА. А Валере не нравится.

ВАЛЕРА. Почему, мне нравится.

МИША. Ему нравится.

ОЛЯ. Он любит, чтоб расплзлось всё.

ЛЕНА. А, ну вот.

ВАЛЕРА. Чего ты выдумываешь, мне по-разному нравится.

ЛЕНА. Я же вижу.

ВАЛЕРА. Лена, мне всё нравится.

ЛЕНА. Салат пробуйте, почему салат никто не пробует.

ОЛЯ. Смотри, как еще можно, лимон положи и подави сверху вилочкой.

МИША. Валерик, мы по-прежнему?

ВАЛЕРА. Да.

МИША. Девочки, вам как?

ЛЕНА. Вино.

ОЛЯ. Тоже, чуть-чуть.

ЛЕНА. Оливки.

МИША. Это уже чуть-чуть?

ОЛЯ. Да.

ЛЕНА. Миша, оливки.

ОЛЯ. Без тоста?

ВАЛЕРА. Да, чего там.

ЛЕНА. Зря, кстати.

МИША. И так всё ясно. Мы все любим друг друга, всё у нас не так плохо, даже местами хорошо, давайте жить и радоваться.

ОЛЯ. Ура?

ВАЛЕРА. Ура.

* * *

ОЛЯ. Мне шестьдесят лет. Я живу одна, очень бедно, нищенски, практически. Я почти ни с кем не общаюсь, я не люблю старух, а друзей у меня нет уже давно, по разным причинам. Я много гуляю, в любое время года, зимой, конечно, меньше, но тоже стараюсь, особенно люблю осень за её настроение. У меня есть свои маршруты, причем я обычно не выбираю заранее, а выхожу и иду куда ноги идут. Этим я подчеркиваю себе свою свободу выбора. Я не делаю того, чего мне не хочется. Иду я медленно, часто стараюсь отдыхать, везде я знаю, где такие места есть посидеть, это потому, что я устаю быстро, но больше потому, что я не тороплюсь. Я не тороплюсь. И всегда я делаю круг, чтобы не ходить два раза по одной улице, я люблю разнообразие.

ВАЛЕРА. У меня пиво связывается с зимой. Меня к пиву приучали зимой, на первом курсе. Кто мог выпить десять кружек, мог называться мастер, все места пивные были стоячие и вонючие. Холод, трамваи один за другим поворачивают, забор жестяной, очередь из полуалкашей каких-то рабочих. Однокурсники с кружками мерзнут. Надо было шутить еще всё время, вот что.

ОЛЯ. А к еде я стараюсь не слишком серьезно относиться. Здесь вариантов у меня немного, ну, я стараюсь не увлекаться выбором. Это есть, и ладно. Завтра, может, возьму другого чего, а возьму вдруг это же, и то хорошо. Сладострастие штука прилипчивая, только и будешь об этом думать.

МИША. У Катеньки моей волосы очень черные, длины примерно досюда. Кожа при этом белая. Белая. Это для тех, кто понимает. Не сиреневатая, не красноватая, не в рябушку, белая. Она голая ходит по квартире без проблем, не то, чтобы красуется, а ей всё равно, ей нечего прятать, сутулиться, прикрываться, выключать свет. Она как будто животное. Я вроде заражаюсь от неё таким отношением, но иной раз как увидишь себя, ноги свои.

ВАЛERA. Когда смотришь на человека, то думаешь почти всегда: господи, какой же ты убогий. Некрасивый. Кожа эта вся, выражение лица, запах. Почему ты так плохо одеваешься? Редко иначе бывает. Даже если девушка молодая, тоже думаешь: почему ты такая дура? Видно ведь все сразу, что человек о себе думает, на что рассчитывает. У меня мысль на них такая обычно: я бы тебя отодрал бы, да, но молча, и ни на что больше даже не рассчитывай.

МИША. Она царапается. Не то чтобы именно в постели, а просто так. Возьмется мне массаж делать, вдруг как деранёт. Захотелось. Я всё боюсь, Ленка как-нибудь увидит.

ЛЕНА. Мы были однажды с детским садиком на море, и там у нас с собой были трусы, чтобы в одних купаться, а другие потом переодеть сухие. Трусы были все именные, мне мама имя написала поверх цветочков марганцем чудесными буквами. И вот однажды воспитатели забыли взять вторые трусы наши на пляж и погнали нас в воду без трусов, голиком. То есть, чтобы трусы единственные наши не намокли. И вот это был мой ужас: при всех снять трусы. Это был шок. Мне это потом снилось несколько раз, а теперь я просто помню.

ОЛЯ. Я читаю книги. Новых я не покупаю, дорого, читаю, что есть. При этом оказалось, что у меня скопилось довольно много книг, откуда непонятно. Из них я многие просто не открывала никогда. Мне это даже нравится, что я не ищущего-то, а беру, что есть. Будто кто подбирает мне чтение, а я должна понять, к чему. Сейчас я читаю очень интересную документальную книгу об освоении дикого запада. Туда сначала люди ехали жить, начинать новую жизнь, а потом там нашли золото. Много имен и исторических сведений, кто как вел себя, тут же часто написано, что с ними было дальше в их жизни.

ВАЛERA. Я книги тоже люблю, я, бывает, даже куплю в магазине, но я не могу ни одну дочитать. Когда книгу начинаешь читать, она кажется такой ясной, автор пишет: так и так, ты говоришь: да. Он дальше пишет: я научу вас, как быть, как добиваться, как прощать, как не болеть. Ты говоришь: да, да, я очень хочу этого, я для того и купил. После этого написано «глава вторая», и я уже сплю. Почему книги никогда не могут продолжиться так же, как начались?

МИША. Мне постоянно жаль, что этого никто не видит, как она со мной разговаривает, смеется, ласкается, читает мне вслух из журналов про мужчин и женщин интересные сведения, готовит, удивляется чему-то, переживает из-за ерунды, спешит к телефону, ложится, вертится, спит со мной, не знаю как это сказать последнее. Это как кино, красота нереальная, но никто не видит. Вижу только я, но я не радуюсь, а думаю: хорошо бы кто-то увидел.

ЛЕНА. Бутерброд с повидлом в школьном буфете стоил четыре копейки. Жареные пирожки с повидлом стоили тоже четыре копейки, но это уже рядом с базаром. Они были такие горячие, что плавился пакетик, повидла в них было то мало, то много, об него можно было обжечь язык, оно выдавливалось и капало на форму, на фартук с кружевами. Или вместо пакетика давали по обрывку бумажной ленты на каждый пирожок, бумажки эти сразу становились жирные, невыносимые, я всегда боялась, что они тоже попадут в рот. Я не помню этого, но представляю, что в мае, в конце мая мы идем с Никой и Аллочкой от базара с пирожками, на каждую по два, погода, всё такое, листики, солнышко, пальцы в жиру безнадежно, кто-то смотрит на нас, четверть кончается, кто-то смотрит на меня, на меня.

ОЛЯ. Мне шестьдесят. Моей дочери тридцать. Моему внуку три.

ВАЛЕРА. Когда сидишь, то попа отдавливаются в стороны, если бы мы были все голые, это было бы некрасиво.

МИША. Я никогда не обсуждаю с ней наших отношений, что с нами будет и так далее. Она мне мало рассказывает о том, что с ней происходит, и чем она занята. Друзей её я вообще не знаю. И, когда я прихожу, сразу получается так, что я давно тут был и не должен буду уходить во столько-то. Вроде я навсегда, а не на время.

ВАЛЕРА. Я часто смотрю на людей и думаю: а что, если бы они все были голые? Шли бы, сидели, прислонялись, несли тяжёлое, обнимались, наклонялись поднять что-то. Ехали в транспорте. Танцевали быстрые танцы.

ОЛЯ. Моя дочь живет в другом городе, имеет свою семью. Последний раз я видела её давно. У неё своя жизнь. Родители мужа помогают им с ребенком, они хорошие люди.

ЛЕНА. Парты в младших классах красили каждое лето, от этого на них было столько краски, что они казались мягкими. Если надавить на них полутьм пальцем, то краска начинала морщиться в сторону, получался как бы отпечаток. Зачем-то я всё это помню?

МИША. Что касательно голых, то мне иногда снятся такие сны, вроде я забыл одеть брюки. Я уже далеко от дома это обнаруживаю, начинаю возвращаться и на лице своем держу задумчивое выражение. Стараюсь не бежать.

ОЛЯ. Валера, не бросай меня.

ЛЕНА. А в старших классах были железные тяжеленные стулья с зацепками на ножках, колготки рвали на раз. Колготки стоили денег, хорошие вообще были редкость, мне их потом мама зашивала и ругалась. Я старалась помнить и держала ноги впереди аккуратно, только одно, другое, уже забыла, всё, переживаний-то масса была по разным поводам.

ВАЛERA. Если бы я имел возможность безнаказанно убивать людей, я, возможно, убивал бы по нескольку в день. Знакомых бы у меня уже было мало.

ОЛЯ. Мне кажется, у меня в шестьдесят так всё и будет, как я нафантазировала. Если я доживу, конечно.

МИША. У меня на руках стало больше волос, чем раньше. Даже вот здесь уже. На груди, на животе. На ушах растут активно. На спине, наверное, тоже, только я не вижу. Раньше я понимал: я расту, взрослею, мужаю. А теперь что происходит?

ВАЛERA. А уничтожение нищих я вообще возвел бы в систему. Разметил бы на карте зоны скопления и с определенной периодичностью совершал бы обходы в свободное время.

ЛЕНА. Из окна одной аудитории в институте было видно над крышами колесо обозрения. Аудитория была длинная и узкая, с последних парт доску плохо было видно, преподавателя тоже. Ребята вырезали бумажного человечка, если его растянуть, у него член показывался, очень все радовались.

МИША. Если присмотреться к тому, чего касается наша рука, можно заметить, что это всё не мы, не имеет к нам отношения. Случайно, непонятно. Дано вслепую и будет отобрано без предупреждения. Вот моя рука, вот её грудь, они несовместимы.

ЛЕНА. Я однажды намазалась кремом для искусственного загара, были обстоятельства. Но намазалась в спешке неаккуратно и стала полосоми, и ничего не сделаешь.

ОЛЯ. Валера, не бросай меня.

МИША. Бывают такие окна в старых домах в центре, что вечером, когда горит свет

ВАЛERA. Одна говорила мне, что, если мужик мажется кремом кроме после бритья, он уже не мужик.

МИША. когда горит свет, эти окна кажутся своими. Там мой настоящий дом.

ЛЕНА. Когда я решилась, наконец, дать одному мальчику из моей группы

ВАЛERA. В принципе, я думаю, можно и после бритья не мазаться, а обтереться водкой, самый мужской запах.

МИША. А то место, куда я сейчас как бы иду, оно непонятно, ненужно мне, надо просто зайти в подъезд и найти дверь в эту квартиру.

ЛЕНА. ну, чтобы прекратить уже это нелепое свое состояние, я его позвала к себе домой.

ОЛЯ. Вот мой рисунок, на нем изображена моя беременность.

ЛЕНА. Он мне был, в общем, даже симпатичен.

МИША. Разных женщин хочется совершенно по-разному.

ВАЛERA. На твой счет у меня были очень конкретные мысли по этому поводу.

ЛЕНА. Я почувствовала.

ОЛЯ. Я не стара и не страшна, но не нужна никому.

ВАЛERA. Надо, в конце концов, научиться жить, а не думать о жизни.

ОЛЯ. Что же будет тогда в шестьдесят, и вправду?

МИША. Одну, например, нежно

ВАЛERA. Надо остановиться

ЛЕНА. Так вот

ОЛЯ. У меня

ВАЛERA. невозможно откладывать

МИША. другую только сзади

ОЛЯ. есть фантазия

ЛЕНА. целуемся с мальчиком, всё такое

МИША. третью изысканно и холодно

ВАЛERA. пора

ЛЕНА. он

ОЛЯ. я

ВАЛERA. понять

ОЛЯ. сплю

МИША. еще

ЛЕНА. лезет

ВАЛERA. хоть что-нибудь

ЛЕНА. под блузку

ОЛЯ. одна

ВАЛERA. неважно

МИША. одну

ОЛЯ. и мне

ВАЛERA. правильно

ЛЕНА. я

МИША. под музыку.

ЛЕНА. молчу.

ВАЛERA. или неправильно

ОЛЯ. стало плохо.

ВАЛERA. но уже решить так и жить.

ЛЕНА. Сползли как-то на пол, тут я ему говорю такую фразу: «Лена — девочка». Он не сразу даже понял.

ОЛЯ. Я в скорую позвонила, они приехали, а я до двери не смогла дойти, а у меня железная.

МИША. А иногда просто хочется подружиться, но это уже непонятно никому.

ВАЛERA. И про всё уже знать как что.

ЛЕНА. Ничего так и не вышло.

Пауза.

МИША. Всё?

Пауза.

ЛЕНА. Ещё обязательно надо сказать следующее: в детстве у меня был друг, и однажды мы нашли гнездо ос, но мы не знали, что это за странный мячик подвешен, и ткнули в него палкой, и из него вылетели осы за нами, а мы побежали. И, в то время пока я бежала, я посмотрела в сторону и увидела, что мой друг стремится сквозь воздух, но не движется, а за ним стоят в воздухе осы, десять или двадцать. Это всё.

ВАЛERA. А чего так робко?

ЛЕНА. Пусть кто-нибудь.

ОЛЯ. Это всё.

МИША. Тогда что, уходим, что ли?

ОЛЯ. Да.

УХОДЯТ.

**Татьяна
Москвина**

Родилась 2 ноября 1958 года в Ленинграде.
Живет в Санкт-Петербурге.

Окончила театроведческий факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии и аспирантуру ЛГИТМиК. Театровед, театральный и кинокритик, журналист. Печаталась в журналах «Искусство кино», «Театр», газетах «Известия», «Московские новости» и других периодических изданиях — всего более 200 публикаций
Лауреат премии «Золотое перо Санкт-Петербурга» за 2000 и 2003 г.

На конкурс представила пьесу «Па-де-де» (специальные призы телеканала «Культура», журнала «Современная драматургия» и фабрики «Красный Октябрь»).

Па-де-де

три маленькие пьесы для добродушного театра

ПА-ДЕ-ДЕ №1 РАЗВОД ПО-ПЕТЕРБУРЖСКИ

Действующие лица:

Люся Варухина.

Саша Лямчик, её давний друг.

Действие происходит весной, когда в Санкт-Петербурге по ночам разводят мосты.

Квартира Люси Варухиной. В её комнате прибрано, и на столе — приметы ожидания гостей: закуска, бутылочка. Люся Варухина, энергичная женщина средних лет, нервно ходит по комнате и нещадно дымит.

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ (*истошно*). Люся!

ЛЮСЯ (*подходя к двери*). Что, мама? Что ещё?

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Костя опять ест! Весь рассольник съел!

ЛЮСЯ. Мама, я вас прошу, дайте мне покой. Я человека жду, понимаете?

Ложитесь спать, мама, пусть Костя ест сколько влезет. В конце концов, это мой муж.

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Муж! Не было мужа и это не муж.

ЛЮСЯ. Начинается, Господи ты боже мой...

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Люююся!

ЛЮСЯ. Что, мама?

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. У Кати завтра физкультура! Ты форму ей положила?

ЛЮСЯ. Утром положу, мама, утром.

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Ну, конечно. Как на охоту идти — так и собак кормить.

ЛЮСЯ. Мама, иди спать.

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Да, с вами уснешь. Вечным сном.

Звонок в дверь. Люся бросается и приводит Сашу Лямчика, понурого мужчину в джинсовом костюме не первой молодости и свежести — что в равной мере относится и к костюму, и к мужчине.

ЛЮСЯ. Сашенька, милый (*целует его*), давай, тут раздевайся, а то у меня сам знаешь — всё заминировано. Мать орет весь вечер.

Саша покорно и на редкость печально снимает ботинки.

ЛЮСЯ. Я уж тебя жду, жду, на нервах вся... Вот, возьми мои тапочки.

Саша надевает маленькие, совсем не подходящие ему по размеру шлепанцы.

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Люююся!

ЛЮСЯ. Мама, хватит!

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Ну что, Лямчик развёлся?

ЛЮСЯ. Уйди, сорока-ворона! Телевизор отберу!

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Руки короткие!

ЛЮСЯ. Мама!

Саша садится к столу и кивает головой, будто с чем-то соглашаясь.

ЛЮСЯ. Ну, золотой мой, сейчас выпьем, давай... (*быстро и ловко разливают*)... всё, всё, понесли (*после естественной паузы*)... Ну, что?

Бери, бери, холодец, оливье, давай, кушай... Ну, что?

САША. Развелись.

Люся горестно вскрикивает.

САША. Днем. В три часа.

ЛЮСЯ. А где же ты ходил с трех часов?

САША. Так.

ЛЮСЯ. А она — что?

САША. Что — она? Чертова кукла. Улыбается. Я, говорит, на вас, Александр Сергеевич, зла не держу. Расстанемся друзьями. Я, знаешь, Люся, смокинг взял напрокат и машину... «вольво». Подъехал к суду

к этому, солнце светит, капает отовсюду... и она стоит, ручкой мне машет... Я белый шарф через плечо перекинул, шарф тоже взаимы взял — говорю, мне на выступление ехать, извини, что вырядился... а она говорит... а я думала, ты нарочно к разводу приоделся. Догадалась, тварь...

ЛЮСЯ. И вот ты сам виноват. Нечего было на москвичке жениться. Им только деньги нужны, больше ничего. У них там с детства счётчик в голове, и всё такое... А ты что — нищий музыкант, что с тебя взять. Я тебе как друг скажу — самый это дурной брак у тебя был, из всех пяти, что я знаю — вот глупей не придумаешь. На москвичке жениться! И всё хорошо, Саша, что хорошо кончается. Ты только кушай — холодец, оливье... рыбочка вот, видишь рыбочку? Я сама солила.

САША. Александр Лямчик — музыкант, импотент и пьяница — сегодня похоронил свой шестой брак.

ЛЮСЯ. Ура! *(перехватив мрачный взгляд Саши, осеклась)*. Давай, не чочась...

САША. Скоро буду в переходе играть...

ЛЮСЯ. Где?

САША. В переходе метро. Шапочку положу, и начну лабать — «Как упоительны в России вечера...» Отовсюду выгонят, и начну. «Две гитары за стеной жалобно завывали... Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка, с голубыми ты глазами — моя ду-шеч-ка!» Граждане, не побрезгуйте, дайте бывшему гитаристу на хлеб и водку!

ЛЮСЯ. Саша, ты это брось. Тебя всюду зовут, всюду любят, ты и в театре играешь, и в кафе приличном играешь, и детей учишь... И я тебе скажу — ты ещё найдешь свою дорогу. Светлый путь, да! Найдешь. И песни твои, которые ты сколько лет сочиняешь, все они пробьются. И пьешь ты не лучше других. Вполне прилично пьешь, то есть я хочу сказать — пьешь в границах. А про импотента, уж извини — это всё от бабы зависит. Я понимаю, как она тебя закомплексовала, гадюка!

САША. Ох, Люся моя дуся, что ты за человек, нет, ты не человек — андел. Ты андел, а она, вот именно что гадюка — тощая, злющая... красивая... Взял девочку — на работу пристроил, карьеру ей сделал, а она пела-пела, попой вертела-вертела, и довертелась. Лямчик ей ни к чему, Лямчик — пройденный этап. Мусор. Био-отходы. Эльвира отбывает в столицу! У Эльвиры большие планы на жизнь. Песни мои записала на кассету — в Москве, небось, будет раскручивать.

ЛЮСЯ. А это и ничего. Пусть. Ты прославишься, денежки покапают.

САША. Что-о? Да-а! Как бы ни так! От Эльвиры моей покапают! Ага! Всё сама заберет, а если стану рыпаться — ещё и прирежет!

ЛЮСЯ. Господи, как же ты с такой жил... Да ты перекрестись обеими руками, что от нее избавился.

САША. Так и жил. Любил... Знаешь, как говорится — ночная кукушка дневную перекукует.... Она, ну, давала жару, да...

ЛЮСЯ. Не знаю, чего там куковать. Тощая, чернявая, вся как лещ — из костей... Вкус у тебя, Саша, так себе — на баб, я имею в виду. Такой ты мяклый, добрый, как бублик — а тянет тебя на подлючих баб. Что Ленка твоя — прости господи, что Верушка-поблядушка... Одна Маринка была человеком, так ты же её и бросил ради этой Эльвиры. Вот у тебя и песни такие грустные потому. Пришла-ушла, любила — забыла. Тра-ла-ла... где же весна.

САША. Чего ты дразнишься? Когда это я пел «ушла-пришла»? Ты считаешь, я что — Игорь Николаев? Полная бездарность, да? Ты так считаешь? *(встает, нелепо ходит в шлепанцах)* Так и скажи, правду скажи, что я Игорь Николаев, помойное ведро и мыльный пузырь! А то всё по-другу дорожную из себя строишь!

ЛЮСЯ. Ты сдурел совсем? Ладно, я понимаю, день такой... Садись, что скажешь как... страус. Сам знаешь, что глупость сказал. Прекрасно знаешь, кто с тобой двадцать лет носился. И кто в долг давал. И концерты кто устраивал, когда вся ваша «шизгара» была в подполье. И кто в больницу к тебе три месяца ходил, когда ты пьяный разбился. Я ходила, я давала, я устраивала.

САША. Ты, Люся, ты... я ничего, я так. Только, знаешь, насчет вкуса — я тоже могу сказать... Тоже, знаешь, муж твой... странный человек. Мне совсем не нравится. Такой высокомерный, и бормочет, бормочет, не разбери чего. И такой урод! Не знаю, как ты с ним... Нет, Катя чудесная девочка, но Костя твой — извини. Извини. Не представляю даже — как это ты, живая, веселая и с таким чудищем, извини...

ЛЮСЯ. Костя — мой муж. Точка. Больше мы с тобой ничего обсуждать не будем. Это судьба. Моя судьба. Моя семья.

САША. Я понимаю и замолкаю. Очень торжественно. «Моя судьба». Да какая там судьба, Люсь? Повесила камень себе на шею и таскаешь. Работаешь, тянешь воз, кормишь этого уroda. Он уже лет десять ничего не делает, вообще ничего. Гнала бы ты его, а? пока не поздно. Сейчас ещё могла бы найти кого-нибудь. Я удивляюсь, вот люди как сладко устраиваются — садятся другим на шею и ножки врозь. А ты знай своё — «мой муж и точка».

ЛЮСЯ. Костя — отец моей дочери.

САША. Люсь, ну хватит, а. И ты знаешь, и я знаю, какой он отец. Душить таких отцов надо ещё в колыбели. Помню, явление Христа народу — как он на твоём дне рождения вышел в грязном халате, тапки на

босу ногу, вообще антисанитария! обвел всех взглядом, хмыкнул как Мефистофель — и скрылся в пещере. Что он там делает годами в своей комнатенке? Спит, что ли?

ЛЮСЯ. Костя — талантливый человек. Он пишет.

САША. Что он пишет? Кто это видел? Нет, он рехнулся, давно, его лечить надо.

Люся внезапно начинает рыдать.

САША. Люся, ради бога! Люшенька, прости!

Люся рыдает в голос, басом.

САША (*плещет ей в лицо минеральной водой*). Люська, отбой! Всё! Всё, я сказал! Сегодня я должен реветь, а потом твоя очередь!

ЛЮСЯ. Сейчас, Саша. Сейчас. Сашенька, если бы ты знал, как я живу! Как я живу! Что это за жизнь! За что такая жизнь! Саш, ведь я... по женской части никогда не была счастлива. Ведь мы с Костей... вот когда Катю зачинали... вот это последний раз у нас и было...

САША (*пораженный громом*). Пятнадцать лет назад?!!

ЛЮСЯ. Мне с ним сразу... как-то не очень... а потом всё хуже и хуже. А он такого высокого мнения о себе, ему ничего нельзя сказать... а потом он как-то одичал, реформы его совсем подкосили в смысле психики. Из школы он давно уволился, потому что ученики очень жаловались, что совсем непонятно, и что учитель заговаривается, а предмет важный — история всё-таки... он тогда решил книгу писать и вот засел в своей конуре и не выходит почти. Ест по ночам. Мама ругается. Катя плачет, ей стыдно... Я работаю на износ. Саша, ведь я сберегла свой домик, свой уголок, свой маленький дом культуры имени когда-то Якова Свердлова, а теперь — дом культуры «Светлячок», и в аренду сдаю всего двести метров, и все кружки сохранила! У меня триста ребятишек учится! Я и в мэрию, я и к спонсорам, я и в газеты, и вот — крутится, вертится, кипит мое дело. Я на работе человек. Прихожу домой — я никто, ничто и звать никак.

САША. Люшенька, ты что — пятнадцать лет... без никого?

ЛЮСЯ. Нет, было десять лет назад, но там получилось грустно, и пять лет назад, недолго, один месяц, когда в отпуске была.

САША. Я не знал. Я думал, ты такая... бойкая, столько знакомых... Людмила Варухина, дом культуры «Светлячок»! Полгорода тебя знает.

ЛЮСЯ. Толку-то что? Ой, Саша, я не умею... не знаю, как, что... боюсь. Всего боюсь. И потом — я некрасивая.

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Лююся! Костя ест тушеную капусту! Всё съедено! Я завтра уезжаю!

Люся опять начинает рыдать.

САША. Люська, не смей. *(В сторону голоса)*. Алевтина Игоревна! У нас разговор серьёзный! Пусть Костя кушает!

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. А ты развеялся?

САША. Сегодня развеялся. *(Трясет и гладит Люсю, чтоб она успокоилась)*.

ГОЛОС *(удовлетворённо)*. А я что тебе говорила?

САША. Вы молодец, Алевтина Игоревна. Вы мой домашний Нострадамус!

ГОЛОС. Да уж настрадалась, настрадалась... Смотри, Лямчик, скоро двенадцать — не опоздай на мосты. Мосты в два разводят!

САША. Спасибо! Я в курсе!

ЛЮСЯ. Это каждый день крики. Каждый день!

САША. Люсь, давай выпьем. У меня тоже с собой припасено... давай. *(хлопочет)*. За нашу и вашу свободу!

ЛЮСЯ. Ты кушай... холодец, рыбочку... Ты ничего не кушаешь!

САША. Я кушаю. И ты кушай.

ЛЮСЯ. Куда мне кушать. Разъелась от нервов, как индейка.

САША. Нет, ты очень похудела в последнее время. И похорошела.

ЛЮСЯ. Я? Да я уже и на женщину стала не похожа. Хожу как солдат, говорю басом. Платья как-то криво сидят... А люди меня уважают — как настоящего солдата, который не подведет в бою. Господи, как я умела любить! Как хотела любить! Почему ты не дал мне любви! *(топает ногой)* Хочу любви! Хочу быть возлюбленной!

САША *(несколько испуганно)*. Ну, и будет. Всё будет. Ты потерпи.

ЛЮСЯ. Что будет? Ничего не будет. Ладно, ты меня прости, что я так тебя грузу.

САША. Я твой друг. Грузи меня, грузи! А на что нужны ещё друзья!

ЛЮСЯ. Хотела тебя поддержать, а сама расклеилась.

САША. А, бывает. Нормально, хорошо...

ЛЮСЯ. Я ремонт сделаю в «Светлячке», у себя не сделаю, а для людей сделаю... Спортивный зал открою. Клянусь, открою! Если бы я сейчас умерла! Если бы умерла! Сколько бы людей за моим гробом шло! А эти... правильно говорил Иисус Христос: и враги человеку — кто? Домашние его. Притаились, жабы... молчат... Споём тихонечко? *(запевает)*. Льет ли теплый дождь, падает ли снег...

САША. Я в подъезде возле дома твоего стою...

ЛЮСЯ. Жду что ты придешь...

САША. А быть может — нет...

ЛЮСЯ И САША. Стоит мне тебя увидеть — 0-0! — как я счастлив...

Самозабвенно исполняют сию бессмертную песенку. Допели и смеются.

САША. Люська, какая жалость, что я на тебе не женился!

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Концерт окончен!

ЛЮСЯ. Женился на мне — ты? Да ты никогда и не смотрел на меня... так.

САША. Исключительно по глупости. И потом — ты меня никак не поощряла. Мужчин надо провоцировать, заманивать в сети. А ты всё училась, училась, всё такая сурьёзная была. А я — человек несерьёзный. Музыкант, блям-блям, дурачок. Вот и просвистел я свою жизнь, Люсенька — ни жены, ни детей, живопырка однокомнатная у черта на рогах и — сколько поработаю, столько и поем. Пока не свалился. А ведь могу и свалиться, и что тогда? А тогда одна надежда — верный друг, боевой товарищ Люська и в больничку ко мне придет, и похоронит, если надо, и оградку сделает... Так, значит, ты и есть моя настоящая жена, понимаешь? А всё остальное было — наваждение, мираж, колебание воздуха! Шесть жён, а! Не считая прочих заблуждений... Последнюю мою сучку загс проштамповал уже в графу «дети» — больше в паспорте места не было! Понимаешь, Люся — мужчина обязан управлять своим... вот этим местом. Не буду называть, из уважения к дому культуры «Светлячок», каким, но ты понимаешь. А у меня получилось, что не я его, а он меня вёл. И всё не туда. Надо было стараться, пробиваться, заявлять о себе — а я бутылочку в зубы, женушку очередную на колени — и пошло-поехало, и плевать, и вейся, веревочка! «Ой вы, кони, залетные, слышен смех с облучка! Гимназистки румяные! От мороза чуть пьяные! Грациозно сбивают! Рыхлый снег с каблучка...»

ЛЮСЯ. Ты — чистый, легкий человек... Ты мне всегда нравился, Саш, но ты же пришел после армии к нам, в институт культуры, на третий курс, и женат был — второй раз. Уже тогда! Как тебе удалось в двадцать один год — второй раз! Саша, ты — ходок. Это навсегда, это не пройдет. Так что я сразу тебя — ну, отмела в уме... Ты рыбочку совсем не кушал...

САША. Ты сама — моя рыбочка. Ры-боч-ка! Выпьем. Я — твой верный рыб. Нам нужна родная стихия — и вот она, прозрачна и бледна! лейся, песня, на просторе! Не горюй, не плачь, женаа! (*обнимает Люсю*). Какая ты... горячая...

ЛЮСЯ. Саша...

САША. А мосты развели. Развелись наши мосты... Помнишь песенку...

ЛЮСЯ. Помню.

САША. Споём?

САША и ЛЮСЯ (*поют*).

Лишь стоит далёким звездам
В небе ночном засветиться,
Одна половинка моста
Шепчет — давай разводиться...

Ах, мосты, мосты, мосты,
Людям служите привычно,
Но никто не знает вашей жизни личной!
Вздохнули вдвоём упруго
Над пробегающей льдиной
И вот уже друг от друга
Прочь разошлись половины....
Ах, мосты, мосты, мосты,
Людям служите привычно,
Но никто не знает вашей жизни личной!
Но стали такси и люди
У переправы толпится.
Вздохнули мосты: ну, будет.
Видно, придется сходиться...
Ах, мосты, мосты, мосты,
Людям служите привычно,
Но никто не знает вашей жизни личной!

(стихи Владимира Москвина)

ЛЮСЯ. Какие у тебя были чудесные песенки... И будут, и будут, тебе ещё до пятидесяти — ого-го! А сколько сделано...

САША. Ничего, моя Люсечка, не сделано... а черт с ним... *(целует Люсю в шею)*. а что тут у нас? Тут норка? Там живет ежик? Да?

ЛЮСЯ. Ой..

САША. Я никуда не ухожу... Мосты развели, я развелся, я теперь свободный человек...

ЛЮСЯ. Ой...

САША. Люся, ты — прекрасная женщина, ты — печка, ты — яблоня... Ты мой душистый стог сена... Я хочу зарыться в тебя... Люся...
Свет милосердно гаснет.

Рассвет. Люся и Саша спят. Люся вдруг резко садится на кровати.

ЛЮСЯ. Что? Сколько времени... *(взгляд её падает на спящего Сашу)*. ААА! *(Люся зажимает себе рот рукой и вспоминает происшедшее ночью)*. Мама дорогая! Ооо. Что теперь делать. Шесть часов. Через час все встают. Я пропала. Какого черта! Двадцать лет дружили и на тебе. Ооо. Стыд какой. Сашка, Сашка, вставай, давай, просыпайся, аврал...

САША *(просыпается и смотрит на Люсю без выражения лица. Потом удивляется)*. Люся? Люся? *(оглядывает обстановку)* Люся... Люся... О! Люся! Люся! Люся!

ЛЮСЯ. Тихо. Что люся, люся, разлюсился.

САША *(укоризненно)*. Люся... Какая ночь!

ЛЮСЯ. Только молчи! Господи. Стыд какой. Друг называется. Двадцать лет дружили — и вот. Ну, как это называется?

САША. Секс.

ЛЮСЯ. Молчи! Кругом враги. Надо тебя вывести по-тихому.

САША. А завтрак? Кофе, круассаны... Поцелуй на дорожку... Люсь, что за дела... Мы не дети..

ЛЮСЯ. Там — мать. Там дочь. Там муж. Понимаешь? А тут — ты. Это кошмар.

САША. Это не кошмар. Это... дружеский визит. Кошмар — это пятнадцать лет без мужчины.

ЛЮСЯ. Ой, без мужчины! Не было мужчины и ты не мужчина.

САША. Не согласен.

ЛЮСЯ. Нет, в этом смысле всё было в порядке. Но есть другие смыслы.

САША (*пытаясь обнять Люсю*). А ну их, все эти смыслы...

ЛЮСЯ. Отлипни. Одевайся, быстро.

Саша обиженный одевается.

САША. Все гонят, все клянут... мучителей толпа... Носок один. Второго нет.

ЛЮСЯ. Ну, я не знаю, ищи.

САША. Нету носка.

ЛЮСЯ. Так пойдешь.

САША. Я не могу без носка. Нога замерзнет.

ЛЮСЯ. Тогда ищи!

САША. Нету!

ЛЮСЯ. Какого черта... Вон твой носок — на шкафу висит.

САША. Как он туда попал?

ЛЮСЯ. Так ты раздевался... в экстазе...

Саша и Люся захихикали.

ЛЮСЯ. Не стыдно — напоил девушку, пристал...

САША. А если у меня страсть запылала?

ЛЮСЯ. Знаю я, что у тебя запылало... Оно от огненной воды у тебя очень пылает.

САША. Не согласен. Я тобой увлекся. Поманило меня!

ЛЮСЯ. Я уже трезвая, так что не вкручивай. Давай уговор, как друзья: головой тряхнули и забыли. Совсем. Навсегда. Хорошо?

САША. Жалко...

ЛЮСЯ. Пошли, я тебя выведу... партизанскими тропами...

САША. Люсь, дай щечку...

ЛЮСЯ. В другой раз.

САША. Суровая ты... Поехал, на свою холостяцкую квартиру. А там пусто и голодно.. Может, зайдешь? Споем...

ЛЮСЯ. Когда мне по холостяцким квартиркам ходить? Я сутками на работе.

САША. А то — заходи...

ЛЮСЯ (*подумав*). Нет. (*ещё подумав*). Нет, всё-таки нет. Не надо этого, Саша...

САША. Как скажешь, дорогая... (*Задумчиво, в зрительный зал*). Вот ведь эти мосты, а? Каждый раз попадаю в историю... Идти некуда, ложишься, где бог постлал — и пожалуйста...

ЛЮСЯ (*Задумчиво, в зрительный зал*). Ладно, бывает... Только мечтать не надо. Десять лет назад тоже, помню, мосты развели, остался у меня один — а потом все глаза проплакала... Ох, уж эти мосты... (*Саша и Люся уходят*).

ГОЛОС ИЗ-ЗА СТЕНЫ. Будет покой старому человеку? Будет или нет, я вас спрашиваю?!.. А Костя твой и чай весь ночью выпил — грел, грел чайник, шаркал по кухне как таракан... Физкультуру Кате не забудь положить, мамаша! Побежала, на кривых ногах! А толку что с него, с козла разведённого... Говорила, предупреждала — мосты в два разводят, нет, сидят, ля-ля-ля, тополя, за двадцать лет не наговорились, водки не напились, тоже парочка, гусь и гагарочка... Вот помру — каждый день меня будешь вспоминать, Людмила, вот попомни мое слово...

конец первого па-де-де

ПА-ДЕ-ДЕ №2 СПИСОК ШИЛКИНЫХ

Действующие лица:

Борис Шилкин.

Эва Шилкина, урожденная Эва Шепальска, его жена.

Действие происходит в загородном доме Шилкиных, зимой, в наши дни.

Зала в доме Шилкиных. Борис Петрович Шилкин, солидный, строгий мужчина, в дорогом спортивном костюме и меховых тапочках, пьет чай и читает газету.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Генделевич зашатался, определённо зашатался. Зря Пауковский делает вид, что ничего не происходит. Это может повредить... Придётся ехать в министерство на той неделе. Следует напоминать о себе, но не следует суетиться. Генделевич суетился — и что выиграл? Только новых врагов.

Входит Эва Шилкина, привлекательная женщина, немного ленивая и манерная в движениях. Она полька, и говорит с легким акцентом.

ЭВА. Боричек, ты завтракал?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Да, милая, не стал тебя будить. Что-то мне зябко, барахлит котел, что ли? Скажи, чтоб посмотрели.

ЭВА. Так воскресенье, Боричек, Ольга Николаевна только завтра придёт. Как я много спала... Ох, эта ваша полярная зима! Я так и не привыкла за пятнадцать лет...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Можно подумать, ты из Эфиопии приехала. Или в Польше и зима лучше?

ЭВА. Лучше... она такая мягкая, ласковая...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Умора вся эта провинциальная Европа. Я вот понимаю, на России можно умом тронуться. Есть от чего. Или там — Америка. Даже Китай. А то — под микроскопом страну не разглядеть, а гонору, а сомнения!

ЭВА. Как это говорится — мал золотник, да дорог. Велика фигура, да дура.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. И кто это — дура? Страна, в которой ты благоденствуешь — дура?

ЭВА. Не мучай меня с утра. Я сказала просто так. Я не хочу спорить, милый. Слушай, этот новый крем, по-моему, дивный... Смотри, как кожа разгладилась?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Смотри у меня — чтоб без русофобии в моём доме... Ты машину помыла?

ЭВА. Завтра помою...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Грязнуля... И сережку потеряла мою... знал бы — не дарил... Вот что ты за женщина?

ЭВА. Да, женщина, а ты как думаешь?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Я с тобой разучился думать... Знаешь, кажется Генделевич зашатался.

ЭВА. Разве твоего департамента это касается?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Впрямую не касается, но есть косвенные обстоятельства. Некоторые гарантии, некоторые договорённости могут повиснуть в воздухе. Хорошего мало... Устал я от кадровой чехарды. Ничего прочного. Хоть бы годик без тревоги пожить, чтоб все сидели на своих местах... без мельтешни без этой. Опять в министерство ехать...

ЭВА. Когда?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. На вторник поеду. В понедельник они там все как собаки некормленные.

ЭВА. Боричек, ты сегодня хотел список составить, на юбилей. Надо уже определиться...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Хорошо, давай сейчас и напишем. Бери бумажку, пиши.

ЭВА. Вот... Значит, двадцать первого января...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Это какой день недели?

ЭВА. Четверг.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ну, что ты. Какой четверг. Конечно, банкет в субботу, двадцать третьего, значит. Закажем зал в «Русской рыбе» — там прилично кормят. Гостей — человек пятьдесят. Это хорошо: пятьдесят на пятьдесят, на каждый мой год по гостю.

ЭВА. Итак, я пишу: номер один — Борис Петрович Шилкин. Номер два — Эва Шилкина, урождённая Шепальска.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ещё скажи: графиня Шепальска... У вас же там в Польше через одного — графы.

ЭВА. Через одного — графы, да, это ужасно. Куда лучше, когда через одного — алкоголики. Я шучу, не сердись, Боричек...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Так, два человека есть.

ЭВА. Номер три — мама?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Зачем мама? Она больная старушка, куда её тащить? Она и заговариваться стала, после инсульта. Нет, с мамой как-нибудь отдельно... Юбилей — это социальное мероприятие, деловое, вообще-то.

ЭВА. Тогда номер три — твой сын Витек?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ты что? У него сессия будет в разгаре. Пусть сидит в Москве, к чему это его дергать? Учится он хреново, нечего ему расслабляться. Сдаст сессию, приедет, тогда и отпразднуем.

ЭВА. Мамы не будет, сына не будет, а брат твой, Павел?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Что-о? Павел? Ты что — забыла? Я с ним второй год не разговариваю. Тоже мне, учитель жизни, народный трибун! Учить меня вздумал, как мне жить. Я — ему враг, чиновник, крапивное семя, казнокрад. Он скоро мне джихад объявит, священную войну. Чтоб духу его не было на моём юбилее.

ЭВА. Надо было тогда одолжить ему, на ремонт, помнишь, он тогда и озлился... А человек он очень хороший, Боричек.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ну, не было у меня свободных денег, я сказал — через полгода одолжу... И вот знаешь, родственникам одалживать — хуже нет. Потом ни денег, ни родственников.

ЭВА. А Таню позовём?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Какую Таню?

ЭВА. Езус Мария, твою первую жену, маму Витека...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Что ещё за тени забытых предков? Я ее лет... лет пять в глаза не видел.

ЭВА. Но ты с ней двенадцать лет жил!

БОРИС ПЕТРОВИЧ (*искренне удивлен*). Ну и что?

ЭВА. Хорошее надгробное слово примерного мужа... Скоро ты и обо мне так скажешь: ну и что?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Я не понял — ты меня у Таньки отбила и хочешь её теперь на банкет пригласить? Похвастаться, что ли? Покрасоваться?

ЭВА. Нет, мне как раз было бы тяжело её видеть, и мне нечем хвастаться. Я просто думала, что на своё пятидесятилетие правильно звать родных, близких, тех, с кем прожил свою жизнь... Я бы так сделала. Но это твой банкет, я слушаю и повинуюсь. Кого мне писать дальше?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Так. Сам не приедет, мне он не по чину. Да он меня и не особо любит, ты знаешь. А вот Николай Сергеевич — это реально. Пиши: Ховрин с женой — хотя эта жена, Господи, дура, набитая опилками, ну, тут ничего не поделаешь. Жен мы брали пятнадцать-двадцать лет назад, и не всем так повезло, как мне.

ЭВА. Правда, Боричек, правда, с этим я согласна...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Потом: ну, верхушку департамента пиши всю. Кулько, Магазеев, Аюпов, Нигматуллин, Руммель, Эйделькинд, Четырская — Четырская одна, без мужа, — потом Петров и Карманников.

ЭВА. Ты же Петрова не переносишь...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Поэтому и зову.

ЭВА. Не понимаю... На свой день рождения — зачем звать неприятных людей?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. А что ты вообще понимаешь? Ты — асоциальный элемент. Живешь всю жизнь на моей шее как у Христа за пазухой.

ЭВА. Не такой уж я асоциальный элемент... Я пытаюсь... В этом году три книги перевела... Не слишком тут много работы для меня, Боричек...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Да я что, я доволен. Сиди дома, я согласен. Нужды нет никакой тебе работать, графиня Шепальска.

ЭВА. Олега Викторовича пишем?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Да, обязательно. Он меня, слава Богу, с того света вытащил. Гениальный врач, очень приличный человек, остроумный, и — завотделением, в его-то годы. Пишем обязательно.

ЭВА. Слава Богу, хоть одного приличного человека нашел. А ты никого не хочешь позвать из молодости, из университета или из лаборатории? Я помню, эта пара... Маша и Ваня... как они нам помогали, ключи от квартир и дач доставали, когда мы... ну, когда был наш маленький пожар? У вас же такая дружная была компания. Я хоть уже вас на закате застала, но помню — так весело было... Песни, танцы, КВН, капустники... Я тогда и Россию полюбила по-настоящему — за безумие, за бескорыстие, за этот... размах, да...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Разошлись мы все, Эва. Распались. Получилось, каждому — своё...

ЭВА. Не говори этих слов! Ты знаешь, что это за слова для Польши!..

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Прости... Да, жили мы неплохо, бедно, весело... я вспоминаю с удовольствием. Но, Эвочка, звать сейчас абсолютно некого. Нас разметало по полной программе. Уже и покойники есть, и эмигрантов полно, и алкашей безнадежных... Кое-кто в Москве, они вряд ли приедут... Бабы? Безмужних опасно приглашать — начнутся истерики, а которые замужем — я их мужей не знаю, может, совсем люмпены... Вот, можно Сергейчика позвать, он с пути сбился, в артисты пошел, мне говорили — он заслуженный, большие роли в театре играет, зашился... хотя эти зашитые — вот хуже нет в компании... Нет, Эва, тут глухо. Надо, знаешь вот, пиши, надо этого журналиста, из «Ленправды» позвать, который интервью у меня брал. Он такой юркий, хитрый — далеко пойдет. Фамилия, кажется, типа Казинец... или Калинец...

ЭВА. Какая «Ленправда», Боричек? Ты имеешь в виду газету «Санкт-Петербургские ведомости»?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Да не один хрен, что ли? Так-так. Ну, пиши: херр Хельмут Айнсдорф, с супругой.

ЭВА. Ты приглашаешь Айнсдорфа?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. А как же.

ЭВА. Странно как-то. Ничего ты не боишься. Насколько я понимаю, ты получил от Айнсдорфа...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Да, я получил от Айнсдорфа. И мы построили, наконец, бассейн, ты купила себе машину и, если я не ошибаюсь, кое-что ушло твоим польским родственникам, так что бывший краковский горком тоже порезвился на мой счёт. Эта сделка была выгодна всем: город получил прекрасное оборудование немецкого качества, херр Айнсдорф — контракт на пять лет, что для него полное спасение в условиях экономического спада в его Дойчланде, я взял своё вознаграждение. Где несчастные, обездоленные? Где вдовы и сироты? Кого я ограбил, а?

ЭВА. А если ты попадешься?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Нет. Не попадусь. Попадаются по глупости и по жадности, а я не глуп и не жаден. Никаких долбанных вилл в Испании, миллионных счетов в Швейцарии, никакого беспредела. Всё тихо, аккуратно, интеллигентно. Курочка по зёрнышку клюёт. Что это ты надулась, а?

ЭВА. Про моих родственников ты даже... никаких идей, что их тоже можно пригласить... они нас принимали, ласкали... На кооператив тогда — они нам одолжили, да! И мама так тебя любила, защищала — всегда...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Вот только мне сейчас не хватало краковского горкома партии! Графёв Шепальских! Деда твоего, ветерана Армии Людова

с партизанскими рассказами, папашу — урожденного марксиста и маму-романистку из несчастной жизни великого польского народа. Полный набор шизофрении — пусть все любят на пышное приданое моей польской жены.

ЭВА. Снег пошёл... Какой крупный снег... Сейчас прилетит Снежная крулева... Я всё слушаю тебя, Боричек и думаю: почему я тебя слушаю? Что со мной? Заколдовал меня, что ли, кто-нибудь? Я была чистая девочка, я любила тебя. Теперь я тебя совсем не люблю, Боричек. Я привыкла к тебе, и мне всегда надо было кого-нибудь слушаться, и я... не умею все время зарабатывать на жизнь, я слабая... мне надо при... при... как это по-русски? Прибежать? Нет, приобнять? Прилечь... пригодиться... привлечь... а! при-сло-ниться, да. Но это как-то совсем неинтересно получилось... Я надеялась долго... я не люблю ссориться... но... Что это за список, Боричек? Это — большое дерьмо, этот список. И это твоя жизнь, такая, как сейчас есть и как ты её хочешь видеть.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Не понял... Я не понял, Эва, ты что говоришь?

ЭВА. Я говорю, что список, который ты мне продиктовал — дерьмо.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Нет, до этого, ты там щебетала что-то про люблю-не люблю.

ЭВА. Я тебя не люблю.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Давно?

ЭВА. Давно, да...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. И продолжаешь со мной жить?

ЭВА. Продолжаю, да...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. И что значит вся эта театральщина тогда, если ты живёшь со мной, владеешь имуществом, спишь, и ничего не заметно — любишь, не любишь?

ЭВА. Наверное, это ничего не значит. Такая мелочь, правда? Когда-то ты из-за неё поломал себе жизнь, из-за этой мелочи — моей любви. А теперь для тебя важны все эти... рожи. Тебе пятьдесят лет, и вокруг тебя — одни рожи. Наглые, лживые, жадные рожи. И ты сам...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Я сам — рожа? Говори, договаривай...

ЭВА. Я шла замуж за другого человека. Этот человек был молодой и смелый, он ничего не возглавлял и смеялся над всякими начальниками. Да, я транжира, я люблю комфорт, я люблю деньги, но почему, Боричек, почему у вас обязательно — если деньги, так надо терять себя? Деньги — это нормально, они во всём мире есть, их можно иметь — и быть человеком. А у вас так не бывает.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Так. *(Молчит)*. Собирайся.

ЭВА. Куда?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Туда. К подружкам, к своим журналисткам, модельершам... Давай, живи у них, пока развод. Я не позволю! Ты меня унижать не будешь, паразитка! Сидит у меня на шее, тварь, и надо мной издевается! Господи, дома, выходной день, и нет покоя человеку. На работе война и дома война. Хватит. Убирайся.

ЭВА (*гордо*). Пан желает развода? Пан получит свой развод. (*Уходит*).
Борис один. Прошелся по комнате. Стукнул кулаком по столу.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ну и что? Ну и разведусь. Сейчас не совок, на парткоме разбирать не будут... Карманников вообще пидер, а всем без разницы. Разведусь... Она думает, у нее там что-нибудь особенное, на женском месте? Польская дрянь. Господи, я ж ее ненавижу. Вот убил бы. Мог бы убить. Интересно, в самом деле, мог бы я ее убить? Не любит она меня, оказывается. Тварь, чистая тварь. Когда надо, любит! Когда что приспичит, так стелется! И хитрая какая. И, главное, морда у нее еще моложавая, еще может обольстить какого-нибудь лопуха русского. Отсудит у меня дачу и замуж выйдет. Нет, надо ее убить. Эва! Эва! Эва, черт тебя подери!

ЭВА (*она переделась в дорогу*). Что вам угодно? Я собираюсь.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Да, это дело серьезное. Одних тряпок пять чемоданов. Накупила на мои деньги. На мои грязные деньги накупила, говорю, тряпок.

ЭВА. Я тебе все оставлю.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. На кой мне ляд твои обноски? Забирай. Потом снесешь в комиссионный, когда сядешь на мель. Ох ты, на какую ж ты мель сядешь без меня, графиня Шепальска.

ЭВА. Лучше голодать, чем жить с ничтожеством.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ничтожество — это я?

ЭВА. Ты. Вор. Взяточник. Аферист.

Борис Петрович, издав короткое рычание, бросается на Эву и пытается ее придушить. Эве удается освободиться. Она бросается к камину и хватает чугунную кочергу.

ЭВА. Не подходи! Убью!

БОРИС ПЕТРОВИЧ (*хватается за голову*). Уходи, Эва. Не доводи до греха. Я, правда, убить тебя могу.

ЭВА. Езус Мария, как набросился. Ты как этот... кабан, вепрь, раненый зверь, да...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Эва, уходи.

ЭВА. Главное, чего ты завелся, я не понимаю. Я сказала что-то, так надо спорить, дискутировать, а ты сразу — развод, душить... Дикий русский мужчина.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ты — дура, ты ничего не знаешь. Я не вор. У меня

нормальный цивилизованный бизнес. Я использую свои возможности, вот и все. Я хороший работник, лучше многих. В моем департаменте все чисто, за три года ни одной проверки... Ты воров не видела, настоящих. А я видел, Эва.

ЭВА. Вот ничего себе схватил, а? Теперь что у меня на шее, интересно, будет? Тебе надо спортом заниматься, Боричек. У тебя много лишнего этого... темперамента.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Главное, достала ты меня ужасно. Ведь кругом враги, Эва, кругом. Ты говоришь — друзья, друзей позвать, а какие могут быть друзья, когда они на мою дачу посмотрят — и у них от злобы все нутро горит. Сейчас за рубль убить могут, а ты — друзья! Только семья, больше ничего. Ты, мама, сын... если бы брат не оказался советской сукой, я ему, пожалуйста — зеленую бы улицу открыл. Пожалуйста! Разве я жадный? Честно скажи, в глаза мне посмотри — я жадный? Эва, было одно время, теперь другое время — я что, виноват в этом?

ЭВА. Вот у вас всегда — время, время... Может, и нет никакого времени. Только люди есть. А времени и нет... Я потому что разволновалась за твой список... Никаких близких — ну, как это...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Хорошо, ладно, какие проблемы! Позовем маму, и Витьку позовем, и Татьяна пусть приходит, а, гори оно все! Ну, иди сюда...

Эва подходит к Борису, они обнимаются.

ЭВА (плачет). Я так испугалась... куда я пойду, зима, холодно...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Неужели ушла бы?

ЭВА. Да, и ушла бы! Ты забыл про польскую гордость!

БОРИС ПЕТРОВИЧ. А вот ты не можешь свою польскую гордость куда-нибудь засунуть подальше?

ЭВА. А ты меня без моей гордости разлюбишь.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. А действительно, черт его знает... Эва... (целует ее).
Пойдем?

ЭВА. Что, прямо сейчас?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Прямо сейчас, а чего ждать? Или что тебе надо, с Лехом Валенсой посоветоваться?

ЭВА. Может, после обеда?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Начинается.

ЭВА. Да что начинается, ничего не начинается... Ты меня так расстроил, у меня нервы дрожат... Пообедаем и пойдем, честное слово.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ладно, давай тогда по маленькой накатим за мир и дружбу между народами.

ЭВА. Давай, накатим, Боричек... Только я что-нибудь сладкое...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Все-то тебя тянет на сладкое. Располнеешь скоро.

ЭВА. Глупости, Боричек, я всегда слежу за собой.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Растолстеешь, я с тобой разведусь и женюсь на модели.

Чтоб два доска, два соска, посредине гвоздик.

ЭВА. Фи, Боричек, как ты огрубел там в своем департаменте...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ну, еще накатим, графиня Шепальска?

ЭВА. Давай...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Песенку спой мне — ту, Вовки Москвина, про Вавилонскую башню.

ЭВА (*поет*). А когда, а когда

Навсегда улеглись

В наших мудрых сердцах

Немудреные страсти

Мы как два муравья

Создавать принялись

Вавилонскую башню

Семейного счастья.

А когда, а когда

После тягостных мук

Водрузилась она

С виду неколебима —

То взойдя на нее

Мы услышали вдруг,

Что на разных с тобой языках говорим мы...

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Слушай, Эвка, бери список на юбилей. Давай действительно Володю Москвина позовем — помнишь, мы одно время дружили.

ЭВА. Боричек, он три года как умер.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ох ты, я не знал.

ЭВА. Я говорила тебе. (*Становится у окна*).

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Значит, мимо головы пролетело. Ну, так давай, посмотрим, кого еще звать. Ты думаешь, стоит маму тащить? Не знаю, не знаю. Старые люди — это, знаешь... старые люди. Потом, ты говоришь, Татьяна, бывшая моя... Тут тоже засада... придет еще с эдаким укоряющим лицом... Эва!

Эва молчит, плечи ее вздрагивают.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Эва! Ты что молчишь-помалкиваешь, а? Э-ва!

ЭВА молчит.

Конец второго па-де-де

ПА-ДЕ-ДЕ №3 НЕ ДЕЛАЙТЕ БИСКВИТЫ В ПЛОХОМ НАСТРОЕНИИ

Действующие лица:

РЕГИНА.

МИСТЕР ИКС.

Действие происходит в Петербурге, осенью.

Бар из простых, дешёвых, столы деревянные. Вошедший мужчина задумчиво и с удовольствием разглядывает ряды бутылок.

ГОЛОС БУФЕТЧИЦЫ. Мужчина, вы что хотели?

МУЖЧИНА (весело). Почему — хотели. Я и сейчас хочу.

Голос фыркает.

В баре заиграла музыка, запел Кий Метов или Алёна Апина, или ещё кто, родимый и ужасный. Мужчина серьёзно читает меню.

МУЖЧИНА (буфетчице). Значит, так, родная... коньячку.. сто пятьдесят... ну, и лимончика. Есть лимончик?

ГОЛОС БУФЕТЧИЦЫ (игриво). Только для вас.

Регина, эффектная, немолодая, с лицом итальянской трагической актрисы, в черном пальто, ярко покрашенная — вошла в бар, отрезанно глянула кругом, присела в углу. Закурила.

Мужчина заметил её, покумекал, взял свой заказ и решил подойти.

МУЖЧИНА. Простите, у вас не занято?

РЕГИНА. Вы прекрасно видите, что нет.

МУЖЧИНА. Может, вы кого ждёте.

РЕГИНА. Я уже всего дождалась.

МУЖЧИНА. Мне показалось — у вас беспокойство в глазах.

РЕГИНА. Не стоит так внимательно смотреть в мои глаза.

МУЖЧИНА. Что, думаете, я пропаду?

ЖЕНЩИНА. Думаю — да.

МУЖЧИНА. А точно, в вас есть что-то... Вы, наверное, обладаете сверхъестественными способностями?

РЕГИНА. Да я только сверхъестественными способностями и обладаю. Естественные все отсохли.

МУЖЧИНА. Здесь неплохо, правда?

РЕГИНА. Это самая грязная забегаловка во всем районе. Никогда не вытряхивают пепельницы. У буфетчицы есть сын. Он часто сидит и читает. Зачем он читает? Брось эти глупости, мальчик.

МУЖЧИНА. А мне как-то понравилось. Просто у меня — хорошее настроение. Можно, извините, я вас угощу?

РЕГИНА. Можно. Я пью коньяк.

МУЖЧИНА. Вот, хорошо! А то я однажды так попал. Так возмущалась женщина — думаете, я хуже вас? Думаете, я заплатить не могу за себя? Унизить меня хотите? Оказалось — феминистка. О, Господи. Ещё тоже, мало нам головной боли, да?

РЕГИНА. Я уважаю светлые идеалы феминизма, но совершенно не собираюсь воплощать их в жизнь. Я решительно всем разрешаю за себя платить. Мужчины меня погубили, так пусть хоть чуток потратятся.

МУЖЧИНА. Минуточку... я коньячок... тема такая интересная...

Слышно, (но не видно), как вошла шумная кампания, в подпитии и преддверии скандала.

МУЖЧИНА. Прошу! За наше знакомство! Меня зовут...

ЖЕНЩИНА. Нет. Не надо. Я буду звать вас — мистер Икс.

МУЖЧИНА. Пусть я буду мистер Икс. А вы?

РЕГИНА. Меня зовут Регина.

МУЖЧИНА. Регина. Значит, королева.

РЕГИНА. Женщины с экзотическими именами редко бывают счастливы.

МУЖЧИНА. Вот вы сказали — мужчины меня погубили. Как это они вас погубили? Незаметно, что вы погибшая.

РЕГИНА. Как погубили? Вы разве не знаете, как это бывает? Вы сами-то что, никого не губили? А в юности? Какая-нибудь девушка разве не съела из-за вас свою аптечку? А потом её привезли в дурдом. А когда привезли, она увидела на полу зелёных червячков, сняла тубельку и ну их бить и приговаривать: а еще больница, называется! Развели всякую дрянь на полу! *(хохочет)*.

МИСТЕР ИКС *(сочувственно)*. Это, наверное, с вами так было?

РЕГИНА. Было, не было, со мной, не со мной... не всё ли равно. А ваша совесть, значит, совсем чиста?

. Вошедшая компания что-то забузила. «Валя, я тебя умоляю, Валя! — пищала женщина. «Ты, давай, полегче, давай». Разбили стакан.

МИСТЕР ИКС. Мне, знаете, сорок с большим гаком. Совсем-то чистой совести в таком возрасте, я думаю, не бывает. Вы знаете...

РЕГИНА. Конечно, знаю. Но ваши жалкие тайны меня не волнуют.

МИСТЕР ИКС. А меня ваши тайны очень волнуют.

РЕГИНА. Я кажусь вам таинственной?

МИСТЕР ИКС. Да.

Компания побузила и стихла, как ветер. Наоборот, впали в благодущие, стали напевать.

РЕГИНА. Вы не находите, что мои серьги слишком крупны?

МИСТЕР ИКС. Нет, ничего.

РЕГИНА. А как я раскрашена! Это же вульгарно — так краситься. И ни

к чему. Возраст-то не скроешь. Ведь это ужасно, когда женщина теряет чувство времени?

МИСТЕР ИКС. Ничего не вижу вульгарного. Просто вы хотите обратить на себя внимание. Это ваше право.

РЕГИНА. Отчего вы так доверчивы, мистер Икс?

МИСТЕР ИКС. Родился такой.

РЕГИНА. А вдруг я в сговоре с буфетчицей? Сейчас мы вам клофелинчику в коньячок, и привет. Проснетесь утром, голенький и холодненький, на сырой земле. Где деньги, где документы? У вчерашней чаровницы. Где чаровница? Ау.

МИСТЕР ИКС. Если вы так говорите, вряд ли сделаете.

РЕГИНА. Может, у меня на уме что похуже.

МИСТЕР ИКС. Совсем я вас не боюсь. Вы, Регина, никому не может принести вреда. Кроме себя.

РЕГИНА. А вы непросты, мистер Икс.

МИСТЕР ИКС. Я людей-то видел-перевидел всяких.

Скандальная компания взялась подпевать песне «Ах, какая женщина». Орут с надрывом и пьяным восторгом. Регина смотрит на них с ненавистью.

РЕГИНА. Уроды. Ну, мистер Икс, так я кто, по вашему? Одинокая леди в поисках приключений?

МИСТЕР ИКС. Со мной какие могут быть приключения? Я человек мирный.

РЕГИНА. А я — нет. Я немирный человек.

Регина, в строгом черном платье, стоит одна на пустой сцене в луче прожектора. В зале один человек — мистер Икс, неотрывно глядящий на нее. Такой театр одной актрисы.

РЕГИНА. Я знаете, кому завидую? Святым и преступникам. Потому, что они решились. Понимаете? Они решились пойти — одни вверх, другие вниз. Все равно, куда идёшь, главное — смелость. А мы проживём всю жизнь, так и не узнав, на что мы способны. Может, я в душе выдающийся убийца. Если б я решилась хоть на крошечное убийство! Я сегодня видела кучу людей, которых бы с удовольствием прикончила. О, как бы все запрыгали вокруг меня — ангелы, черты, адвокаты, следователи, газетчики, все, все! А так я никому не интересна. Какая-то молекула. Старая, большая молекула.

Опять бар. Мистер Икс глядит на Регину сочувственно.

МИСТЕР ИКС. А вот... просто жить. Жить. В мире.

РЕГИНА. Я не умею просто жить. Я бы ещё с вами выпила.

МИСТЕР ИКС. Ради бога! Конечно! *(отходит к буфету)*

ГОЛОС РЕБЕНКА. Мама!

ГОЛОС БУФЕТЧИЦЫ. Что тебе, детка?

ГОЛОС МАЛЬЧИКА. Смотри, тут у меня, в учебнике нарисовано, какая хорошая планета — Юпитер. Какая большая... Я бы хотел туда.

РЕГИНА (*глядя вслед мистеру Иксу*). Нет, не глупый. Кажется, добрый. Но всё равно идиот.

МИСТЕР ИКС. Я вижу, у вас плохое настроение. На душе тяжело. Расскажете мне, что случилось. С незнакомыми людьми легко разговаривать.

РЕГИНА. С людьми легко быть не может.

МИСТЕР ИКС. А вы кто по профессии?

РЕГИНА. По профессии я — никто. Такое профессиональное никто. А вы?

МИСТЕР ИКС. Я — кондитер. С большим стажем.

РЕГИНА. Кон-ди-тер? Вот это да. Как из детской книжки —

Жил-был кондитер грустный
На крохотном острове
И торт большой и вкусный
Весь день жевал в тоске...

МИСТЕР ИКС. Я — весёлый кондитер. Я вообще-то сам не из Питера. Город Славск — знаете?

РЕГИНА. Понятия не имею.

МИСТЕР ИКС. Что вы, это сердце России.

РЕГИНА. Кой мне черт сердце России?

МИСТЕР ИКС. Какая вы нервная. Не люблю хвастаться, но я — знаменитый кондитер. Только что вышел в финал всероссийского конкурса. Буквально, как раз — сегодня. А финал завтра. Мне даже работу предложили тут, у вас... так что, может, сделаюсь я этим... петербуржцем.

РЕГИНА. У вас — конкурсы?

МИСТЕР ИКС. А как же! Я на бисквитах вышел. Я, может, первый в стране по бисквитам.

РЕГИНА. По бисквитам?

МИСТЕР ИКС. Да что вы как заколдованная! Вы что, не знаете, что такое бисквиты?

РЕГИНА. Что-то мне в последнее время было не до бисквитов.

МИСТЕР ИКС. Зря.

РЕГИНА. И что, эти ваши бисквиты помогают вам жить?

МИСТЕР ИКС. Конечно. Еще как помогают!

Мистер Икс на воображаемой кухне — в белом халате и колпаке.

МИСТЕР ИКС. Я и вас могу научить. Только сразу не получится. Продукты нужны самые простые — яйца, сахар, мука — но важна последовательность и осторожность. И вдохновение, да! И есть один секрет: никогда, слышите? Никогда. Никогда не делайте бисквиты в плохом настроении. Они не взойдут! Не будет этой, знаете, нежности, легкости... воздуха. Ведь вот, скажем, яйца и мука. Они разной природы.

Они в общем друг друга не хотят, скажем прямо. Их надо приручить, уговорить, уболтать... обмануть немножко. А настоящий кондитер — это фокусник, волшебник, милый обманщик! Короче, продукты надо заморочить, выбить из них это упрямство, эту их косность, нежелание мешаться друг с другом. И вот постепенно они начинают вам доверять. Они забывают о себе. Впадают в экстаз. Раз! И в огонь. И мгновение остановилось. Вы победили, и это бисквит.

Регина впечатлилась, но виду не показала.

РЕГИНА. Я не ем сладкого.

МИСТЕР ИКС. Хотите, я для вас сделаю бисквит. Самый лучший. Королевский! Бисквит «Регина»!

Компания в баре опять завывала дурными голосами.

РЕГИНА. Да уймитесь вы. Чтоб я больше слова этого не слышала. Чувь какая-то. Бред. Кондитер, продукты разной природы... Кстати, о бисквитах — это вы ко мне в гости собрались, бисквиты свои варить?

МИСТЕР ИКС. Нет, их не варят, их пекут.

РЕГИНА. И где вы собираетесь их печь?

МИСТЕР ИКС. Можно в духовке. Тут главное...

РЕГИНА. Тут главное, что в моей духовке.

МИСТЕР ИКС. Я вижу, вам грустно. Я не помешаю. Как вы захотите, так и будет. У меня, понимаете, тут в Питере — ну никогошеньки знакомых.

РЕГИНА. Мне грустно, да. Я живой человек, а не кондитер.

МИСТЕР ИКС. Я тоже человек живой. Это просто такая профессия.

РЕГИНА. Профессия — это уродство. Способ забыть о жизни. В раю не было профессий.

МИСТЕР ИКС. В раю, конечно, не было. Бог сам всё за всех делал.

РЕГИНА. А как вы думаете, если его хорошенько попросить, может, он опять согласится?

МИСТЕР ИКС. А мы что будем делать? Я стану никому не нужен.

РЕГИНА. И бисквиты ваши будут не нужны.

МИСТЕР ИКС. Жалко.

РЕГИНА. Ничего не жалко! Вот эгоист. Из-за такой ерунды лишает человечество счастья.

МИСТЕР ИКС. Я так крупно не думаю.

РЕГИНА. Понимаю. Когда вам думать. У вас же — профессия. Мужчины так боятся жизни, что всегда выдумывают себе работу.

МИСТЕР ИКС. А как же! А жить на что, интересно?

РЕГИНА. А, пустяки. Бог денежек пошлёт. Я вот не работаю, а живу. Да мне надо немного. Я ем мало, одежду сама шью, а коньяк мне мужчины покупают.

МИСТЕР ИКС. Хорошо вам живётся.

РЕГИНА. Ну, будем осматривать мою духовку, мистер кондитер?

МИСТЕР ИКС. Регина! Вы — чудесная женщина, честное слово!

РЕГИНА. Чудеса только начинаются. Пойдемте скорее, а то я сдохну от этой музыки.

Регина и мистер Икс на улице. Хотят перейти дорогу, а машины не останавливаются. Регина машет руками, ругается.

РЕГИНА. Сволочи! Ублюдки! Русские свиньи! Уроды!

МИСТЕР ИКС. Региночка, золотая моя, тихо, тихо. Боже мой, дорогая моя, нельзя так орать.

РЕГИНА. Куда рветесь, кретины — в могилу? (*плюёт вслед машине*).

МИСТЕР ИКС. Тише, Региночка, это ужасно вредно — так кричать.

РЕГИНА (*делает величественный жест*). Вы видите, что это?

МИСТЕР ИКС. Да. Это — пешеходный переход.

РЕГИНА. Хоть одна сука остановилась, чтобы нас пропустить?

МИСТЕР ИКС. Нет. Ни одна сука не остановилась, чтоб нас пропустить.

РЕГИНА. А вы когда-нибудь видели, чтоб хоть одна сука остановилась на пешеходном переходе?

МИСТЕР ИКС. Много раз видел.

РЕГИНА. Ну, это, наверное, в городе Славск.

МИСТЕР ИКС. У нас-то, конечно, в этом смысле — полный рай... Тридцать иномарок всего на город, у кого, все знают...

Регина и мистер Икс заходят в магазин. Пустынно.

РЕГИНА. Ну, и что? Какого вы тут коньяка хотите, в этом, извините за выражение, магазине? Вы гляньте на эти рожи. Тут всё фальшивое. Так они и надувают друг дружку всю дорогу. Этот коньяк фальшивый продаст, а тот бензин разбавленный нальет, а у того машина ворованная, так и живут.

МИСТЕР ИКС. Регина, вы теряете энергию. Спокойно. У меня свой метод. *Подходит к прилавку и глядит пристально, пронзительно и нежно невидимому продавцу в глаза.*

МИСТЕР ИКС. Сынок, такое дело. Коньяк нужен, и жить хочется.

ГОЛОС ПРОДАВЦА. Возьмите водку... ливизовскую....

Регина аплодирует.

Регина и мистер Икс поднимаются по лестнице.

МИСТЕР ИКС. Вот, раз мы с вами всё купили, для бисквита, я вам его попозже и сделаю, обязательно. А меня в гостинице «Север» поселили, ничего так, только шумно очень, и тараканы...

РЕГИНА. Сшила черное пальто. Две недели сидела. Стильно, эффектно, бледное лицо, серебряные серьги... Каждый вечер замываю грязь. Потому что русские свиньи не убирают свои свинские улицы. Двадцать

первый век, обратите внимание! Двадцать первый! Грязь как при царе Горохе.

МИСТЕР ИКС. Я вас умоляю не ругаться. Сколько энергии вы зря тратите! С ума сойти!

РЕГИНА. Да я сама русская свинья. Сейчас сами убедитесь.

Квартира Регины. Артистический беспорядок соединен со следами многолетней разрухи. Последствия протечек на потолке. Черные шторы. Много фотографий, искусственных цветов. Картины, куклы, маски. Афиша с изображением Регины и надписью: «автор-исполнитель РЕГИНА МОРСКАЯ. Дом учёных, 18 апреля». Диван накрыт куском бархата. На столе клочки разных материй.

Мистер Икс ошеломлен.

МИСТЕР ИКС. Значит, вы тут и живете.

РЕГИНА. Что, удивлены? Снимайте пальто, бросайте где хотите. У меня вешалки нет.

Мистер Икс пристраивает пальто на диване, пытается расчистить уголок на столе, выкладывая покупки.

МИСТЕР ИКС. Да, жилище интересное. Регина Морская. (Нашёл книгу на столе). Вот оно что. Регина Морская. Это ваша книга? (читает) Стихи разных лет.

Регина достает две стопки, где-то завалившиеся в книгах.

РЕГИНА. Да. Моя книга.

МИСТЕР ИКС. Так вы — поэтесса?

РЕГИНА. Нет. Я бездарность. Я просто люблю писать стихи. Они плохие. Совсем.

МИСТЕР ИКС (открывает книгу наугад).

Глазами жёлтыми вновь осень смотрит вдаль,

Тягучий взгляд, больной и неотвязный.

Ей жаль всего, ей ничего не жаль,

И вдоль дорог уже желтеют вязы...

Почему плохие, совсем неплохие. Уже-желтеют как-то не очень, а так...

РЕГИНА. Помолчите, пожалуйста! Без вашей критики обойдусь!

МИСТЕР ИКС. Не буду. Я люблю стихи, вообще... Региночка, а нельзя стопочки помыть? И пару бы тарелочек?

РЕГИНА. Водка убивает микробы. Тарелок нет и не будет.

Садится с трагическим видом на единственный стул.

МИСТЕР ИКС. Да я сам, сам, сидите, пожалуйста, отдыхайте...

Свет гаснет и зажигается — оказывается, что праздник удался.

Мистер Икс накрыл чисто, умело. Парочка наша сидела в дыму и чаду, говорила мирно.

РЕГИНА. Столько талантов было! И пою, и танцую, и стихи пишу... А потом оказалось, что молодость и была талантом. И всё прошло вместе с ней. Очнулась, когда за сорок перевалило — ни семьи, ни профессии, ничего... Чему училась, всё забыла. Кружок рисования веду, и то из милости дают.

МИСТЕР ИКС. Хорошая это водочка у вас, мягкая. У нас в Славске тоже хорошая водочка, особенно такая, называется — «Берёзовая». Но я не злоупотребляю, нет, давно уж нет. У меня дом, сад большой. Жена умерла три года назад. Такая нелепость, молодая женщина, сгорела от рака в два месяца. Сын взрослый. Как я сегодня вышел, а! Делали торты, на скорость, ну, и на фантазию. Ничего, знай наших, мы из Славска! Этот пижон московский цукатов навалил, думал нас удивить. Ха-ха. Вот что я вам скажу. Ха-ха. А мы без цукатов, мы мармеладиком переложили, и давай Бог здоровья...

РЕГИНА. Я не умею обыкновенно жить. Не понимаю, как заполнять минуты, часы, дни... У меня длинное огромное время, и оно тянется, тянется...

МИСТЕР ИКС. Такое хорошее настроение у меня! Наверное, месяца три не было такого настроения! Я вот у вас в Питере поселюсь, буду к вам в гости ходить, согласны? Регина Морская! Спойте мне, моя царица!

РЕГИНА (*встает, покачиваясь, пересаживается за пианино*). Вы меня напoили, я хожу с трудом. Пой ему. Сам пой, кондитер. Кондуктор... Ничего не помню.

(*Перебирает клавиши. Поёт*).

Плывет пароходик
Невой-рекой,
Всё мимо проходит,
А ты со мной.
Забавное «здрасьте!»,
Смешливый «привет!»,
Бумажное счастье —
Счастливым билет.
На солнечных зайцев
Гляжу в тоске
Охоту смеяться
Держу в руке.
Забавное «здрасьте!»
Смешливый «привет!»
Бумажное счастье,
Счастливым билет.

На палубе стыну,
Скрывая боль,
Куда не прикину,
А в сумме ноль.
Забавное... а-а...
Смешливый — а-а...
Бумажное а-а...
Счастливый а-а...
Плывёт пароходик
Невой-рекой
Всё мимо проходит,
А ты со мной.
Забавное «здрасьте!»
Смешливый привет,
Бумажное счастье,
Счастливый билет.

(Стихи Владимира Москвина).

МИСТЕР ИКС. Спасибо вам. Эх, какая вы женщина... как в сказке. Я песню эту не знаю. Я из культурной семьи, вы не думайте. Мама в кино работала, билетером.

Регина уронила голову на руки, плачет. Мистер Икс гладит ей по голове, спине, рукам, он удручен и тронут.

МИСТЕР ИКС. Что, что такое? Золотая моя!

РЕГИНА. Я вам нравлюсь?

МИСТЕР ИКС. Очень! Ужасно нравиться!

РЕГИНА. Вы обещаете выполнить мою просьбу?

МИСТЕР ИКС. Обещаю. Хоть Луну с неба. Что хотите.

РЕГИНА. Вы не могли бы меня убить?

Мистер Икс огорошен.

РЕГИНА. Я прошу вас меня убить.

Мистер Икс молча мотает головой.

РЕГИНА. Я какая-то ошибка природы. Я даже никогда не была беременной. Я низачем, ни к чему, понимаете? Я хочу умереть, и не могу сама. У меня всё готово, смотрите — вот записка. Что никого не винить. Завещание, ну, тут подружке одной кое-что, немножко украшений есть, бусы жемчужные, настоящие. Мы всё вытрем, все отпечатки пальцев, я приму снотворное, а вы включите духовку, и пойдете себе. Никто не подумает на вас, никто не видел. Тем более записка. А вы доброе дело сделаете, вас Бог наградит. Вы же мне обещали!

МИСТЕР ИКС. Какое доброе дело, стыдно слушать. Вы что! Вы что! Я верующий человек!

РЕГИНА. Я вас прошу, умоляю, вы добрый, вы такой милый, послушайте, нет сил жить и нет сил умереть... *(Становится на колени, плачет)*. Испугался веселый кондитер.

Регина. Регина Морская! Какой вздор! Регина Морская! Надо же было выдумать, идиотка, я Женя, Женя Капустина, в Герцена училась... Я усну, вы уйдете, только духовку включить. Одной душой будет меньше на свете. Целый день ходила сегодня, думала, решалась, пойми меня, добрый, хороший человек... Мне тут всё противно, всё ужасно противно, холодно... Не нужно меня совсем... Вот я таблеточку приму, и спать. Платье хорошее, чулки снять только. Я тут лягу, а тут записка. А мужья мои все разъехались, один в Израиль, другой в Америку... А вы на могилу приходите ко мне. Бисквиты свои птицам покрошите.

МИСТЕР ИКС. Хорошо. Я согласен.

РЕГИНА. Вы обещали.

МИСТЕР ИКС. Да. Я всё сделаю.

Регина улеглась на диванчик, мистер Икс пристроился рядом, глядит ее по лицу.

МИСТЕР ИКС. Спи, спи, дорогая моя.

РЕГИНА. Но ты обещал! Ты добрый... Только я не ем ничего сладкого. Я так мало ела... всё только пью. Я ничего готовить не умею *(Засыпая)*... Стихи, они говорят, за свой счет можно... напечатать... а у меня никакого своего счёта... опоздала на продлёнку, такая гадина эта директорша... мне вчера пятьдесят два года, мама когда умерла, пятьдесят пять было всего... и зачем столько времени... а я просто засну...

МИСТЕР ИКС. Да, да, спи, Регина Морская, спи.

Регина уснула.

МИСТЕР ИКС. Что мне с вами делать, что делать! Женщины — это... Господи прости, смотрю и плачу... Кухня такая запущенная, надо помыть *(засучивает рукава)*. Ну, что, Илья Иванович, за работу. Этой судьбы нам не переменить, так хотя бы оставим в ней свой вкусный след. Регина моя морская, проснешься — помани меня, не сердись... Да... напряженка вот оказалась с сексом в Питере, а я думал — вторая столица, они тут веселые, на все готовые... Она... Опять сорвалось... Такое дело вроде простое, а как всё сложно, Господи ты боже мой... *Под бодрую музыку Мистер Икс занимается уборкой и приготовлением бисквита.*

ГОЛОС *(после шумной, торжественной музыки)*. А теперь: наш Гран-при. Для объявления итогов конкурса слово имеет... Степан Кузьмич Лурье!

ГОЛОС ЛУРЬЕ. Так-так... Волнуюсь... Итак: Гран-при второго всероссийского конкурса на звание «Кондитер года» присуждён... это лучший из лучших... это волшебник вкуса и магистр сладких наук.... Илья Иванович Песков! Город Славск!

Фанфары.

Утро. Регина просыпается. Она долго кряхтит, стонет. Потом видит перед собою на столе бисквит, оставленный добрым кондитером. Пробует, ей нравится. Отколупывает кусочки. Берет визитную карточку.

РЕГИНА (*читает*). Илья Иванович Песков. О, Господи... Что это, кто это... Что вчера было — ничего не помню. Вроде я в бар зашла... а потом что? Ведь сколько раз говорила себе, говорила — не пей с утра, идиотка, не пей, не пей... О, Господи (*жуёт бисквит*). Вкусно... А-а, тот мужчина в баре, а-а, что-то припоминаю... домой пошли... а потом что? странно. Первый раз с утра за сто лет — настроение ничего себе. Даже... хорошее. Господи, определённо — хорошее настроение. А почему — неизвестно. Всегда так — когда плохое настроение — всё понятно, почему, а когда хорошее — черт его знает, с чего!

Конец

**Сергей
Радлов**

Родился 11 ноября 1962 года в Ленинграде.
Живет в Санкт-Петербурге.

Окончил Государственный институт театрального искусства им. Луначарского. Работал на радио «Свобода», был автором и ведущим отдела тематических программ BBC, участвовал в международных культурных и образовательных проектах. Автор статей по актуальным проблемам шекспироведения, опубликованных в «Московском наблюдателе», «Театральной жизни», «Новой русской книге». Автор пьес «Врач и его пациенты», «Необычайная и крайняя враждебность судьбы», «Кармен».

На конкурс представил пьесу «Небесное вино» (специальные призы «Новой газеты» и журнала «Современная драматургия»).

Персонажи: Полина, красивая женщина. Год рождения — 1928

Её близкие в прошлом:

В 1948 году — Слава, талантливый шахматист, ровесник Полины.

В 1961 году — Максим, сорока лет, известный художник-карикатурист.

В 1975 году — Дмитрий Николаевич Грохольский, глубокий старик. Замечательный человек.

Милиционер Пилиповский, атлетического сложения.

Медсестра, демонстратор шахматной партии, официант, музыканты в кафе.

Новые знакомые Полины:

Ершovy:

Люба, жена Артёма, состоятельного человека. Обоим лет по 36.

Мика, оставленный Любой первый муж. Сентиментален, неприспособлен к жизни. Несколько моложе Любы.

Алексей, актёр, лет 35. Нарциссического склада человек.

Джо, куратор художественных проектов, стилист, фотограф etc.

(Пол в начале пьесы неочевиден). Возраст — не больше 40 лет.

Даша, совсем юная девушка, ди-джей модной радиостанции.

Старик.

Небесное вино

биография женщины

в двух действиях

События происходят в три названных периода жизни главной героини, Полины, и в наши дни. Её роль и роли её близких в 1948 и 1961 году играют современные персонажи. Роли Грохольского и Старика исполняются одним артистом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

В темноте, слева в глубине сцены прямоугольник света. Большая демонстрационная шахматная доска. Человек рядом с доской, орудия длинным шестом, переносит фигуру с поля на поле. Над шахматным

столом склонились две головы. (Света достаточно, чтобы угадать общую мизансцену, но лица неотчётливы). Рука одного из игроков на мгновение повисает над доской, перемещает фигуру, нажимает на кнопку шахматных часов. Пауза. Пространство обретает негромкое звучание. Это мелодия из шестидесятых, возможно, Ружены Сикоры — «Цветок неярко

Этот цветок в подарок

Я принесла тебе, милый друг мой». Освещается центральный фрагмент пространства в глубине сцены. За столиком кафе двое. Он отодвигает чуть в сторону вазу с цветами, женщина возвращает вазу на прежнее место, исчезая для спутника.

В пятне света в глубине сцены справа пост дежурной сестры в больничном коридоре. Это место действия обозначено белым халатом медсестры и любой говорящей деталью печального больничного интерьера. Рядом с постом низкий маленький диван. Двое прижались друг к другу. Когда высвечивается пространство справа, мелодия затихает.

ЖЕНЩИНА. Дима, не ругай меня, я расклеилась. Простите, я могу побыть с ним?

МЕДСЕСТРА. Нежелательно, да и больной Грохольский возражает.

МУЖЧИНА (с усилием). Домой, домой, Полинка. Поздно. Транспорт стал... никуда негодный. Четырнадцатого дождись — вернее всего... А я тем временем пойду, надо разобраться, что, в самом деле, происходит на том свете.

Женщина вынимает из сумки небольшой приёмник.

РАДИОГОЛОСА. 1). На Белорусском вокзале мы вошли в вагон «Москва-Париж»... (помехи). Незабываемые места — Вязьма, Догобуж, Кардымово. И, наконец, (воодушевлённо). Смоленск. Туристы из ФРГ лакомятся мороженым (помехи).

2). Анна Яновна Царис хорошо помнит времена, когда врачу за визит платили деньги (помехи).

3). Произошло невероятное — бригада отказалась от премии. (помехи).

4). Бегут поля в густых хлебах... (помехи).

5). Во всём же остальном они очаровательны, если не считать, конечно, воинственного упрямства. Вроде бы небольшими были пингвины, а рыбы в день каждый съедал килограмма три. (помехи).

6). На десятки километров — от берегов Чёрного моря до пологих скатов снежных гор раскинулись чайные и цитрусовые плантации колхоза в селении Натанеби в Махарадзевском районе Грузинской ССР (помехи).

7). Мотря Чурпита, Звеньевая Мотря Чурпита... (помехи).

Женщина уходит. Закрывается прозрачный занавес, отсекающий прошлое от сегодня, за мгновение до этого просияют все три сферы — шахматной сцены, кафе и больницы, исчезнут в темноте. (Эти пространства — отдельные игровые площадки, поднятые над настилом сцены).

Свет направлен на декорацию перед занавесом:

Навес заброшенной автобусной остановки в центре сцены. Пространство за занавесом теперь мерцает огоньками домов спального района. Разметка на авансцене обозначает шоссе. Поздний, очень тёплый, безветренный весенний вечер. В неярком свете двое — молодой мужчина (Мика) и пожилая женщина (Полина).

ПОЛИНА. Мотря Чурпита... чудное имя, последнее, что мы услышали вместе. Хотела найти музыку, но видите сами, не получилось.

МИКА *(несколько озадаченно)*. Вы сказали: «Видите сами?»

ПОЛИНА. Возрастное... Кажется, всё о чём вспоминаешь, является собеседнику столь же ясно. Однако... уже час, как не могу вспомнить где мой склеп. Не бойтесь, Мика, я — не привидение, зову так свою пятиэтажку.

МИКА. Полина, вы совсем заблудились?

ПОЛИНА. Похоже, да... Он не хотел умирать при мне, запретил приходить на поминки, заранее распорядился, чтобы всем занимались друзья. В церкви его не отпевали. Семьдесят пятый год. Мне в голову не пришло спросить за четыре года, что мы были вместе, верил ли он в Бога... *(Оглядевшись)*. Невеселое место...

МИКА. Джо выбрала его для акции, перформанса... Проект «Любовь», такое название. Сейчас приедут мои друзья, запаздывают немного.

ПОЛИНА. Я не помешаю?

МИКА. Нет, что вы. У вас замечательный прикид.

ПОЛИНА. Мне было одиноко без вас. «Прикид» это?.. *(Касается крупных пуговиц своей кофты, сшитой из разноцветных лоскутов материи. Весело)*. Я поняла... всё-таки была недурным переводчиком.

Звук подъехавшей машины. Хлопают дверцы. Первой появляется Джо — энергичное создание, увешанное фотоаппаратом, видеокамерой, прибором для измерения интенсивности света. За ней с двумя чемоданчиками в руках, следует мощный Артём Ершов. Он разматывает провод, открывает блестящие чемоданчики, сноровисто собирает вертикальные подставки для осветительных приборов. Артём с Джо возятся с техникой, удачно подключают два прибора, третий, помигав, гаснет.

ДЖО. Господин Ершов! Тщательнее, спонсор. Иначе будете аппаратуру покупать.

АРТЁМ. Сразу покупать, ох уж эта богема, на ходу раздевает.

Выходит Даша, оглядывает окрестности.

ДАША. Весёленькое местечко вы выбрали, Джо.

ДЖО. *(работая)*. Природа...

АРТЁМ. Даша, вы не мёрзнете? Вам надо беречь голос.

Слышен заливистый, несколько деланный хохот, появляется Люба Ершова.

ЛЮБА. Эти нежности меня трогают до слёз: «Берегите голос». Наша Галина Вишневская, Монсеррат... твою мать, всегда вылетает из головы.

Люба подходит к Артёму, отводит его в сторону.

ЛЮБА. Артём, дорогой мой, не обхаживай её так демонстративно. Голос! *(Шипит, пародируя Дашину скороговорку)*. В этот поздний час с вами, дорогие слушатели я, Дарья Моне и Элвис Пресли. Это не так уж мало, не правда ли. *(Своим голосом)*. Дарья Моне... Я бы слегка поправила этот псевдоним.

ДАША. Люба, я всё слышу. Ты что пьёшь сегодня? Стрижамент, с родной Ставропольщины?

ЛЮБА. Тебя не касается, на свои пью.

ДАША. Я беспокоюсь за Артёма. Ему нравится твоя большая грудь, но Артём, ты представь себе, какая у Любки печень! Это совсем несексуально.

ЛЮБА *(на грани срыва)*. Артём, ты ничего ей не хочешь сказать?

АРТЁМ *(добродушно)*. Хватит вам, дорогие девушки. Даш, не задирай мою жену, отшлёпаю.

ДАША. Дашь — не дашь. Только обещаете, Артём Валерьевич. Я не сержусь на тебя, Люба, ты — хорошая тётка, только туповата. Что подлаешь... Плохая детская.

ЛЮБА. Не доводи меня до греха, пожалеешь!

ДАША. Хочешь, подерёмся? До первой кровянки. Чур, за волосы не таскать! *(Прыгает, оглашая вечерний воздух ирокезскими воплями)*. Свет установлен. Виден покорёженный асфальт, разнообразный мусор, скамья под навесом, истрёпанные объявления на внешних стенках навеса и столбе высоковольтной линии.

ДАША. Как говорят в ваших краях, Люба, пойдучи до ветра.

МИКА. Здравствуйте, Даша.

ДАША *(уходя)*. Привет-привет. Как успехи?

АРТЁМ *(подходит, пожимает ему руку)*. Здоров, Мика. Как твои дела, всё тип-топ? *(Полине)*. Приветствую вас.

ПОЛИНА. Добрый вечер.

ДЖО. Артём Валерьевич, не поможете?

Артём оставляет Полину и Мику, наклоняется к Джо, помогает ей

соединить какие-то провода. Люба вынимает фляжку, отвинчивает пробку, пьёт.

ПОЛИНА. Это ваши друзья, Мика?

Вопрос напрашивается — все новоприбывшие едва заметили присутствие Мики.

МИКА (*негромко*). Люба — моя бывшая жена. Она ушла к Артёму. Артём умеет зарабатывать деньги... Когда уходила, говорила, что делает это в первую очередь для меня, что я начну другую жизнь. Джо — великий человек, так у нас говорят, по крайней мере. Даша трудится на радио. Ещё есть Алексей, он известный актёр.

ДЖО. Мика, а ты откуда взялся?

МИКА (*удручённо*). Как же так, Джо, вы сами меня приглашали. Я добирался в эту тмутаракань полтора часа, еле нашёл.

ДЖО. Вот и молодчина, что нашёл. (*Полине*). Простите, вас зовут...

ПОЛИНА. Я — Полина. Могу быть вам чем-то полезна?

ДЖО (*делает несколько снимков Полины со вспышкой*). Мика, сгоняй к машине, приведи Алексея.

МИКА. Может позвать его?

ЛЮБА (*жёстко*). Зовут официанта, дорогой.

Мика послушно удаляется.

ДЖО (*Артёму*). Лицо есть у человека.

Вооружается видеокамерой, снимает Полину, двигаясь очень легко для своей грузноватой комплекции.

ПОЛИНА. Я здесь, в некоторой степени случайно. Бродила, искала своё жилище, встретила Мику, разговорились, я ему рассказывала истории из своей жизни. Он юноша вежливый, слушал.

Возвращается Даша.

ДЖО. Артём, проект складывается сам по себе — хороший знак. Фотографии, туземный мусор, в смысле объекты... по всему залу и экраны разных размеров с вами, с Полиной, штук двадцать. Полина, нам что-нибудь... личное расскажете?

ПОЛИНА. Давайте попробуем.

АРТЁМ. Притормозим. Двадцать экранов... Сколько будет стоить? Смету проекта для чего писали, для истории?

ДЖО (*Полине, дружелюбно*). Спонсоры — жуткая популяция. (*Артёму*). Я сама добуду экраны. А вообще надо чуть умерить желания. Главное, Артём-джан, не покупать уж очень дорогих девок.

ЛЮБА. Это что значит... Артём-джан?

АРТЁМ. Джо пошутила. (*Украдкой показывает Джо на висок*).

Появляются Мика и Алексей, известный артист с вальяжной повадкой.

ДАША. А вы забыли, где ваш дом?

ПОЛИНА. Он довольно унылый. Я ходила кругами... там... *(Показывает в сторону светящихся огней)*. Мне казалось, что я уже у цели... но то скамейка с чужими алкоголиками у подъезда, то... *(Даше)*. Простите, вам сколько лет?

ДАША. Двадцать.

ЛЮБА *(немедленно)*. Ей двадцать один, для точности.

ПОЛИНА. Мне было двадцать в 1948 году.

Свет направлен на Полину. Джо смотрит в глазок видеокамеры. Гаснут огни города, прозрачный занавес открывает площадку в глубине сцены слева.

Шахматный столик с фигурами. У вертикальной доски демонстратор партии. Даша уходит со сцены мгновением позже.

ПОЛИНА. Я ничего не понимала в шахматах. Славка несколько раз брался научить меня правилам, я расстраивалась из-за своей бестолковости и мы оставили это. Но я всегда приходила смотреть, как он играет, болела. Я была бы отличной женой престарелого гроссмейстера.

АЛЕКСЕЙ. Нелепое занятие — учить женщину играть в шахматы. Разве что тренировать хорошенькую одалиску. Проигрываешь ей, а она тебе отдаётся.

ПОЛИНА *(улыбается в ответ)*. Зрители следили за тем, что происходит в партии по фигурам на большой доске, демонстратор, непростая работа, должен был воспроизводить ходы игроков, записывать их и переставлять стрелки больших часов. По ним зрители понимали, сколько остаётся времени у каждого до конца партии. Слава постоянно оказывался в цейтнотах, потешно тряс ногой при этом, а демонстраторы не любили его за то, что в цейтнотах играют очень быстро, а быстро управляться с шестом, перемещать большие фигуры довольно трудно. В тот последний в нашей жизни вечер он был сам не свой. У него вообще были нервы наружу, как у вас, Мика, не обижайтесь.

МИКА. Что вы, Полина. Всё правда, всё так и есть...

ЛЮБА. Вас, Полина, не проведёшь. Жить с психопатом трудно, я вот не смогла.

Мика уходит.

АРТЁМ *(вслед)*. Ты же знаешь, Любку, язык без костей. Мика! Как пацан, честное слово... *(Следует за ним)*.

ПОЛИНА. Это было первенство Ленинграда. Самый важный и последний турнир в его жизни. Он его недоиграл, а как замечательно начал. У меня сохранилась таблица. В его графе четыре единицы и дробь — четыре с половиной очка из пяти возможных набрал мой дорогой

мальчик. Это блестящий результат. В его графе есть и ноль — но это не поражение. Или это и было настоящее поражение? Он ужасно боялся одного из участников, Пилиповского, боялся не как шахматиста... Тот приходил на тур в белоснежной милицейской форме. Я напрасно смеялась над страхами Мики.

ЛЮБА. Над кем, простите?

ПОЛИНА. Что я сказала? Над Славкой, конечно. Славочка был убеждён, что его непременно посадят. Вообще-то в сороковые крепко сажали, но Слава зря себя изводил. Не говоря уж, чему быть... Подающий большие надежды шахматист, шахматистов они почти не трогали. Многие выезжали на соревнования за рубеж и даже после этого оставались на свободе. У Славы был шанс, мог вырваться из конуры. В его комнате было очень темно, горела одна крохотная лампочка, а с потолка постоянно текла вода и он собирал её в тазы и банки. Он ещё ужасно боялся своего умершего соседа — счетовода Чернышёва. Точнее сказать, он боялся писем, которые приходили этому уже зарытому в землю Чернышёву за подписью «Обком профсоюза». Славка никак не мог взять в толк, что это просто ошибка, что профсоюз требует от покойника забрать выделенную ему путёвку в Ессентуки. Слава придавал этому какой-то смысл. В их общезитии не было водопровода. Он жил на Малой Охте. Ближайшая водонапорная колонка была почти за километр, причём в десятке шагов от огромной свалки. Когда Славка ходил за водой, там обязательно жгли мусор и жирные вонючие хлопья летели за ним. Ему нелегко было выглядеть аккуратно, как подобает талантливому первокатегорнику, будущему чемпиону. Его часто фотографировали, моего милого.

Вспышку фотоаппарата Джо продолжают вспышки слева в глубине сцены, у площадки с шахматным столиком. Там Мика, в роли Славы. Слава-Мика выглядит ещё более беззащитно, чем в современном облике, быть может из-за тенниски с большим, не по размеру, открытым воротом и огромных выутюженных штанин песочного цвета, перехваченных тонким ремешком.

В центре сцены.

ПОЛИНА. Это мой пояс. Выходили из положения, как могли.

ЛЮБА (Полине). Знакомо... Трудно быть и возлюбленной и мамочкой, правда, Полина?

ПОЛИНА. Трудно. Но иногда очень приятно... Любовь... (Негромко смеётся).

Слева.

На шахматную площадку под бравурную музыку эффектно впрыгивает мощный человек в белой милицейской форме. Это Пилиповский

(Артём). Странно, но он ведёт себя, как разъяренный армрестлер из телевизионного шоу, делает угрожающие жесты в сторону соперника, Славы-Мику, демонстрирует в разных ракурсах мускулатуру, угрожающе сопит, поднимает одной рукой тщедушного демонстратора, ставит, вернее, бросает его на место. Слава-Мика испуганно отшатывается назад и его подхватывает Даша (Полина в юности). Актриса к этому моменту должна быть в платье из модного тогда крепа-марокена (ярком, с большими цветами).

Далее автор не использует двойных имён, а указывает места действия, одно слева, шахматная площадка и рядом с ней — пространство прошлого, 1948 года, а в центре сцены, у навеса останки — пространство нового времени.

В центре сцены.

ПОЛИНА. Разумеется, Славке причудилось. Милиционер Пилиповский мирно сидел за шахматным столиком.

Слева.

Пилиповский перемещается за столик, вынимает ручку, заполняет бланк. Слава выглядит очень напуганным. Полина поправляет ворот его тенниски, целует его.

Слава поднимается на площадку, пожимает руку Пилиповскому, садится, поправляет фигуры.

В центре.

ПОЛИНА. Славе все время представлялись разные выходки и провокации Пилиповского. Славке казалось, что Пилиповский с ним разговаривает, а это строжайше запрещено правилами.

Слева.

Шахматисты быстро сделали несколько ходов. Демонстратор воспроизвёл на вертикальной доске: 1. e2-e4 c7-c5 2. Kg1-f3 Kb8-c6 3. d2-d4

ПИЛИПОВСКИЙ (*сняв фуражку и приглаживая волосы*). То, что партия во главе с нашим великим вождём, товарищем Сталиным указала на опасность низкопоклонства перед Западом, нам, стало быть, не указ.

СЛАВА (*срывающимся голосом*). Отчего же не указ, товарищ Пилиповский?

ПИЛИПОВСКИЙ. В этом и следует разобраться компетентным органам. (*Указывая на демонстрационную доску*). Почему в дебюте, в начале жизни, образно выражаясь, молодой человек выбирает не добрую русскую партию, а сицилианскую защиту.

СЛАВА. Я мог бы начать по-другому...

ПИЛИПОВСКИЙ. В шахматах ход назад не берут, и в жизни тоже, юноша.

Соперники снова обменялись ходами. Демонстратор перемещал фигуры на большой доске: 3... c5-d4 4. Kf3-d4

ПИЛИПОВСКИЙ. Не припоминаете ли вы, что ответил товарищ Сталин на вопрос корреспондента газеты «Правда» о том, как расценивать поведение представителей Китая, Аргентины, Бельгии, Канады, Колумбии и... Сирии, поддержку этими господами политики развязывания новой войны?

СЛАВА (*с дрожью в голосе*). А сами запомнили?

ПИЛИПОВСКИЙ. Товарищ Сталин указал... (*Касается фигур на доске*). Правильно. Так вот он указал, он указал... Не припоминаете, стало быть.

Слава быстро делает ход, встаёт из-за шахматного столика, жалко сгорбившись, спускается с площадки к Полине и рыдает, уткнувшись ей в плечо. Демонстратор воспроизводит последний ход чёрных — 4. Кв8-с6

В центре.

ПОЛИНА. Шахматисты часто прогуливаются, пока противник думает. Трудно усидеть за доской все пять часов поединка. Кто мог подумать, что это последний славкин ход в жизни. Я быстро вывела его из зала.

Слева.

Ведя за собой Славу, Полина делает несколько шагов к левому порталу.

В центре сцены.

ЛЮБА. Я дала бы ему пощёчину, встряхнула его, как следует.

ПОЛИНА. Я тоже дала.

У левого портала.

Полина бьёт Славу по лицу.

ПОЛИНА. Немедленно приди в себя и возвращайся на сцену! Как можно так раскиснуть. Что ты вообразил на этот раз? И прекрати реветь! Вячеслав...

СЛАВА. Не называй меня Вячеслав, прошу.

ПОЛИНА. Скажите, какие нежности. Люди воевали и будут ещё воевать, отстраивают страну, терпят холод и голод. Ради чего?

СЛАВА. Ради чего, Полина?

ПОЛИНА. Ради того, чтобы ты мог двигать свои дурацкие деревяшки, слюнять! Когда тебя принимали в комсомол, я писала рекомендацию...

СЛАВА. Мне показалось, что Пилиповский...

ПОЛИНА. Я знаю, что тебе показалось. Если болен, лечись! Такой ты никому не нужен, ни стране...

СЛАВА. Ни тебе?

ПОЛИНА. Куда он смотрит, что за вид, это наказание какое-то, честное слово.

Слава смотрит, как занавес скрывает шахматное пространство, погружающееся в темноту. Напоминанием о нём остаётся тиканье турнирных часов.

СЛАВА. Я понимаю, что веду себя недостойно комсомольца. Полина, я возьму себя в руки, сегодня это случилось в последний раз, я докажу...
(Теребит ремешок).

ПОЛИНА. Брюки потеряешь. Идёт твоё время.

СЛАВА. Моё время? Нет, не моё.

ПОЛИНА. Пилиповский сделал ход и перевёл часы!

СЛАВА. Не смей произносить его имя! *(Громко)*. И я знаю, слышите, товарищ Пилиповский, что ответил товарищ Сталин на вопрос корреспондента газеты «Правда». Товарищ Сталин прямо ему сказал: что всё это может кончиться лишь позорным провалом поджигателей новой войны.

Появляется Пилиповский, недоумённо разводит руками, подходит к ним.

ПИЛИПОВСКИЙ. Ты это к чему, Вячеслав? Иди играй, твой ход.

СЛАВА. Ты, присмотришь, Полина, какая мощная у товарища Пилиповского... лобная кость, а волевые надбровные дуги, гортань выступает, он рождён... с настоящим ушным хрящом, и мышцами везде, где полагается мужчине. Височные, скуловые, грудные, дельтовидные. Я думаю, у него есть даже камбаловидная мышца. Иногда недооцениваем мы свои победы и достижения. Ведь как говорят — создадим нового человека. А он создан, Полина. Вот он! Их много, я вижу их каждый день, рядом с собой и рядом с тобой тоже, Полина.

Пилиповский изумлён.

СЛАВА. Полина, ты красивая. Я боюсь, какой-нибудь сородич товарища Пилиповского, новый сильный человек украдёт тебя.

ПОЛИНА. Ты сам знаешь, как я к тебе отношусь.

СЛАВА. Я понимал, нелепо, даже подло требовать от Полины признания в любви в присутствии товарища Пилиповского, но мне это было позарез необходимо. В стране, населённой титанами, победившими фашизм и следующими, кто мечтал доказать презрение к смерти и боли, мне, гражданскому, готовили жалкое место. Меня преследовал кошмар — какой-нибудь хмельной весельчак, гвардии сержант, вся грудь в медалях, прижимает её к себе, вроде бы шутя. *(Сквозь слёзы)*. Говорит: «сестрёнка», варвар этакий. Я загадал, если Полина скажет мне — «Люблю», в присутствии товарища Пилиповского, это уберёжёт меня от будущих бед и унижений. Она не сказала и немедленно, так часто со мной бывало в мгновения сильных душевных переживаний, у меня ужасно скрутило желудок и пришлось мчаться

в уборную, потом я сбежал из шахматного клуба.

Слава шагает в глубину, в тень. Из-за занавеса слышны аплодисменты. Пауза.

ПОЛИНА. Тур завершён. Вам, наверняка присуждена победа. Поздравляю. ПИЛИПОВСКИЙ (*солидно*). Шахматы это и борьба нервов, я перекурю это дело, не возражаете?

ПОЛИНА. И меня угостите. Я должна найти Славу.

ПИЛИПОВСКИЙ. Неужели не найдём, даже не сомневайтесь.

СЛАВА (*идёт в глубину сцены к прозрачному занавесу, перемещается свободно, вдоль него, кричит*). Мог ли я рассчитывать на полное, подчёркиваю, полное обладание красивой женщиной, безраздельное...

В центре.

АЛЕКСЕЙ. Не бывает безраздельного обладания... разве что в момент обладания. И то зависит от количества обладающих. Пардон, пардон.

ДЖО (*поправляет прядь, упавшую на глаза Полины*). Не обращайтесь внимания, Полина. Актёр, что с него возьмёшь. Не спит? (*Правит свет*).

ПОЛИНА. Нет. Это была первая папироса в моей жизни. Я оказалась взятой курильщицей. (*Закуривает*).

СЛАВА. Да, безраздельного, мы были идеалистами, максималистами, мы и остались ими, вопреки всему.

В центре.

ЛЮБА. «Максималистами», чтобы не сказать другое слово.

СЛАВА. Да, максималистами, или всё или ничего! А иначе? Смотреть в театре гривуазные пьески, рассказывать соседям по вагону сальные анекдоты об адюльтере... Кто больше изменяет, блондинки или брюнетки. Седые — ха-ха-ха... вместе нервно хрюкать, отгоняя, как жирную противно жужжащую муху мысль, что это и твоя история, что твою жену... В какой-то незнакомой комнате, на влажных простынях... лучшее, во что старательно одевалась,.. брошено на пыльный пол и она, твоя законная жена выполняет все его желания... Существует ли любовь? Я не знаю, я не успел понять... А вот те, кого всю жизнь тащит на бечёвке похоть, как товарища Пилиповского, в каком сладком сне проходят их дни и ночи. А если ещё природа одаряет их небольшим поэтическим чувством, подобием мозга... У Пилиповского, кстати, не было ни того, ни другого!

ПИЛИПОВСКИЙ. Врёт, всё у него было.

СЛАВА. Если бы почувствовать себя хоть раз в их шкуре... Как один дикий зверь, прекрасный зверь, прилипнув друг к другу, они могут...

лететь по жизни. А остальные... рожают детей, таких же сонных и холодных, как они сами, полуживых с младенчества. «И вот набросились кудлатые псы на Шуньку и Гульку...» Тоска! Я пытался верить Полине, но предполагал, что от одного присутствия этого зверюги Пилиповского... у неё блестят глаза, сбивается дыхание, как у неопытного пловца. Доверяй, но проверяй. Так нас учили.

Слава быстро раздевается, оставаясь в длинных трусах. Слышен негромкий шум волн и грохот тяжёлого транспорта по мосту.

Они нашли меня в тот момент, когда я залез на павильон над мостом Лейтенанта Шмидта. Уже собралась толпа зевак и глазела на меня, но милицию ещё не вызвали. О! Милиция пришла сама, причём под ручку с Полиной. Полина считала меня слабаком, я боялся высоты, но стоял прямо, почти прямо (*Удерживает равновесие, избегая смотреть вниз. Кричит*). Полина! Гражданин Пилиповский!

Полина и Пилиповский видят Славу. Пилиповский, сделав Полине знак, идёт к Славе.

ПИЛИПОВСКИЙ (*балансируя над предполагаемой высотой*). Я тебя должен буду задержать, Вячеслав. Ты что делаешь, среди бела дня. Ты зачем оголился? Было бы что показывать.

СЛАВА. За такие слова, за такие слова...

ПИЛИПОВСКИЙ (*медленно приближаясь к Славе. Движение — по диагонали от левого портала*). Приходи в субботу на «Динамо». Третий сектор. Я провожу консультацию по самбо для общественных инструкторов. Поговорим по-мужски. Шею тебе надо усилить. На воду не смотри, стой ровно.

СЛАВА (*возмущённо*). Шею? Ни шага больше, прыгаю. Полина, ты меня видишь?

ПОЛИНА. Все тебя видят. Слезай немедленно.

СЛАВА. Я не шучу! Прыгаю, если немедленно не поклянёшься, что ты любишь меня, что будешь мне верна, несмотря ни на что.

Голос Славы заглушается дребезжанием трамвая.

ПОЛИНА (*кричит*). Я тебя люблю, я буду тебе верна. Слезай, горлопан.

СЛАВА (*преодолев страх высоты и наслаждаясь присутствием большой невидимой аудитории у моста*). Дорогие товарищи! Что выше, любовь или дружба? Ленинградцы, дети мои, ленинградцы, гордость моя! С этой минуты вы все свидетели нашей будущей счастливой и чистой семейной жизни. Пилиповский, руки прочь!

ПИЛИПОВСКИЙ. Ты сам слезешь или тебе помочь, шпанистый ты парень, Вячеслав, оказывается. (*Ещё шаг и он хватает Славу за трусы*).

СЛАВА (*тихо*). Отпусти немедленно, слабая резинка, сейчас трусы упадут. *Трусы действительно падают. Слышен хоровой гогот зрителей*

собравшихся на мосту. Слава успеваает прикрыться руками. Пилиповский тоже хохочет и совершает лишнее движение, неловко наклоняясь, потом выпрямляясь, навсегда потеряв равновесие. Слава садится на корточки, съёживается.

ПИЛИПОВСКИЙ. Мне никогда не было так смешно. Никогда. Вообще нас учили сдерживать эмоции. И служба... Сами понимаете. Но в этот раз... Я ржал, как сумасшедший, пока летел вниз, только уже захлебнувшись ледяной водой, смолк. Если бы он не развеселил меня, я наверняка бы сумел сгруппироваться, спортсмен как-никак. Да и какая там высота...

ПОЛИНА (тогда). Всего лишь пятнадцать метров.

ПОЛИНА (сейчас). Я узнала это на суде.

ПИЛИПОВСКИЙ. Ну, а я о чём? И такой хохот был, когда я падал. Сезон-то скучный — начало весны, все пересыпали нафталином зимние вещи, бегали искать его по аптекам... Народ от души посмеялся. *(Эхо коллективного хохота)*. Одно к одному. И этот гаврик без портков, и я, как куль с песком, с моста. Как Ильинский, честное слово... Мне ужасно нравилась Полина. Я мечтал поразить её чем-нибудь, обыграть Славку в шахматы, но какое там, если бы не его припадок...

ПОЛИНА. Пилиповский, а у вас были потрясающие мускулы.

ПИЛИПОВСКИЙ (недоверчиво). Тебе откуда знать.

ПОЛИНА. Пока гуляли, шли к мосту, что вы! Я чувствовала настоящую мужскую руку.

ПИЛИПОВСКИЙ. Вот какой получился необычный во всех отношениях день. Партию я, как ни крути, выиграл. Исторический факт — в таблице отмечено. Правда и победитель и побеждённый выбыли из турнира. Полина опять-таки. Хорошо было гулять, жаль, хотел её угостить чем-нибудь. Я, ещё минуту, можно... *(Эти слова Пилиповского обращены к кому-то в вышине)*. Я так хотел пригласить её в кинотеатр или бильярдную. В пивную нехорошо. *(Умоляюще, вверх)*. Ещё минуту. У меня на участке пивная была с дореволюционным названием — «Храм воздуха». Там часто хулиганил некто Клочков. Как-то раз бросил паразит в соседа горячей котлетой, потом путался в показаниях, что, мол, это не котлета была, а шнельклопс. А потом вообще в отказ ушёл — «по сути, написал, по сути», тот ещё тип, «я бросил только жменю зелёного горошка». Да... Так вот... И потом гулять с ней по городу, политому дождём. Или зимой, на коньках через... Неву. Я бы её научил кататься. Её... кого-нибудь... Полину. Нельзя планы строить, товарищи. Я не в смысле жизни государства. Я в смысле жизни людей. Самое простое в голову не пришло, мог мороженым её покормить, по дороге к Неве.

У нас Главхладопром тогда марку держал, поверьте мне. Вкусно было. Планы нельзя... Вот у меня на отрывном календаре на завтра записано — репетиция танца «Агрессор», антивоенного, форму мне уже пошили, американскую, фуражку изготовили с их гербом и... *(Снова высоко вверх)*. Можно? *(Свирепо выпячивает челюсть, сдвигает фуражку вбок и пускается в пляс по всей сцене. Танец — нечто среднее между гопаком и пантомимой штыкового боя. Сделав круг, возвращается в самую глубину, к занавесу. Снова всматривается в высоту, говорит медленно)*. Разрешите... быть... свободным... Есть! *(По-строевому поворачивается, шагает к занавесу)*.

И некому было сказать обалдую, чтобы не прикидывался на суде психом, лучше было сесть. Так оставался шанс. А в тюремной псих-лечебнице всё, ад. Я говорю про это, потому что мне не было всё равно. Я любил её, да, совершенно точно. *(Уходит за занавес. Одновременно с ним уходит молодая Полина)*.

В центре.

ПОЛИНА. Я некоторое время бродила у Малых Крестов — закрытой психиатрической лечебницы для осуждённых, признанных невменяемыми. Ночью, когда город засыпает, слышно, как они кричат. *(Как бы потеряв мысль)*. Я хотела сказать... было слышно. Время бедное, лекарств не хватало, всем им кололи серу, сульфазин. Это очень больно, особенно если четвёрка — в обе ягодицы и под лопатки. И температура прыгает, выше сорока, давление тоже... Сколько он мог выдержать, голубчик. Надеюсь, не слишком долго.

(Слава встаёт, прикрывая пах руками, идёт к занавесу, скрывается за ним).

Один тюремщик, или санитар, рассказал мне, зачем их колют...

ДЖО. И зачем они это делают, ублюдки?

ПОЛИНА. Чтобы больные становились тихими. Мой и так был тихим.

В этот момент в центре сцены у автобусного навеса остались только Полина и Джо. Алексея и Любы на сцене уже нет. Свет, направленный на Полину, теперь немного мягче.

ДЖО. Можно? *(Касается щеки Полины)*. Как это ощущение передать, вот в чём вопрос. Вы же не согласитесь сидеть на выставке живым экспонатом, чтобы каждый посетитель мог потрогать вас. Не согласитесь?

ПОЛИНА *(Удивлённо)*. Ноги мёрзнут, представляете? В такую-то теплынь.

Джо подбирает плащ и укутывает Полину.

ПОЛИНА. А погладьте меня ещё. Меня чертовски давно не гладили.

ДЖО. Вау! Вам понравилось. Как нам повезло с вами. *(Гладит её)*.

ПОЛИНА. Просто волшебные руки.

ДЖО. Фи, Полина, bad style. О руках женщины. Особенно такого урода, как я.

ПОЛИНА (*оживлённо*). Так вы всё-таки ЖЕНЩИНА.

Джо хохочет.

ПОЛИНА (*смущённо*). Извините старую шляпу. Я имела в виду...

ДЖО. Что, что вы имели в виду, дорогая?

Полина смущена.

ДЖО. Оставьте. Я покрыта бронёй. Меня невозможно зацепить.

ПОЛИНА. Я и не пыталась...

ДЖО. Немедленно прекратите смущаться. Я счастлива, что вы здесь. (*Касается губ Полины*). Так мы можем зайти слишком далеко. Работа прежде всего.

ПОЛИНА. Я готова.

ДЖО. Вы были пионеркой?

ПОЛИНА. Разумеется, какой вопрос. Пионерский галстук повязал мне тот самый Ветров, который впоследствии...

ДЖО. Какое чудо! Хороша я была бы, если мои друзья-приятели лепетали бы здесь о «странностях своей любви». Это предполагалось минус привычные клубные интерьеры, пока я не встретила вас. Вот о чём размышляю, Полина, как существо бесполое и холоднокровное... Смотрите... смотрите...

Слева появляются в своих современных одеждах Даша и Артём. Артём целует Дашу, его руки гуляют по телу девушки.

АРТЁМ. Даша, Даша...

ДАША. Артём Валерьевич?

АРТЁМ. Не выпендривайся, Дарья.

ДАША. А вы не кусайтесь, Артём... Валерьевич... Бабушка, зачем у тебя такие большие... зубы.

АРТЁМ. Я тебе покажу бабушку.

ДАША. Нежнее, Артём Валерьевич, со мной лучше нежнее.

АРТЁМ. Если... ещё раз услышу Валерьевича...

ДАША (*официально*). Дорогой Артём...

АРТЁМ. У меня крыша съезжает...

ДАША. У вас крыша лысеет... О!

АРТЁМ. Не играй... я знаю, что ты чувствуешь.

ДАША. Расскажите... у нас в прямом эфире...

АРТЁМ. Молчи, молчи...

ПОЛИНА. Джо, это неприлично. Сделаем вид, что нас нет.

ДЖО. Оставьте жеманство. В вашу молодость в СССР пропагандировался свободный секс?

ПОЛИНА (*возмущённо*). Да ничего подобного! Вы думаете, сколько мне лет? Гораздо раньше. И, кстати, партия это осудила, сам Ленин осудил.

ДЖО. Сам? Это меняет дело.

ПОЛИНА. Какая вы хулиганка, Джо. Для вас нет авторитетов.

ДЖО. Увы!

ПОЛИНА. И потом... речь шла о свободной любви, слово «секс» не произносилось.

ДЖО. Ага! Какая разница?

ПОЛИНА. Станный вопрос... Секс это одно...

ДЖО. А любовь это другое. Вот в чём, оказывается, закавыка. Я, Полина, вас спрашиваю, как настоящую женщину, представителя тающей на глазах популяции. Я готовилась к работе над проектом по мере сил, заставляла себя телевизор смотреть и читала разные помоечные издания. Меня интересовало, чем кормят обывателя. Что выяснила — у нас специалисты по любви... и сексу или монстры вроде меня, лишённые человеческого начала. Тсс! Не надо комплиментов, отработаете. Или сосредоточенные папики, речистые... сразу видать, тайные любители детского порно, ну кто ещё... симпатичная барышня из массажного салона, спела про «снежный — нежный сад», в котором то ли её забыли, то ли нашли... Спела и рассказала, кто именно её нашёл и как у них всё ладно, про любовь, про секс, про материнство. И тут оператор, извините, поднастрал, другого слова не подберёшь.

ПОЛИНА. Поднастрал... в каком смысле?

ДЖО. Буквально, взял крупным планом чугунное рыло её избранника, крупного финансиста из бывших... из бывших костоломов. Всё, конец пасторали.

ПОЛИНА. Вы не правы, Джо. Зачем «чугунное рыло»? Вы обозлены, Джо.

ДЖО. Полина... Вы ещё спросите, кто меня так сильно обидел?

ПОЛИНА (*искренне*). Кто вас так сильно обидел, дорогая моя?

ДЖО. Вы издеваетесь? (*Пристально всматривается в Полину*). Нет, вы чудо. Ещё скажите, что встречают по рылу, а провожают по душе.

ПОЛИНА. Вот что, милая моя, молодая женщина, а столько злобы. Чугунное рыло... А если вас так кто-нибудь назовёт.

ДЖО. Вы, драгоценная Полина, не борзейте...

ПОЛИНА. Это вы не борзейте! Простите... Ну взял он её из массажного салона, из шлюхи сделал матерью и женой. Она знает, что дети её голодать не будут, получают образование. Как ей не любить его? И такая бывает любовь. Эх, ты... Если замуж за человека, которому есть чем зад прикрыть, то это непременно по расчёту, как не посудачить. А если за убогого и сирого, тогда что? По любви непременно? Только потом жрут поездом этого убогого и сирого, отчего денег мало приносит.

ГОЛОС МИКИ. Золотые слова! *(Уже в джинсах и куртке, он подходит к Полине, целует ей руку).*

ПОЛИНА. Прямо зацеловали меня. Давно такого не бывало.

ДЖО *(Мике)*. Не смей прикасаться к Полине, я ревную. *(Показывает на Артёма и Дашу, забывших обо всём на свете)*. Полина, посмотрите на голубков.

ПОЛИНА. Не буду я смотреть.

ДЖО. Нужно для дела, Полина.

ПОЛИНА. Не морочьте голову.

МИКА. Джо, если Люба увидит...

ДЖО. Успокойся, она ещё не это увидит.

МИКА. Ей будет плохо, она очень любит Артёма.

ДЖО *(жестом гида указывает на пару)*. Дорогие друзья! Что перед нами? Какое-то мгновение судорог, восторга. *(Полине)*. Как Слава ваш на мосту, а потом неизбежная расплата. Люба конечно, абсолютный овощ, напьётся и забудет, а вдруг возьмёт топор или склянку с кислотой...

МИКА *(резко)*. Кто овощ?

ДЖО. Выдохни, дружок. К тебе это не имеет отношения.

МИКА. Не смей называть мою...

ДЖО. Твою... приди в себя, Мики.

МИКА. Извинись, за то, что ты сказала. Мне будет потом стыдно, но мне придётся тебя... оскорбить.

ДЖО. Чтоб тебе не было стыдно, я извиняюсь. Люба — не овощ.

МИКА *(кричит, сложив руки перед лицом)*. Артём, Даша, где вы! *Артём и Даша отрываются друг от друга, приводят одежду в порядок.*

ПОЛИНА *(негромко)*. Это тоже любовь. Я о Мике.

ДЖО. Чудовищно, Полина. Давайте весёлую историю. Мика, если ты простил меня окончательно, свет на Полину направь. Левее. *(Снимает Полину видеокамерой).*

Возвращаются Артём и Даша.

АРТЁМ. Как идут дела?

ДЖО. Спасибо, неплохо. Где вы были?

АРТЁМ. Где мы были? У меня такое чувство, что мы где-то были.

ДАША. Полина, а вы так и не вспомнили, где живёте?

Прозрачный занавес открывает центральное пространство (площадка кафе). Огоньки над ним складываются в буквы характерного для времени шрифта «Звёздное небо». Столик со стульями. За ним в отдалении эстрада с инструментами. За столиком Алексей, далее в тексте Максим. Он не должен напоминать стилияг из

«Крокодила», но одет по-летнему модно — светлый костюм, белоснежная рубашка, канареечного цвета галстук, белые туфли.

ПОЛИНА. В 61-м мне уже тридцать три. Я была не замужем и это обстоятельство меня удручало. *(На площадке появляется Люба, далее в тексте Полина, в лёгком, светлого тона летнем платье).*

Правда, у меня длился невероятный роман, завидовали все, и я сама себе завидовала. Он был известным художником. Каждый день его карикатуры печатались в журналах и газетах на всю страну. Я иногда, увидев его рисунок где-нибудь на улице, подходила, чтобы обвести линии пальцем, как бы повторить движения его руки и у меня внутри всё... сжималось.

ДАША. Класс, что же он такое... возбуждающее рисовал? Не вспомните? *Полина встаёт с кресла и легко разворачивает навес автобусной остановки, сдвигая его левее. (Конструктивно, навес — это модуль на колёсиках). Центральная игровая площадка теперь открыта. На обращённую к зрителям сторону навеса будут проецироваться слайды.*

ПОЛИНА. Например, у него был потрясающий сюжет — Регулировщик, парящий в воздухе, останавливает вертолёт. И говорит штурману вертолёта: «Товарищ, повисните-ка в сторонке». А штурман отвечает: «Виноват, товарищ регулировщик, вас тучкой слегка накрыло». А регулировщик ему: «Вы не видите, что детсад на дачу перелетает». *Артём, Даша, Мика и Джо рассматривают слайд с описанным изображением.*

ДАША. Да, парень неплохо отвязывался. Это печатали и деньги платили?

ПОЛИНА. Ему очень хорошо платили. Даже неприлично много для 1961 года.

ДАША. В 1961 год я только что играла с дорогими радиослушателями. Опубликован «Тропик Рака» Генри Миллера и... год выхода человека в космическое пространство, полёты Гагарина и Титова.

ПОЛИНА. Именно! А какой был замечательный сюжет про девушку, которая сказала своему ухажёру: «Я люблю лунные камни».

Проецируется новое изображение.

И он добывает этот камень — они встречаются, на Земле, и парень еле-еле тащит его, говорит удивлённо: «А на луне он был гораздо легче» (Смеётся). Прелесть, правда?

Площадка — кафе.

Алексей (Максим) делает наброски в блокноте. Люба (Полина) сидит напротив.

Далее, как и в «шахматном» сюжете, настоящие имена опускаются.

МАКСИМ *(не отрываясь от блокнота)*. Здравствуй, солнышко.

Полина берёт оторванный листок. Одновременно проецируется слайд.

МАКСИМ. Не смотри, ещё очень сыро.

ПОЛИНА. Это врач, это больной. А что за окном?

МАКСИМ. Небоскрёб, дурочка. Врач говорит больному: «Ваше состояние внушает мне опасение, боюсь, вам нечем будет заплатить за визит».

ПОЛИНА. Небоскрёб какой-то кривой получился.

МАКСИМ (*легко*). Уедешь, будешь меня консультировать в письмах. (*Громко*). Официант! Армянский мускат и шоколадный набор.

У навеса.

ПОЛИНА. Это день решительного объяснения. Максим был женат... И вот... мне предложили поехать на работу в Англию, выбрали из других переводчиц. Долго таскали по разным кабинетам... до сих пор помню — количество забастовок в Великобритании в 1960-м — 2568, приняло участие 750 тыс. человек, потеряно аж 3 млн. рабочих дней... И я предложила Максиму определиться окончательно — я или жена. Всё представляла, как скажу начальству: не могу дышать без родины, никуда не поеду. И осталась бы с ним... Блажь... Беда в том, что я привыкла к роли любовницы за пять лет, которые мы были вместе, да и ему очень нравилось жить с двумя красивыми женщинами. Это способствует хорошему жизненному тону. Все мы были по-своему счастливы, без слёз и истерик... Я не верила, что он решится оставить её, с детьми... Мы должны были красиво попрощаться.

Площадка кафе.

Официант приносит заказ и удаляется.

МАКСИМ (*наливает полные бокалы*). За нас, Полина.

ПОЛИНА. Я совсем не сержусь. Я всё понимаю, мой хороший.

МАКСИМ. А почему ты должна на меня сердиться?

ПОЛИНА. Так я и говорю, что не сержусь... Ты поступил, как мужчина, как ответственный человек, отец двух детей.

МАКСИМ. Вчера я объяснился с женой, мы разводимся.

ПОЛИНА. Не может быть!

МАКСИМ. Ты знаешь, я вру только по мелочам. У тебя вино льётся.

Вино из бокала Полины льётся на скатерть, она в изумлении смотрит на Максима.

У навеса.

ПОЛИНА. В ту минуту я поняла, как сильно хочу уехать. Я страшно устала от стремительных набегов Максима. То он есть, то его нет. Раз-два. И давно не представляла себя его женой, устала мечтать об этом.

Площадка кафе.

МАКСИМ (*делает наброски*). Никак не могу взять одну тему... «Во Франции в этом году растут цветы и цены», цветы и цены... дорогая моя, не видать тебе Франции...

ПОЛИНА. Англии...

МАКСИМ (*не отрываясь от блокнота*). И Англии, твоя правда.

Полина машинально набирает конфет, бросает в рот.

МАКСИМ (*улыбаясь, смотрит на неё*). Ты что?

ПОЛИНА (*с набитым ртом*). Так вкусно, так вкусно...

МАКСИМ. Я рад. (*Рисуя*). Развод, конечно, тягомотина страшная... но мы объяснились. Держать меня силой Людмила не будет, она здравомыслящий человек. Сегодня перевезу тебя.

ПОЛИНА. А... куда?

МАКСИМ. К себе в мастерскую, естественно, не стеснишь. Или, думаешь, жену с детьми на улицу выставлю?

ПОЛИНА. Максим... ни в коем случае. Ты с ума сошёл!

МАКСИМ. Добрая Полина. Трудно тебе со мной придётся. Какой-то, между прочим... англичанин, прислал в редакцию трогательное письмо — если Бог существует, то он создал СССР. (*Проекция слайда*). Когда я осознал, что ты уезжаешь навсегда...

ПОЛИНА. Почему навсегда? Три года пролетели бы незаметно.

МАКСИМ. Ха, три года. Знаю я вас, женщин, сначала горевать, романтически бродить в прострации по дождливым закоулкам, писать письма... и вдруг, откуда ни возьмись, чуткий... садовник в посольстве. Будет утешать, ты напишешь о нём, как честная женщина, чтобы ничего не скрывать. Потом нет писем, нет! Где письма? А это означает, что отношения с утешителем постепенно трансформируются. И вдруг, на тебе — открытка с романтическим видом: прощай, прости, если можешь.

ПОЛИНА. Ты знаешь женщин... Пошло, Макс.

МАКСИМ. Прежде всего, это истинно. А тебе очень хотелось в Лондон, бедолага. Отлично понимаю — столько времени просидела с путеводителями. Ты не увидишь живых павлинов на тропинках Холланд — парка...

ПОЛИНА (*горестно*). Не увижу...

МАКСИМ. И не пойдёшь на антивоенный митинг на Трафальгарскую площадь?

ПОЛИНА. Никогда.

МАКСИМ. А что там ещё есть. Футбол ты не любишь. Пиво там, говорят, неплохое, но в пабы женщины не ходят, верно?

ПОЛИНА (*почти рыдая*). Нет, не ходят. Это считается неприличным. То есть пустят, но могут принять за уличную девку. Дикари...

МАКСИМ. Не горюй! Скоро может быть, в этот Лондон поехать, как... в Павловск. Наши уже на Венеру летают. У меня, кстати, есть неплохая придумка про Венеру... В месте посадки спускаемого аппарата...

ПОЛИНА. Мне кажется, Макс, ты решил расстаться с женой, исключительно для того, чтобы не пустить меня в Лондон.

МАКСИМ (*недоумённо*). Конечно, именно так.

ПОЛИНА. А если б я никуда не ехала, всё осталось бы по-прежнему?

МАКСИМ. Честно? Полагаю, что да.

ПОЛИНА. Я должна признаться, что обманула тебя. Я придумала Лондон, чтобы ты ушёл от жены. У тебя вино льётся.

У навеса.

ПОЛИНА. Зачем я соврала? Слова вырвались сами. Одно я знала точно в эту минуту: нужно оттолкнуть его, он должен вернуться к жене, а я улететь в Лондон.

Площадка кафе.

МАКСИМ. Не может быть! А твои занятия по вечерам, а бесконечные поездки в Большой дом, на инструктаж?

ПОЛИНА. Я всё придумала.

МАКСИМ. А очкастый тип, который спрашивал тебя... зачем этот... премьер Макмиллан ездил в Париж в январе?

ПОЛИНА. Подумай сам, какой дурак мог меня спросить, зачем Макмиллан ездил в Париж... Откуда мне знать...

МАКСИМ. В самом деле... Как мне не пришло в голову...

ПОЛИНА. Я придумала, как отбить тебя и хладнокровно реализовала свой план. Сейчас, когда ты сказал мне, я представила твоих детей, Людмилу... и мне стало стыдно...

МАКСИМ. Ты просто авантюристка, циничная гадина из зарубежных детективов... Я и не предполагал... Ёлки-палки. (*Официанту*). Дружище, водки, живее! (*Берёт лицо Полины в ладони*). Эти невинные, васильковые глаза, какие мы идиоты, мы всегда обманываемся, разве можно верить женщине хоть в чём-то.

ПОЛИНА. Макс... Ты не о том сейчас думаешь. Можно верить женщине, нельзя... Одной можно, другой...

МАКСИМ (*прогуливается, на ходу снимая у официанта с подноса графинчик и рюмку*). Мне казалось... уже что-то понимаю про вас, женщин, как вы устроены и я узнал сейчас... не понимаю ничего, ровным счётом ничего.

ПОЛИНА. Как мы устроены, ты думаешь, сложнее, чем вы...

МАКСИМ (*нъёт*). А то нет. Каждый из нас просто хочет обладать как можно большим, владеть, ну не царством, коли не родился Тамерланом,

то хоть женой соседа, если она хороша собой. А вы ... Может, вы и сами никогда не знаете, чего желаете... И при этом какое чувство перспективы... Какой расчёт! Ты, Полина, потрясающая женщина, я влюбился в тебя сейчас заново. Ты понимала, что делаешь, чем рискуешь... Какой идиоткой ты бы выглядела, если б я принял другое решение... Ты видела мою жену, она не клуша в стоптанных тапках.

ПОЛИНА. Людмила — очень красивая. Макс, ты... мы совершили ошибку... Когда я увидела её, то была просто поражена, зачем нужна тебе я... правда. Я поступила грязно, мне нет прощения. Людмила очень дорожит тобой, она поймёт, ты скажешь, это был порыв... Мы должны расстаться, ты никогда не будешь мне верить.

МАКСИМ. Ты — не господь Бог... который создал СССР... чтобы тебе верить. Пресное это дело — верить. Какая игра! Так всё рассчитать... Ты учла, что рано или поздно я бы узнал, что никто тебя не звал в Лондон, кому ты там нужна. Потому всё мне рассказала сейчас. (*Пьёт*). Водки хочешь?

ПОЛИНА (*отчаянно*). Давай. (*Залпом выпивает налитую рюмку*).
У навеса.

ПОЛИНА. Вам покажется смешным, а это была первая рюмка водки в моей жизни. Мне ужасно понравилось.
Площадка кафе.

МАКСИМ (*с изумлением смотрит, как Полина пьёт*). Ты уверяла меня, что не выносишь... сивушного запаха. А... понимаю, это бы разрушило образ...

Максим идёт к официанту, суёт ему купюру в руку, официант, кивнув, удаляется.

ПОЛИНА. Максим, ты обаятельный, ты всё поправишь, Людмила простит тебе.

МАКСИМ. Хватит играть, Полина. Я... сражён.
На эстраде в глубине появляются музыканты с инструментами. Максим рядом с Полиной, касается её, осторожно, как бы привыкая к чему-то совершенно новому. Музыка маленького оркестра звучит сладко-мелодично.

МАКСИМ (*прижимает её пальцы к своей груди*). Слышишь, как бьётся сердце, дорогая моя стерва.

ПОЛИНА. Не называй меня стервой, Макс, я не заслужила. Знаешь, каково мне было, когда ты одевался... как в армии на побудке, просил меня зажечь спичку, и я делала вид, что это смешно, а ты мчался со всех ног в объятия к жене.

МАКСИМ (*радостно*). Ты ревновала, по-настоящему ревновала. А держалась всегда независимо. Молодец!

Максим поднимает Полину со стула, они танцуют.

МАКСИМ. Любимая моя, я покажу тебе самую красивую звезду. Я уже заказал её халдею...

Свет приглушен. На ресторанном небосводе загораются крупные пятиконечные звёзды. Появляется Официант.

МАКСИМ. Это творец... тот самый, который создал СССР.

Официант, кивнув, удаляется.

МАКСИМ. Я чувствую себя астронавтом. Мы в новых мирах. Как тебе дышится, дорогая. Немного кислорода. *(Целует Полину в губы)*. Теперь уже лучше. Я не хотел говорить тебе всю правду сразу.

ПОЛИНА *(с надеждой)*. Что, Макс, ты мне всё таки соврал, ты не уходишь от жены. Ты — такой молодец...

МАКСИМ. Нужно экономить силы... молчи. Людмила слишком привыкла ко мне, я ощутил это вчера... невероятно привыкла.

ПОЛИНА. Конечно, конечно, столько лет, я понимаю и дети...

МАКСИМ. Ты станешь моей женой, а Людмила будет... тоже будет, одним словом. Ничего не хочу терять, ничего... *(Размахивает руками)*. Я лечу! Я в бесконечности! Не смотри вниз, у тебя закружится голова. *(Берёт Полину на руки)*.

ПОЛИНА. Отпусти меня.

МАКСИМ *(прижимает её крепче к себе)*. Мы в открытом космосе. Нам ничего не страшно. Летим! *(Кружится с ней по площадке)*.

ПОЛИНА *(кричит)*. Отпусти, ты делаешь мне больно, отпусти.

МАКСИМ. Мы должны научиться терпеть боль, терпеть, терпеть.

ПОЛИНА. Отпусти меня, ненавижу, отпусти!

Максим кружится с Полиной на площадке, приближаясь к краю.

МАКСИМ. Лети, стерва. *(Бросает тело женщины)*.

Полина с криком падает за пределами площадки. Максим смотрит в воображаемую бездну, поворачивается к залу, делает несколько шагов, садится на пол, обхватив голову руками в мелодраматическом отчаянии. Выходит невозмутимый Официант. Максим заученным движением вынимает купюру, протягивает ему. Забрав деньги, официант удаляется. Полина, скуля по-собачьи, выкарабкивается вверх.

МАКСИМ *(спокойно)*. Ты ждёшь извинений?

ПОЛИНА. Ага... Нет, не жду. Ох... Я, Макс, вывихнула ногу. Как мне теперь...

МАКСИМ. Что теперь?

ПОЛИНА. Как я полечу в Лондон, у нас рейс завтра в 9.20, а сбор в шесть утра.

МАКСИМ. Сбор в шесть утра... *(Хохочет)*. Потрясающая ЖЕНЩИНА.

ПОЛИНА. Я тебе клянусь, я тебя обманула. Я просто не хочу жить с тобой, Макс, я разлюбила тебя.

МАКСИМ. Разлюбила меня? *(Хочет. Подходит к ней, нежно гладит по волосам)*. Я должен был предположить, что объяснение не будет легким. Давай договоримся: всё это в последний раз. Крики «я тебя ненавижу, отпусти» — не наш с тобой жанр, верно? Кроме тебя мне никто не нужен. Я просто сорвался, когда услышал про твою... шахматную комбинацию...

ПОЛИНА. Почему ты сказал «шахматную»?

МАКСИМ. Не знаю. Слушай, отличный сюжет. Пара влюблённых в открытом космосе... летят к неведомым планетам и... ругаются. Блеск!
Проекция слайда.

Представляешь себе?

Полина согласно кивает.

МАКСИМ. Едем забирать твои вещи. Сегодня будешь спать у меня.

ПОЛИНА. Макс, я должна немного побыть одна. Забирай меня завтра утром.

МАКСИМ. Завтра утром... До 12 я в редакции. *(Бережно поднимает её, усаживает)*. Нога болит?

ПОЛИНА. Заезжай завтра после 12, когда освободишься, я буду тебя ждать.

МАКСИМ. Ладно, завтра в час дня. *(Делает несколько шагов прочь от Полины)*.

ПОЛИНА. Макс, обними меня!

МАКСИМ *(улыбаясь)*. Завтра, ты сама решила, что завтра.

ПОЛИНА. Сейчас! Сейчас! *(Поднявшись, топает ногой и сразу морщится от боли)*. Елки-палки, как же больно.

МАКСИМ. Всё! Беру отпуск и не отпускаю тебя ни на шаг. В Коктебель поедем?

ПОЛИНА. Видно будет, не болтай. Обними меня немедленно.

МАКСИМ. Да ты просто... чуть не вырвалось.

Полина, чуть прихрамывая, идёт к нему, обнимает, прозрачный занавес закрывает площадку кафе, ресторанные звёзды светят сквозь него.

У навеса.

ПОЛИНА. Я улетела на следующий день... Так и не смогла написать ему путное письмо... То, что было между Максимом и мной... по-настоящему сильно, я когда... кости ноют, вспоминаю его и в это мгновение, не поверите, прощаюсь со своим дряхлым непослушным телом, закрываю глаза и... действительно лечу. И знаете, Джо, скажу вам по секрету... дайте ухо...

ДЖО. У меня давно нет уха. Мы так не играем, говорите, всё фиксируется для вечности. Когда наша галактика превратится в маленькую точку, в этой точке будет содержаться информация о вас.

ДАША. Джо знает про галактику... Полина, вы забыли, что хотели сказать? ПОЛИНА (*сердито*). Я не маразматик... может быть, неловко человеку?

ДЖО (*яростно*). Человеку не может быть неловко, не может быть!

АРТЁМ. Мы с Микой можем прогуляться.

МИКА. Само собой.

ДАША. Когда Полина вспоминает Максима, она испытывает... высшее наслаждение, или проще...

ПОЛИНА. Вам не совестно, Дарья?

ДАША. Мне не совестно, мне горько. Совестно должно быть другим. Что-бы вспомнить в ваши годы, нужно пережить наяву или нет? Как вы считаете?

ПОЛИНА. Наверное.

ДАША. Наверное... Сытый голодного не разумеет.

ПОЛИНА. Когда я оказалась в Лондоне, всё получилось почти как рассказывал Максим. Я плутала по незнакомым улицам так иступлённо, что за мной через день уже следовали здоровяки из службы безопасности посольства. Подвернулся и этот... садовник, но ничего не помогало. Просыпаюсь, подушку кусаю, говорю себе: не реветь! Не сметь! Иду как-то по Челси... дивное место рядом с посольством... и думаю: я сейчас его увижу, здесь, и такое ликование меня охватило, такая уверенность, только хвостик мысли... сейчас рехнёшься, берегись! Берегись! Могла сойти с ума. Могла... Спасло то, что оборвалась моя заграничная карьера. Я от переживаний почти не ела... да и не спала толком, и на очень важном приёме стало худо, а переводить в тот вечер нужно было не кого-нибудь, а самого товарища Бурдо...

АРТЁМ. (*сочувственно*). Большой человек?

ПОЛИНА. Замминистра иностранных дел СССР. Суровый был, сам с трудом говорил. И я... в лихорадке. Запнулась раз, другой, третий и замолчала. Как набитая дура, позор... и глупая улыбка вылезла сама по себе, не спрятать. Стоим с товарищем Бурдо. Я улыбаюсь, а у него пот с лысины в бокал шампанского падает, крупными каплями. Потом сказал, что, таких как я, он лично расстреливал в прежние времена. Расстрелять не расстреляли, но решили отправить на родину как неоправдавшую доверия. В день отъезда я пошла посмотреть, как зажигают газовые фонари. Яркая красная вспышка, потом голубая, потом ровный свет, и шипят, как змеи, это слышно, если нет движения и людей. Иду... и фонарщики в синей, будто морской форме,

через каждые тридцать шагов, вежливо приветствуют меня, как матросы отставленного адмирала. Один, толстый-толстый, уютный, как в сказке... Даша, а вам нравится толстяки?

ДАША. Я о них пока не думала. А что, у вас есть достойный толстяк на примете? Смеётесь над бедной девушкой.

ПОЛИНА. Что вы... Тот, невероятный, Гаргантюа просто... уже управился со своим фонарём и жевал многослойный, ему под стать, сэндвич с ветчиной, зеленью, горчицей. Я остановилась, как вкопанная, смотрю ему в рот, отвести глаза не могу. Он, добрая душа, отломил половину... Я впервые с таким блаженством ела за полгода, что прожила в Англии. А благодетель мой удивляется — одета женщина прилично, а лопает, как из голодного края, а я и плачу ещё, не могу остановиться. Нет для тебя слова, жизнь, думаю. Он меня спрашивает, что плачешь? Говорю, на родину возвращаюсь, домой. Удивляется, радоваться, мол, нужно. А откуда вы? Из России. О-о, понимаю, говорит, Stalin. Не езжайте, оставайтесь в Англии, советует. Нет, отвечаю, Сталин умер давно, а на родине у меня любимый. Ещё больше удивляется, почему плачете, говорит, радуйтесь. А что мне ответить... О-о, понимаю, говорит, Dostoevsky... Голубчики, я пройдусь, мне надо, ноги затекают.

Полина встаёт, вынимает сигарету, прикуривает от поднесённого Артёмом огня, медленно уходит в левую кулису.

МИКА (*в возбуждении перемещается по сцене*). Это... ужасная страна... Ужасная... У меня не умещается в мозгу. Как люди жили, что с ними творили. Ад, вот он, натуральный ад и другого не нужно. Я не прав? Вы можете вообразить её жизнь? Я бы дня не выдержал, дня не выдержал, какое там, часа!

Мика спотыкается о провод, звон стекла. Жидкий свет уличного фонаря высоко над сценой, внизу темно.

ГОЛОС ДЖО. Мика... твою маму и бабушку тоже, извини.

ГОЛОС МИКИ. Прости, Джо.

Джо находит фонарь, осветив соединяет провода, возвращает прежний свет, осматривает разрушения, произведённые Микой.

ДЖО. Всё не так плохо, а то пришлось бы тебе, Мики, идти ко мне в рабство. Зови Полину.

Мика срывается с места и возвращается один.

МИКА. Полины нет, исчезла.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Современные персонажи истории — Джо, Даша, Мика, Любовь, Алексей, Артём на сцене, рядом с навесом, расположенным значительно левее, чем в первом действии и под другим углом. Таким образом, игровое пространство «настоящего» увеличено. В лучах светильников разнообразный городской мусор — следы незавершённых строительных усилий и т.п. Герои пьют кофе, сидя на низких раскладных креслицах.

АЛЕКСЕЙ. Что, Джо, замучила старушку?

ДЖО. Мне казалось, что ей хорошо с нами...

ДАША. Просто ушла искать своё жилище. Она же понимает, что мы побаловались, прыгнули в машину и привет.

АРТЁМ. Почему, довели бы мы её куда-нибудь...

ДАША. Куда-нибудь она и сама доберётся.

МИКА (*таинственно*). У меня есть одна догадка...

ДЖО (*в тон*). Говори, Мика.

МИКА. Когда я её встретил здесь и ждал вас...

ЛЮБА. Не томи, ангел.

МИКА. Так вот... она произнесла одну очень странную фразу. Она сказала: «Никак не могу найти свой склеп», понимаете... слово в слово.

АЛЕКСЕЙ (*играет, но убедительно*). Нет, Мика, ты что... Свят, свят, свят. Даже сердце прихватило.

МИКА (*воодушевлённый произведённым впечатлением*). Не надо бояться, я ни в чём не уверен, но происходит что-то... Я не верю в... путешествия с того света, но Полина, как она... погрузила нас в истории людей, которые давно отошли со своими чувствами, привычками, одеждами... Мне показалось в какой-то момент, что их жизнь не прервалась, а идёт по какому-то своему, недоступному нам кругу.

АЛЕКСЕЙ (*сосредоточенно*). А Полине удалось выйти за пределы своего круга?

МИКА. Может быть и так, но её не нужно бояться, я уверен.

АЛЕКСЕЙ. Можно не бояться?

МИКА. Конечно, кто бы она ни была, она — замечательный человек. Знаете, многие... с биологической точки зрения живые существа гораздо страшнее неприбранного покойника. А Полина... Как жаль, что мы ей надоели.

Глухой, нарастающий замогильный вой прерывает Мику. Вой мастерски воспроизводит Джо укутав чем-то голову.

ДЖО (*высунувшись, громко*). Это я, по ваши грешные души, страшно тебе, Мика, страшно.

Общий хохот, к которому, с готовностью присоединяется Мика. Не смеётся только Люба.

АРТЁМ (*хохоча*). Мика... дорогой, только не лезь в бутылку.

МИКА (*добродушно*). Джо, а у тебя потрясающе получилось.

ДЖО. Я рада, что тебе понравилось, кролик наш.

ЛЮБА. Убогий, тебе очень смешно? Мика, ау! Очень весело, да? Тебе сколько лет?

МИКА (*хмуро*). Ты знаешь сколько мне лет.

АРТЁМ. Люба, завязывай.

ЛЮБА (*Артёму*). Извини, дорогой мой. Мика...

ДАША. Люба, это чудовищно дурной тон, выяснять отношения в присутствии, так сказать, коллектива. Артём Валерьевич, вы не возражаете, если я иногда буду мягко обозначать пробелы в воспитании вашей супруги?

ЛЮБА. Заткнись, ты сейчас не на радио, Дарья Моне... И плевать мне... на коллектив. Что за потеху вы придумали... делать из него шута. Очень весело... Вы меня оскорбляете, меня! Я прожила с ним восемь лет... дура, восемь лучших лет моей жизни.

МИКА. Люба, ты напрасно нервничаешь. Я совсем не обиделся.

ЛЮБА. Совсем не обиделся? М... Сказала бы тебе.

ДАША. Отметим скромный прогресс.

ЛЮБА. Ах ты, маленькая тварь!

Люба решительно шагает к ней. Даша спокойно потягивает кофе.

ДАША. Разожми-ка, мать, кулачки.

АРТЁМ (*преградив Любе дорогу*). Всё, всё... Дарья, что у тебя за характер, зачем ты её бесишь...

ЛЮБА (*вырываясь*). «Её, бесишь». Мика... ты виноват, что меня ни во что не ставят. Какого чёрта ты мозолишь глаза? Прицепился как репейник.

МИКА. Вы сами меня зовёте.

ЛЮБА. Я тебя никуда не зову. Тебя зовёт Артём, из жалости. Неужели не осталось ничего мужского, неужели не чувствуешь, что твоё присутствие... неуместно... Ты не видишь, как к тебе относятся?

МИКА. Люба, прости, я напому, условия нашего... договора.

ДЖО. Ого! У вас был составлен брачный договор. Цивилизованно, по-взрослому.

ЛЮБА (*сдерживаясь*). Нет, Джо, не был составлен. (*Указывает на видеокамеру*). Надеюсь, с пользой для дела?

ДЖО. Не сомневайся, скандал — занятная фактура.

МИКА (*Джо*). Просто, когда Люба уходила к Артёму... она пообещала, что иногда я буду видеть её. Тебе трудно, Люба, я чувствую.

ЛЮБА. Так уходи, уходи прямо сейчас.

МИКА. Куда же я пойду?

ЛЮБА. Домой, смотреть новости, пить кефир, драть под одеялом! Куда угодно.

МИКА. Люба, ты совсем распоясалась...

ЛЮБА. Мика, иди на... *(Останавливается, невольно посмотрев на Дашу).*

ДАША. Ай, бравушки, видите, Артём Валерьевич, поддается наша казачка дрессировке. Удержалась на проволоке.

ЛЮБА. Слушай ты, девочка-пипеточка, я не буду с тобой драться. Я тебя просто убью когда-нибудь.

ДАША. Ничего подобного, я буду долго жить, хочу быть счастливой старухой, как Полина.

АЛЕКСЕЙ. Полина, стало быть, счастливая...

ДАША. Она ещё не всё рассказала...

ДЖО. Да, правда... До слёз обидно... Чёрт бы её побрал!

ДАША. Люба, я решила мириться.

ЛЮБА. Я с тобой не ссорилась. Ты взрослый человек, понимаешь, что делаешь.

ДАША. О чём ты?

ЛЮБА. Не прикидывайся, или поучись у Алексея, он насобачился в театральном институте.

АРТЁМ. Любка, ты всех изваляла, так не пойдёт.

ЛЮБА. А как пойдёт? Думаешь, я слепая, ничего не вижу?

ДАША *(идёт к Любе)*. Люба, обними меня.

ЛЮБА. Этого ещё не хватало! С Джо обнимайся себе на здоровье.

ДЖО. Превосходная мысль!

ДАША. Люба, я прошу у тебя прощения. Ты отличная, на самом деле.

ЛЮБА *(настороженно)*. Не набивайся в подружки, я эти фокусы знаю наизусть.

ДАША. Я тебе клянусь, что никогда не буду спать с Артёмом, чтоб мне замуж никогда не выйти! Клянусь!

АРТЁМ *(невольно)*. Зачем прямо вот так... Я к тому, что... *(Теряется)*.

ЛЮБА. К чему? Помолчал бы... Эх, ты... Даша... Спасибо тебе.. *(Подходит к ней, обнимаются)*. Вот чудеса... Ты плачешь, что ли?

ДАША. Показалось тебе. Если б жила в девятнадцатом веке, была бы сентиментальной «девушкой — фиалкой»... Слово я сдержу.

МИКА. Я тогда останусь, раз вы помирились.

ЛЮБА. Мика, иди сюда.

МИКА. Что ты хочешь?

ЛЮБА. Подойди, говорю.

МИКА. Драться будешь?

ЛЮБА. Целоваться будем.

МИКА (*держась поодаль*). Так я тебе и поверил.

АРТЁМ. Люба, ты вроде выдохнула, что тебе от него нужно?

ЛЮБА. Не вмешивайся, пожалуйста. Мика, я прошу тебя, подойди.

Мика подходит к Любе.

ЛЮБА. Артём, отвернись, пожалуйста.

АРТЁМ. Скажешь, когда можно. (*Отворачивается*). Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать.

Люба встаёт на колени перед Микой, быстро целует его ботинки, поднимается.

ЛЮБА. (*негромко*). Прости меня, мой дорогой, мой любимый мальчик. Я очень виновата перед тобой.

МИКА. Люба... Ты что?

ЛЮБА. Пойми, ты должен... «отлепиться»... Ты уже взрослый, ты должен найти свою жизнь, этот самый... круг друзей, любимую женщину, иначе будешь стареть на моих глазах, превращаясь чёрт знает во что, и я буду ненавидеть в тебе свою вину, свою бабью подлость. Молчи, ты умный, ещё молодой. Ты должен про меня забыть.

МИКА. Разве я смогу?

ЛЮБА (*поднимается с колен, отряхивает пыль*). Конечно, ты сможешь. На чёрта я тебе сдалась.

МИКА. Ты так считаешь? Точно?

ЛЮБА. Ты обязательно найдёшь женщину, которая полюбит тебя.

МИКА. Я вас познакомлю, обещаю.

ЛЮБА. Не стоит, я буду ревновать.

МИКА. Врёшь!

ЛЮБА. Буду, не сомневайся.

МИКА. Люба... Что... я тогда пошёл?

ЛЮБА. Ну не в эту же минуту. Оставайся.

МИКА (*сосредоточенно*). Значит, я тебя никогда не увижу. М-м. Ну и дела. Это надо... обмозговать. (*Мика, обхватив себя руками, отходит от Любы, поворачивается к ней, собираясь что-то сказать, но молчит*).

АЛЕКСЕЙ. Артём, они объяснились.

АРТЁМ (*изучает Любу и Мику*). Интересно, интересно. Нет, считайте, что я ничего не слышал.

ДЖО. А ведь ревнуешь, спонсор.

АРТЁМ. Да, я — спонсор, плачу за все эти забавы. Ты меня не втягивай, поняла.

ДЖО. Как вам будет угодно.

АРТЁМ. Вот так и будет угодно, поняла?

ДЖО (*пародируя «феню»*). А ты не быкуй, не быкуй. Заткнули проблему?

АРТЁМ (*зло*). Ты кто такая есть, кто ты есть? Пугало огородное.

Пауза.

ДАША. Есть такая теория, что эстетический критерий, сама идея красоты дьявольского происхождения.

АРТЁМ. Дарья, так ты у нас первейшая ведьма получаешься. Ты и Люба тоже. А Джо, выходит, ангел. (*Смеётся*).

ДЖО (*зло*). А непохожа? Совсем непохожа? Представь себе, Артём Валерьевич, за дела свои правильные, богоугодные, добродетель и мудрость попадаешь ты в рай, а там тебя уже ангел твой поджидает. (*Потешно выпучивает глаза, облизывает губы, гримасничает*). И в котле твоём персональном, от Версаче, бальзам помешивает для убажания твоего тела и души.

АЛЕКСЕЙ. Джо, ты на себя непохожа. Артём неудачно пошутил.

АРТЁМ. Джо... Давай запьём это дело, забудем. Люба, дай свою флягу.

Артём забирает у Любы флягу, подходит к Джо, делает глоток.

АРТЁМ. За тебя, Джо. Я тебя уважаю, ты знаешь, чего хочешь, это редко в жизни встречается. Я всегда готов тебе помочь.

ДЖО. Я, наверное, должна прослезиться, Артём Валерьевич.

АРТЁМ. Хорош дуться, Джо. Ты смешная, когда сердишься...

ДЖО. Жутко смешная. (*Бьёт по протянутой руке, фляжка падает*).

АЛЕКСЕЙ. Джо, не узнаю тебя. Кто говорил, что изжил остатки человеческого и женского.

ДЖО. Я ошибалась.

МИКА. Джо, на самом деле, не стоит обращать внимание...

ДЖО. Голубь мой, нам только не хватает всплкнуть друг у друга на плече.

Отличная компания. Ты кассету в камере сможешь заменить?

МИКА. Конечно. Куда ты идёшь?

ДЖО. Искать ближайший водоём, утоплюсь.

Выходит Полина, с пакетами в руках.

ДЖО. Полина, где вы были, чёрт возьми, мы беспокоились. Мика убеждал нас, что вы ушли в царство мёртвых...

ПОЛИНА. В таком случае я должна бы вернуться прекрасной юной девушкой, а не старой каргой.

АРТЁМ. Что так вкусно пахнет?

ПОЛИНА. Пирожки... и лимонад здесь. Ешьте.

ДАША. С ума сойти!

ПОЛИНА. Ешьте, Даша. Вы исхудали. Вас вообще кормит кто-нибудь?

ДАША. Бывает, но исключительно с корыстными намерениями. М-м. (*Ест*). Как вкусно, с капустой.

ПОЛИНА. Пейте лимонад. Вы какие-то беспокойные... Ешьте, Мика, Артём. Вы повздорили?

АРТЁМ (жуёт). Были проблемы, Полина, были. Вот спасибо.

МИКА. Да, спасибо вам, Полина.

ПОЛИНА. Ешьте, ешьте. *(С удовольствием наблюдает за расхватывающими пирожки молодыми людьми)*. А вы, Джо?

ДЖО. Спасибо, Полина, я пока не хочу.

АЛЕКСЕЙ. Восхитительные пироги...

ПОЛИНА. Из ларька, но горячие. Я раньше очень любила печь. У вас есть дети, Люба?

ЛЮБА. Дочка. Только что выкормила и вот... выпиваю. *(Прикладывается к фляжке)*. Хотите, Полина?

ПОЛИНА. Давайте. О! А там ничего не осталось. Неважно...

ДЖО. Почему, Полина, вы не спросили меня насчёт детей. Не правда ли сама возможность, что отсюда кто-нибудь вылезет *(показывает)* представляется несуразной, я бы сказала, опасной для общества.

ПОЛИНА. Вы, солнышко, глупости говорите. Вы будете чудесной мамой. *Алексей поперхнулся лимонадом, и Джо это заметила.*

АЛЕКСЕЙ. Не в то горло, от жадности.

ДЖО. Это ты... по системе Станиславского врёшь или самодеятельно?

ПОЛИНА. Да что с вами, Джо?

ДЖО. Ничего, не надо было уходить чёрт знает куда!

ПОЛИНА. Я же...

ДЖО. Полина, вы прекрасны, спору нет. Вы потратились, дать вам денег?

ПОЛИНА. Нет. Если не возражаете, теперь я оставлю вас.

ДЖО. Не сердитесь, я страшная сволочь. *(Берёт пирожок, целует Полину в щёку)*. Полина, я целую вас с неизмеримо большим удовольствием, чем самого сладкого младенца в мире. Я вас люблю, вас. Скоро вернусь, не скучайте. *(Уходит)*.

ПОЛИНА. Я сморозила глупость, насчёт детей, да? Сколько лет Джо?

АРТЁМ. Это никому неизвестно.

ПОЛИНА. И дело не в возрасте?

ДАША. Джо любит женщин.

ПОЛИНА. Ну и что же? Я читала, что и женская пара может иметь детей. Наука шагнула вперёд...

Появляется пожилой, сильно потрёпанный человек, с рюкзаком за плечами, в котором позвякивают бутылки.

СТАРИК. Здравия желаю. У вас бутылок нет?

АРТЁМ. Нет, может денег дать?

СТАРИК. Денег? А у тебя есть деньги?

АРТЁМ. Тыкать необязательно. *(Вынимает бумажник)*.

Старик подходит совсем близко, заглядывает.

СТАРИК. Давай зелененькую, у тебя их много.

Артём вынимает из бумажника купюру, протягивает старику.
ЛЮБА. Ты с ума сошёл, Артём! Купчина! Это же сто баксов. *(Выхватывает деньги из под носа старика).*
СТАРИК *(проводит глазами купюру)*. Не повезло.
АРТЁМ. Возьмите. *(Даёт ему другую бумажку).*
СТАРИК *(разглядев её)*. Так это ж рубли.
АРТЁМ. А вы только долларами берёте?
СТАРИК. Не... У меня просто в жизни такой принцип — или всё или ничего.
АРТЁМ. Понял, давайте обратно.
СТАРИК. Забирай.
Артём убирает деньги, старик собирается уходить, но останавливается и внимательно смотрит на Полину.
СТАРИК. Твоё лицо мне знакомо. Ты где живёшь, бомжуешь что-ли?.. Летом ничего, а зимой беда.
ДАША. Она не бомжует. Вы куда-то шли.
СТАРИК *(Полине)*. Тебе сколько лет?
ПОЛИНА. Много.
СТАРИК. Ничего, сладим. Хочешь, поживёшь у меня, сладим. Ты вроде... *(внимательно оглядывает её)* чистая. Не воруеть?
ПОЛИНА. Не приходилось.
СТАРИК. Добро. Пойдёшь, нет? Решай. У нас годы не те, чтобы ломаться подолгу. Я тебе кофту дам, мохеровую, осталась от моей старухи.
ПОЛИНА. А давно старуха померла?
СТАРИК. Любопытной Варваре... Месяц уже как преставилась, царствие небесное.
ПОЛИНА. Быстро вы...
СТАРИК. Не я быстрый, жизнь наша быстрая. Ну что, уговорил?
ПОЛИНА. Нет, мы слишком мало знакомы.
СТАРИК *(кажется, он ошеломлён, кривляется)*. Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты. Встретил бы я тебя одну, тётенька, быстро бы уговорил.
ЛЮБА. Вот ведь мерзавец! *(Бросает бумажку на землю)*. Забирайте и уходите.
СТАРИК *(смотрит на Любу)*. Тоже красивая баба, чья будет? *(Мике)*. Твоя?
МИКА. Была моя.
ЛЮБА. Вы уйдёте или нет?
СТАРИК *(присматривается к Алексею)*. Не, не твоя. *(Артёму)*. Теперь твоя, точно. *(Мике)*. С этим, паря, ничего не поделаешь — денег побольше, хрен потолще, так и бывает.
ЛЮБА. Артём, ты можешь это прекратить?
АРТЁМ *(хохочет)*. Нет, Люба, видишь, никто не в силах тебя защитить.

ЛЮБА. Именно! Даша, посмотри на этих негодяев.

Артём с Микой смеются.

СТАРИК. Были когда-то и мы рысаками... *(Наклоняется вроде бы для того, чтобы поднять деньги, но вместо этого неожиданно хватает Полину за щиколотку).*

ПОЛИНА *(чуть не свалившись)*. Вы что, сумасшедший?

СТАРИК *(радостно)*. Есть рефлекс! Я к этому делу по науке подхожу. Надумала? Очень ты мне приглянулась, как звать-то.

АРТЁМ *(серьёзно)*. Вот что, дед, забирай деньги, иди своей дорогой. Иначе обидеть тебя придётся.

СТАРИК. Приложил бы я тебя, мордастый, да силы уже не те. Ухожу. За деньги спасибо. Ухожу... *(Натыкается на камеру).*

ДАША. Осторожно, камера!

СТАРИК *(взволнованно)*. Вы что, кино снимаете? Товарищи дорогие, я вас прошу, меня можете... запечатлеть.

АЛЕКСЕЙ. Идите, идите.

СТАРИК. Я глупость сделал, когда старуха умерла, все фотографии, у нас не так много было, выбросил. Всё напоминало, особенно, где молодой. Даже без неё. Теперь что... помру, получается и не было меня.

ДАША. Вашу судьбу решит Полина.

СТАРИК. Полина... кто ж ты есть? Кто б ни была, попроси за меня, мы с тобой одного разлива... Хочешь спляшу, нет, спою лучше: «А ну, поцелуй... поцелуй меняяя...».

ПОЛИНА. Снимайте его, я не возражаю. *(Старику)*. Только ведите себя прилично.

СТАРИК *(удивлённо)*. Бессердечная женщина! Какое ж неприличие, я к тебе со всем доверием, в дом зову... Тогда вообще молчать буду. Я здесь сяду. *(Усаживается, замирает).*
Алексей управляется с камерой на штативе. Мика направляет свет на старика.

АЛЕКСЕЙ. Не очень я верю в физиономистику, Артём Валерьевич. Посмотри на деда. Минуту назад... хамло, а сейчас, глянь на него.

ЛЮБА. Таким и остался.

АЛЕКСЕЙ. Как сказать...

Подвижное лицо старика успокоилось, изменилось.

АРТЁМ. Лорд, вылитый лорд.

ПОЛИНА. Я любила очень пожилого человека. Сама уже была не молода. Он совсем не был дряхлым, абсолютно нет. Конечно, и не был похож на этого живчика.

Старик спокойно, с новой размеренностью движений встаёт, кланяется с достоинством и уходит.

Мой Дима, Дмитрий Николаевич Грохольский... он был последним мужчиной в моей жизни... нет, конечно, не в этом дело... Я едва обратила на него внимание при первой встрече.

ДАША. Вы всегда были высокомерной красавицей.

ПОЛИНА. Тогда? Нет, обычной тёткой. Пребывала в тихой безнадёжности и раздражалась, если мне напоминали, что я ЖЕНЩИНА.

ЛЮБА. Не может быть!

ПОЛИНА. Я уже не работала переводчиком, меня с треском выгнали... Я осталась совсем одна. Преподавать язык не хотела, не могла, меня пугала необходимость быть на людях, как-то одеваться. Я влезла, как в гроб, в серый костюм в полосочку и постоянно куталась, пряталась в шерстяной платок, зябла... Как меня раздражали люди... если на мне кто-нибудь останавливал взгляд, я еле сдерживалась, чтобы не накричать на этого любопытного. Мне некуда было деться от читателей, они доводили меня до исступления, жизнерадостным идиотизмом и пытливостью. «Что они пытаются узнать?» — думала я. — «Что им дома не сидится». Даже мои сны были... пыльные, как никому не нужные подшивки старых журналов в библиотеке, где я работала... «Советский сахар» или «Артиллерийский журнал». Один раз, правда, мне приснилось... в новогоднюю ночь, после «Голубого огонька», что я работаю ассистенткой у иллюзиониста, меня пилят, жгут, давят, протыкают саблями, а я всё равно выхожу из всех передраг... в своём сером в полоску костюмчике. Ещё один, действительно, кошмарный... Мне дали общественное поручение — написать объявление — «Не ставьте тележки на трассе контейнера». По трассе между полками двигались такие... щупальца, которые везли журналы читателям. Я никогда не умела ровно писать, намучилась с этим объявлением, не передать. И ночью мне приснилось, что я стою на трассе, между стеллажами, не могу пошевелиться и ко мне со всех сторон ползут эти мерзкие железяки... Я познакомилась с Димой в кинотеатре, рядом с моим домом. Больше я никуда не ходила, отмечала там окончание очередной недели, приближение к пенсионному сроку. В 1975-м мне было 47, оставалось восемь лет, немало, но терпимо. Я перед сеансом забивалась в буфет. Он был отделён от фойе стёклами аквариума. Ничего там не подавали, конечно, и люди туда не заходили. Вообще этот д/к был задрипанный, зрителей набиралось с полторы дюжины, редко больше. Мне было абсолютно всё равно, что смотреть, любое варево. Один раз из упрямства пошла на документальное... «Визит президента Замбии в СССР». Там крутили одно и то же месяцами. Дима заговорил со мной в буфете. Потом мы вместе смотрели румынский фильм... «Последний патрон»... Я помню

свою мысль из той, пыльной жизни... Подумала, что в зеленом отсвете аквариума, я похожа на... какое-то океанское чудище. Хотя... нет, это не совсем точно, это уже не вполне принадлежало старой жизни, потому что я уже беспокоилась, как выгляжу. А в следующее мгновение меня... будто волной подняло к солнцу. Когда он умер, это чувство не исчезло, я хотела бы горевать безнадежно, неистово, но что-то оставшееся во мне не позволяло. Вы... представьте себе такого человека, такое создание, о владении которым вы даже и помыслить не можете. Всё равно, что владеть куском неба... Я пришла к нему в больницу, зная, что он умирает. Хуже того, он дал мне понять, что не хочет и не может больше меня видеть. А я решила показать, что моя жизнь тоже закончена. Выволокла на свет прежний костюмчик в полоску и нацепила платок.

Площадка — больница.

Прозрачный занавес раздвигается, открывая третью, последнюю игровую площадку прошлого — интерьер больничного коридора, вернее, разумеется, фрагмент его. Потёртый диван рядом с постом дежурной медсестры. Мы видим Джо, одетую, как только что описала Полина, с хозяйственной сумкой в руках. Полина (Джо). не видит, как появляется из темноты Дмитрий Николаевич Грохольский. Он в больничной пижаме, горло повязано шарфом.

Д.Н. (*хрипло*). Полина! Полина!

Полина не слышит, Д.Н. подходит к дивану, где сидит Полина.

Д.Н. Полина, как бы вас рассмотреть. Темно...

У навеса.

ПОЛИНА. Он часто говорил мне «вы». Иногда звал меня... Поликсеной.

Площадка — больница.

Полина поднимается с дивана, теперь она ближе к свету от лампы на столе дежурной сестры.

Д.Н. Помню этот прелестный костюмчик, ты не носила его последние четыре года. Что-то должно... символизировать?

ПОЛИНА. Пока ты болен, я не хочу одеваться. (*Усаживает его на диван и садится сама*).

Д.Н. Какая связь, Поликсена. Болен я, ещё что-то случилось, а вы всё равно великолепны. Это факт. А оформлять собой жизненные коллизии — неправильно. Против природы, фальшиво. (*Улыбается*). Глубокая мысль, правда?

ПОЛИНА. Дима, когда приду домой, обязательно впишу это в твои тетради.
У навеса.

ПОЛИНА. Дима, уже на пенсии, принялся сочинять философский трактат. Название было «О человеческих нравах». Когда его положили

в госпиталь, я развила бурную деятельность, печатала ночами и рассылала его по разным издательствам.

Площадка-больница.

Д.Н. Полина, я не прошу тебя выбрасывать, сжигать эти тетради исключительно потому, что когда-нибудь тебе придёт в голову, что ты обобрала таким образом неразумное человечество, знаю, будешь себя пилить... Издавать тоже не стоит.

Д.Н. тяжело дышать.

ПОЛИНА (*вынимает из сумки термос*). Шиповник, Дима.

Д.Н. (*пьёт*). Сильной вышла только глава, что мы создали на Селигере. Прав поэт, уверяя, что всё лучшее написано человечеством в любовном угаре. Помнишь, как я прыгал от тебя к чернильнице. Ты обижалась? Скажи честно.

ПОЛИНА. Я... ничуть, ты что... (*Внезапно громко рыдает в голос*). Дима, я не смогу без тебя, я не хочу жить без тебя, не уходи, позволь мне остаться в больнице... (*Также внезапно замолкает, с тревогой смотрит на спокойный профиль Д.Н.*). Мой любимый... (*Крепко обнимает его*).

Д.Н. Ты меня задушишь.

ПОЛИНА. Ой, извини, прости меня, прости.

Д.Н. Эгоизм, наверное... Я знаю, что буду чувствовать твоё присутствие, пока жив, а может быть, кто знает и чуть дольше... Всё, что делается после, вокруг смерти, пока не очень хорошо продумано людьми. Я не могу запретить друзьям отужинать по этому поводу и произнести установленные слова... я, знаешь, очень их люблю, но тебя-то я люблю иначе, неизмеримо больше. Почему ты хочешь расстаться со мной и встретиться во время этой церемонии с чем-то совершенно другим.

ПОЛИНА. Дима... Я... Скажи мне про книгу. Я печатала ночами, я разослала её повсюду, её обязательно опубликуют, она такая остроумная, я хохотала, как сумасшедшая, пока печатала.

Д.Н. Знаешь, ко мне очень хорошо относятся здесь.

ПОЛИНА. Особенно медсёстры, я заметила, сегодня изучали меня, будто музейный экспонат.

Д.Н. Неудивительно, ты так замаскировалась, что они просто не узнали тебя. Милая, сними этот платочек.

Полина снимает платок.

Д.Н. Вот спасибо. (*Забирает платок*). На улице холодно?

ПОЛИНА. Ты что, ужасная жара... Под тридцать градусов.

Д.Н. Я не очень хорошо чувствую внешнюю температуру. Снимай пиджак.

Полина снимает пиджак, Д.Н. забирает его и откладывает в стору.

Д.Н. Позвольте, Поликсена, вашему старцу...

Д.Н. вынимает шпильки из волос Полины, и они свободно падают на плечи. Автор смеет остановить внимание на этом моменте. Дело в том, что и Джо на протяжении всей пьесы, иначе чем Полина в этой истории, но сильно «задрапирована»: очки, одежда полностью скрывающая тело, словом, всё в этом направлении, что подкажет фантазия художника и актрисы. Таким образом, в это мгновение как бы изменяются две женщины.

Д.Н. *(растёгивая верхнюю пуговицу на блузе Полины, с сожалением).* Придётся на этом остановиться.

ПОЛИНА. Я думала, ты меня совсем разденешь.

Д.Н. Ты ведь не замерзнёшь так на улице?

ПОЛИНА. Дима, не гони меня.

Д.Н. Раньше тебе нравилось, что я всё решаю. Почему сегодня... это важный день, ты намерена сделать по-своему? Нелогично.

ПОЛИНА. Ты философ... ты... *(Вскакивает с дивана).* Старый упрямый осёл, я сделаю по-своему, не уйду отсюда. А если умрёшь, знай, что я приду на похороны. *(Замирает, заткнув кулаком рот).* Дима, прости, я сделаю всё, как ты хочешь. Я, я верю в чудо. Я смотрю на тебя... ты такой живой... самые безнадежные больные выздоравливают.

Д.Н. Полина... Полина...

ПОЛИНА *(в озирается к Д.Н.).* Хорошо, ты уйдёшь в палату, а я тихонечко посижу в коридоре.

Д.Н. Ты не умеешь тихонечко. Давай о книге...

ПОЛИНА *(Пытается успокоиться).* Да, давай решим насчёт книги...

Д.Н. Когда меня не будет и останутся просто слова на бумаге, они приобретут совершенно иной смысл. Кто-нибудь просто не поверит, скажет: врёт он всё, жил он совсем иначе. Или стараться будет... А заставь дурака... сама понимаешь. Шиповник твой вкусный... нектар, небесное вино... Знаешь, я с таким изумлением ловлю... чувствую как прилипают ко мне соболезующие взгляды сестричек или моих соседей...

ПОЛИНА. Димочка, не радоваться же они должны тому, что ты болен...

Д.Н. Я жив, а они смотрят на меня с тем же укором, с каким взирают на любое уже бездыханное тело. Это абсурд, но абсурд всеобщий, которого я не могу принять, и уже поэтому я — никудышный философ. Причём, не думайте, Поликсена, что я наивен. Я знаю и цену некоторым сердечным взглядам. Мой сосед справа, здоровенный мужик, на самом деле... в его участливости ровно половина, если не больше страха. «Когда-нибудь, я буду также лежать пластом...». Страха...

Я ещё жив, а он умирает всем своим тучным телом, мозгами, душой всякий раз, когда пялится на меня. Я пробовал с ним говорить... бесполезно. Если душа у человека живёт в кишках... Видишь, злобствую, от глупости и беспомощности, неспособности понять. Они ждут, когда... я закричу в голос, прокляну своё нынешнее состояние, а вместе с ним и всю жизнь. Тогда они бросятся меня утешать и сами утешатся. Налей ещё. Мне кажется, хмелею, представляешь? *(Полина наливает отвар, Д.Н. пьёт, справляется с дыханием).*

Вот какая петрушка... Они понять не могут, как так вышло, что я жил счастливо. Не выходит ни по каким расчётам. Другой сосед мой, умница, кстати, припомнил все исторические катаклизмы, правителей — негодяев... не сходится у него. Если говорит, вы радовались жизни, зная, что происходило в стране, что делали с людьми, то вы... Я продолжил за него: я сам, получается порядочный негодяй. Только отмечу... в скобках, правители приличными людьми не бывают, им противопоказано.

ПОЛИНА. Ты волнуешься, Дима, тебе вредно. Они тебя допекают, я пойду и скажу, чтобы не смели приставать с глупыми расспросами...

Д.Н. Конечно, волнуюсь. Ответы мои не лучше. Я пробовал разложить на простейшее, как студентам, когда объясняешь сложное уравнение. Картина получилась такая — родители научили меня, что такое добро, что такое зло. Это понятно, отвечают, дальше. Дальше... Несколь-ко раз нужно было... без дураков, выбрать между одним и другим. Трудного в этом нет, если... существуешь на самом деле. Сам ведь знаешь, что должен делать. Делай, гордись этим, терпи.

ПОЛИНА. Дима, когда вы всё это обсуждаете?

Д.Н. По ночам, когда же ещё. Днём суета. И ночью я храбрее, не видать никого. Я один, их много.

ПОЛИНА. Это ужас какой-то... Ты ещё и не высыпаешься...

Д.Н. *(Встаёт, в возбуждении меряет шагами тесное пространство).* Дальше... когда делаешь глупость или даже подлость, не размазывая слёзы по щекам, пытайся исправить, не бей себя в грудь — подлец мол, подлец. Не можешь исправить, пойми, что произошло... Один меня сразу срубил — и что не мучиться этим, что сделал, вопрошает. *(Садится на диван).* В темноте глаза горят, как у кота и я понимаю: на всё пойдёт, чтобы после мучиться. Ему так надо. Дальше я совсем скис, сполз лавиной с философского Монблана к житейским рекомендациям и байкам. Им это было интересно, а я заснул сразу, сквозь сон услышал приговор, то есть мнения разделились — конформист, дурак, или греческий герой.

ПОЛИНА. Сами они дураки, ногтя твоего не стоят. А про любовь говорили?

Д.Н. Про любовь нет, про ревность пошумели немного. Сильно я их раззадорил. «Не прикидывайтесь» — сказал один тип — «Если вы себе представите женщину, конкретно ту, что к вам приходит», то есть тебя, «представите в объятиях другого мужчины, вам будет приятно?»

ПОЛИНА (*горячо*). Можно я ему в морду дам?

Д.Н. Я уже дал.

ПОЛИНА. Дима!

Д.Н. Эх, Полина. Хорош я философ... Ты не думай, он раз десять меня спросил. Я ему честно ответил, я не мазохист, неприятно. А он настаивает, вы представьте, говорит... и к подробностям перешёл. Вот я и не выдержал. Может и хорошо, что дал.

ПОЛИНА. Конечно, хорошо, не жалея.

Д.Н. Он сразу на поправку пошёл, победителем себя почувствовал, рассуждал про то, что обманываться легче, чем знать правду. Я извинился за ночное, мы все с градусниками лежали, пробуждались к новому дню, и говорю ему: что вы называете правдой, это ведь просто ваше воображение, фантазия. Он безупречно, с философской точки зрения ответил. Для кого фантазии, говорит, а для меня — жизнь.

ПОЛИНА. Дима, а почему ты из-за «греческого героя» расстроился, из-за пафоса?

Д.Н. Из-за глупости. Получается, что каждый, кто живёт, а не бьётся в пачуей, оплакивая собственную неизбежную кончину... греческий герой? Я пойду повалеюсь... А ты езжай домой, поздно. Четырнадцатого дождись, вернее всего. А это... (*Забирает пиджак и плавок*). я конфискую.

ПОЛИНА. Так что... мне уходить?

Д.Н. Конечно, моя хорошая. Я тебе позволю, когда ты доберёшься.

ПОЛИНА (*просияв*). Правда?

Д.Н. Я когда-нибудь лгал вам, Поликсена?

ПОЛИНА. Никогда.

Д.Н. (*по-мальчишески оглянувшись по сторонам*). Целоваться будем?

ПОЛИНА. Давай!

Полина обнимает его, свет на площадке «больница» гаснет, занавес закрывается.

У навеса.

ПОЛИНА. Он не позвонил мне. Ему не дала позвонить сестра...

ЛЮБА. Мерзавка...

ПОЛИНА. Вовсе нет... Она очень извинялась передо мной. Просто, когда он подошёл, она болтала со своим поклонником. Попросила его, мол одну минуту, Дмитрий Николаевич, а он... я так хорошо это представляю... сделал знак: «Мол, всё понимаю». Она ему сказала: через

минуту подойдите... Он уже... уснул через минуту. Странно то, что среди вещей, которые мне отдали, не было пиджака и платка. Они необъяснимым образом... исчезли.

АЛЕКСЕЙ. «Но ты скажи червям, когда без сожаленья
Они тебя пожрут лобзанием своим,
Что лик моей любви, распавшейся из тленья,
Воздвигну я навек нетленным и святым».

ЛЮБА. Это что за гадость?

АЛЕКСЕЙ. Бодлер.

АЛЕКСЕЙ. «А вот придёт пора, и ты, червей питаю
Как это чудище, вдруг станешь смрад и гной...»

ПОЛИНА. Алёша, выразите мысль своими словами.

ДАША. Он артист, он не умеет своими.

АЛЕКСЕЙ (*исступлённо*). Люди умирают в крови, в дерьме, в соплях. И в последнее мгновение, когда нет иллюзий, даже идиот, или позёр или человек лишённый воображения, злодей, шизофреник, греческий герой, как угодно... всё понимает, забывает роль, которую разыгрывал, и ничем не отличается от скота, чувствующего запах живодёрни. Всё остальное — красивые истории, которые нам рассказывают. Но мы знаем цену всему, что нам плетут и видим этот самый... свет в конце тоннеля. Этот свет из морга идёт, из морга. (*Подходит к Полине, берёт её руки в свои*). Полина, я непозволительно себя веду и так далее, но признайтесь, что последнее вы сочинили.

ПОЛИНА. Зачем? Вам тогда станет легче?

АЛЕКСЕЙ. Из самых благих намерений, из чувства благодарности и тоски по ушедшему испокон века сочиняются анекдоты о «презревших смерть». Те, кто их сочиняет от вдохновения, полноты жизни на... Селигере и в других райских куцах, полны жизни как переспевший персик. Те, кто им внимает, как правило малокровны и вместо того, чтобы получить хотя бы немножко удовольствия от своей краткой и невразумительной жизни, дрессируют сами себя, как болонок, доводят до невроза... Посмотрите, Полина, кому вы передали... вашу чашу... с небесным вином. У него и так в жизни всё в порядке, не знает, что будет жрать завтра, теперь он о смерти задумался... Результаты не заставят себя долго ждать.

(*Показывает широким жестом на Мику. Мика шагает в свет. Его лицо покраснело от слёз, он по-детски трёт кулаками глаза*).

Полюбуйтесь.

МИКА (*Отнимает руки от лица, агрессивно*). Ну держись... урод.

АЛЕКСЕЙ (*Отступает, оглядывается по сторонам*). Вот... вот... Рехнул-ся...

Мика подбирает с земли кусок арматуры.

АЛЕКСЕЙ. Ты шутишь?

МИКА. Ага.

Мика в два шага настигает Алексея, его перехватывает Артём.

АРТЁМ. Тихо, тихо.

Мике удаётся вывернуться из под руки Артёма, он замахивается на застывшего от страха Алексея.

АРТЁМ. Мика, подумай головой, не надо. Спокойно, спокойно.

МИКА. Артём, не подходи. *(Всем)*. Вы что рты раскрыли, как вороны. Полина, простите их.

ПОЛИНА. Бросьте... ваше орудие. Что с вами случилось? Алексей просто высказал своё мнение.

АЛЕКСЕЙ. Я погорячился.

МИКА. Я тоже.

АЛЕКСЕЙ. Ты что собираешься делать?

ЛЮБА. Микочка, пожалуйста, нет, тебя посадят.

ДАША. Не бей его, Мика, ты замечательный, хочешь...

МИКА. Я обдумую твоё предложение. *(Бросает арматуру)*.

АРТЁМ. Это недурно сказано.

МИКА *(Алексею)*. Отойдём в сторону.

Мика тащит Алексея к авансцене, говорит негромко.

МИКА. Я знаю, почему из тебя дерьмо полезло.

АЛЕКСЕЙ. Мика, я тебя не узнаю.

МИКА. Помнишь, ты с репетиции ко мне прибежал и попросил, чтоб не так страшно было, проводить тебя сделать анализ на СПИД... Потом от тебя воняло, ты же мыться забывал от страха. В церковь ходил... а как получил... отрицательный результат, так и разуверился.

АЛЕКСЕЙ. Я... дико разозлился на этого Дмитрия Николаевича Грохольского. Представь, если то, что она рассказала — правда.

МИКА. Даже не сомневайся.

АЛЕКСЕЙ. А я сомневаюсь, сомневаюсь, но пойду и извинюсь.

МИКА. Она в этом не нуждается. Помолчи, если можешь.

Алексей возвращается к компании, собравшейся в глубине сцены вокруг Полины. Из левой кулисы выходит Джо. Её лицо теперь открыто, волосы распушены.

ДЖО. Мики... Мики...

МИКА. Ты как?

ДЖО. Я отлично... А... М-м. Ну да. *(Смеётся)*.

МИКА. Закончили... да? Надо бы проводить Полину.

ДЖО. Я сама провожу, не набивайся... Мика, я её люблю. Я бы взяла её к себе жить... Не пойдёт ведь, упрямая. *(Кричит)*. Полина! Полина!

ПОЛИНА. Джо, душа моя, ты вернулась.

ДЖО. Полина, скажите честно, кого хотите в провожатые, господина...
(Показывает на Мику). Или доставите это наслаждение мне. Не пугайтесь, речь идёт о невинной прогулке под звёздами. На вашем месте я бы не думала.

Появляется знакомый Старик с рюкзаком.

СТАРИК. Робяты! Там какие-то гопники ваш джип ковыряют... Я бы сам, но годы не те...

АРТЁМ. Полина, минутное дело, ждите нас.

ДЖО. Сейчас всех замочим и вернёмся. (Старику). Если обидите нашу по-другу, вам не жить.

СТАРИК. Будьте спокойны, друзья.

ПОЛИНА (Выждав, когда компания покинет сцену). Про джип придумали?

СТАРИК. Простите меня. (Что-то отчётливо изменилось в этом человеке).

ПОЛИНА. О, какой прогресс... перешли на вы. Зачем вы вернулись?

СТАРИК. За вами, Полина. Я вас сам провожу.

ПОЛИНА. Вы убеждены, что так будет лучше?

СТАРИК. Я так думаю. Вы устали.

ПОЛИНА. Это правда. Я очень устала.

СТАРИК. Разумеется, если вы хотите ещё что-то им рассказать...

ПОЛИНА. Что вы, я рассказала всё. Идём?

СТАРИК. Идём?

ПОЛИНА. Ещё одну минуту... Не возражаете?

СТАРИК. Разумеется, Полина. Я сегодня не спешу.

Свет на сцене приглушен, раздвигается занавес на всех трёх игровых площадках. Эти пространства — шахматного зала, кафе и даже больницы, в неожиданном освещении кажутся иными, сказочно уютными. Пауза. Полина протягивает руку Старику.

Конец пьесы

Светлана Савина

Родилась 22 марта 1977 года.

В настоящее время учится на Высших литературных курсах при литературном институте им. Горького, работает редактором литературной части МХАТ им. Чехова. Пьеса «Скрипка и немножко нервно» поставлена во МХАТ им. Чехова и удостоена молодежной премии «Дебют» 2001 г.

На конкурс представила пьесу «О братьях наших меньших» (спецприз журнала «Современная драматургия»).

Действующие лица

Игорь.
Василий.
Мойша.
Папа.
Мама.
Голос бабушки.
Леся.
Аслан.
Кристина.
Девушка.
Ангел.
Гости.

О братьях наших меньших

2002

1.

На сцене — кабинет Игоря: стандартный современный интерьер, нарушаемый только стоящим в углу контрабасом. В то время, как зрители уже займут свои места, администратор обнаруживает на сцене какой-то беспорядок и зовёт уборщицу — женщину, погружённую в безразмерный халат и косынку, из-за которых практически невозможно определить её возраст и наружность. Она торопливо прибирает, свет гаснет. В темноте звучит фокстрот. Музыка трудно различима из-за шума и потрескивания, выдающих запись со старой затёртой пластинки. При последних аккордах загорается лампа на столе. За столом — Игорь. Рабочий день уже явно окончен, пиджак висит на спинке кресла. Игорь выключает музыку и продолжает с кем-то телефонный разговор по громкой связи.

ИГОРЬ. Ну, вот, собственно, и всё.

ГОЛОС (женский). А что это, собственно, было?

ИГОРЬ. Не признали? Ну как же... Что Вы, право... Не падайте в моих

глазах! Вы прослушали... Впрочем, я сам понятия не имею — что это мы прослушали — этикетки на этой пластинке сроду не было. Но семейная легенда гласит, что контрабасил в этой какофонии мой далёкий предок. Точнее, не совсем чтобы мой, но предмет его терзаний достался-таки по наследству мне.

ГОЛОС. Ты играешь на контрабасе?

ИГОРЬ. Упаси Бог! Я чту его старость и берегу нервы ближних своих. Вот брат, тот любил помучить соседей.

ГОЛОС. У тебя есть брат?

ИГОРЬ. Даже два.

ГОЛОС. Новости! Я думала, что за год ты рассказал мне о себе всё.

ИГОРЬ. О себе — всё. А братья — песня отдельная. И долгая. Потом как-нибудь.

ГОЛОС. Почему не сейчас?

ИГОРЬ. Ну, слушай, мы впервые коммуницируем с тобой вербальным путём... Мне очень нравится твой голос... Давай ты мне что-нибудь расскажешь.

ГОЛОС. Что?

ИГОРЬ. Ну, что-нибудь... О себе. Мы уже год общаемся в сети, а я о тебе ничего ещё толком не знаю. Даже фотографии твоей не видел.

ГОЛОС. А ты этого хочешь?

ИГОРЬ (*подумав*). Да нет, пожалуй. Не стоит.

ГОЛОС. Боишься разочароваться?

ИГОРЬ. Нет. Просто ты меня и так устраиваешь. Прекрасная и незримая. Действительно Ангел. В конце концов, это ведь, в сущности, не важно — как мы выглядим, где мы работаем. Главное, что мы — родные души. А знание... Знание преумножает скорбь, как говорил мой папа.

ГОЛОС. Тогда зачем ты попросил позвонить тебе сегодня?

ИГОРЬ. День рождения у меня.

ГОЛОС. Поздравляю.

ИГОРЬ. Спасибо. Вот, хотелось, чтобы хоть кто-нибудь родной мне это сегодня сказал.

ГОЛОС. А что же братья? Продинамили? (*Игорь пожимает плечами*). Эй, ты где?

ИГОРЬ. Здесь. Я пожимаю плечами.

ГОЛОС. Вы в ссоре?

ИГОРЬ. Нет.

ГОЛОС. Расскажи.

ИГОРЬ. Ангел мой, это долго и нудно.

ГОЛОС. А я не тороплюсь. Здесь наконец-то починили принтер. Он хороший,

но страшно медленный. Хочу распечатать себе все твои письма, так что, ещё часа два я никуда отсюда не денусь. Вещай!

ИГОРЬ. Ты все их хранишь?.. Ну, ежели тебе делать больше нечего... Итак, прослушайте свадебный плач некоренного населения северо-кавказской глубинки РСФСР.

2.

Свадебный пир в скромно обставленной квартире. Гости, одетые по моде конца 60-х годов, и уже не юные молодожёны лихо отплясывают под песню «Ах, эта свадьба!». Одиноким за накрытым столом мальчик в пионерской форме украдкой выпивает.

С края сцены — Игорь за своим рабочим столом комментирует происходящее.

ИГОРЬ (*указывая на «молодых»*). Мои родители — Давид Гарабидович и Наталья Гнатюк. Дети разных народов. Это вот, собственно, я. (*Подходит к столу, берёт рюмку, чокается с мальчиком*). Когда моя мама — спортсменка, между прочим, разрядница — впервые повстречала моего папу, равнодушного к спорту, на тёмных аллеях городского парка, в окружении местной шпаны, мне было уже лет десять. Так получилось. Папино окружение было мамой разогнано...

МАМА. Додик дрался как лев!

ПАПА. Да их было всего-то...

ИГОРЬ. Первая помощь пострадавшему оказана...

ПАПА. Я догнал бы их, не сомневайтесь, но не мог же я бросить беззащитную женщину одну вечером в парке культуры и отдыха!

ИГОРЬ. В общем, как человек благодарный, папа просто обязан был на маме жениться. И, как человек честный, обязанность эту выполнил. Даже не смотря на моё существование.

ПАПА (*гладит мальчика по голове*). Сынок... Мы будем играть в футбол и запускать воздушных змеев. (*Берёт рюмку*). Выпьем за детей, за наше лучезарное будущее, светлое завтра!

МАМА. Сначала за родителей! За родителей ещё не пили. (*поднимает рюмку*). Ну, пусть моим родителям, на войне головы сложившим, и папе Додика, погибшему на строительстве, земля будет пухом. Пусть поглядят они на нас с неба, порадуются. (*Вытирает глаза*). А маме Додика, Фире Абрамовне — здоровья и долгих лет жизни.

ПАПА. Спасибо... (*Гостям*). Мама не смогла сегодня прийти... Дела... Обстоятельства...

ИГОРЬ. Бабушка Фира — единственный человек из невероятного числа жителей Земли была против этой свадьбы. Нет, она, разумеется,

хотела своему ребёнку счастья. Но не такого. Мы с мамой казались ей в этом деле совершенно излишними.

Звонок в дверь. Папа идёт открывать.

ГОЛОС ПАПЫ. Мама! Какая радость, мамочка!

ГОЛОС БАБУШКИ. Тише! Зачем напрасно пугать гостей?

Гости замирают. Мама прислушивается, борясь с желанием выйти в прихожую.

ГОЛОС БАБУШКИ. Я поклялась тебе не переступать порог этого дома и я не переступлю его.

ИГОРЬ. И ведь не переступила!

ГОЛОС БАБУШКИ. Я пришла сказать тебе, чтобы ты и в чужой семье вёл себя хорошо и не позорил фамилию своего отца. Не забывай ходить в планетарий.

ГОЛОС ПАПЫ. Мама, ну что мы как будто прощаемся...

ГОЛОС БАБУШКИ. Если мальчик этой женщины будет хорошо себя вести, будет ходить в планетарий и возьмёт нашу фамилию, отдай ему это. *(Грохот передвигаемого тяжёлого предмета)*. Это самое ценное, что у нас есть. Ты видишь, — я надеюсь.

ГОЛОС ПАПЫ. Спасибо, мама. Я ценю. Может, ты всё-таки...

ГОЛОС БАБУШКИ. Не буду портить вам праздник.

Хлопает дверь. В комнату входит Папа, с трудом втаскивая контрабас в футляре.

ПАПА *(мальчику)*. Вот, Игорёк... На этом контрабасе играл мой дед, твой прадед — Иосиф Моисеевич Гарабидович. У нас даже есть пластинка... Если ты будешь по-прежнему хорошо себя вести и возьмёшь нашу фамилию, он будет твой.

ИГОРЬ. Я и так не был в восторге от папиной фамилии, а тут уж... Надо ли говорить, что и поведение моё с этого дня резко ухудшилось.

Повисает неловкая пауза. Мама готова расплакаться.

ГОСТИ *(принуждённо весело)*. А-а... А давайте смотреть телевизор! Скоро новости! У вас есть телевизор?

ПАПА. У нас нет телевизора.

ГОСТИ. Ну как же в наше время без телевизора? В любом порядочном доме...

ПАПА. А у нас вот такой непорядочный дом!.. Нет, я не хочу, чтобы вы подумали, что у нас нет на телевизор. У нас есть на телевизор. И на газеты. И за киножурнал перед сеансом я тоже всегда плачу. Но не смотрю. И не выписываю. Ну, скажут мне там, что где-то умер хороший человек. Я не знаю его. Но я расстроюсь. Потому что мне скажут, что он хороший и он умер. Я расстроюсь. Моя семья расстроится. Расстроятся миллионы людей, которые выписывают

эту газету. Мы все расстроимся от того, что он умер, хотя мы и не знали, что он жил... Кому от этого станет легче? Или мне скажут, что где-то в Новой Гвинее землетрясение... или война... Чем я смогу помочь?

ГОСТИ. Кровь сдать! Но нельзя же жить с закрытыми глазами! Сейчас такое время...

ПАПА. Знание преумножает скорбь... Если будет что-то важное — к вам придут и скажут. Не сомневайтесь.

ГОСТИ. Нет, Давид, ты всё-таки не прав. Не прав. И телевизор смотреть тебе придётся. Хотя бы потому, что мы купили себе цветной «Электрон» и нашу чёрно-белую «Юность» мы дарим вам с Натой на свадьбу!

Под всеобщее ликование, в комнату вносят старенький телевизор, оклеенный переводными картинками, без задней крышки. Неловко развернувшись в дверном проёме, открытыми «внутренностями» задевают за косяк, слышен хруст стекла. Все ошеломлённо смотрят внутрь телевизора.

ГОСТИ. Да...

МАМА. Ничего-ничего! Спасибо! Такой подарок... Додик завтра же купит детали и всё починит! А сейчас... Давайте смотреть диафильмы! У нас есть плёнки с картинами итальянских возрожденцев и про звёздное небо тоже есть...

Все рассаживаются, гаснет свет, включают проектор, на стене надпись: «Астрономия. 9-й класс. Планеты солнечной системы».

ИГОРЬ. Мой дед — Мойша Гарабидович — был инженер-строитель, отстроил после войны половину нашего городка и трагически погиб при возведении первого и единственного в нашей автономии планетария. Отец ходил туда в каждую годовщину, а я был там только раз — с классом. Мне не понравилось. Я решил, что дед погиб зря. Если бы он отдал жизнь за любимый мною цирк, мне, наверное, было бы не так обидно... Вообще, у нас был хороший город. У нас был цирк, зоопарк, планетарий, три театра и лучший в мире институт нефти и газа. Ну, может, не в целом мире, а только в Европе, или стране... В республике — точно. А через год после гибели телевизора «Юность», у меня родились братья. Не близнецы. Просто двойняшки.

3.

Папа говорит по телефону, Мама стоит рядом, держит в руках новорождённых.

ПАПА. Не близнецы. Просто двойняшки.

ГОЛОС БАБУШКИ. Кто-нибудь из них похож на тебя?

ПАПА (*с сомнением вглядывается в младенцев*). Кто-то похож...

ГОЛОС БАБУШКИ. Того, кто похож, назови Мойшей, в честь твоего отца.

ПАПА. В честь папы? Хорошо.

МАМА. А второго — в честь моего. Можно?

ПАПА. Mamочка, Ната спрашивает...

ГОЛОС БАБУШКИ. Делайте, что хотите. Как будто моё слово хоть что-то для тебя значит.

ПАПА. Мама!

ГОЛОС БАБУШКИ. Я знаю. Мойшу отдашь в музыкальную школу. И проследи, чтобы эта женщина его вовремя кормила и не оставляла на сквозняке.

ПАПА. Мама, эта женщина, между прочим...

ГОЛОС БАБУШКИ. Я буду звонить.

Гудки. Папа кладёт трубку, помогает Маме уложить детей на стол. Долго растерянно всматриваются в них.

ПАПА (*указывая на одного из сыновей*). Мойша?

МАМА (*пожимая плечами*). Вроде Мойша... (*Обречённо машет рукой*).
Мойша!

ИГОРЬ. Второго, кстати, назвали Василием. Не учли только одного — способности младенцев кардинально меняться в процессе роста. Когда ошибка была осознана, переименовывать детей было поздно. Так что, в музыкальную школу, на всякий случай, отдали обоих — мало ли...

4.

Та же квартира. Папа, с дымящимся паяльником в руках, колдует над телевизором «Юность». Мальчики лет 10-ти — белобрысый Мойша и кудрявый брюнет Василий — общими усилиями извлекают из контрабаса рвущие душу звуки: один из них водит по струнам смычком, второй, стоя на табурете, прижимает струны к грифу. Мама стоит перед ними, в одной руке у неё — раскрытые ноты, в другой — телефонная трубка.

Окончив музицировать, Василий садится за стол и принимается за раскрашивание картинок в детской «раскраске». Мойша берёт трубку.

МОЙША. Всё.

ГОЛОС БАБУШКИ. Молодец. Я узнавала в школе — тебя хвалят. Я поговорю с учителями, чтобы с тобой занимались дополнительно.

МОЙША (*еле слышно*). Не надо...

ГОЛОС БАБУШКИ. Ты ходил в планетарий?

МОЙША. В планетарий? Нет ещё.

ВАСИЛИЙ (*громко*). Игорь сказал, что звёзды там туфовые.

ПАПА. Что ж мы тебя Павликом не назвали...

МАМА. Будет получать паспорт, переименуем в Иуду.

ГОЛОС БАБУШКИ. Пусть отец тебя сводит. Или сходи сам — круглое здание напротив зоопарка.

МОЙША. Хорошо.

ГОЛОС БАБУШКИ. Твой брат тебя не обижает?

МОЙША. Нет.

ГОЛОС БАБУШКИ. А твой старший брат?

Мойша оглядывается на Игоря.

ИГОРЬ. А я к тому времени уже учился в Москве.

МОЙША. Он уехал в Москву учиться.

ГОЛОС БАБУШКИ. Пиши ему письма. Москва — столица нашей Родины.

Гудки. Мойша кладёт трубку.

ПАПА (*торжественно*). Семья! Прошу внимания! Вы не поверите, но мои многолетние труды, кажется, увенчались-таки успехом. Занимайте места согласно купленным билетам! С мороженым и напитками в зал не входить!

Все рассаживаются. Папа включает телевизор. На первом канале — новости, тревожный голос диктора повествует об ужасах возможной ядерной войны. Папа поспешно переключает — на втором канале транслируется фильм «Обыкновенный фашизм». Мама начинает плакать. Папа выключает телевизор, выдернув шнур из розетки. Сидят молча. Внезапно, сопровождаемый звоном разбитого стекла, в комнату влетает футбольный мяч.

ПАПА. Вот. Верно. Единственно верно. Дети, идите играйте в футбол. Уроки я сделаю после.

Дети уходят. Папа находит мяч и ударом ноги отправляет его в ту сторону, откуда он появился. Мяч улетаёт, опять же сопровождаемый звоном стекла.

МАМА (*глядя на телевизор*). Может, подарим кому?

ПАПА. У нас нет врагов. Зачем дарить кому-то горе? (*Обрывает внутри телевизора какие-то проводки*). Пойдём гулять в город? Я куплю тебе мороженое и воздушный шар. Будем громко смеяться и ходить по бордюрам. Пусть все оглядываются и говорят: «Взрослые люди...» (*С улицы слышен звон стекла*). «... и дети у них хулиганы». А мы будем громко смеяться. Пойдём!

Уходят.

ИГОРЬ. Всё-таки, мне очень повезло с отцом. Мало ли кого могли бить тогда в парке... Через десять лет он заболел и я забрал родителей

к себе в Москву. Братья были уже здоровенные лбы — Мойша учился в консерватории (да, в нашем городе была и консерватория! А вы думали...), а Васька так и остался... свободным художником, блин... Кстати, получая паспорт, как и положено истинному еврею, он взял национальность матери. Прихватив, для убедительности, и фамилию. Василий Гнатюк — белорусс!

5.

Та же комната, чуть более запущенная. На столе в живописной позе сидит девушка в купальнике — Леся. За её спиной корпит за мольбертом длинноволосый молодой человек, внешность которого не вызывает сомнения в его национальной принадлежности — Василий. Мольберт подсвечивается лучом диапроектора. Из динамиков телевизора «Юность» звучит мелодия из фильма «Эммануэль» — вероятно, передают прогноз погоды. На экране — рябь.

ЛЕСЯ (с украинским акцентом). Ну долго ещё? А?

ВАСИЛИЙ. Терпите, девушка, терпите! Искусство кровожадно. Затёкшие конечности — неизбежные издержки производства.

ЛЕСЯ. Ну хоть похожи... конечности?

ВАСИЛИЙ. А как же! С натуры, как-никак... Мне с вашей натурой несказанно повезло... Такие совпадения редко бывают...

ЛЕСЯ. Ой, да яка там «натура»! У нас в Першей Синюхе такой природы — вагон с тележкой... Не знаю... У вас тут в городе все какие-то ненормальные. Второй день хожу, проходу не дают, машины гудят, останавливаются, хлопцы выбегают: «Вашей маме зять не нужен?». Другие говорят: «Поехали, — говорят, — кататься! У нас, — говорят, — кастрюля мяса, таз вина и море водки!».

ВАСИЛИЙ. Что за хлопцы?

ЛЕСЯ. Та я откуда ж знаю? Чернявые такие, весёлые...

ВАСИЛИЙ. Ну, а ты чего?

ЛЕСЯ. Та чего? Я ж с вокзала только шла: «Не могу, — говорю, — сегодня. Меня родичи ждут!». Я ж не знала, что их тут уже нема. Телеграмма моя в ящике... А давно они уехали?

ВАСИЛИЙ. С полгода.

ЛЕСЯ. А чего? Ключи, главное, под ковриком оставили... Больные, чи шо?

ВАСИЛИЙ. Ты, Леся, послушай аборигена данной местности... и просто старшего товарища... Ты к этим хлопцам весёлым — как и к другим хлопцам — в машины садиться не вздумай. Городок у нас маленький, пешком быстреейдёшь. А то, не дай Боже, увезут на шашлыки... И сарафанчик этот свой до синюшных времён пересыпь нафталином.

Не носят у нас такое. Тут, знаешь ли, своя мода, свои вкусы... Менталитет, одним словом...

ЛЕСЯ. Шо?

ВАСИЛИЙ. Срамота, по местным меркам! Понятно?

ЛЕСЯ. Понятно. Ревнуете, чи шо?.. Вижу — ревнуете!

ВАСИЛИЙ. Затылком видишь?

ЛЕСЯ. А шо мне смотреть? И так чую. По мне пол-Синюхи сохнет...

ВАСИЛИЙ. Ладно, если тебе это льстит, считай, что ревную. Только в сарафане этом больше не шастай. Не тревожь неокрепшие умы...

ЛЕСЯ. «Срамота!» Та яка там срамота? У нас в Синюхе, между прочим...

ВАСИЛИЙ. Что ж, тебе, такой моднявой и востребованной, в Синюхе-то не сиделось, а?..

ЛЕСЯ. А шо я там забыла? День агронома и Праздник урожая... Хочется же в город, пойти вечером куда культурно... А то у нас: «Поедемте кататься в поля!» — вся культурная программа.

ВАСИЛИЙ. Ну и ехала бы поступать куда-нибудь в Киев, Харьков... Одесса, говорят, хороший город.

ЛЕСЯ. Ни, ну как я туда поиду — у мене ж там ни кого. А тут — родичи. Были. Дальние. Та и Россия, всё-таки... И город у вас такой интересный! Иду сегодня, а на площади люди в бубны стучат, пляшут... Праздник какой-то?

ВАСИЛИЙ. А? Наверное... Всё! *(Выключает проектор)*. Расслабьтесь, сударыня. Шедевр готов.

На ватмане, который Василий демонстрирует Лесе, изображена сидящая спиной к зрителям обнажённая девушка.

ЛЕСЯ. Ой... А где ж купальник? Я шо, зря за ним бегала?

ВАСИЛИЙ. А я предупреждал — не надо!

ЛЕСЯ. Нет, ну дорисуйте! Ну як я это дома повешу? Та меня ж батька прибить! Рисуй, давай!

ВАСИЛИЙ. Эта деталь здесь совершенно неуместна! Уж поверь профессионалу! Я уже знаешь, сколько таких нарисовал — итальянским возрожденцам и не снилось! Ты что, не чувствуешь гармонии содеянного мною?

ЛЕСЯ. Чую... Но это ж порнография какая-то...

ВАСИЛИЙ. Отриньте сомнения, милая. Сверните полотно трубочкой и спрячьте под подушкой. Будете показывать лучшим подругам. Сдохнут от зависти. Гарантирую.

ЛЕСЯ. Ну, если сдохнут... *(Посомневавшись, берёт рисунок)*. Спасибо. *(надевает коротенький сарафан, расшитый блёстками)*.

ВАСИЛИЙ. Вот это вы напрасно... *(достает бутылку)*. Обмоем произведение? Джин-тоник?

ЛЕСЯ. Та вы шо! Это ж девять процентов чистого спирта! Не... Давайте, я вам лучше борщ сварю? С пампушками, на сала! У вас сало есть?

ВАСИЛИЙ. Нет, спасибо. Я, знаешь ли, всегда предпочитал пастельные тона, а борщ, на мой взгляд, всё-таки несколько резковат... (*обнимает её*).

Входят Аслан и Кристина, одетая в глухое тёмное платье до пят.

АСЛАН. Крестя, выйди.

(Кристина выходит).

Вася, я тебя понимаю, но позже я сегодня зайти уже не смогу.

ВАСИЛИЙ. Аслан! (*Лесе*). Аслан — мой одноклассник и лучший друг. Большой человек — работает в местной газете в отделе новостей. (*Аслану*). Есть три новости: плохая, хорошая и очень хорошая. Начнём с последней. Это — Леся Цымбалюк. Приехала, на мою радость, к нашим бывшим соседям Цымбалюкам, безвременно нас покинувшим. Эх, хорошие были люди, но с одним маленьким недостатком — начисто были лишены чувства предчувствия хорошего, — а так бы ни за что ведь не уехали бы, дождались бы чудного мгновения вашего явления.

АСЛАН. Нормальные были люди. Реалисты.

ЛЕСЯ. Я поступать приехала, а их уже нет.

АСЛАН. Куда поступать?

ЛЕСЯ. Куда-нибудь...

ВАСИЛИЙ. Зашла за салом! Сала нет... Ты записывай, записывай! Дашь на первой полосе жирным шрифтом.

АСЛАН. Не дам. Газету на прошлой неделе закрыли.

ЛЕСЯ. Ой, мама моя... Как же теперь?

ВАСИЛИЙ. Врать не буду — огорчён умеренно. Ни разу не читал, что потерял — не догадываюсь. Хотя сочувствую от души. Какие-никакие, а деньги давали...

АСЛАН. Дурак.

ЛЕСЯ (*Аслану*). Ой, вы только на него не обижайтесь!

АСЛАН. На него обижаться бессмысленно. Всё равно не поймёт — за что... Так значит, сала нет?

ВАСИЛИЙ. Нет.

АСЛАН (*Лесе*). Нет сала, дорогая. И вряд ли ты его у нас где найдёшь. Раньше ещё встречалось...

ЛЕСЯ. Так я ж привезла! Принести?

(Аслан смотрит на неё долгим взглядом).

Ой, я пойду. Засиделась чего-то... Извините. До свидания. (*Уходит*).

ВАСИЛИЙ. Хорошая девушка.

АСЛАН. Какая там девушка! Девушек в таком этом не бывает. Как это... то, что на ней это...

ВАСИЛИЙ. Это, видимо, последний писк моды в далёкой неведомой Первой Синюхе. Цивилизация.

АСЛАН. Не по нашей погоде. Скажи, чтоб берегла себя. Кристя!
(входит Кристина, встаёт в угол).

Вот. В нормальном платье и то боюсь сестру одну на улицу выпустить, а тут...

ВАСИЛИЙ. Кстати, об улице. Новость плохая — Мойше опять испортили лицо. Между прочим, ногами.

АСЛАН. Ну что я могу сделать? Такое оно у него — притягательное... Ты его перекрась. В кардинально чёрный цвет.

ВАСИЛИЙ. Мне не до шуток. Какая-то шпана второй раз уродует моего брата, а ты мне предлагаешь поржать над этим?

АСЛАН. В том-то и дело, что это уже не шпана. Ты видел, что написано на стене у вас в подъезде?

ВАСИЛИЙ. Я в местных языках разбираюсь слабо, но написано красиво.

АСЛАН. Я думал, что проблемы со зрением только у Мойшы. Пойми, всё гораздо серьезнее и я тут уже ничего не решаю. Да, я сказал некоторым людям, что вы — мои друзья, что родились здесь, что дед построил планетарий... Раз это не подействовало...

ВАСИЛИЙ. Поговори ещё. Я не хочу усугублять всё это своим вмешательством. Ты меня знаешь. Порву. Оно им надо?

АСЛАН. Поговорю. *(Идёт к выходу. От дверей).* Ну, а третья новость — которая просто хорошая?

ВАСИЛИЙ. А-а! Смотри — мы починили телевизор! Тот самый, который ваши родители, если верить седой легенде, подарили нашим родителям. Ничего, правда, не изображает, зато звучит вовсю.
Василий переключает каналы, на одном из них звучат пламенные призывы на тему «Россия — для русских!».

АСЛАН. Спасибо за хорошие новости. *(Уходит).*

ВАСИЛИЙ. Извини... Нет, интересно, но я-то в чём здесь виноват? Я вообще белорус! Кристя, хоть ты скажи!
(Хватает Кристину за руку, привлекает к себе. Она отбивается, шепчет ему что-то на ухо).

Да за салом она зашла, говорю! Чего тут странного — человек с дороги, оголодал, зашёл немного сала попросить... Да одна ты у меня, одна... Ну, хочешь, я тебя нарисую?.. Хочешь?

Звонит телефон, тут же раздаётся окрик Аслана: «Кристя!». Кристина убегает, Василий берёт трубку.

ГОЛОС БАБУШКИ. Мойша?

ВАСИЛИЙ. Сочувствую вам, Фира Абрамовна, но это Василий. Здравствуйте.

ГОЛОС БАБУШКИ. Здравствуйте, Василий. Соболезнования принимаются. Позовите к трубке Мойшу, если вам это будет не очень трудно.

ВАСИЛИЙ. Трудно, Фира Абрамовна. Ой, трудно... (*в прихожей хлопает дверь*). А впрочем... Легчает, знаете ли, Фира Абрамовна, легчает... Да запросто попросту! Легко! (*Передаёт трубку вошедшему Мойше*).

Мойша — молодой человек классической славянской наружности, заметно расцвеченный синяками, в очках со сломанной дужкой и треснувшими стёклами. Вносит и ставит на стол почтовую посылку.

МОЙША. Мойша Гарабидович.

ГОЛОС БАБУШКИ. Я удивляюсь, как ты уживаешься с этим человеком.

МОЙША. Привычка, бабушка. Давно вместе.

ГОЛОС БАБУШКИ. Ты получил посылку?

МОЙША. Да, бабушка, спасибо большое. Ты не представляешь, как мы тебе благодарны.

ГОЛОС БАБУШКИ. И он благодарен?

МОЙША. Очень, очень благодарен. Не сомневайся. (*Протягивает Василию трубку*).

ВАСИЛИЙ. Спасибо огромное, Фира Абрамовна! Я умилен до слёз! Пожалуйста, положите в следующую посылку набор носовых платков!

МОЙША. Он правда очень рад.

ГОЛОС БАБУШКИ. Ну, с ним всё ясно. А что с тобой? Говорят, ты неважно выглядишь последние два дня?

МОЙША. Нет-нет, всё хорошо, бабушка. Недоразумение. Я всё уже уладил.

ГОЛОС БАБУШКИ. Я пришлю тебе новые очки.

МОЙША. Да... Спасибо.

Гудки. Мойша кладёт трубку. Василий в это время распаковывает посылку, достаёт оттуда массу съестного: копчёную колбасу, консервы, яблоки...

ВАСИЛИЙ (*читает надпись на упаковке*). «Моему внуку Мойше Гарабидовичу и брату моего внука Василию». Нет, без шуток, я действительно благодарен твоей бабушке. Если бы не её еженедельные приступы альтруизма, сдохли бы от голода с твоей патологической инфантильностью.

МОЙША. Можно подумать, что ты у нас добытчик и хранитель очага.

ВАСИЛИЙ. А что с меня взять? Я — художник.

Едят.

МОЙША. Вась, давай уедем.

ВАСИЛИЙ (*подавившись*). Куда?

МОЙША. Куда-нибудь. К родителям.

ВАСИЛИЙ. Набили морду — сразу к маме? Ты ещё бабушке своей наядбеничай. Она живо разберётся.

МОЙША. Морда — ладно. Я боюсь, что контрабас разобьют.

ВАСИЛИЙ. Носи в футляре, а не в чехле.

МОЙША. Да и морду жалко. Своя, как-никак.

ВАСИЛИЙ. Думаешь, мне не жалко? Я тоже к ней привык — к морде твоей. Но нельзя же чуть что... Ну что происходит, а? Спустились какие-то люди с гор, заново делят город... Всего-навсего. Но это же наш город. И наш район. Что ж мы его — так бросим?

МОЙША. Цымбалюки уехали. И те, что сверху жили — тоже.

ВАСИЛИЙ. И что из этого? Это всё твой еврейский пессимизм, описанный дореволюционными классиками. Куда ехать — сейчас везде бардак. Вон, к Цымбалюкам гости приехали. Говорят, у них ещё хуже.

МОЙША. Ты понимаешь... Я не говорил, но меня били и раньше. Но аккумулятивней.

ВАСИЛИЙ. Разберёмся. Буду ходить с тобой. Покажешь. И Аслану я уже сказал.

МОЙША. Кстати, ты бы Кристину оставил в покое. Всё равно её за тебя не отдадут — лось с крокодилом...

ВАСИЛИЙ. Да я как-то и не стремлюсь. Нашёл дурака.

МОЙША. Ну, а чего тогда? Аслан прознает — обоим вам «секир башка», несмотря на дружбу и родственные связи.

ВАСИЛИЙ. О чём прознает? Прознавать нечего.

МОЙША. Ну, заподозрит. Куда я тогда, горемычный, подамся, со всей своей инфантильностью и классическим пессимизмом?

ВАСИЛИЙ. Спи спокойно, дорогой товарищ. Всё гладко. Чисто дружеские отношения, о которых всё равно никто не узнает.

Входит Кристина.

МОЙША. Привет, Кристя! Что ж тебе дома не сидится...

Кристина шепчет что-то на ухо Василию.

ВАСИЛИЙ. Прямо сейчас?.. Можно, конечно. А дома не хватятся?.. (*Кристина шепчет, кивает на Мойшу*). Успеем. А он всё равно ничего не увидит.

МОЙША (*снимает очки, разглядывает их*). Да... Ровным счётом ничего... Да и смотреть не хочу.

Мойша берёт контрабас, садится в угол, спиной к брату и Кристине, играет нечто заунывное. Василий усаживает Кристину на стол,

придаёт ей то же положение, в котором позировала ему Леся. Некоторое время с сомнением разглядывает её платье.

ВАСИЛИЙ. Ладно... Некоторые излишние детали мы на полотне фиксировать не будем.

Василий переставляет мольберт так, что зрителям становится виден лист бумаги на нём, направляет на него диапроектор, включает. На листе отображается картина какого-нибудь итальянского художника периода Возрождения: обнажённая девушка, сидящая спиной к зрителям. Встав таким образом, чтобы не заслонять собой луч проектора, Василий быстро копирует рисунок. Затемнение.

6.

Василий, насвистывая, озабоченно постукивает отвёрткой по внутренним составляющим телевизора «Юность». Звучат бодрые рекламные слоганы, наконец-то появляется и изображение. Вбегает Мойша.

МОЙША. Васька! Бежим.

ВАСИЛИЙ. Опять?!

МОЙША. Кристина... Нашли дома рисунок твой... Отец с Асланом повезли её топить.

ВАСИЛИЙ. Как?...

МОЙША. Как топят не знаешь?

ВАСИЛИЙ. Знаю, конечно... Но это ж чушь... Шутка это ж! *(Хватает проектор, вытягивает плёнку, ищет нужный кадр).* Вот! Ну вот же! Бежим, покажем!

МОЙША. Всё! Всё, понимаешь? Поздно! За город повезли час назад. Всё! Уходить надо! Рысью из города! Галопом!

ВАСИЛИЙ. Подожди... Подожди...

МОЙША. Чего ждать?! Придут же сейчас, голову твою требовать... У меня ведь требовать будут, понимаешь? У меня!

Мойша носится по комнате, запикивает контрабас в футляр, бросает какие-то вещи Василию, который заторможенно бродит за ним. Внезапно раздаётся звон разбитого стекла, в комнату влетает нечто круглое, завёрнутое в блестящую ткань, гулко падает на пол. Братья в ужасе смотрят на это. Наконец, Василий разворачивает влетевший предмет, потянув за ткань. Это оказывается старый футбольный мяч, набитый тряпьем. Братья истерически смеются, пока Василий не обращает внимания на ткань, которую всё ещё держит в руке. Это — окровавленный сарафан Леси. Василий вешает его на спинку стула.

ВАСИЛИЙ. Уходим.

Подхватив контрабас, братья выбегают.

7.

ИГОРЬ. Я не видел их до этого лет 15. Всё как-то недосуг было смотаться в родной городок. Собирался, собирался... Нет, звонил, конечно. Но не писал. Хотя новогодние открытки от Мойши приходили регулярно. Родители ездили иногда, привозили их фотографии. Выросли без меня...

И вот когда они вдруг приехали... Понимаешь, я осознавал, что это — мои братья, но было удивительно, что родители любят их не меньше, чем меня. Глупо, но — досадно было. У меня были свои друзья, свои знакомые, сослуживцы, т.е. какой-то свой круг, в который они никогда не входили. Даже соседи по подъезду были как-то привычней и роднее. Единственное, что нас как-то сближало, это город, который я хорошо помнил и любил. Улицы, местечковый жаргон, вечные соседские бабушки у подъезда и пресловутый планетарий, в который они так и не сподобились сходить — вот всё то общее, что у нас с ними было. Земляки...

Вобщем, когда они свалились на мою голову — два взрослых, чужих, совершенно неприспособленных к нормальной жизни человека — я ограничился тем, что снял им квартиру. Родители отдавали им свои пенсии. Я знал, что Мойша носился с нашей семейной реликвией по разным музыкальным учреждениям — безуспешно — всё шло более-менее неплохо, пока не доходило дело до паспортных данных. Графа «национальность»... Вернее, сама по себе национальность никого не смущала, но несоответствие написанного и зримого... Да ещё прописка... Всё это, безусловно, настораживало. Васька — это вообще... Не буду употреблять при тебе бранные слова... А чем они зарабатывали на прокорм я узнал, когда родители решились сообщить им о своём отъезде в Израиль. Такие получились... семейные посылки...

8.

Подземный переход. На стене развешаны рисунки Василия — примитивные копии картин всё тех же итальянских «возрожденцев» и вариации на тему «Чёрного квадрата» Малевича — квадраты красные, синие, жёлтые... Мама кормит Василия принесёнными бутербродами. Папа, в плаще и шляпе, рассматривает рисунки. Мойша терзает контрабас. Игорь тоскует рядом, сидя у стены на корточках. Все подавлены.

Папа (*созерцая живопись*). Однако, как разнопланово... Какой разброс тем...

ИГОРЬ. Господи, неужели кто-то ещё и подаёт?..

МОЙША. Ночью — глухо, а днём, бывает, много накидают. В основном торговцы из ближайших палаток.

ВАСИЛИЙ. Иногда всё готовы отдать, лишь бы он заткнулся.

ИГОРЬ. Я бы бесплатно морду бил...

ВАСИЛИЙ. Не без этого.

МОЙША. Всё бывает.

МАМА. Вы уж по одному не работайте.

ПАПА (*вглядываясь в угол одной из «картин»*). Бо... Ботичелли?

ВАСИЛИЙ. Торговцы — ладно. Отмучились и — по домам. А я вот так с ним — круглосуточно. Всю жизнь, включая период внутриутробного развития.

МОЙША. Мечется со стенами — трудно жить с массонами.

ИГОРЬ. Может, родителям перед тобой извиниться?

ВАСИЛИЙ. Да пошёл ты!

МАМА. Василий!

ПАПА. Мальчики, мальчики!..

Звонит мобильный телефон Игоря.

ИГОРЬ. Да!

ГОЛОС БАБУШКИ. Простите, Мойша не у вас?

Игорь молча протягивает телефон Мойше.

МОЙША. Меня? (*В трубку*). Мойша Гарабидович.

ГОЛОС БАБУШКИ. Мойша, ты знаешь, который час? Я звонила два раза — тебя до сих пор нет дома. Где ты ходишь по темноте?

МОЙША. Бабушка...

ВАСИЛИЙ. Везде найдёт!

МОЙША. Бабушка, не волнуйся, я же не один, я с Васей...

ГОЛОС БАБУШКИ. Это меня и беспокоит...

МОЙША. И все тут — и папа с мамой, и Игорь.

ГОЛОС БАБУШКИ. Какой-то праздник?

МОЙША. Нет, мы просто так... в метро...

ГОЛОС БАБУШКИ. Ну, я не знаю, где и как там у вас это принято. Скажи главное — тебя проводят?

МОЙША. Да. Бабушка, папа хочет с тобой поговорить.

ПАПА (*выхватывает трубку*). Мама! Мамочка, не вешай трубку, пожалуйста!.. (*Пауза*). Мама... Я очень соскучился...

ГОЛОС БАБУШКИ. А кто говорил тебе — женись на Софочке из третьего дома? Я не говорила тебе? Сейчас, конечно, поздно. Теперь я сама не хочу — у неё подагра и вставные челюсти. Но тогда!.. Шлимазл,

шлимазл... Скажи Мойше, что я перезвоню ему через час. Не дай Бог, его не будет дома... *(Гудки)*.

ПАПА. И что тогда?.. О чём ты, мама...

Папа сует телефон Игорю, отворачивается, делая вид, что рассматривает рисунки. Возникает неловкая пауза.

МАМА. Игорёк будет иногда к вам сюда приходиться.

ИГОРЬ. Да?

МОЙША. Хорошо.

ВАСИЛИЙ. Нет уж, спасибо. Мы не так уж много зарабатываем, чтобы делить на троих.

ИГОРЬ. Придурок.

МАМА. Додик, ну вот как их оставить?!

ВАСИЛИЙ. А может не надо нас оставлять?

МОЙША. Пап, ну что, эти операции только там делают? У нас же, наверное, ещё и дешевле?

МАМА. Там это будет совсем бесплатно.

Папа мнёт в руках шляпу.

ПАПА. Дело в том, что недавно на улице... Со мной это было впервые в жизни, хотя я слышал, что такое бывает... Так вот, совершенно незнакомые люди... трезвые, что удивительно... один даже в очках, умный, наверное, человек... Вот... Они назвали меня жителем иорданской долины. Сокращённо. Аббревиатурой.

Пауза. Случайный прохожий бросает в папину шляпу мелочь.

9.

ИГОРЬ. Это было перед самым Новым годом. Мы провожали родителей вместе. Отец ещё, помню, всё наставлял Мойшу — что сказать бабушке на тот случай, если свершится чудо и она спросит о них. Обычно она не спрашивала. Уже не помню, на каком именно варианте он остановился — то ли сказать ей правду, что невозможно ни при каких обстоятельствах, то ли сообщить со слёзной дрожью в голосе о преждевременной утере обоих родителей, что, по мнению папы, она ещё смогла бы перенести более-менее спокойно. Я довёз братьев до первой же станции метро и поехал в офис.

Ближе к концу рабочего дня мне сообщили, что самолёт, в который мы усадили папу и маму, исчез с экранов радаров. И так и не появился. Растворился в воздушном пространстве. Его так и не нашли. Даже обломков. Может, это и к лучшему, что не нашли. Мне не пришлось их хоронить, поэтому можно представить, что они уехали и просто не звонят и не пишут. Свинство, конечно, с их стороны полнейшее...

В наследство мне досталась старая пластинка и братья. В тот день я впервые поехал к ним домой... Педантичный Мойша прилепил у дверей скотчем бумажку: «Гарабидович-Гнатюк»... Как в лучших домах...

10.

Квартира братьев. Всё перевёрнуто вверх дном, поломано и разбросано. На стенах намалёваны свастики. Медленно открывается дверь, на которой начерчена «звезда Давида». Входит Игорь. Он некоторое время стоит на пороге, потом проходит в комнату, ошеломлённо оглядываясь. Следом вваливается Мойша, нагруженный контрабасом и ёлкой.

Гора хлама на полу начинает шевелиться, из-под обломков мебели появляется избитый Василий.

ВАСИЛИЙ (*Мойше, укоризненно*). Всё из-за тебя, жидовская морда...

Пауза.

ИГОРЬ. Я не смог им тогда ничего сказать.

11.

ГОЛОС БАБУШКИ. Мойша, ты что-нибудь кушаешь? Я хотела отправить посылку, но почта не работает второй месяц... По выходным ходи обедать к старшему брату. Я думаю, он будет рад.

12.

Новый год в квартире братьев: свастики на стенах усилиями Василия преобразованы в снежинки, ёлка, громкая музыка. Разномастные гости, в основном бомжового вида, танцуют. Василий басит на контрабасе. Мойша носится с грязной посудой. Вваливается Игорь. Он пьян.

ИГОРЬ. С Новым годом, братва! Растите, не болейте, слушайте старших, ходите в планетарий! (*Обнимает контрабас*). Любите музыку, в ней самые витамины.

ВАСИЛИЙ. О! Брательник! Ладно, сегодня я рад всем и даже тебе.

МОЙША (*пытается усадить Игоря*). Дошёл же ещё как-то... Подарки принёс?

ВАСИЛИЙ. Он сам, как подарок. Положи его под ёлку!

ИГОРЬ (*достаёт из-за пазухи и ставит на стол две бутылки*). Напрасно вы так, напрасно! Я ещё вполне бодр... духовно и материально... Эх, дети... (*Обнимает Мойшу*). Ты так похож на маму... Ой, мама, мама моя... (*Оглядывает гостей*). Господи, что за бред? Откуда всё это?

МОЙША. Это? Это всё с работы.

ИГОРЬ. Из перехода?

МОЙША. Вася позвал.

ВАСИЛИЙ. Компания наша не нравится? Извини! Уж какую нашли. Дорогие мои москвичи... Гони подарки!

ГОСТИ. Подарки! Мандарины в вате! Штрафную ему!

ВАСИЛИЙ. Штрафную? Верно, штрафную! Вставай на стул, читай стишок!

Игорь встает на стул, выпивает поднесенную «штрафную», достаёт из кармана лист бумаги, разворачивает, читает.

ИГОРЬ. «Дорогие наши дети: Вася, Игорёк и Мойша!» В алфавитном порядке, чтобы никому не обидно... «Поздравляем вас с Новым годом. Желаем Мойше творческих успехов и хорошей работы, а Васе — тоже работы и взяться, наконец-то, за ум. А у Игоря и так всё хорошо, так что, желаем только, чтобы не было хуже. У нас всё нормально. Обживаемся, уже выучили некоторые слова, хотя особой надобности в этом нет — везде наши люди. Чувствуем себя хорошо, только скучаем. Ещё раз с Новым годом. Не болейте, не шалите. Мама и Папа. Постскрипtum: телефона у нас нет, а по почте письма идут долго и часто теряются. Так что, будем держать связь по почте электронной — через Игоря». *(Отдаёт письмо братьям)*. Ну, или сами пишите. Мэйл там указан.

МОЙША. Да нет, мы в этом как-то не особо... Мы через тебя. Спасибо!

ВАСИЛИЙ. Вот это подарок! Настоящий подарок. Игоряха, я... Я тебя даже люблю за это. Сегодня. Исключительно сегодня! Не обольщайся! Я... Да что там, я тебе за это даже спасибо скажу! Спасибо, брат.

МОЙША. Жаль, всё-таки, что не позвонили. Трудно, что ли, с телеграфа... Новый год, как-никак...

ВАСИЛИЙ. Ну, мало ли... Может, дорого.

Василий и Мойша, перечитывая письмо, отходят в дальний угол. Гости пляшут. Игорь подсаживается к одиноко сидящей за столом женщине с опухшим лицом.

ИГОРЬ. Выпьем.

ЖЕНЩИНА. Выпьем.

ИГОРЬ. Не чокаясь. *(Выпивают)*. У меня, знаешь, родителей нет больше.

ЖЕНЩИНА. Бывает. А мои всё не сдохнут никак.

ИГОРЬ. Тогда за нас, любимых. *(Чокаются, выпивают)*.

ЖЕНЩИНА. Слушай, сирота, мне тебя и вправду жаль, но сегодня — никак. Извини.

ИГОРЬ. Жаль. Хотя — не до слёз. *(Оглядывается на братьев, достаёт*

мобильный телефон, набирает номер, протягивает женщине). Скажи «алло».

Звонит телефон на стене, Мойша хватает трубку.

МОЙША. Да!

ЖЕНЩИНА. Алё! Алё-о...

МОЙША. Да! Да! Кто это?.. Мама, ты?

ВАСИЛИЙ (*выхватывает трубку*). Мама, это Вася! С Новым годом! Мы получили письмо! У нас-всё нормально!

ИГОРЬ. Ещё раз.

ЖЕНЩИНА. Алё.

Игорь отключает мобильный.

ВАСИЛИЙ. Алло! Мама! Сорвалось...

МОЙША. Что она сказала?

ВАСИЛИЙ. О тебе — ничего.

МОЙША. Слушай, а это точно мама была?

ВАСИЛИЙ. А кто ж ещё? Ты сам сказал. «Мама».

МОЙША. Я не сказал, а спросил. И я не понял. Может, это бабушка была!

ВАСИЛИЙ. Может и бабушка.

МОЙША (*со слезами*). Так бабушка или мама?

ГОСТЬ. Да какая разница! Чего так орать? Ну, позвони бабушке, если у мамы нет телефона. Она звонила — ну спасибо! Не она — ну и с Новым годом, не больно-то и хотелось, карга старая.

ВАСИЛИЙ. Точно. Звони своей бабушке и не мучайся.

МОЙША. Нет, ну как же — «звони!»! Она же сама всегда звонит, она и трубку не возьмёт, наверное.

ГОСТЬ. Номер знаешь? Звони!

Мойша роется в каких-то бумажках, находит номер, несколько раз подряд набирает его.

МОЙША. Нет никого.

ВАСИЛИЙ. Где ей быть-то? Старая женщина, три часа ночи. Дрыхнет, наверняка.

МОЙША. Нет. Я её знаю. Из принципа не возьмёт.

ГОСТЬ (*заглядывая в бумажку с номером*). А чего за город-то?

(Мойша отвечает, но музыка и крики гостей заглушают его).

А-а... Ну так конечно не возьмёт. Там же война. Телевизор не смотрите, что ли? Ну так газеты читайте!

13.

ИГОРЬ. По хорошей привычке, унаследованной от отца, я, как и братья, не смотрел новости и не читал газеты. Знание действительно преумножает скорбь. Слухи о том, что в моём родимом королевстве не всё

ладно, до меня доходили. Но кому сейчас легко и где сейчас всё ладно? Везде бардак. Я просмотрел на работе прессу: «смена власти в республике», «комендантский час», «наведение конституционного порядка». Но ведь не война же! Война — это... Это совсем другое. Война — это когда враги. Да, дружба разных народов — дело не всегда развесёлое. Потому как народы всё-таки разные. У всех свои маразмы. Но, в конце концов... У нас же была единая школьная программа... Фильм про Электроника... Да и вообще — война в моём городе... Вы представляете себе войну в своём городе? Нет, это бред какой-то... Так не бывает.

14.

Квартира братьев. Мойша укладывает дорожную сумку. Василий сидит в обнимку с контрабасом.

ВАСИЛИЙ (*насмешливо причитает*). Да на кого ж ты нас, соколики, покидаешь... Да мы же все глазоньки выплачем, в окошко гляючи... Да отощаем от тоски до безобразия... Кормилец ты наш, поилец...

МОЙША. Кстати, я консервы купил — в шкафу... И «Геркулес» — три пачки. По утрам ешь «Геркулес».

ВАСИЛИЙ. Ой, иссохну я по тебе, никакой «Геркулес» не поможет... Сам эту размазню кушай. Ну и где она, спрашивается, будет жить?

МОЙША. С нами. Где ж ещё?

ВАСИЛИЙ. То есть, никакой личной жизни. Тут на подслеповатого брата с контрабасом и на кухне не каждая соглашается, а если ещё и юркая еврейская бабушка...

МОЙША. С чего ты взял, что она юркая?

ВАСИЛИЙ. А я её видел. Видел! Это ты, единственный внук, ни разу не сподобился пойти поглядеть — кто это тебе по телефону про деда героического, погибшего во имя науки астрономии, впаривает... Финики к Новому году — посылкой... А я ходил! И видел. Юркая — не сомневайся. Ох и скакала она между грядок с граблями наперевес, когда я как-то ночью лунной пришёл к ней картошку копать — «Тимура и его команду» тогда в школе проходили. Еле ноги унёс.

МОЙША. Да ладно, врешь ты всё.

ВАСИЛИЙ. Правда-правда.

МОЙША. Ещё скажи, что в планетарий ходил.

ВАСИЛИЙ. Ходил. Ну, внутрь не зашёл, постеснялся, а вокруг побродил, поглядел. Круглое такое здание напротив зоопарка. Я тогда ещё папину фамилию носил, думал, там доска какая памятная деду висит, погордиться пришёл. В галстук пионерском, на пробор расчесался,

даже цветов нарвал на клумбе. А нет доски! И я — с цветами и пробором, как дурак. Хорошо, никто из наших не видел. Не ходил больше. Чего позориться...

МОЙША. А меня чего не брал?

ВАСИЛИЙ. Да нужен ты мне больно... Может, Игорю её подсунем?

МОЙША. Не пойдёт она.

ВАСИЛИЙ. Да и он не возьмёт. Такую рухлядь...

МОЙША. Так... Здесь я всё перестирал, погладил и в тумбочку сложил.

ВАСИЛИЙ. А с чего ты взял, что она с тобой поедет? Да она тебя на порог не пустит. Какой из тебя Мойша Гарабидович? Ты себя в зеркале видел? А документы поддельные.

МОЙША. Я думаю, юркая бабушка тоже приходила и подглядывала — кому, собственно, финики посылкой...

ВАСИЛИЙ. Конечно! Не сомневаюсь даже. А мы — всегда вдвоём. Даже в музыкалке. «Дети, а кто тут Мойша?» — «А вон они — с контрабасом!».

МОЙША. И что? Тебе в город всё равно нельзя.

ВАСИЛИЙ. А тебе можно? Нет, вот почему тебе всю жизнь всё можно, а мне вечно ничего нельзя?

МОЙША. Мне тоже нельзя. Но мне просто нельзя, а тебе нельзя совсем.

ВАСИЛИЙ. А я и не напрашиваюсь. Я и не собираюсь даже. И не проси. Нужна мне чужая бабушка... Разве что огородами...

МОЙША. Огородами и я сумею... Так... Ладно. Вроде всё. Всё, всё... Да! Будешь писать родителям, наплети какую-нибудь чушь от меня. Всё, пока. В окно не выглядывай, вслед не смотри. Мы скоро. (*Уходит*).

ВАСИЛИЙ. Н-да... Нет, конечно... В жизни каждого одинокого мужчины когда-нибудь наступает такой момент, когда в его дом и налаженный, можно сказать, быт вторгается посторонняя женщина и... вносит свои коррективы... во всё. Многие к этому даже стремятся. Это нормально. Наверное. Но чтобы ей при этом было 86 лет... И мне придётся играть для неё на контрабасе... И «Геркулес» по утрам... (*Плачет*).

15.

ГОЛОС БАБУШКИ. Давай я спою тебе колыбельную. Конечно, ты давно уже взрослый, но иначе я бы тебе и не предлагала. Бери телефон и ложись. Это старая-старая песня. Мне её пела моя бабушка. У меня до сих пор хорошая память, я помню все слова, хотя и не знаю, что они означают. Но дело ведь не в словах, верно? Там поётся о том, что всё будет хорошо. Или, по крайней мере, именно так, как должно быть.

Лёг? Ну, слушай... (*Откашливается, пауза*). Не буду я её тебе петь. Иначе, кто же повесит трубку, когда ты уснёшь?..

16.

ИГОРЬ. Мойша не вернулся. Не позвонил и не написал. Ни разу. Связи с городом не было. Через два месяца мы подали в розыск. Помню, милиционер, принимавший от нас заявление, очень смеялся, когда Вася спросил — поместят ли портрет нашего брата на стены «Их разыскивает милиция» в нашем городе: «Какие стены, ребята? Там работает авиация!»... А потом пришла она...

17.

Подземный переход. Развешаны те же рисунки. Василий играет на контрабасе мелодию из фильма «Эммануэль». Мимо проходит девушка, останавливается в стороне, внимательно смотрит на Василия.

ВАСИЛИЙ. Мадам, я, между прочим, надрываюсь исключительно ради вас.

ДЕВУШКА. Ради меня?

ВАСИЛИЙ. А что, здесь есть ещё кто-нибудь?

ДЕВУШКА (*оглядываясь*). Нет...

ВАСИЛИЙ. Ну и?

ДЕВУШКА. Что?

ВАСИЛИЙ. Я что, по вашему, за так тут инструмент калечу? Это, между нами говоря, антиквариат.

Девушка, догадавшись, поспешно достаёт кошелёк, вытряхивает его содержимое в шляпу Василия.

ВАСИЛИЙ. Большая, что ли? Куда столько? Отгреби! Ты чего думаешь, что я тебе полночи пилить тут буду? Наиграю на двадцатку и — кранты.

ДЕВУШКА. А вы не знаете, кроме вас в это время ещё кто-нибудь на контрабасе в метро играет?

ВАСИЛИЙ. Не знаю. Сейчас 90% населения, по моим наблюдениям, страдают неврастенией и слабоумием. Поэтому я ничего не исключаю. А что? Поклоняешься подгрунтовым контрабасистам?

ДЕВУШКА. Мне нужен один человек — Василий Гарабидович. Он по вечерам играет в метро на контрабасе.

ВАСИЛИЙ. Внимаю вам, сударыня. Чего надо?

ДЕВУШКА. Нет, без шуток, мне нужен Гарабидович.

ВАСИЛИЙ. Да я это, я! Не видишь, что ли? Можешь в профиль поглядеть.

ДЕВУШКА. Паспорт покажите.

ВАСИЛИЙ. Щас-с... Гарабидович — моя девичья фамилия, документально не отражённая.

ДЕВУШКА. Я думала, вы близнецы... Он сказал — родились в один день.

ВАСИЛИЙ *(перестаёт играть)*. Мойша? Где он?

ДЕВУШКА. А вы не знаете?

ВАСИЛИЙ. Нет. Что с ним?

ДЕВУШКА. Не знаю. Я и искала-то вас, чтобы спросить... *(Садится на корточки у стены)*. Несколько месяцев назад — ещё зима была — я искала в вашем городе своего мужа. Его призвали после института, а ребёнок у нас умер при рождении, потому что муж и раньше пил. И отсрочки нам поэтому не дали. Но это всё не важно.

ВАСИЛИЙ. Да, не важно.

ДЕВУШКА. Он долго не писал. И я звонила, звонила... Никто ничего не мог мне сказать. То есть, абсолютно — никто ничего. Никак. Тогда я сама поехала. Я и ещё несколько женщин, которые приехали за детьми. Мы шли... Сопровождающего нам дали, потому что мины, и мы шли... Я не помню, как эта улица называлась... Как же она называлась?..

ВАСИЛИЙ. Что там было? Фонтаны, сквер какой-нибудь? Магазины?

ДЕВУШКА. Нет, там уже почти ничего не было. Но это не важно!

ВАСИЛИЙ. Да, не важно.

ДЕВУШКА. Мы шли по этой улице, когда начали бомбить. Все побежали в разные стороны и я побежала. Я сначала всё бежала, а потом ползла... вдоль стены... очень долго. Пока не поняла, что я уже внутри какого-то бывшего здания и просто ползаю в нём по кругу... Потому что оно раньше круглое было... Т. е. цилиндрическое...

ВАСИЛИЙ. А Мойша?

ДЕВУШКА. А Мойша был уже там. У него были перебиты ноги и он всё шутил, что это — ваш фамильный склеп, что все Гарабидовичи сползаются туда подышать. Мы лежали там сутки, потому что сначала работала авиация, потом расстреливали зверей в зоопарке — там как раз напротив был зоопарк — и слон очень кричал, потом — артобстрел, а потом уже просто стреляли... Ночью стало совсем холодно и мы лежали рядом, смотрели на звёзды — крыши не было. Мойша бредил — говорил, что бабушка теперь была бы им довольна...

ВАСИЛИЙ. Что ещё он про бабушку бредил?

ДЕВУШКА. Про бабушку больше ничего. Про дедушку вот сказал, что понял он, мол, за что погиб его дед.

ВАСИЛИЙ. За что?

ДЕВУШКА. За мирное небо над головой.

ВАСИЛИЙ. Дальше.

ДЕВУШКА. На следующий день стихло немного, и я пошла искать людей.

Дорогу назад я найти не смогла. В тот же день меня ранили...

ВАСИЛИЙ. Но ты о Мойше хоть кому-нибудь сказала?

ДЕВУШКА. Я в сознание через неделю пришла.

Пауза.

ВАСИЛИЙ. А меня как нашла?

ДЕВУШКА. Когда мы лежали там ночью, он сказал, что вот в этот вот самый момент, когда мы лежим тут и любимся на звёзды и трассеры, его брат Василий играет на контрабасе в московском метро.

ВАСИЛИЙ. С чего он взял? Я при нём контрабас не трогал.

ДЕВУШКА. Он сказал, что вы точно играете на контрабасе, потому что за живопись вам всё равно ничего не дадут.

ВАСИЛИЙ. В московском метро порядочно станций...

ДЕВУШКА. 162. Я думала, что вы близнецы... Говорят, близнецы чувствуют друг друга на расстоянии. Я вас искала, чтобы спросить — вы ничего не чувствуете?

ВАСИЛИЙ. Нет.

ДЕВУШКА. А тогда? 3-го марта? Вы что-нибудь чувствовали 3-го марта?

ВАСИЛИЙ. Нет. Ничего. Я бы запомнил.

ДЕВУШКА. В принципе, он довольно быстро ползал... *(С отчаянием)*. Вы даже не похожи!.. *(Встаёт, уходит)*.

ВАСИЛИЙ. А мужа-то вы нашли?

ДЕВУШКА. Да.

ВАСИЛИЙ. Ну вот видите...

ДЕВУШКА. Да. Одним домашним животным больше. *(Уходит)*.

18.

ГОЛОС БАБУШКИ *(тихо напевает колыбельную на иврите — 2-3 строчки, затем)*. А больше слов моя бабушка не знала.

19.

ИГОРЬ. На следующий день Василий пошёл сдаваться в армию. Как ни странно, но Родина в нём не нуждалась. Документы его были надёжно утеряны на родине малой, на учёте он нигде не стоял и посмотрели на него странно. Даже там он никому не был нужен. Одолжив у меня деньги на мзду, он ушёл служить по контракту, оставив мне на хранение контрабас, свои рисунки и тетрадку с письмами — от него и Мойши — которые мне надлежало отправлять родителям в далёкую страну... Я честно отправлял. И ответы писал. Шарился

по всем русскоязычным израильским сайтам в поисках новостей, проштудировал тамешнее законодательство и уже почти выучил иврит. Да, операцию отцу сделали благополучно. Кстати, именно тогда мы с тобой и познакомились. Помнишь? Ты собиралась уезжать, хотела проконсультироваться, и я влез со своими советами... Главное — всё это было не зря. Однажды Вася возник на пороге моего кабинета, и мне было, что предъявить ему.

20.

Кабинет Игоря. Василий, стриженный налысо, в камуфляже, сидит на столе, читает письма, подшитые в папку, время от времени смеётся. Игорь суется вокруг.

ИГОРЬ. В общем, доллар скачет, акции горят — живём, как на вулкане... Тебе чай, кофе?.. Тут ещё генеральный наш начал коситься неодобрительно. Всё ходит, косится, косится чего-то... А может, он по жизни косою, просто я раньше не замечал?.. Где патлы-то твои? Я думал — не дашься.

ВАСИЛИЙ. Вши. Так легче.

ИГОРЬ. А-а... Слушай, может в сауну махнём? Мы с Петровичем на прошлой неделе ходили — такая красота! Пива возьмём пару ящичков! Раки, девочки... Или лучше без девочек, чтобы не портили праздник. Дороговато, правда, зато на уровне и от дома недалеко. А? Ну чего ты?.. А я, знаешь, с девчонкой одной по Интернету познакомился. Хорошая такая девчонка, смешная. Письма пишет. И я ей. В обеденный перерыв. Евреечка. Хочешь, познакомлю? Закидаю её письмами от твоего имени, ты в следующий раз приедешь — гарантирую — будет встречать на вокзале! И — в загс! Будет у вас, как в лучших традициях нашей семьи, белорусо-еврейский союз. Нерушимый.

ВАСИЛИЙ. Я не хочу ни к кому привыкать.

ИГОРЬ. Может, выпьем? Выпьем, выпьем! Чёрт с ними со всеми! Ко мне брат приехал!

ВАСИЛИЙ. Я не буду. Не люблю, когда руки дрожат.

ИГОРЬ. Что ж с тобой делать-то, а? Скучный ты какой-то стал.

ВАСИЛИЙ. Зато я добрый. Добрый снайпер. Я никогда не мучаю людей перед смертью. Всегда убиваю сразу. *(Встаёт)*. Ну ладно, пойду. Я письма возьму? Можно?

ИГОРЬ. Когда ты вернёшься?

ВАСИЛИЙ. Мойша, бабушка, ребята... слон... Это надолго. Кстати, напиши родителям, что я ездил домой и всё-таки починил телевизор. На него никто не позарился. Ладно... Пока! *(Уходит)*.

21.

ИГОРЬ. Вот уже почти год прошёл. Он не звонит и не пишет. Впрочем, он и не обещал. Фамилии у нас разные и вряд ли я отмечен где-то как его родственник. Так что, если с ним, не дай Бог, конечно, что-нибудь случится... или случилось... я, наверное, никогда об этом не узнаю. Но письма зачем-то писать продолжаю — туда и обратно. Рефлекторно, наверное. Во-от...

Ещё я подал в розыск на бабушку. Её ведь никто не видел мёртвой. Соседи сказали Васе, что в самом начале войны она просто вышла из дома и не вернулась. С одной стороны, я её разыскиваю, а с другой... Ну кто мы друг другу? Она для меня — примерно то же, что и наша старая пластинка. Понимаешь? Но ведь и пластинка мне тоже очень дорога. И каждый праздник я жду, что она позвонит — она никогда не звонила без повода. А тут — праздник. В праздник всегда легче возникнуть из небытия. Позвонит, хотя бы для того, чтобы спросить — почему Мойша так долго не берёт трубку дома. Честно говоря, в такие дни меня так и тянет отключить телефоны... Хотя всё равно не позвонит. Чудес не бывает... Такие пироги. Ты не спишь?

ГОЛОС. Нет.

ИГОРЬ. Ангел мой, как хорошо, что ты у меня есть.

ГОЛОС. И ты у меня.

ИГОРЬ. И я у тебя. Мы теперь будем созваниваться, правда?

ГОЛОС. Да.

ИГОРЬ. Обязательно будем. Непременно. Ты у меня единственный человек родной. Никто не понимает... Никто... Поговорить не с кем... Даже с женой — только потрепаться получается... *(Слышится грохот за дверью)*. Извини, солнце, я сейчас. *(Выходит)*.

22.

Приёмная перед кабинетом Игоря. Компьютер на столе секретаря включён, принтер давно и монотонно работает — в нём уже солидная пачка распечатанных листов. Уборщица, мелькнувшая в начале спектакля, подбирает с пола обломки телефонного аппарата.

ИГОРЬ. Что происходит? Что вы здесь делаете? *(Видит телефон)*. Это две ваши зарплаты.

УБОРЩИЦА. Извините.

ИГОРЬ. Ладно, мне сейчас некогда. После разберёмся.

Игорь поспешно возвращается в кабинет, оттуда слышен его голос. «Алло! Ангел! Вот чёрт!». Снова появляется в приёмной.

ИГОРЬ *(в бешенстве)*. Из-за вас!.. Из-за вас у меня сорвался важный разговор! Это... Это... Ну у меня слов нет просто! Дура! Что вы шляетесь здесь ночами?! *(Замечает работающий принтер, выхватывает распечатки)*. Никак производственный шпионаж? *(Читает, растерянно поднимает голову)*. Я не понял... Откуда это здесь?

Уборщица стягивает с головы косынку, обнаруживая юный возраст.

УБОРЩИЦА. С днём рождения.

ИГОРЬ. Ангел? Постой... погоди... Бред какой-то. *(трясёт головой)*.

Ты — Ангел? Это что же, розыгрыш был? Издевательство? Хотя... Сколько ты здесь работаешь?

АНГЕЛ. Два месяца.

ИГОРЬ. А общаемся мы уже год... И зачем ты — здесь?

АНГЕЛ. На тебя посмотреть.

ИГОРЬ *(садится на край стола)*. А стоит ли?

АНГЕЛ. Стоит.

ИГОРЬ. Ну и как? Разочаровал?

АНГЕЛ. Пока нет.

ИГОРЬ. А как нашла?

АНГЕЛ *(садится рядом)*. Очень просто. У тебя электронный адрес — «Рахимбердиев собака эмбанк точка ру». Фамилия и место работы в одном флаконе.

ИГОРЬ. Не думал, что могу быть кому-то настолько интересен.

АНГЕЛ. Ты не говорил, что женат.

ИГОРЬ. Ты не спрашивала. Да и какая разница?

АНГЕЛ. Да, верно.

ИГОРЬ. А почему «Ангел»?

АНГЕЛ. Мне в детстве ампутировали крылья. Ранец мешали носить.

ИГОРЬ. А-а... А чего в Израиль не уехала?

АНГЕЛ. Влюбилась.

ИГОРЬ. А-а... Это ты зря. Ну, счастья тебе. *(Встаёт, случайно сталкивая со стола пачку распечатанных писем, которые разлетаются по всему полу)*. Однако, сколько бумаги... Неужели всё я? Даже и не думал... Ты это... прибережи здесь, ладно? Раз уж это входит в твои обязанности... А завтра приходи... за расчётом. Телефон... Чёрт с ним, с телефоном! А писать больше не нужно. Хорошая у нас с тобой история получилась. Ну и расстанемся, пока хорошие. Спасибо тебе... за внимание. *(Уходит)*.

АНГЕЛ. Happy birthday... to you...

Звонит телефон. Ангел автоматически, не глядя, поднимает

трубку и тут же кладёт её обратно. Схватившись, хватается трубку снова — гудки.

АНГЕЛ (*кладёт трубку, гладит телефон*). Не-ет... Чудес не бывает.

Занавес.

Вера Трофимова

Родилась 23 февраля 1972 года в Туле.

Член Союза Российский писателей. Автор пьес «Капля страха», «Шуты», «Малютка театральный бес», «Мой Тристан» и других.

Большинство пьес поставлены в театрах Тулы, Новомосковска, Смоленска, Ставрополя и других городов.

На конкурс представила пьесу «Про то, как Тула шведов обула...»

**Действующие
лица**

Царь Петр Алексеевич.
Царица Екатерина Алексеевна.
Никита Демидович Демидов (Антуфьев).
Акинфий, его сын.

Дунька, жена Акинфия.

Шафиров Петр Палыч, приближенный царя.

Сашка
Дашка } крепостные девки.
Глашка }

Кюхенрейтер Ганс Иванович.

Сенька Сокол, приказчик Демидовых.

Тульский Воевода.

Ямщик.

Призрак.

Дамы, кавалеры, разбойники и демидовские холопы.

Про то, как Тула шведов обула, или отчего король Карл XII дуба дал

ПРОЛОГ.

Вечер, метель, зимняя дорога. В санях едет толмач Посольского приказа Петр Палыч Шафиров. На передке ямщик заунывно поет.

Ох! У Неглинки-речки около,
Во боярском терему
Провожали ясна сокола
В заграничную тюрьму.
На учение постылое,
За далекие моря
Отправляют дите милое
По велению царя.
Ох! Во далекой во Неметчине
Сгинет молодец зазря...

ШАФИРОВ. Эй ты, борода! Как смеешь политицки песни петь?

ЯМЩИК. Каки таки политицки, барин?

ШАФИРОВ. Крамольные, вот какие. В острог бы тебя, да плетей всыпать.

ЯМЩИК. Дак ведь народ поет, барин! Из песни слова не выкинешь. Н-но, милай!

ШАФИРОВ. Народ... Глуп у нас народ. Государь Петр Алексеевич бьется, бьется, а народ как был дурак, так и остался. До Тулы далеко еще?

ЯМЩИК. К ночи будем. Спеть, что ль, веселую, барин?

ШАФИРОВ. Валяй...

ЯМЩИК. Вот те свежатинка! Намедни на ярманке слышал. *(Лихо, с гиканьем и посвистом поет).*

Вдоль по улице по шведской,

По Кукуйской слободе

Гулял молодец немецкий

Во кудрявой бороде.

Ерш-те двадцать, сапоги,

Встала Русь не с той ноги!

Шляпой с перьями и с бантом

Пред собою он махал

И с ужимистым галантом

Тощу немку целовал.

Гоп-стоп да с утра

Разгулялась немчура!

Слышен пронзительный разбойничий свист. Откуда ни возьмись перед санями выскакивают два татя лесных в диких бородах, один с топором, другой с кистенем.

ТАТЬ. Филька, не робей! Окружай их со всех сторон!

ЯМЩИК *(крестясь)*. Матерь Пресвятая Богородица, спаси и помилуй...

Лезет под сани.

ШАФИРОВ. Куда ж ты, Ферапонт, поганец этакий?!

ЯМЩИК *(из-под саней)*. Дормидонтом меня кличут, батюшка!

ШАФИРОВ. А, злодеи! На царского слугу руку поднимать? *(Вынимает пистоль и стреляет в татя. Пистоль дает осечку).*

ТАТЬ. Ага, барин, подвел тя пистоль! Не робей, Филька, пожива будет!

ШАФИРОВ. Ничего, шпага не подведет! *(Храбро сражается с татями. Один с воем уползает, за другим Шафиров гонится. Возвращается, вытирая клинок полой шубы).* Ну, знатно я ему зад подколом! Эй, как тебя... Ферапонт! Виктория! Вылазь!

ЯМЩИК *(вылезая из-под саней)*. Дормидонт я, батюшка...

ШАФИРОВ. Ты что же, дезертир окаянный, меня одного бросил? Так-то царскую службу несешь?

ЯМЩИК. Ды барин, струхнул я малость. У меня детишков полна изба, ды баба на сносях, ды маманя на печи... Ты бы виктории ради простил меня, барин!

ШАФИРОВ. Ладно, завел волынку. Недосуг мне, поспешать надобно. Эх, дрянь пистоль немецкий оказался! А ведь сколько я денег за него отвалил!

ЯМЩИК (*угодливо*). Дак и я про то ж, барин! Энти колбасники, вот помяни мое слово, доведут Расею до прорухи!

ШАФИРОВ. Поехали. Я, борода, в Туле ночевать хочу.

ЯМЩИК. Да мы со всей душой! Враз домчим! Эй-х, залетные!

Горница в доме Тульского воеводы. Воевода с аппетитом кушает. Шафиров в возбуждении рассказывает по горнице.

ШАФИРОВ. Железа, воевода, много железа надобно! Вы тут в Туле по руде ходите, а железа доброго — с кукиш!

ВОЕВОДА. Будет сполнено, господин Шафиров... Вы грибочков отведайте.

ШАФИРОВ. Война со шведами на носу! Пеньку, добротный тес выжимай из подрядчиков!

ВОЕВОДА. Сполним, не сумлевайтесь. Вы травничку откушайте.

ШАФИРОВ. Ты мне зубы не заговаривай. (*Ест грибы*). Знаю я вас, лишь бы государство обмишулить. Да еще пистоль этот... Ох, воевода, в сомнении я. Вещь тонкая, заграничная... Не по зубам твоему лапотному кузнецу.

ВОЕВОДА. Не извольте, Петр Палыч, сумлеваться. Пистоль починят в лучшем виде. А вы покуда вот грибочков, настоечки... Поросенок с кашею поспеет скоро.

ШАФИРОВ. Да ты меня три дня тут потчуеть, а мне недосуг! Сам знаешь, война надвигается. Все уж обговорено, пора к царю поспешать, а я тут отъедаюсь на тульских хлебах!

ВОЕВОДА. Будьте покойны. Кузнечишка должен управиться. А нет — самолично отстегаю, живого места не оставлю.

(Стук в дверь).

Ну, что там? Кого принесло?

Входит кузнец Никита Антуфьев.

НИКИТА (*степенно кланяясь*). Здрав будь, воевода, и ты, боярин.

ВОЕВОДА. А-а-а, Никишка Антуфьев! Что скажешь?

НИКИТА. Припер я твой пистолетишко, боярин.

ШАФИРОВ. А что я говорил? Не по зубам нашим лапотникам немецкая работа!

НИКИТА. Пошто забижаешь? Ты спытай сперва.

Вынимает из тряпицы пистоль.

ШАФИРОВ. Ага... Ну, а ежели пальнуть? Заряжен пистоль?

НИКИТА. А то!

ВОЕВОДА. И пальни, батюшка, повесели душу!

Шафиров с пистолем в руке прохаживается по горнице, примеряясь, и неожиданно палит в потолок. Из-под стрехи падает толстая подшивка печатных лубков.

ШАФИРОВ. Батюшки! Это что ж у тебя, воевода? Никак лубки печатные?

ВОЕВОДА (*суется*). Да Петр Палыч, не порти ты свои очи ясные!

ШАФИРОВ. Не-ет, погоди.

(Разглядывает лубки и прыскает в кулак).

Ну и охальник ты, воевода! От женки, небось, прячешь?

ВОЕВОДА (*со вздохом*). От нее, змеюки... Ох, тяжка служба государева!

Бывает, посмотришь, и взыграет в тебе бес-то.

ШАФИРОВ. Не, я тебя понимаю... Самому иной раз такое наснится, что и сказать совестно.

ВОЕВОДА. Жениться тебе пора, батюшка.

ШАФИРОВ (*перелистывая лубки дулом пистоля*). Да недосуг все... Мотаешься, как телепень, туды-сюды... О! Стой-ка! А метка моя где? Выходит не мой пистоль, Никита?

НИКИТА. А как же. Не твой, боярин. То наша работа.

ШАФИРОВ. А мой где? Куда подевал? Да как ты смеешь?

НИКИТА (*Вынимая из тряпицы другой пистоль*). А вот он, в исправности. Не сумлевайся, боярин.

ШАФИРОВ (*с восторгом сравнивая пистолы*). Ну Никита, удружил! А что как из этого пальнуть?

(Стреляет в потолок. Из-под стрехи со звоном падает солидный мешочек).

Ох и запаслив ты, воевода! Чем на сей раз побалуешь?

ВОЕВОДА. Помилуй, Петр Палыч... Не мое это вовсе!

ШАФИРОВ. Ах, тут и надпись, шелком вышитая! Ну-ка-ся... А чего ты дергаешься, воевода? Не твое, так и не твое. Ишь ты... «Любезному воеводушке Пармену Фалалеичу от худародных купчишек Криволапова, Сухорукова да Киселика Ивашки». Не твое, значит?

ВОЕВОДА (*валится на колени*). Не губи, Петр Палыч! То вороги мои подбросили!

ШАФИРОВ. Да верю я тебе, верю. А ты, Никита Антуфьев, раз уж такой случай вышел, получай за труды!

Отдает Никите мешочек.

НИКИТА. Благодарствую, боярин. Век не забуду твоей милости.

ШАФИРОВ. Переплюнул ты немца, как пить дать! Хороша работа. И бьет мягко, и в руке сидит, как влитой... Уважил, Никита! Как тебя по батюшке?

НИКИТА. Никита я, Демидов сын.

ШАФИРОВ. Ну, Никита Демидыч, доложу об тебе государю непременно!

Наливай, воевода! Выпьем за тульского мастерового!

НИКИТА. Не в обиду тебе, боярин, я хмельного в рот не беру.

ШАФИРОВ. Ну ты антик, Демидыч... Дай хоть облобызаю тебя!

Троекратно целует Никиту.

ВОЕВОДА. Помилуй, батюшка, много чести ему, зазнается!

ШАФИРОВ. Да ему цены нет! Ступай с Богом, Демидыч, свидимся обязательно.

НИКИТА. Так что до свиданьица.

Кланяется и уходит.

ШАФИРОВ. Что раскис, воевода? Денег жалко? Ничего, еще наворуешь.

(подмигнув). Ты лучше скажи: непотребство какое у тебя еще имеется?

ВОЕВОДА. Да оно ежели поискать...

ШАФИРОВ. Не тяни, греховодник, выкладывай!

ВОЕВОДА *(вынимая спрятанную за иконой контрабандную книжицу).*

Тута по весне голландские купчишки приперли лубки потешные из жисти хранцузского короля Лудовика 14-го. Так я те скажу: тута нам их не догнать ни в жисть!

Оба садятся голова к голове и гыгыкая, с нездоровым интересом разглядывают картинки.

ШАФИРОВ. Ну, Лудовик! Ну, чертяка бесстыжий!

ВОЕВОДА. А бабы-то, бабы что вытворяют!

ШАФИРОВ *(разомлев).* Ох, воевода, хорошо у тебя!

(Затемнение).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Сцена 1.

Горница в доме Демидовых. Стремительно входит Никита Демидыч в овчинном полушубке.

НИКИТА. Ф-фу! Насилу доехал. Эй, Акинфка! Дрыхнешь, сукин кот? Развели в дому сонное царство. Эй, Акинфка!

Входит Акинфий.

АКИНФИЙ *(зевая).* Батя... Уже приехали? А мы вас только завтрева дожидались.

НИКИТА *(насмешливо).* Ты бы, сынок, портки подтянул. Ишь, разнежился с молодой женой! Тута дела государственные пошли, а он с бабой на печи балуется!

АКИНФИЙ. Детишков делать тоже дело государственное.

НИКИТА. Поговори у меня! Чай уж настругал. Дунька! Собери поесть, оголодал я.

Входит заспанная Дунька и лениво собирает на стол.

АКИНФИЙ. Ну, батя, что там, на Москве? Не зря съездили-то?

НИКИТА. Не зря, Акинфиюшка. Глянулись царю наши фузеи и алебарды из сибирского железа.

(Дунька садится с краю стола, собираясь слушать).

А ты что тут расселась? Не бабьего ума это дело.

ДУНЬКА *(хмыкнув)*. Подумаешь! *(Неторопливо уходит)*.

НИКИТА *(глядя ей вслед, с удовольствием)*. Ишь, разъелась на демидовских хлебах...

АКИНФИЙ. Ну не томите, батя! Сказывайте.

НИКИТА *(кушая)*. На вот, читай. Ты у нас грамотный.

Дает Акинфию грамоту.

АКИНФИЙ *(с трудом читает)*. «Царский указ. Государь наш Петр Алексеевич сулит великие милости, прощение старого воровства и попустительства каждому, кто сыщет новые рудные места, какого бы чина и звания он ни был. Каждый имеет право во всех местах искать, править, варить всякие металлы: золото, серебро, олово, свинец, железо, тако же и минералы: селитру, серу, купорос и всякие краски и каменя. За объявление руд от великого государя будет жалованье, а за сокрытие — горькое битье батогами и яма».

НИКИТА. Чуешь, чем пахнет?

АКИНФИЙ. Чую, батя. Деньжишшами пахнет агромадными.

НИКИТА. Дело государственное, сынок! Ну, а таперича главное. Погоди есть, подавишься. Царь Петр Ляксеич пожаловал нам, Демидовым, сибирский завод на Нейве-реке да земли рудные вокруг.

АКИНФИЙ. Да ну?!

НИКИТА. Вот те и ну! А платить будем пушками да мортирами, фузеями, копьями, шпагами, тесаками... Чуешь, Акинфка, какая удача нам привалила?

АКИНФИЙ. Чую, батя... Ну и хват же вы!

НИКИТА. Ты вот что. Хватит в Туле штаны просиживать. Бери с собой приказчика Мосолова да знающего литейщика и отправляйся на Каменный Пояс. Завод на Нейве-реке надо срочно принять и к делу приступить.

АКИНФИЙ. Ладно, батя. Помолясь, через недельку отправимся.

НИКИТА. Неде-ельку?! Завтра же поедешь!

АКИНФИЙ. Ну, будь по-твоему. Скажу Дуньке, чтоб собиралась.

НИКИТА. Бабы тебе там не надобно. Только от дела отрывать будет, знай

к себе в постелю таскать... Да и тут за хозяйством приглядывать надо.
АКИНФИЙ (*вздыхая*). Эх, батя...

Стремительно входит Дунька.

ДУНЬКА. Да-а! За хозяйством приглядывать! Кукуй тута, вдова при живом
муже! Акинфиюшка, голубь мой! Да как же я без тебя?!

АКИНФИЙ (*робко*). Бать... Может, возьму Дуню, а?

НИКИТА. Цыть у меня! Как сказал, так и будет. Собирай мужа в дорогу,
Авдотья!

ДУНЬКА (*воет*).

Уж ты сад, ты мой сад,

Ох, на что же ты осыпаешься?

Сколь далеко, мил друг,

Эх, сколь далеко ты убираешься?

Не в Козлов, не в Ростов,

Ох, в далекую путь-дороженьку!

АКИНФИЙ (*жалобно*).

Ты прощай, распрощай,

Душа милая Авдотьюшка!

Распоследнюю ночь

Мы с тобой, душа, помилуемся!

НИКИТА (*плюнув*). Ну, рассуропились, глядеть тошно.

Уходит.

ДУНЬКА (*причитает*).

Ох, не жаль мать, отца,

Ох да жалко мне мужа милого!

АКИНФИЙ (*в лад ей*).

А ты, Дуня, гляди,

Береги крепко честь мужнюю.

Уходят, обнявшись.

Сцена 2.

На авансцене появляется Сенька-Сокол.

СЕНЬКА (*поет*).

В огороде трын-трава зеленешенька,

У Акинфия жена молодешенька.

Во Сибири-т муж руды домогается,

А Дуняша-то со мной забавляется.

Хоть мужик он деловой,

Тошно бабе молодой,

На нем шапка сто рублей,

А с Семеном веселей!

Сцена 3.

Горница в доме Демидовых. Дунька, подоткнув подол, моет полы. Никита Демидыч, заложив руки за спину, ходит за ней следом.

ДУНЬКА *(поет)*.

Что вы, батюшка, все ходите за мной?
Ненароком вас лентяйкой замочу.

НИКИТА *(поет)*.

Больно надо! Что ты, пряник что ль какой?
Я тя, дура, уму-разуму учу!

ДУНЬКА *(поет)*.

Мы на то своо имеем мужика!

НИКИТА *(поет)*.

Ты не больно и страдаешь-то по нем!

ДУНЬКА *(поет)*.

Чё страдать-то? Отсыпаемся пока.
Думашь, сладко под таким-то бугаем?

НИКИТА *(поет)*.

А чё ж выла-то, когда он уезжал?

ДУНЬКА *(поет)*.

Энто, батя, для порядку, для людей.
А вообще-то ваш сынок меня достал:
Где споймает, там и пользуется, злодей!

НИКИТА. То-то ты истошала, как я погляжу. Одни мослы остались.

Шлепает ее сзади.

ДУНЬКА. Вы что ж это охальничаете, батюшка?!

НИКИТА. Ой, ой, уж и тронуть нельзя. *(Игриво)*. Ты вот что... Пойдем, постелишь мне. Да свечку захвати.

ДУНЬКА *(уперев руки в бока)*. Еще чего! Знаем мы ваши постели со свечкою! Страмник какой! Вот ужо приедет Акинфиюшка, я ему все расскажу!

НИКИТА. Да ты что, дура баба! Я ж тебя только испытать хотел.

ДУНЬКА. Знаю я, батюшка, чего вы хотели.

НИКИТА *(с досадой)*. Ну, дура — она дура и есть. Мне и без тебя дел по горло... За всем надо самому доглядывать. Весь завод тульский на мне, мастерские, курени, плотина на Тулице... Домну-то какую возвели, в одиннадцать аршин! 120 пудов чугуна в сутки даем! Не токмо фузеи и самопалы, еще и пушки и ядра работаем! Домище какой отгрохали! А то ли еще будет! Полезли Демидовы в гору! Ты чувствуешь, дура, в какой семье живешь?

ДУНЬКА. Чувствуем мы, чувствуем. А только вы, батюшка, на заводе хозяин,

а я тут. И вы мне не указ, своего мужика имею.
НИКИТА. Тьфу! Язва толстомаяся...

Уходит.

ДУНЬКА. Ишь, распелся, пень старый... Домище отгрохали... Дубовый забор поставил до неба, да кобелей цепных завел. Всех гостей отвадил, поговорить не с кем!
С остервенением моет пол.

Сцена 4.

СЕНЬКА (*показываясь в окне*). Бог в помощь, Дуня...
(Влезает в окошко).

ДУНЬКА. Тише, Сеня! Батюшка, аспид окаянный, еще не утряслись.

СЕНЬКА. Да дрыхнет уж небось! Дунюшка, полно тебе тряпкой шваркать, мочи нету ждать!

ДУНЬКА (*поет*).
Соколик ты мой ясный,
Ты, чай, по мне скучал?

СЕНЬКА (*поет*).
Скучал, душа, ужасно!
Айда на сеновал!

ДУНЬКА (*поет*).
Я тут истосковалась,
Куда же ты пропал?

СЕНЬКА (*поет*).
Да замотался малость...
Айда на сеновал!

ДУНЬКА (*поет*).
Тут вот бадья с икрою,
Ты, чай, оголодал?

СЕНЬКА (*поет*).
Да это все пустое,
Айда на сеновал!

ДУНЬКА (*поет*).
Гляди, какой он скорый!
А с кем вчерась гулял?

СЕНЬКА (*поет*).
Оставим, Дуня, споры,
Айда на сеновал!

Тянет Дуньку к дверям.

ДУНЬКА (*шепотом*). Куда ты, оглашенный! Еще увидит кто... Ползели лучше в окошко!

СЕНЬКА. Ладно. Нам не привыкать.

Вылезает в окно. Дунька лезет вслед за ним и накрепко застревает в окошке. Сенька тянет ее с той стороны. Дунька кричит.

СЕНЬКА. Ты чего там?

ДУНЬКА. Да застряла я!

СЕНЬКА. Выдохни! Я тебя вытяну!

ДУНЬКА. И зачем я, дура, кулебяки натрескалась!

Крадучись входит Никита Демидыч, со свечкой в одной руке и с фужером в другой.

СЕНЬКА. Да не пыхти ты так, разбудишь аспида!

ДУНЬКА. Не, Сеня, я лучше назад полезу!

СЕНЬКА. Ну давай хоть назад!

ДУНЬКА. Ох, Сеня, не надо, уши застряли! Что ж делать-то?!

НИКИТА *(вполголоса)*. Ничего, сношенька, я те сейчас подсоблю.

(Хлещет Дуньку ремнем по заду).

Ах ты змея! Как свекру постелю постелить, так ее нету, а как с приказчиком блудить, так вот она!

Дунька вопит в голос.

СЕНЬКА. Да не ори ты! Щас подсоблю тебе, вытащу!

Вбегает в дом и натывается на Никиту Демидыча.

НИКИТА *(сладко)*. А-а, вот и ты, милостивец. Тать ночной. С чем, Сема, пожаловал? Чай, все в трудах, в заботе о добре нашем?

СЕНЬКА *(растерянно)*. Здрав будь, Никита Демидыч... Я тута насчет Щегловской засеки... Извиняйте, что не ко времени...

НИКИТА. Ну, ну, и что там?

СЕНЬКА. Да углежогги там живут в землянках, как кроты, кормятся хуже собак... Народишко злобится... Как бы чего не удумали... Так вот и пришел я... Мыслю я... дабы... кабы...

НИКИТА *(лицемерно всплеснув руками)*. Радетель ты наш! Ну, будет, сперва зазнобу твою вытащим.

(Никита Демидыч и Сенька вытаскивают Дуньку).

Что ж ты крихтишь, Дунюшка? Ты присядь, милая. Намаялась, поди, за день. *(Сеньке)*. А тебя, мил друг, коли ты так об углежогах печешься, мы туда и определим. Эй, холопы! Хватайте вора!

(Вбегают холопы и хватают Сеньку).

Выпороть его да на Щегловскую засеку, в углежогги!

СЕНЬКА. Ну спасибо, Никита Демидыч, уважил ты меня за службу верную. Ничего, и там люди живут... Выдюжим.

Сеньку уводят. Дунька воет.

НИКИТА. Ну что, сношенька любезная, жена верная? Ужо придет Акинфий, он те зад-то поубавит.

ДУНЬКА (*внезапно переходя в наступление*). А я ты, старый хрен, не боюсь! Душегуб, аспид окаянный! Приедет Акинфиюшка, я ему расскажу, как ты меня по заду шлепал да постелю заставлял стелить со свечкою!

НИКИТА. Вон с глаз моих, страмница! Не было этого! Не было!

ДУНЬКА. А вот и было! (*Выбегает за дверь. Никита швыряет ей вслед валенок. Дунька успевает захлопнуть дверь, потом снова открывает и кричит*). Было! Бог, он все видит!

НИКИТА. Ты еще Бога вспоминать, блудница вавилонская!

Швыряет вслед Дуньке в раскрытую дверь второй валенок.

Сцена 5.

Входит царь Петр с валенком в руках, за ним входят инженер Кюхенрейтер и Шафиров.

ПЕТР. Знато гостей встречаешь, Демидыч! Надо и нам для ассамблей наших перенять сей политес.

НИКИТА (*бухаясь в ноги Петру*). Батюшка! Петр Ляксеич! Ды как же, ды что же это... Прости мя, раба твоего! Это Дунька все, сноха моя!

ПЕТР. А, так эта молодайка, что тут была, и есть твоя сноха?

НИКИТА. Она самая, ваше величество. По дикости она это, не сердчайте... Что ж не упредили-то о приезде?

ПЕТР. Ты зубы не заговаривай. Представь-ка нам сноху немедля!

НИКИТА (*сладко*). Дунюшка! Сношенька любезная! Поднеси чарку государю нашему!

Вплывает нарумяненная, разряженная Дунька, держа чарку на подносе, и с поклоном подает ее Петру.

ДУНЬКА. С приездом, царь-батюшка!

ПЕТР (*с восхищением*). Какая ж это Дунька! Это ж прямо Венерка тульская! Пудинг с киселем! Как думаешь, Ганс Иваныч? Ежели ее в робу европейску обрядить да куафу начесать, так ведь и вашим не уступит?

КЮХЕНРЕЙТЕР. О, фрау Дунька есть очинно зер гут. Как говорит русиш пословиц, с ее лица можно выпить много воды.

ПЕТР (*осушает чарку, троекратно целуется с Дунькой и дает ей рубль*). Прими, Авдотьюшка, на помады да на румяны.

ДУНЬКА. Благодарствую, царь-батюшка! (*Засовывает рубль за щеку и с торжествующим видом проплывает мимо Демидова*).

НИКИТА (*вслед ей*). Дуняша, собери-ка на стол государю! Чай, они с дороги кушать хочут!

ПЕТР. Отставить разносолы. Сперва дело, Демидыч. Знакомься! Друг мой наипервейший, немецкий инженер Кухенрейтер Ганс Иваныч. Зело понимает в оружейном деле, да плохо по-нашему кумекает. Посему

захватил с собой толмача Посольского Приказа господина Шафирова. Многими языками владеет, бумагами моими ведает.

НИКИТА (с поклоном). Здрав будь, боярин. Каково служит тебе мой пистоль?

Шафиров силится улыбнуться, но болезненно морщится и хватается за щеку. У него болит зуб.

ПЕТР (оживившись). Что, опять зуб болит? Я еще на Москве говорил: рвать надобно!

ШАФИРОВ (испуганно). Не, не, мин герр, обойдется, ей-богу...

ПЕТР. Не надейся, не рассосется! Не уйдешь от меня. Так вот, Демидыч. С нуждой мы к тебе великой. Дела наши — хуже некуда. Слышал небось, как побили нас шведы под Нарвой. Оконфузились мы изрядно, все пушки растеряли.

НИКИТА. Да неужто все?

ПЕТР. Все, Демидыч.

НИКИТА. Дела-а-а...

ПЕТР. Демидыч, пушки надо лить. Я вон колокола с церковей снимал, медь будет. Попы меня за то Антихристом кличут, да пусть их... Шевелиться надобно, чего доброго, король Карл с войском нагрянет. А железа доброго нет!

Раньше свейское завозили, а нынче — кукиш. Свое железо надобно. Ружья, пушки, ядра до зарезу нужны. А искусных оружейников не хватает. Повсюду лень, лихоимство, воеводы разжирили, неповоротливы стали... Выручай, Демидыч. Я тебе Невьянский завод отдал, так ищи руду, плавь, давай железа поболее!

НИКИТА. Я, государь, как чуял. Уж месяц тому, как отправил на завод старшого сынка Акинфия. Поди, уж к делу приступил.

ПЕТР. Молодец, Демидыч. Хоть ты меня утешил. Ох, навалилось как-то все сразу, голова кругом идет... Сомневаюсь я, одолеем ли шведа?

НИКИТА. Знамо дело, одолеем! Наш мужик долго запрягает, да быстро ездит. А что касаемо ружей, то мы, Тула, изготовим тебе сколь хошь. Одна беда: казюков, то бишь казенных кузнецов — нехватка, а вольные мастера, сам знаешь, ищут, где лучше, на месте их не удержишь.

ПЕТР. Удержим, Демидыч! Помню про то, ты мне еще на Москве об этом сказывал. Разработал я стратегию, как вольных самопальщиков к месту приварить. Глянь, какой магнит я тебе привез! *(Хлопает в ладоши. Входят Сашка, Дашка и Глашка и низко кланяются).*

Ну, девки, чего мнетесь? Покажитесь-ка во всей своей красе!

Девки в плавном танце проходятся по горнице.

НИКИТА. Ах, хороши девки, Петр Ляксеич!

ПЕТР. Я тебе такого добра шесть подвод доставил, одна другой лучше. Глядишь, мастера переженятся и осядут здесь накрепко. Авось, пойдут в Туле бабы-красавицы, так потомки мне еще спасибо скажут, а? Глянь-ка, Демидыч, как Ганс Иваныч умильно на девок посматривает, точно кот на сметану. А ты, Шафиров, пошто кислый сидишь?

ШАФИРОВ. Приустал я с дороги малость, мин герр...

ПЕТР. Да ты не бойсь, я тебя враз от скорбей избавлю. Открывай рот-то!

ШАФИРОВ. Может, не надо?

ПЕТР. Надо, надо. Укажи, какой зуб болит. Этот? Этот? *(Нажимает на больной зуб. Шафиров орет благим матом)*. Ага, вот Карла Шведский! Ну, сиди так, рот не закрывай. Я мигом. Показывай, Демидыч, свой арсенал. Чай, сработали новые фузеи?

НИКИТА. А то! Пожалуйте в мастерские.

ПЕТР. Ганс Иваныч, со мной пойдешь, скажешь свое слово. А ты, Шафиров, гляди, рот не закрывай!

Петр, Демидов и Кюхенрейтер уходят.

Шафиров сидит посреди горницы с открытым ртом и тихонько подвывает. Девки сбились в уголок и прыскают со смеху.

ДАШКА *(подойдя к Шафирову)*. Барин... Ты закрыл бы ротик-то. Чай, не ловко так сидеть.

ШАФИРОВ. Помалкивай, холопка... Не смею я... Государь приказал...

ДАШКА. Да мы не скажем, не бойсь. А хошь, барин, я те зуб заговорю?

ШАФИРОВ. А ты умеешь?

ДАШКА. Могу. Меня бабка научила.

ШАФИРОВ. Ну, давай...

ДАШКА *(бормочет, наклонясь над Шафировым)*.

Возле рощицы, возле рощицы,
Возле рощицы дороженька торна,
Та дороженька пробита до песка,
Аж до самого бела камушка.
Как возьму я тот белый камушек,
Как повыдерну да повыкину
За леса-моря, моря синие,
Чтоб оставила молодца хворобушка,
Чтоб спокинула его грусть-тоска,
Чтобы боле никогда не ворочалась!

Ну, что, барин? Полегчало?

ШАФИРОВ. И верно... Полегчало... Ты что, знахарка, что ли?

ГЛАШКА. Ой, барин, да она у нас все заговаривает, и лихоманку, и бородавки, и колики в брюхе...

САШКА. И почечуй! *(Прыскает в кулак)*.

ГЛАШКА. И золотуху, и лишаи...

ШАФИРОВ. Так тебе, девка, цены нету! Может, ты и зелье приворотное варишь?

ДАШКА. А ты что ж, барин, без него не справишься?

ШАФИРОВ (*уязвленно*). Поговори у меня! За колдовство знаешь, что бывает?

ДАШКА (*спокойно*). А че я говорила? Ниче я не говорила.

САШКА И ГЛАШКА (*вместе*). А мы ниче и не слыхали!

ШАФИРОВ. И откуда вы такие языкатые?

Входят Петр, Кюхенрейтер и Демидов.

НИКИТА. Дуня! Угощай дорогих гостей! Мечи на стол, что есть!

Входит Дунька, проворно собирает на стол.

ПЕТР. Порадовал ты меня, Демидыч. Что скажешь, Ганс Иваныч?

КЮХЕНРЕЙТЕР (*рассеянно, не отрывая глаз от Глашки*). О государ, ттульский майстер-фузей ист зер, зер гут... Но... дойче арбайт ист немношко... немношко лучше. Энтшульдигэн зи, битте.

ПЕТР. Да я и не обижаюсь... У немцев есть чему поучиться. Пока наш мужик раскачается, немец, глядишь, все и переделал!

КЮХЕНРЕЙТЕР. Йа, йа, как говорит русиш пословиц, дурак работать любит.

НИКИТА. Ну, это мы еще поглядим, кто кого! Дунька, квасу!

ПЕТР. Ладно, Демидыч. Говори прямо, сколь за ружья возьмешь? Небось, не хуже аглицких купцов заломишь?

НИКИТА. Что ж, Петр Ляксеич... За такие ружья Пушкарский приказ платит ино 12 рублей, ино 15... Но ежели государственно мыслить...

ПЕТР. Ну, ну!

НИКИТА. Так что буду я ставить за фузею по рублю восемь гривен.

ПЕТР (*в восторге*). Ну, Демидыч! Дай расцелую тебя! А? Ганс Иваныч, слыхал?

КЮХЕНРЕЙТЕР (*рассеянно, косясь на Глашку*). О йа, йа... Герр Демидофф ист гросс патриот... Как говорит русиш пословиц, всяк мужик в свой болото гадит.

ПЕТР. Ну, Ганс Иваныч, поднаторел ты в пословицах, так и сыплешь! Э, Шафиров! А ты знатно уминаешь, как я погляжу. Аль зуб прошел?

ШАФИРОВ (*с полным ртом*). Вконец прошел, ваше величество.

ПЕТР. Быть того не может!

ШАФИРОВ. Ей-богу. Вон та девка, что справа стоит, мне зуб заговорила.

ПЕТР (*поманив перстом Дашку*). Как звать?

ДАШКА. Дарьей кличут, царь-батюшка.

ШАФИРОВ. Государь, продай девку. Она мне страсть как надобна! Запаршивел я малость на твоей службе, а Дашка, глядишь, меня на ноги и поставит.

ПЕТР. Нет, Петр Палыч. Ты мне стратегию не порти. Девки не для тебя, а для самопальчиков привезены. А зуб я тебе все равно выдеру, так и знай.

КЮХЕНРЕЙТЕР (*внезапно со страстью*). О государ, их тоже хотель просит фас... Не нато дафать этот прекрасни фройляйн майстер мужик-самопальчик!

ПЕТР (*указывая на Глашку*). Вот этот фройляйн, что ли?

КЮХЕНРЕЙТЕР. О йа, йа, этот!

ПЕТР. Ну, я тебя как зовут?

ГЛАШКА. Глафира я...

КЮХЕНРЕЙТЕР. О государ, гебэн зи мир, битте, фройляйн Глафир! Их виль делает этот Глафир майне фрау... Фрау Кюхенрейтер!

ШАФИРОВ. Опомнись, Ганс Иваныч! Да ведь она же крепостная девка!

КЮХЕНРЕЙТЕР (*с негодованием*). Это не есть карашо. Их виль платит фесь сфой годофой шалофаний за этот крепостной фройляйн... Их виль писат нах Фатерлянд майне мутер...

НИКИТА (*толкая в бок Шафирова*). Чего он хочет-то?

ШАФИРОВ. Жениться надумал на крепостной. Сбрендил Ганс Иваныч.

НИКИТА. Дела-а-а... Дунька, квасу!

ПЕТР (*участливо*). Ганс Иваныч... Ты, может, съел чего-нибудь не то?

КЮХЕНРЕЙТЕР. Найн, найн! Фсе очень фкусно... Абэр я шелайт Глафир! Я не буту арбайтен без Глафир! Аллес! Их фаре морген нах Фатерлянд!

ПЕТР. Ну здассьте, приехали!

НИКИТА (*Шафирову*). Чего он лопочет-то?

ШАФИРОВ. Забастовал немец. Домой собрался.

ПЕТР. Эк тебя пробрало, герр Кухенрейтер... Вот те и цирлих-манирлих! Нет, Ганс Иваныч, ты мне тут весьма надобен. Посему забирай девку даром и женись. Радуйся, Глафира, вольной будешь! Авось народятся у вас красивые гансики и послужат России.

КЮХЕНРЕЙТЕР. О фаше феличестфо, данке, данке шон! Ихь бин глюклихь!

ПЕТР. Ладно, забирай, пока я не передумал. А ну, Глафира, подь сюда. Поворотись-ка, фрау Кухенрейтер! Да, хороши у нас девки... Давай-ка, Глаша, с тобой облобызаемся.

КЮХЕНРЕЙТЕР. О государ, это не есть карашо... Не есть гигиенично...

ПЕТР. Ты, Ганс Иваныч, мне тут не указ. Царь я или не царь? Эх, хороша Глаша, да не наша!

Троекратно целует Глашку. Внезапно она с воем валится Петру в ноги.

ГЛАШКА. Царь-батюшка! Не погуби! Избавь мя от басурманина, Христом богом прошу! Не то в пролуби утоплюся!

ПЕТР. Нишкини, дура! Своего счастья не понимаешь. Ведь на волю идешь! Что ты видала-то, окромя курной избы? Еще спасибо мне скажешь! А ты, герр Кухенрейтер, оставайся пока в Туле. Доглядывай тут за производством, да на Москву депеши присылай исправно.

КЮХЕНРЕЙТЕР (*радостно*). Яволь, фаше феличестфо!

ГЛАШКА (*кидается с воем к своим подружкам*). Ой, подруженьки мои милые! Пошто оставляете меня на поругание? Люди добрые! Пожа-лейте вы меня, сиротинку бедную!

КЮХЕНРЕЙТЕР. О, фройляйн Глафир, я очень, очень шалейт фас... Фсе бутет зер гут... Как говорит русиш пословиц, что выпало с экипажа, есть большой пропажа...

Кухенрейтер и Глашка уходят.

НИКИТА. А вы, девки, чего воете? Цыть! Ступайте пока в девичью, а там видно будет.

Сашка и Дашка кланяются и уходят.

НИКИТА (*хмуро*). Пошто забижаешь, государь?

ПЕТР. А что?

НИКИТА. На кой мне этот Ганс Иваныч? Нам в Туле шпиенов не надобно.

ПЕТР. Не обижайся, Демидыч. Голова у немца варит ого-го, а догляд, он везде нужен. Мешать вам Кухенрейтер не будет, а для порядку — хорошо. Ох, устал я от вас... На боковую пора.

НИКИТА. Дунька! Стели постель государю!

ДУНЬКА (*входит, кланяется*). Уж все в готовности, царь-батюшка! И перинку взбила, и морсу клюквенного поставила.

ПЕТР (*умильно*). Эх, хороша у тебя сноха, Демидыч! Ты вот что, Дунюшка... Посвети-ка мне, а то, не ровен час, заплутаю.

ДУНЬКА. Слушаюсь, царь-батюшка.

Берет свечку и уходит вместе с Петром, торжествующе поглядев на Никиту Демидыча.

НИКИТА (*вслед им*). Добро тебе почивать, Петр Ляксеич! (*Со вздохом*). Ну, Дунька, ну, блудница вавилонская... А ежели с другого конца поглядеть, то Отечества пользы для оно как бы и можно...

(Становится перед иконами на колени, крестится).

О Господи, прости мя, окаянного! Ох, грехи, грехи наши тяжкие...

Сцена 6.

Теплый летний вечер. Дворовые девки водят хороводы и поют.

Не ходи в Кукуй, Ванюша,
Во Немецку слободу,
Репу парену откушай,
Нашу русскую еду.

Слышно, эти злые воры,
Как в народе говорят,
Содят корень мандрагоры,
И в котле его варят.
Плитуары моют с мылом, —
Чай, людишки-то не врут!
Не ходи в Кукуй, мой милай,
Ить до дыр тебя протрут.
Че ишо скажу-то, Ваня,
Да постой же ты, дурак!
Все они там лютеране,
Да ишо курят табак!
Не ходи в Кукуй, Ванюша,
Во Немецку слободу!
А Ванюша не послушал,
Вот и мыкает беду.

Дворовые девки уходят. Сашка и Дашка сидят у ворот Демидовского дома и лузгают семечки.

САШКА. Да ну? А он чё?

ДАШКА (*страшным шепотом*). А он ей: «Переходи, Глафира, в мою веру латынскую! А не перейдешь, в погреб ты посажу, с мышами да лягушками век коротать». Он, слышать, уж не одну девуку так уморил.

САШКА. Свят, свят, свят... Ой, мученица Глашка... Я тута надьсь к ним во двор в щелочку поглядела...

ДАШКА. Ну? И чё там?

САШКА. Ой, Дарья, не приведи Господь! Ну така чистота, ровно корова языком все вылизала.

ДАШКА. Ох, не по-людски это! А я слыхала, немец-то прижимист — страсть! На обед у них одной жамкой — от такоечкой — всех гостей обнесут, да после ее же в шапчик и положат!

САШКА. Ох, уморит немчура Глашку! Я ее третьего дни видала на крыльце, истощала она так, что чуть не переломится!

ДАШКА. А вчерась на ихнем огороде чтой-то выкапывали. Не моркву, не репу, а вроде как яблоки земляные. Не иначе, это мандрагора, корень бесовский. Мне про него бабка сказывала...

Входит Глаша в немецком платье, корсете, накрахмаленном чепце с лентами и ослепительно-белом фартучке с оборками. В руках у нее спицы, в кармане клубок. Она что-то вяжет на ходу.

Сашка и Дашка обомлели.

ГЛАША. Гутен абент, девоньки. Чей-то вы рты поразинули?

САШКА. Глашка... Живая...

ДАШКА. Ой, совсем немкой заделалась...

ГЛАША. Подвиньтесь-ка. (*Садится рядом с девками на лавочку, продолжая вязать*).

САШКА. Ну, что немец твой? Небось, замордовал тебя вконец?

ГЛАША. Ишо чего! Ганс Иванович к нам со всем уважением.

САШКА. Обскажи хоть, как ты, да что, ведь сколько не видались-то!

ГЛАША. Ну, что... Данке шон, перемогаемся помаленьку. Трапезуем по четыре раза на дню...

ДАШКА. Да ты чё! По четыре раза только ангелы в небесах едят!

САШКА. А чё ж отошшала-то так? Иде ж дородство твое?

ГЛАША. Темнота вы, девки. Энто ж корстет на мне.

ДАШКА. Да ну... Дай пошшупать!

ГЛАША. Не замай, Дарья. Испачкаешь ишо.

Дашка обиженно фыркает.

САШКА. А зачем вяжешь на ходу?

ГЛАША. А чё зря время терять? Бюлсгахтер вяжу.

САШКА. Чего-о-о?

ГЛАША (*наставительно*). Бюлсгахтер. Наши-то бабы фартуки подвяжут, и ходют рассупонившись... А титьки надо в узде держать.

ДАШКА (*уязвленно*). Тьфу! Хитрости бесовские!

САШКА. Глаш, ну расскажи про немца-то!

ГЛАША. Ой, девки, дайте семечков. Ганс Иванович в дому лузгать не дозволяют... Немчура мой таки порядки завел — страсть! Хлеб режет то-оненько, аж луну скрозь него видать. Покроет его каким-то листиком, и уж бутенброд получается. Спать ложится в рубахе до пят, как баба. А на голове колпак, ну точь в точь, каким ребята головастиков ловят! По нужде в огород не бегаёт, а справляет в специальный горшок. Ночная ваза прозывается.

ДАШКА (*прыская*). Страм-то какой!

САШКА. Любит он хоть тебя?

ГЛАША. А как же. Каждый день одаривает. Во, гляньте, чулки шелковые подарил!

Задирает подол, показывает. Девки ахают.

САШКА. А энто что? Никак, портки на тебе?

ГЛАША. Дура! Сие панталоны прозывается. Вишь, с кружавами. Мутер ихняя из Фатерлянду прислали цельную дюжину.

ДАШКА (*с завистью*). Да куды тебе одной столько?

ГЛАША. Как же! Моемся каждый день, и чистое исподнее надеваем.

ДАШКА (*с облегчением*). Ой, мученица! Каждый день в печь лазить — энто ж сажи не оберешься.

ГЛАША (*с торжеством*). А вот и нету. Меня Ганс Иванович самолично

в большой бадье моют. Ванна прозывается. И простышкой белой обтирают.

Девки сражены наповал.

ГЛАША (*вставая*). Ну, девки, недосуг мне с вами... Ганс Иванов скоро обедать приедут. Да ишо колпак ему надо довязать. А то у них лысинка зябнет. Ауфидерзейнте, девоньки!

САШКА. А энто что по-нашему?

ГЛАША. Бывайте, значит.

Уходит.

САШКА. Ой, счатливая Глашка... Аж завидки берут.

ДАШКА. Подумаешь, счастье привалило! Ай-яй-яй, колпак ему свяжу, битте-дритте, ауфидерзейнте!

(поет).

Ганс Иванов, мой дружок,
Испекла те пирожок

САШКА *(поет)*.

С перцем и гочицею,
С жабой и мокрицею!

ДАШКА *(поет)*.

Вот тебе ночной колпак,
Ты в нем вылитый дурак!

САШКА *(поет)*.

До чего ж ты бледненький,
Немчура мой бедненький!

ВМЕСТЕ *(поют)*.

Панталоны надевала,
Ганса в темя целовала,
Продала свою красу
За немецку колбасу!

Сашка вдруг начинает плакать.

ДАШКА. Ты че, Саша? Да наплюй ты на энти панталоны!

САШКА *(рыдая)*. Подумаешь, панталоны! Невелика напасть! Да я бы их по три штуки носила, не снимая, лишь бы горюшко свое избыть!

ДАШКА. А что за горе?

САШКА. Да помнишь, я те про Сеньку Сокола сказывала... Пропадает парень в углежогах во цвете лет. Ходит грязный, как анчутка, отошшал, точно кот по весне... Смотреть больно!

ДАШКА. Любишь ты его, что ли?

САШКА. Ох, Даша, люблю. Как отправили меня стряпухой на Щегловскую засеку, как увидала его, так сердце у меня и ухнуло... Все думаю, как бы его вызволить, ведь пропадет он!

ДАШКА. А ты к Глашке подкатись. Вишь, она из немца веревки вьет, так, может, он те и пособит. Пущай Глафира нос не задирает, мы, чай, не чужие.

САШКА. Твоя правда!

ДАШКА (*к публике*). Ну ладно, мы тут маленько покумекаем, а вы в бухвет сходите, кваску испейте. А ежели денег хватит, то и закусите эн-тим... бутенбродом! Так что до свиданьица!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Сцена 1.

Горница в доме Демидовых. Никита Демидыч обедает. Дунька подает на стол.

НИКИТА. Ох, Дуня, щи у тебя знатные. А чтой-то ты кислая ходишь?

ДУНЬКА. Батя, продайте Дарью. Я вам сурьезно говорю.

НИКИТА. Да с чего это вдруг?

ДУНЬКА. А с того! Вчерась она Зорьку доила? Доила. Корова с норовом, ну, и лягнула ее. Подойник опрокинулся, Дашка в сердцах и чертыхнулась. А утресь-то... Утресь-то Зорька моя возьми да и сдохни!

НИКИТА. Жалко корову... Ну а Дашка-то тут при чем?

ДУНЬКА. А при том! Сглазила она Зорьку мою! Ведьма она! Только и знай, что по лесу шастает да травки собирает... Работы с нее никакой, ни стряпать, ни шить, ни за скотиной ходить не желает!

НИКИТА. Драть надобно.

ДУНЬКА. А то не драли! Вот что, батя, ежели вы Дашку не продадите, я ей в рожу кипятком плесну.

НИКИТА. Я те плесну! Такую девку испортить хочешь!

ДУНЬКА. У вас, батя, одно на уме. А Зорьку я ей вовек не забуду. Вон, господин Шафиров уж два раза приезжал, хотел эту заразу купить! Пошто не продаете?

НИКИТА. Не твоего бабьего ума дело! Может, я цену набиваю. Ничего. Ишо припрется, коли нужду имеет.

(Входит Шафиров. Щека у него раздулась и перевязана платком, он опирается на палку).

А, Петра Палыч! Легок на помине! С приездом. Аккурат к обеду поспели. Дунька! Щей дорогому гостю!

ШАФИРОВ (*шепелявя*). К черту твои щи, Демидыч! Хриштом-богом прошу, шмилуйша: продай девку!

Валится на колени перед Никитой.

НИКИТА. Господь с вами, Петра Палыч, что это вы?.. Недостоин я...

ШАФИРОВ. Не вштану, пока Дашку не продашь!

НИКИТА (*становясь на колени*). Вот беда-то... Да на что она вам сдалась-то?

ШАФИРОВ (*саясь на пол*). Жапаршивел я вконец, Демидыч. Жубы жамучили, проштрел в пояшнице, прышши какие-то пошли, обчешался весь... Того и гляди, гошударь вше жубы повыдергает, а мне беж жубов нешпошобно шлужбу править... Ражорилшя я на лекарях жаморшких, мошенниках...

НИКИТА. А Дашка тебе на что?

ШАФИРОВ. Жнахарка она жнатная! Продай, Демидыч! Я, может, через нее белый швет увижу...

НИКИТА. Да ты бы на лавочку сел, Петра Палыч...

ШАФИРОВ. И не проши! Не вштану, пока не жговоримшя, хоть до ночи на полу прошижу!

НИКИТА. Да шоглашный я, шоглашный! Тьфу ты, господи... За сто рублей отдам.

ШАФИРОВ (*подскочив*). Ты что, ждурел?! Такие деньжишши жаламывать!

НИКИТА. А ты как бы хотел? Девка кровь с молоком, глаз черный, коса — во! Опять же специальность редкая...

ШАФИРОВ. Ну, вшё, вшё, по рукам! На, бери.

Отсчитывает Никите ассигнации.

НИКИТА. Ну, вот и в расчете.

(Прячет деньги в карман).

Дунька! Зови Дарью.

ДУНЬКА (*обрадованно*). Сей минут, батюшка!

(Убегает и снова входит, вталкивая перед собой Дашку). Вот она, змея, под дверью подслушивала!

ДАШКА. Не замай, квашня прокислая!

НИКИТА. А ну, цыть! Собирайся, Дарья. Продал я тебя господину Шафирову за сто рублев. Цени! Дорого стоишь, девка.

ШАФИРОВ (*поет*).

Швет мой Дарьюшка, голубушка, шпашай!

Как чарича в Питербурхе будешь жить,

Есть на жолоте да в бархате ходить.

Что штоишь-то? Курс леченья починай!

ДАШКА (*поет*).

Раз купил меня, теперь и володай,

Только память мне отшибло навсегда.

ШАФИРОВ (*поет*).

Ты ж вшё жнала, ты вше помнила тогда!

ДАШКА (поет).

А вот «жнала да жабыла», так и знай!

НИКИТА (поет).

Что ты, Дарья, одурела?

Захотела батога?

ДАШКА (поет).

Хоть порите, хоть убейте,

Я не помню ни фи́га.

ШАФИРОВ (поет).

Я не враг швому ждоровью!

НИКИТА (поет).

Слушай, девка, не дури!

ШАФИРОВ (поет).

Говори швои ушловья,

Ты ушловья говори!

ДАШКА. А условие у нас одно. Мы окромя венца ни на что не согласные.

ШАФИРОВ. Какого венца?..

ДАШКА. А такого. Замуж меня бери, как Ганс Иваныч Глашку, вот и весь мой сказ.

ДУНЬКА. Ну, наглая... Из крепости в дворянки лезет... Ну и наглая!

ДАШКА. А коли нет, пушай тебе царь все зубы повыдергает. А я тебя буду толокняной кашкой кормить.

НИКИТА (в восторге). Ну, девка! Бес в юбке, а не девка. Эх, продешевил я!

ШАФИРОВ. Ладно, будь по-твоему. Ты меня починай лечить, а в Питербурхе, бог даст, обвенчаемся.

ДАШКА. Э, нет! Хитришь, барин. Или веди меня под венец, или тута тебе и конец.

ШАФИРОВ. Да ты вникни, Дарья, не могу же я вот так, с бухты-баракты венчаться! Да еще на крепостной... Гошударева дозволения надо ишпрашивать.

ДАШКА. Что ж, я могу и погодить. Годить — не родить. Да только вот... Ну-ка-ся, ну-ка-ся... Дай-ка погляжу на твое личико.

ШАФИРОВ (испуганно). Ты чтой-то? Ты что?

ДАШКА (скорбно качая головой). Не ндравятся мне твои прыщи, барин. Уж больно на проказу похоже.

ШАФИРОВ (в панике). Вше! Женюсь! Где венцы, где поп?! Я на вше шоглашный!

Без сил садится на лавку.

НИКИТА. Ну, Дашка... Царица девка!

ДАШКА (глядя Шафирову по голове). Не кручинься, барин, не плачь...

ШАФИРОВ. Да Петр Палыч я... А тебя как по-батюшке?

ДАШКА. Дарья Фоминична. Так что со знакомством. В надеже будь, Петенька. Я тя живо на ноги поставлю, ты у меня будешь мужик хоть куда, всем бабам на зависть. Садись-ка к столу, голубь мой, и пиши.

ЩАФИРОВ. Что пишать-то?

ДАШКА. Как что? Вольную. Не на крепостной же тебе жениться, Петенька.
Шафиров покорно пишет.

ДУНЬКА. Гляньте, батя, чё деется... В помрачении господин Шафиров, не иначе. Ведь говорила, говорила я, ведьма она!

НИКИТА (*любуясь Дашкой*). Все вы ведьмы. А Дашка молодец. Далеко пойдет, попомни мое слово. Ты вот что, беги к Ганс Иванычу, скажи, мол, на свадьбу шафером зовем.

ДУНЬКА. Не пойду, хоть режьте!

НИКИТА (*грозно*). Я те не пойду. Одна нога здесь, другая там.

ДУНЬКА (*в отчаянии*). Ну, наглая!

Убегает.

ШАФИРОВ. Написал я, Даша...

ДАШКА. Вот и ладно. И печаточку свою приложи. (*Шафиров покорно прикладывает к бумаге свой перстень с печатью*). Ну, а теперь честным пирком да за свадебку. Верно, Петенька?

ШАФИРОВ (*просветленно*). О! Вот оно, началось... Кажись, зубы у меня прошли... (*Снимает повязку*). Совсем прошли! Эх, Даша, ангел мой! Возлюбил я тебя безмерно, каждую пылинку с тебя сдувать буду!

Подхватывает Дашку и кружит ее по горнице.

Входят Кюхенрейтер с нарядной Глашей, Сашка и Дунька.

КЮХЕНРЕЙТЕР (*трясет руку Шафирова*). О, герр Шафирофф! Ихь вюнше инен глюк, алес гуте! Как говорит русиш пословиц, назвался гвоздем, полезайт в пузо!

ШАФИРОВ (*растерянно*). Да вот, Ганс Иваныч... Так уж вышло...

КЮХЕНРЕЙТЕР. Это ничефо, ничефо! Фсе будет зер гут. Как говорит мудрый русиш народ, муж и жена — два сапога!

Входят нарядные девки и парни. Все поют.

На горе сербряной

Стоял терем белокаменной,

По утречку ранненькому

Съезжались гости к нему.

Как отворялись крепки ворота,

Въезжали гости на широкий двор,

А к ним с резного красного крыльца

Сходила свет-боярышня Дарья.

«Поклон тебе, девица красная!

Нас тут князей, бояр побольше ста.

Ходи, смотри, да чару поднеси
Тому, кто тебе будет всех милей!»

Во время песни разыгрывается действие. Демидов и Кюхенрейтер связывают руки молодых рушником и водят их по горнице. После чего все уходят. Последней плетется Дунька.

ДУНЬКА (утирая злые слезы). Ну, наглая!..
Уходит.

Сцена 2.

Щегловская засека. Ночь. Сенька нервно рассказывает в потемках.

СЕНЬКА. Ох, моченьки нету ждать... Вся душа моя изболелась. Как она там, лапушка моя? В целости ли? А вдруг с ней что приключилось? Нет, ежели что, моя жисть кончена. Камень на шею — в воду!
Крадучись, появляется Сашка. За ней незаметно пробирается Дунька и прячется в кустах.

СЕНЬКА (*шепотом*). Сашка... Ты, что ль?

САШКА. Я, Сеня, я...

СЕНЬКА. Ну, тебя только за смертью посылать!

(Пристально оглядывает ее). Ты чё, не принесла, что я просил?

САШКА. Еще как принесла! Отвернись-ка.

(Извлекает из-под сарафана что-то продолговатое, завернутое в платок). Вот, держи.

СЕНЬКА. Ай да Санька! Молоток!

(Жадно хватает завернутый предмет).

Ах ты, лапушка моя... Голубушка, невестушка...

САШКА (*ревниво*). Ничего себе голубушка! Чижолая, зараза, еле приволокла... Чей-то хоть есть-то?

СЕНЬКА (*вынимая из платка фузею*). Зри, девка! Это тебе не фунт изюму. Это, почитай, последнее слово в оружейном деле! Цельный год мастерил, малость доделать осталось. Да вот загремел в углежог, бес попутал...

САШКА (*восхищенно*). Ишь ты... Сам, что ли, сделал?

СЕНЬКА. А то! Фузея особая, дальнобойная. С оптициком прицелом.

САШКА. А иде ж он, прицел-то?

СЕНЬКА. Ну... Его еще нет покуда. Но должен быть обязательно.

САШКА (*поет*).

Дай хоть, Сеня, поглазею,

Эх, и чудо-ружьецо!

СЕНЬКА (*поет*).

Что, знатна моя фузея?

И убойность налицо!

САШКА (поет).

До чего ж ты головастый,
Всем хорош, как погляжу,
Ладный да рукастый...

СЕНЬКА (поет).

Только вот в тряпье хожу.
Эх, Ляксандра,
Кабы мне разбогатеть,
Сбечь отсюда,
Заграницу поглядеть,
Платье справить,
Да дом поставить,
Да нос бы всем утереть!

САШКА (поет).

Не кручинься, милый Сеня,
Ты и так мне по душе.
Ведь не зря же говорится:
С милым рай и шалаше.

СЕНЬКА (поет).

Нет, Ляксандра, то не дело —
У пуста стола сидеть.
Больно надоело
На Демидовых потеть!

ВМЕСТЕ (поют).

Эх, робяты,
Кабы нам разбогатеть,
Сбечь отсюда,
Заграницу поглядеть,
Платье справить,
Да дом поставить,
Да нос бы всем утереть!

САШКА (преданно). Сень, а когда ж ты сработаеть энто... оптицкий при-
цел?

СЕНЬКА. Вот тут-то, Ляксандра, и промблема. Я ж тут в углежогах сижу,
как пес на чепа... А мне позарез надобны два стекла специальных.

САШКА. Да хошь, Сеня, я те цельный штоф приволоку? Разобьем его, вот
те и стеклушки. Да еще зеленые! Красиво будет!

СЕНЬКА. Дура ты, Санька, прости Господи!

САШКА (обиженно). Ну да, еще и обзывается...

СЕНЬКА. Ладно, Ляксандра, не сердчай. Тут сам не знаю, что и делать...
Стекла-то нужны особые! Одно, понимаешь, вогнуто-выпуклотое,

а другое выпуклото-вогнутое. А где взять-то? Ума не приложу. В за-
границах ежели только...

САШКА. В заграничах, говоришь? Ну, Сеня, будь в надеже. Добуду я те
стеклушки.

СЕНЬКА. Откель ты их возьмешь-то?

САШКА (*таинственно*). У человечка одного ученого.

СЕНЬКА. Ладно, Сань, ты ври да не завирайся.

САШКА. Вот те крест, добуду! Это уж моя забота. А ты вот поешь пока.
Блинков те испекла горяченьких... Сальца раздобыла... Да вот руба-
ха исподняя чистая...

СЕНЬКА. Ну, Ляксандра! Вот спасибочки! (*Уплетает за обе щеки*).

САШКА (*пригорюнившись*). Кушай, Сеня, кушай... Отошшал-то как...
Раньше справный был, а таперича на драного кота похож.

СЕНЬКА. Отошшаешь тут... Слышь, Ляксандра, а чё ты для меня так стара-
ешься?

САШКА. Сень, да я для тебя хоть луну с неба...

СЕНЬКА. Люб я тебе, что ли?

САШКА (*смущенно*). Ишо чего! И не совестно тебе такое говорить! Я к не-
му со всем уважением, а он...

СЕНЬКА. Да полно тебе, Саша... (*Хочет ее обнять*).

САШКА (*отстраняясь*). Дуньку свою обнимай, а меня нечего лапать!

СЕНЬКА. Да ну ее, толстозадую! У меня с ней только одно баловство было.
Я тута вон уж сколько маюсь, а ей хоть бы что. Ты вон каждый день
бегаешь... Опять же, коса у тебя на диво... Красивая ты девица,
Ляксандра. И где мои глаза были?

САШКА (*застыдившись*). Да ну вас, Семен Егорыч, скажете тоже...

СЕНЬКА. Ей-богу, Ляксандра Михална! А уж блины ваши — извиняйте —
райский вкус имеют. Так что дозвоьте за плечико приобнять.

САШКА. Да ладно уж, дозволяю...

СЕНЬКА. А щечки ваши яблоками пахнут...

Целует ее в щечку.

Собираются уходить.

САШКА. Ой, Сеня, про фузею-то мы забыли...

СЕНЬКА. Про какую фузею?.. Ах ты!

Поспешно поднимает фузею.

Вот что, Саня, фузею спрячь в прежнем месте, да гляди, чтоб не ви-
дел никто.

САШКА. Будь покоен, Сеня. Какие, говоришь, нужны стеклушки?

Тихо переговариваясь, уходят в обнимку.

ДУНЬКА (*выходя из засады*). Ну, наглые! Санька, холопка подлая, разлуч-
ница! А Сенька-то, Сенька, котяра гулящий?! Ты помнишь, изменщик

коварный, как я доверялась тебе?! Ну, я вам устрою райскую жисть...
Уходит, плача злыми слезами.

Сцена 3.

Столовая в доме Кюхенрейтера. Глаша накрывает на стол и напевает на ломанном немецком языке.

Эс вар айне Мутер,
Ди хатте фиер Киндер:
Дер Фрюлинг,
Дер Зоммер,
Дер Хербст
Унд дер Винтер...

Входит распаренный Кюхенрейтер, утираясь расшитым полотенцем. Он в валенках и вышитой длинной рубахе.

КЮХЕНРЕЙТЕР *(напевает)*.

Ах ты, сушкин кот, татаринский мужик...

ГЛАША. Чтой-то вы в бане засиделись, Ганс Иваныч.

КЮХЕНРЕЙТЕР. Ничефо, ист очен зер гут... Как говорит русиш пословиц, пар гостей не ловит!

Снимает валенки и садится к столу. На ногах у него вязаные полотно-носочки.

ГЛАША. Шнапс тринкать будете?

КЮХЕНРЕЙТЕР. О, найн! Шнапс опосля бани не есть гигиенично. Ихь мехте русиш квас!

ГЛАША. Вконец вы у меня обрусели, Ганс Иваныч.

(Наливает ему квасу. Кюхенрейтер целует ее в локоток).

Да будет вам! Лучше вот картофлю покушайте.

КЮХЕНРЕЙТЕР. О майне кецхен! Ихь не шелайт картоффельн. Ихь мехте ессен инен! *(Обнимает ее)*.

ГЛАША *(поет)*.

Ах, Ганс Иваныч, дорогой,
Ну будет вам, извольте кушать.

КЮХЕНРЕЙТЕР *(поет)*.

Я не шелайт об этом слушать!
Я фас хочу, трушочек мой!

ГЛАША *(поет)*.

О господи, страмник какой!
Я вам вчерась носки связала...

КЮХЕНРЕЙТЕР *(поет)*.

Натюрлихь! Это очень мало,
Я фас шелайт, собачка мой!

ГЛАША (поет).

Ах, Кюхен, Киндер, Кирхен
Люблю я всей душой!

КЮХЕНРЕЙТЕР (поет).

О майне пупхен Фирхен,
Пойдем ф крофать большой!

Глаша замечает в окне Сашку, которая делает ей знаки.

ГЛАША. Ну, полно, Ганс Иванович! Вам почивать пора, чай, притомились за день...

КЮХЕНРЕЙТЕР. О, это ничефо!

ГЛАША. А мне еще прибраться надо.

КЮХЕНРЕЙТЕР. О йа, йа, дойч орднунг ист очень карашо... (страстно).

Но я буду штать тебя ф сфой пыльный объятя!

ГЛАША. Да, да, да... Ждите, я скорехонько.

(Кюхенрейтер уходит, пятась и посылая ей воздушные поцелуи).

Ф-фу, слава тебе, Господи... (Оттирает окошко, шепотом).

Санька... Где ты там? Залазь, только тихо. *(Сашка влезает в окно).*

Есть хочешь?

САШКА. Спрашиваешь! Я завсегда есть хочу.

ГЛАША. На вот, спробуй. *(Подает ей миску с вареной картошкой).*

САШКА *(подозрительно)*. Чтой-то? Вроде не репа.

ГЛАША. Сие картофля прозывается. Ягода такая, в земле растет.

САШКА *(Поддавившись)*. Мандрагора, что ли?

ГЛАША. Сама ты мандрагора! Это овощ немецкий такой. Да ты спробуй!

С сользой да с маслицем куды как хорошо. *(Сашка неуверенно жует, потом входит во вкус и уминает картошку).* Ну, как?

САШКА. И верно... Картофля твоя райский вкус имеет. Семян на развод дашь?

ГЛАША. Дам, дам. Ты с чем пришла-то?

САШКА *(с полным ртом)*. Щас, прожую... Дело у меня к тебе тайное, важности агромадной. У твоего Ганс Ивановича стеклушки имеются?

ГЛАША. Какие стеклушки?

САШКА. А вот, понимаешь, одно выпуклото-вогнутое, а другое вогнуто-выпуклотое.

ГЛАША. А шут его знает... У него много чего в коробочках лежит.

САШКА. Ты бы мне, Глаш, из кажной коробочки по одному стеклушку принесла. А я те потом, что не нужно, возверну.

ГЛАША. Да на что тебе?

САШКА. Ну очень надо. Я щас не могу сказать. Энтю дело государственное. Ты че, не веришь?

ГЛАША. Да верю... Только ведь грех воровать-то.

САШКА. Не бойсь. Я твой грех на себя возьму.

ГЛАША. Ну, сиди тут, я скоро. А ты вот пока кофею испей. *(Наливает ей кофе)*. Я мигом! *(Уходит)*.

САШКА *(подозрительно нюхает кофе, потом наливает из чашки в блюдечко)*. Эх, была не была! *(Пробует и выплевывает)*. Тьфу, зелье бесовское... Верно Дарья говорила: травит немец Глашку. *(С любопытством прохаживается по столовой и чуть не падает на натертом полу)*. Ой, склизко-то как! Чуть не грохнулась... А ружьяди-то сколько у них... Бедная Глашка! Энто ж все вытряхать надо да вытирать... А тараканов чтой-то и не видно.

ГЛАША *(входит, держа в фартуке линзы)*. Ой, аж тряусь вся... Такого страху натерпелась!

САШКА. Принесла, что ль?

ГЛАША. Вот, держи.

САШКА. Ух ты! Ой, спасибочко тебе, Глаша...

ГЛАША. Ну, Сань, скажи, для чего те стеклушки надобны?

САШКА. Ей-богу, не могу. Дело секретное. Одно знай: отечество тя не забудет!

ГЛАША. Скажешь тоже...

САШКА. Ну, Глаш, побегу я, благодарствуй.

(Лезет в окошко и оборачивается). Слышь, Глафира?

ГЛАША. Ну, чё?

САШКА. Да в сумлении я... У вас тараканы-то хоть бывают?

ГЛАША *(вздыхая)*. Нетути. Мутер из неметчины специальный порошок прислали. Так мой-то кажный день углы им посыпает.

САШКА. Не, как хошь, а энто не жисть. С тоски помереть можно.

ГЛАША. Твоя правда. Ты, Сань, не забывай меня, забегай... Да принеси хоть одного таракашку. Я им Ганс Иваныча пужать буду. Все веселей!

САШКА. Эх, Глаша, мне бы хоть один денек так поскучать, как ты. Ну, прощай! *(Исчезает за окном)*.

Глаша, вздыхая, гасит свечку и, напевая немецкую песенку, уходит.

Сцена 4.

Щегловская засека. Поздний вечер. Входит Дунька, за ней демидовские холопы и приказчик.

ДУНЬКА *(поет)*.

Ну, Семен, гулящий кот

Я возьму тя в оборот.

1-Й ХОЛОП *(поет)*.

На кого идем в засаду?

ПРИКАЗЧИК *(поет)*.

Раз велели, значит, надо!

ДУНЬКА *(поет)*.

Эй, потише, дураки!

2-Й ХОЛОП *(поет)*.

Во, уже порвал портки...

1-Й ХОЛОП *(поет)*.

Тьфу, крапивой обстрекался!

ПРИКАЗЧИК *(поет)*.

Что ты, Васька, расчихался?

2-Й ХОЛОП *(поет)*.

У меня, вишь, мужики,

Аллергия на цветки.

ДУНЬКА. Все, пришли. Тута ждять будем. И чтоб тихо мне было! А как заору, тут вы и налетайте.

ПРИКАЗЧИК Знамо дело. А на кого налетать-то?

ДУНЬКА. Тс-с-с! Идут, голубчики.

Все прячутся.

Входят Сенька и Сашка в обнимку. У Сеньки под мышкой завернутая в платок фузея.

ПРИКАЗЧИК *(шепотом)*. Тьфу ты! Я думал, тати какие, а энто Сашка с Сенькой любовь крутят...

ДУНЬКА *(шепотом)*. Цыть мне! Не рассуждать!

СЕНЬКА. Все, Ляксандра. Готова моя фузея. Без тебя бы мне ее не сладить ни в жисть.

САШКА. Да чё уж там... Для милого дружка и сережку из ушка. А чё ты такой смурной, Сеня? Радоваться надо.

СЕНЬКА. Да все думаю, че мне с ей делать. Надо бы до государя довести, да как?

САШКА. А ты бы Никите Демидычу показал. Он с царем даже щи из одной миски хлебает.

Приказчик и холопы по знаку Дуньки тихо подкрадываются к ним сзади.

СЕНЬКА. Эх, Ляксандра... Ну, покажу я ему, и что? Так в углежогах и попру, а фузея демидовской станет.

САШКА. А чё ж делать-то, Сень?

ДУНЬКА *(внезапно громко)*. А вот чё! Хватай их, изменщиков! На добро демидовское посягать вздумали?! Вяжи их!

СЕНЬКА *(занимая оборону)*. Санька, беги!

САШКА. Не, Сеня, я с тобой!

СЕНЬКА *(отбиваясь прикладом фузеи)*. Беги, дура, кому говорят!

ДУНЬКА. А-а-а, змея подколодная, разлучница! Я те зенки-то выцарапаю!

Кидается не Сашку.

Всеобщая драка.

САШКА (*вцепившись Дуньке в волосы*). Получай, фискалка поганая! Шпиёнка! (*Отпихивает Дуньку*).

Сеня, держись! Я тя с тылу прикрою!

СЕНЬКА. Беги, Санька! Беги к Ганс Иванычу!

САШКА. Держись! Я скоро!

Убегает.

СЕНЬКА. Получай, гад! Вот тебе! Что, взяли, кобеля цепные, шестерки хозяйские?!

Храбро сражается с холопами и приказчиком. Дунька сзади бьет его сукон по голове. Сенька падает, холопы вяжут его и утаскивают. Замыкает шествие Дунька с фузеей в руках.

ДУНЬКА (*охая*). Ну, Санька, зараза... Полкосы выдрала! Вот попадись мне только, я тя налысо обрею!

Уходит.

Сцена 5.

Горница в доме Демидовых.

НИКИТА (*стоя на коленях перед иконами*). Вот и думаю я, Господи: сыны мои подросли, да что толку? Средний, Гришка, ни рыба, ни мясо, об деле не болеет... А Никишка, младший, поганец, только и знает, что кошек да собак мучить да ябеды на кузнецов пуцать. И в кого такой уродился? Один я в Туле, как перст. Людишки изворовались, Бога забыли... А кто об государстве радеет? Демидов. Одна надежда на Акинфия. Ты уж, Господи, пригляди за ним... А тут еще напась: Дунька, сноха моя, ежечасно мя в грех вводит. Господи, спаси, убереги от соблазна дьявольского!

Бьет земные поклоны.

Вбегают Дунька.

ДУНЬКА. Батя! Батя!

НИКИТА. Что влетела, как оглашенная? Не видишь, с Богом разговариваю!

ДУНЬКА. Опосля договорите. Дело у меня неотложное.

НИКИТА. Ну?

ДУНЬКА. Значит так, батя. Ежели вы Акинфию не скажете, что промеж нас с Сенькой было, я вам такую штуку покажу...

НИКИТА (*оживившись*). И что это ты мне покажешь?

ДУНЬКА. Вы сперва побожитесь, что не скажете.

НИКИТА (*умильно*). Шут с тобой, блудница вавилонская... Не скажу.

ДУНЬКА. Крест поцелуйте.

НИКИТА. Тьфу, вот неотвязная...

(Целует крест). Ну, видишь? Вот те крест, не скажу.

ДУНЬКА. А таперича глаза закройте.

НИКИТА *(закрывая глаза)*. Ну, кажи, кажи, че у тебя там?

ДУНЬКА *(выбегает и снова входит, наставив на Никиту фузею)*. Все! Открывайте, можно!

НИКИТА *(отшатнувшись)*. Ты че, дура, белены объелась?!

ДУНЬКА. Да не пужайтесь, не заряжено.

НИКИТА. С тебя, дуры, станется пальнуть...

(Берет у нее фузею).

А ну-ка-ся, ну-ка-ся... Где ж ты такое взяла? Работа не наша, сразу видать.

ДУНЬКА. А вот и наша! Сенька Сокол втайне от вас цельный год мастерил.

А стеклушки эти Сашка, подельница его, у Ганс Иваныча сперла!

НИКИТА. Откуда знаешь?

ДУНЬКА. Следила я за злодеями, батя. Ночью по кустам на карачках ползала. Сердце кровью обливалось, как Сенька с полюбовницей своей над вами потешались!

НИКИТА *(не отрывая глаз от фузеи)*. Ишь ты... Хитрая штука. Ай да Сенька, головастый черт...

ДУНЬКА. А мантерьял-то все ворованный, верно, батя?

НИКИТА. Доставить мне Сеньку немедля!

ДУНЬКА *(преданно)*. Он уж тута, батюшка. Холопья под моим началом его скрутили да сюда приволокли. Эй! Ведите ирода!

Холопы втаскивают Сеньку.

НИКИТА. А чё это он снулый такой?

ДУНЬКА. Энто я его, батя, сзади дубьем огрела. А не то бы сбежал.

СЕНЬКА. Зря я тебя, Дунька, тогда из окна вытащил...

ДУНЬКА. Ну, наглый! Отвечай, воруяга, как ты дошел до жисти такой?!

НИКИТА. Цыть мне! Пошли все вон!

ДУНЬКА. И я, что ль, батюшка?

НИКИТА. И ты. Душу отвела — и ладно. Ступай, Авдотья!

(Дунька и холопы уходят).

Проходи, Сеня, садись. В ногах правды нет.

СЕНЬКА *(хмуро)*. Благодарствую. *(Садится на лавку)*.

НИКИТА. Ну, как живешь?

СЕНЬКА. Квасу дайте.

НИКИТА. Это можно.

(Наливает ему квасу. Сенька жадно пьет).

Что ж скрывал от меня сию безделку? *(Кивает на фузею)*.

СЕНЬКА. Коли безделка, так об чем разговор?

НИКИТА. Не, штука занятая, с изюминкой... Вот что, Сема. За смекалку и за старание жалую тебе десять рублей. Поедешь приказчиком на Невьянский завод. Служи Акинфию верно, в накладе не останешься. А тут тебе делать нечего.

СЕНЬКА *(поет)*.

Как же быть с моей фузеей?

НИКИТА *(поет)*.

Это ж пробный экземпляр.

Потрудился для Расеи —

Вот те скромный гонорар.

СЕНЬКА *(поет)*.

Не по мне такая сделка!

НИКИТА *(поет)*.

Мы же фирма! Брось дурить!

Мы могём твою безделку

В производство запустить!

СЕНЬКА *(поет)*.

Знаю я тебя, злодея!

НИКИТА *(поет)*.

Что ты, Сема, не дури...

СЕНЬКА *(поет)*.

Не замай! Моя фузея!

Ну-ка, лапы убери!

НИКИТА. Ишь ты! «Лапы убери!» Ты чей холоп? Демидовский? Стало быть, и фузея наша!

СЕНЬКА. Моя фузея!

НИКИТА. Врешь, мил друг. Не твоя, государственная.

СЕНЬКА. Моя! Самолично государю покажу!

НИКИТА. Ага, раскатал губу. Государю только и есть делов, что с тобой, голоштанником, якшаться! Ну, будя. Недосуг мне с тобой лясы точить. Вот те десять целковых, и завтра же с глаз моих долой!

СЕНЬКА. Подавись ты своими целковыми!

Швыряет деньги в лицо Демидову.

НИКИТА *(хватаясь за ушибленный глаз)*. Ах, ты так?! Смерд неблагодарный!

СЕНЬКА. Убью! Мироед, сплататор!!! *(Бросается на Демидова)*.

НИКИТА. Эй, кто там! Сюда! Убивают!

Вбегают холопы и Дунька.

ДУНЬКА. Батюшка, я тута, не боись! Ах ты, Антихрист! На Демидовых руку поднимать?! *(С удовольствием тужит Сеньку кулаками)*.

Холопы скручивают Сеньку.

НИКИТА. В железа его! В рудники на Невьянский завод, навечно! К сынку Акинфию прямо в лапы!

СЕНЬКА. Ничё, ишо поквитаемся с тобой...

НИКИТА. Пошел, пошел! Изобретатель хренов!

ДУНЬКА. Ну, наглый! Верно, батя?
Сеньку тащат к дверям. Никита устало садится на лавку и ест соленый огурец.

СЕНЬКА (*оборачивается в дверях*). Погоди, ужо доберусь до тебя, снохач, козел смердящий!

НИКИТА. Поговори мне, гнида! Да я тя в упор не вижу! (*Запускает огурцом в распахнутую дверь*).
Входит Петр, смачно хрустя огурцом.

ПЕТР. Хороши у тебя огурчики, Демидыч! Кате скажу, чтоб такие же насолила. Рецептuru дашь?

НИКИТА (*бухаясь Петру в ноги*). Батюшка! Петр Ляксеич! Ды как же, ды что же... Прости мя, окаянного!

ПЕТР. Встань, Демидыч, будет коленки протирать. Ну, Дунюшка, все худеешь?

ДУНЬКА (*кланяясь*). Твоими молитвами, царь-батюшка.

ПЕТР. Давай-ка облобызаемся!
Троекратно целует Дуньку.

НИКИТА (*ревниво*). Страмница, голову бы хоть покрыла. Ступай, на стол собери.

ДУНЬКА (*фыркнув*). Подумаешь! (*Проплывает мимо Никиты*).

ПЕТР. Что у вас тут за баталия? Кого это уволокли сейчас?

НИКИТА. Ды, батюшка, холопья нерадивые донимают... Сам знаешь, их надо в строгости держать.

ПЕТР. Ну, тут воля твоя карать и миловать. А это что за штуковина?
(Берет фузею, разглядывает).

НИКИТА. Да вот, суприз хотел сделать... Так, безделица... Опытный образец. Но ежели ты, Петр Ляксеич, дашь добро, то и серийное производство наладим.

ПЕТР. О! Никак, оптицкий прицел?

НИКИТА. Он самый, батюшка.

ПЕТР. Ну, Демидыч, ну, голова! Сам, что ли, додумался?

НИКИТА (*скромно*). Да не без этого.

ПЕТР. И далеко бьет?

НИКИТА (*замявшись*). Да как сказать... Вроде на сто саженой в муху попадает.

ПЕТР (*прицелившись*). Ну, держись, Карла Шведский! Таперича возьму я тебя на мушку. Налаживай серийное производство, Демидыч!

НИКИТА. Слушаюсь, Петр Ляксеич.

ПЕТР. Но сперва фузею твою самолично испытаю. Любопытная штукавина!
А теперь о деле. Слышал, к морю мы вышли, город Питербурх заложили?

НИКИТА. А то как же! Говорят, в болото сваи забиваете, людишки мрут несчетно?

ПЕТР. Что ж поделать. Окно в Европу того стоит. Флот строим, Демидыч. Без него державе нашей не быть, и шведа не одолеть. А тебе новый заказ. Вот, чертежи привез мортир корабельных. Вникай! Якоря, цепи, гвозди весьма надобны. В общем, тут все расписано. Ежели что, к Ганс Иванычу обращайся, поможет. Справитесь?

НИКИТА. С Божьей помощью управимся, Петр Ляксеич.

ПЕТР. А фузея твоя весьма любопытна...

За дверью слышится шум. Пятясь, появляется Дунька с метлой наперевес.

ДУНЬКА. Не пуцу! Куда прешь, мерзавка? Не положено!

САШКА *(за сценой)*. Пусти, ябеда проклятая!

Дунька отступает под напором Сашки. Распаленная Сашка влетает в горницу.

НИКИТА. Куда прешь, холопка? Совсем ума решилась?

САШКА *(падая в ноги царю)*. Царь-батюшка! Милостивец! Не вели казнить, вели слово молвить!

ПЕТР. А-а-а, старая знакомая! Как тебя... Ляксандра, что ли? Что стряслось-то?

САШКА. Фузея, кормилец! Сеню-то, Сеню моего в железа забили! А он ее цельный год ладил! А Никита Демидыч... Не погуби, надежа-государь!

НИКИТА. Петр Ляксеич, да что полоумную девку слушать?

В горницу врывается Глаша, за ней бежит Кюхенрейтер.

КЮХЕНРЕЙТЕР. О Фирхен, не так быстро! В тфоем полошений это не есть гигиенично!

ГЛАША. Да отстаньте вы, Ганс Иваныч! Геен Зи цум Тойфель! *(Валится в ноги Петру)*. Государь! Мой грех! Это я стеклушки украла!

САШКА *(причитая)*. А Сеня-то, соколик мой! Он ведь страх какой башковитый! Не погуби, милостивец!

КЮХЕНРЕЙТЕР. Цыть мне, бабы! О государ, я сейчас фсе объясняйт. Сей фузей изготовиль большой майстер-мужик Сенька. Это есть крупный прогресс. Герр Демидофф есть немношко враль...

НИКИТА. Опомнись, Ганс Иваныч! Чё ты мелешь-то?

КЮХЕНРЕЙТЕР. О йа, йа, герр Демидофф! Как говорит русиш пословиц, правда выкалывает вам глаз!

ПЕТР. Тише, господа! Сейчас разберемся. А подать мне этого Сеньку недля! Слышь, Демидыч?

НИКИТА. Сей минут, государь... Эй, кто там! Сеньку сюда!

Холопы втаскивают закованного Сеньку, следом идет приказчик.

ПРИКАЗЧИК. Не изволь беспокоиться, Никита Демидыч, забили в железа в лучшем виде... *(замечая Петра)*. Ох ты, господи... *(Валится на колени)*.

ПЕТР *(разглядывая Сеньку)*. Н-да... Хороши у тебя кандалы, Демидыч, навострился ты по этой части. Расковать!

(С Сеньки снимают кандалы).

Ну, сказывай, мастер-мужик: твоя работа? *(Указывает на фузею)*.

СЕНЬКА. Наша, твое величество.

ДУНЬКА. Ну, наглый! Врет он все, царь-батюшка!

ПЕТР. Чем докажешь?

СЕНЬКА. А погляди под оптицким прицелом, я там свою метку поставил.

ПЕТР *(читает)*. «Семен Соколов сию фузею сработал». Ну, Демидыч, что скажешь?

НИКИТА. Так ведь, Петр Ляксеич... Молод он еще, глуп... Экземпляр-то опытный... А в нашем оружейном деле доводка нужна... В производство пустить хотели... Не спорю, малый он головастый...

ПЕТР. Ага. То-то ты его в железа забил.

НИКИТА. Да ведь я ж хотел как лучше...

ПЕТР *(строго)*. Не надрывайся, Демидыч. Не греши.

КЮХЕНРЕЙТЕР. Энтшульдигэн Зи, битте... Ихь думайт, что сей самородок долшен получайт кароший обрасофаний...

ПЕТР. Твоя правда, Ганс Иваныч. Пошлем-ка мы Семена в Германию, пушай подучится. Может, он еще перпетуум мобиле изобретет, а? Как думаешь, Демидыч? Ну, Сокол, говори, сколь за фузею хочешь?

СЕНЬКА. Ничего мне не надобно, государь. Я ее сработал Отечества ради. Ну, а ежели будет на то твоя милость, прошу вольную для девицы Ляксандры.

Сенька и Сашка, взявшись за руки, становятся на колени перед Петром.

ПЕТР. Амур у вас, что ли?

СЕНЬКА. Как можно! Я жениться хочу.

ПЕТР. Быть посему, мастер Семен Соколов! Но с условием. В посаженные отцы меня возьмешь. Ох, и люблю я свадьбы устраивать!

НИКИТА. Ура! Да здравствует государь Петр Ляксеич!

ПЕТР. Ну, будет, будет. Ты, Сеня, сперва покажь, как твой оптицкий прицел действует. Руки чешутся испробовать. Айда на двор, комаров стрелять! Попадем, как думаешь?

СЕНЬКА. А то! Не то, что в комара, в глаз ему угодить можно.

КЮХЕНРЕЙТЕР. Виват, господа! Правда есть! Натюрлихь! Как говорит мудрый русиш народ, на чужой роток не надеть порток!

Все уходят вслед за Петром и Сенькой. Последней плетется Дунька.

ДУНЬКА (*утирая злые слезы*). Ну, наглые! Люди добырые, куды ж вы смотрите?! Да что же это деется?! Ну и наглые!

Уходит.

Эпилог.

На авансцену строем выходят гренадеры и поют.

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья,
Мы дралися там со шведом
Под знаменами Петра.
Наш великий император, —
Слава вечная ему, —
Сам командовал полками,
И как сокол он летал.

Полтавская баталия
Закончилась викторией,
Спесивый швед побёг от нас,
Такая вот гиштория!

Пули облаком носились,
Кровь горячая лилась,
Вдруг злодейка-пуля шляпу
Прострелила сквозь на нем.
Император не смутился,
Взор как молния блистал,
Лишь, вздоргнувши от удара,
Конь быстрее поскакал.

Полтавская баталия
Закончилась викторией.
Спесивый швед побёг от нас,
Такая вот гиштория!

Гренадеры, маршируя, уходят. Открывается пышная зала, в коей происходит ассамблея по случаю Полтавской победы. Кавалеры и дамы танцуют менуэт. Входят разряженные в европейское платье и в париках Никита Демидыч, Акинфий и Дунька, которая всех задевает своими фижмами.

НИКИТА. Не, сынок, не радуются мои глаза. Ежели бы не цареву приглашение, ноги бы моей в Питербурхе не было.

ДУНЬКА. Да ну вас, батюшка... Отстали вы от жисти. Что в Туле-то хорошего? Дикость одна. А тут хоть себя показать можно.

АКИНФИЙ. Нашла что показывать! Тебе энта роба, как корове седло.

ДУНЬКА. Подумаешь! Понимали бы вы в модах европейских!

АКИНФИЙ (*чесет голову под париком*). Тыфу ты... Ишо энта кудель проклятая... Инда взопрел весь...

НИКИТА. И рожи у нас, Акинфка, босые, страм-то какой...

АКИНФИЙ. А чё делать-то, батя? Противу царя не попрешь.

ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР. Господин тайный советник Кюхенрейтер с супругою!

Входят Кюхенрейтер и разряженная Глаша, раскланиваются с гостями.

ДУНЬКА (*пихая локтем Никиту*). Не, батя, вы поглядите только! Из грязи да в князи... Ишо и веером махает, поганка!

КЮХЕНРЕЙТЕР (*подойдя к Демидовым*). О, герр Демидофф! Гутен абент! Счастлиф фидеть фас, фрау Авдотья!

НИКИТА. Давненько не видались, Ганс Иваныч. Мы ведь с ним, Акинфиюшка, пуд соли вместе съели!

КЮХЕНРЕЙТЕР. О йа, йа! Как гофорит русиш пословиц, старый друг скусаль новых двух.

1-КАВАЛЕР (*подлетает и кланяется Кюхенрейтеру*). Дозвольте ангажировать вашу даму на контраданс!

ГЛАША (*радостно*). Так я пойду, Ганс Иваныч?

КЮХЕНРЕЙТЕР. О Фирхен, в фашем полошений это не есть гигиенично...

ГЛАША. Да пустое, Ганс Иваныч! Мне страсть как плясать охота!

КЮХЕНРЕЙТЕР (*со вздохом*). О Фирхен... Фи вьете из меня шнурок.

Счастливая Глаша уплывает под руку с кавалером.

ДУНЬКА (*тихо*). Ну, наглая...

ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР. Вице-канцлер Его императорского величества барон Шафиров с супругою!

Молодцеватой походкой входит румяный, цветущий Шафиров под руку с элегантною, вызывающе декольтированной Дашкой.

ДУНЬКА. Не, батя, я сдохну щас... Ты глянь на энту ведьму! Ишь, оголилась!

АКИНФИЙ (*восхищенно*). Так ведь есть что показать!

ДУНЬКА. Я ей корову мою век не забуду.

НИКИТА. Язва ты, Авдотья. А Дашка молодец! Говорил я: далеко пойдет.

А-а, Петра Палыч! Сколько лет, сколько зим!

Идет навстречу Шафирову с распростертыми объятиями.

ШАФИРОВ. Ты ли это, Никита Демидыч?

Хлопает Никиту по плечу, Никита аж приседает.

НИКИТА. Ну, Петра Палыч, ты даешь... Точно живой водой тебя окатили, сам на себя не похож!

ШАФИРОВ (*любовно посмотрев на Дашку*). Это все Долли моя.

НИКИТА (*кланяясь*). Так что со встречей, баронесса Дарья Фоминична.

Дозвольте представить вам сына моего Акинфия Никитича...

ДУНЬКА (*тихо*). А меня-то, батя, а меня?

НИКИТА. И супругу его Авдотью Поликарповну.

ДАШКА (*сильно грассируя на французский манер*). Бонжур, мадам. Как-вы вам питерские погоды?

ДУНЬКА (*мрачно*). Благодарствую, не кашляем.

ДАШКА. Ах, нет, французские погоды мне куды больше ндравятся. Что ни говори, Париж есть Париж...

2-Й КАВАЛЕР (*подлетая к Дашке, кланяясь*). Мадам, пермете-муа де ву зенвите а зэт данс?

ДАШКА (*жеманясь*). Авек плезир, ву зэт трэ жанти.

ШАФИРОВ (*с гордостью*). Ступай, ангел мой, покажи им европейский класс!

Дашка уплывает под руку с кавалером.

НИКИТА. Эх, Дарья...

АКИНФИЙ. Царь-баба!

ДУНЬКА. Ну, наглая!

ЦЕРЕМОНИЙМЕСТЕР. Генерал-инженер фортификационных дел господин Соколов с супругою!

Входит Сенька в военном мундире, с орденской лентой через плечо, под руку с неотразимой Сашкой. Сенька слегка прихрамывает, рука у него на черной перевязи.

ДУНЬКА (*задыхаясь*). Нет, не могу я боле... Воздуху мне, воздуху!

Валится на руки Никите и Акинфию. Те еле-еле ее удерживают.

АКИНФИЙ. Ты чё, Дуня? Солмлела, что ль?

НИКИТА. Махай на нее, махай. Это она от зависти. Держи-ка ее, я щас. Пойду с Сёмой покалякаю.

(Подходит к Сеньке с Сашкой).

Здрав будь, Семен Егорыч, и ты, Ляксандра Михална! Каково поживае-ете?

СЕНЬКА. Твоими молитвами, Никита Демидыч.

НИКИТА. Вижу, зла на меня не держишь?

СЕНЬКА. Кто старое помянет, тому глаз вон.

НИКИТА (*горячо*). Это, Сёма, хорошо! А чтой-то ты хромаешь? Никак, что стряслось?

СЕНЬКА. Хромаю-то я с Полтавской баталии.

НИКИТА. А с рукой что?

САШКА. Да он, Никита Демидыч, все птицу механицкую ладит, чтоб по воздуху летать. Она крылами-то ишо плохо махает... Я недоглядела, а он возьми и выпади из нее!

СЕНЬКА. Ну, покуда не махает. Но будет, обязательно.

НИКИТА. Да, Ляксандра Михална, ты Сёму лучше моего разглядела.

3-Й КАВАЛЕР (*подлетает к Сеньке, кланяется*). Экскюз ми, сэр... Мэй ай инвайт ё медэм ту э данс?

СЕНЬКА. Йес, ноу обджекшнс.

Сашка уплывает под руку с кавалером.

ДУНЬКА (*поднимаясь и отстраняя Акинфия*). Ну, наглые! Не, не могу я тут боле... В грудях сперло...

АКИНФИЙ. Поди, Дуня, в дамскую комнату, оправься.

Дунька поспешно идет к дверям и напрочь застревает в дверном проеме своими фикжами.

СЕНЬКА (*подходит к ней, тихо*). Что, Дуня, опять уши застряли? Могу подсобить, мне не впервой.

ДУНЬКА (*со слезами*). Уйди, ирод! Сама управлюсь! (*Изо всех сил таранит дверь и выпадает из проема вместе с дверными створками*).

В это время Церемониймейстер объявляет: «Их императорские величества государь Петр Алексеевич с государыней Екатериной Алексеевной!» За дверями стоят Петр и Екатерина. Дунька падает прямо в объятия Петра.

ПЕТР (*с натугой втаскивая Дуньку под мышки в залу*). Ох, Авдотья... Все худеешь?

ДУНЬКА (*лепечет*). Твоими молитвами, царь-батюшка...

АКИНФИЙ (*подбегая к ним и принимая Дуньку из рук Петра*). Государь! Не изволь гневаться на бабу, политеса она ишо не знает!

ПЕТР. Ничего. Нынче все можно. (*Оглядывая залу*). Ну, други мои, долго говорить не буду, не люблю!

ЕКАТЕРИНА. Да, Петруша, ты уж не затягивай.

ПЕТР.

Знатно всыпали мы шведу,
Да по первое число!
Выпьем, други, за победу,
Нашим ворогам назло!
Под Полтавой было жарко,
Швед лупил нас, ей же ей,
Так поднимем, други, чарку,
За своих учителей!

Не жaley вина, ребята!
Третью чарку разоъем
За российского солдата,
За Отечество свое.
Чтоб Фортуна не забыла
Вас, соратников моих,
За тебя, Демидыч милый,
За твоих мастеровых!
Чтоб вовек не умирала
Слава тульских кузнецов,
Чтоб Россия процветала,
Да растила молодцов!

НИКИТА (*утирая слезу*). Спасибо на добром слове, Петр Ляксеич, уважил ты меня! Не корысти ради стараемся — Отечества для!

ПЕТР. Полно, Демидыч! Знаю я тебя, уж ты-то своего не упустишь! Но награду заслужил. Денег не дам, обедняли мы с войной этой, впору мне у тебя одолжаться... А вот дворянское звание могу пожаловать!

ДУНЬКА (*радостно*). Слышь, Акинфиюшка? Дворянами станем! Не все же энтим холопкам форсить!

ПЕТР. Однако тут неувязочка есть. Какой у нас на дворе год? 1709-й? А история гласит, что пожаловал я тебя в дворянское звание аж в 1720-м. Так чтобы критики автора сей пиесы не заклевали, придется тебе обождать.

ДУНЬКА. Вот еще! Автор какой-то! Энтю ж сколько нам из-за него в низком звании ходить?! Ну, наглый!

ЕКАТЕРИНА. Закругляйся, Петруша.

ПЕТР. Да, Катя, да. Засим повелеваю не чиниться, петь, танцевать и веселиться!

Начинаются танцы. Опускается прозрачный занавес, отделяя залу от авансцены. С разных сторон появляются Сашка, Дашка и Глашка, и с ревом кидаются друг другу в объятия.

ДАШКА. Девки, не реветь! Ресницы потекут!

САШКА. Ой, сколько лет не видались-то!

ГЛАША. Дашка... Чей-то у тебя в куафе? Никак, цветки картофельные?

ДАШКА. Темнота вы, девки. Это в Париже щас последний писк. Дорогое удовольствие, между прочим!

ГЛАША (*с досадой*). Ой, а я-то, дура, не знала! У нас в Туле на огороде энтого удовольствия — пропасть!

ДАШКА. Девоньки, семечков у вас нетути? Сто лет не лузгала!

САШКА. А то! Полный ридикуль. Айда в дамскую комнату, душу отведем!

ДАШКА. Мужикам нашим косточки перемою!

ГЛАША. Об детишках поговорим...

САШКА. У тебя кто? У меня два парня.

ДАШКА. Ой, а у меня все девки да девки...

ГЛАША. А у меня каждый год попеременно, то девки, то ребята...

Уходят.

Звучит печальная потусторонняя музыка. Освещенный синим светом, в клубах дыма появляется Призрак, брезгливо держа на отлете Сенькину фузею.

ПРИЗРАК (*на ломаном русском языке*). Уфашаемые господа. Маленький исторический спрафка. Я есть призрак короля шведского Карла XII. 30 ноября, года 1718-го, будучи ф Норфегии, ф окопе у крепости Фридрихсгалл, я был убит какой-то французской сволочью. И что опитно — из этой самой фузеи, изобретенной ф дикой, сиволапофой России, ф городишке со странным насфанием Тула. Ну, что я могу сказать... Наглые!

Уходит, волоча за собой фузею.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА. Господа актеры! Все на сцену! Работаем, работаем, не расслабляемся! Пошла музыка!

Под звуки первых аккордов все выходят на сцену и поют.

Бог милостив, и Он страдальцев любит,

А кто же еще маялся, как ты?

Господь своих людишек не погубит,

Покуда под рубахами кресты.

Не жди доходов из чужих карманцев,

Чай, не калеки и не дураки.

Бог даст, покажет шведам и голландцам

Моя Расея мощь своей руки!

Ой лихо: морят, порют, грабят, рубят

Батый, немчины, да свои надысь...

Но беды только шкуры наши дубят,

Ничё, прорвемся, братцы, не бойсь!

Довольно нить, довольно побираться!

Да где же ваша гордость, мужики?!

Все выдюжим! Еще не вечер, братцы,

И крылья у орла еще крепки!

Я верю: Бог Расею не разлюбит,

Еще не скоро нам придут кранты.

И басурманы вряд ли нас погубят,

Покуда под рубахами кресты.

Довольно нам косить под оборванцев!

Исусе, от стыда убереги!

Мы вельми уважаем иностранцев,
Но забижать Расею не моги!

КОНЕЦ

P.S. Автор осведомлен о том, что торжества по случаю Полтавской победы происходили в Москве, но сюжет потребовал, чтобы это действие происходило в Петербурге.

**Валерий
Туголуков**

Родился 20 декабря 1962 года в Тамбове.
Живет в Москве.

Окончил Тамбовский институт химического машиностроения.

С 1993 года работает на телевидении.

Был автором программы о Москве «Градъ — город» на московском телеканале. В разное время и в разных программах был ведущим, режиссером, корреспондентом, редактором.

Валерий Туголуков и Андрей Гончаров еще в средней школе вместе сочиняли рассказы и киносценарии. Никогда и нигде не печатались. На конкурс представили пьесу «Будьте как дома».

Родился 3 февраля 1963 года.

Живет и работает в Тамбове.

**Андрей
Гончаров**

После окончания в 1985 году строительного факультета Тамбовского института химического машиностроения и службы в армии работал бухгалтером и экономистом.

Действующие лица

Мать, Александра Ивановна Сударушкина, 66 лет.
Сосед, Нинель Тихонович Сковорода, все время в головных уборах, 75 лет.
Нюра, соседка, 70 лет.

Антон Сударушкин, сын Александры Ивановны, 29,5 лет.
Марина, библиотекарь, невеста Антона, 37 лет.
Полина, невеста Нинель Тихоновича, практически слепая, 74 года.
Евдокия, дочь Нюры, 34 года.
Григорий, муж Евдокии, 34 года.
Ольга, дочь Нюры, 30 лет.
Настена с Аленкой, двойняшки, дочери Ольги, 7 лет.
Владимир Ефимович, Дора Даниловна, муж с женой из соседнего двора, 55 и 53 года.
Мария Борисовна, заместитель главы администрации района, председатель жилищной комиссии, 42 года.
Сашка, член жилкомиссии, одноклассница Антона, 30 лет.
Почтальон, 20 лет.
Вася, экспедитор почтового отделения, 23 года.
Первый ассенизатор, Роман, 28 лет.
Второй ассенизатор, 27 лет.
2 милиционера, 2 бомжа, 2 санитары, 2 медсестры.

Будьте как дома

почти документальная трагикомедия в двух действиях

Типичный двор провинциального областного центра.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Картина 1.

Двор. Мать моет окно, соседка несет две авоськи, полные пустых бутылок.

МАТЬ. С речки?

НЮРА. Нет, на футболе была.

МАТЬ. И сколько?

НЮРА (*по очереди показывая авоськи*). Один — один.

МАТЬ. Покоя себе не даешь. Побереглась бы. А то не родишь.

НЮРА. Рожу.

Нюра уходит. Мать идет в сортир мимо спорной комнаты, задерживается, обращает внимание на замок.

МАТЬ. Замок-то совсем проржавел.

Заходит в сортир. Слышен звон бутылок, крик девчонок: «Родила, родила». Мать выглядывает из сортира, фартук перекинут через плечо, смотрит в сторону Нюркиного дома. Нюра медленно выходит, садится на скамейку.

НЮРА (*обреченно*). Родила...

МАТЬ. Врешь!

Мать выходит из сортира со спущенным чулком.

НЮРА. Да не я. Наташка.

МАТЬ. Не дают тебе постареть. Сама родила? А то сейчас рожать никто не умеет. Кого же, кого?

НЮРА. Мальчишку.

МАТЬ. Красота! А то дочки, да внучки — кобелям сучки. Что приуныла? Резинку от трусов потеряла? Радость в доме, а она скужилась. От счастья обалдела?

НЮРА. Обалдела.

МАТЬ. Знаешь, что. Сидеть тебе теперь некогда. Иди, готовь пеленки, пустушки мой, дел у тебя теперь полно и кроме тебя их никто делать не будет. А через неделю Наташку привезут, и меня жди — приду твоему чертенку копытца обмывать.

НЮРА. Угу. В моем аду только чертенка не хватало. Где спать будем, не знаю. Старших четверо. Гришка летом вообще в сарае ночует. Только обрадовались: Ваську посадили, а тут Наташка принесла.

МАТЬ. Вот и я своему говорю: — нечего нищету плодить! Денег нет, жить негде, жратва некупная. И чего из твоего вырастет? Неуч и лоботряс. В кого ему умным-то быть? Ты ему последние силы отдашь, а он дурак дураком, потом напьется и тебя подушкой придушит.

НЮРА. Ой, ой, ой и ой какой. Сама не знаешь, как права. Пошла я. Надо что-то делать.

МАТЬ (*с сарказмом*). Иди, иди. Пустушки мой, готовь пеленки. Недолго тебе осталось!

Нюра уходит. Мать продолжает мыть окно. Стучит в стекло. В окне появляется Антон. Одет красиво.

МАТЬ. Наташка родила. Иди воду мне смени.

АНТОН (*приносит ведро воды*). Если б Наташка не родила, грязной мыла? Больше ничего не надо? Мне пора.

МАТЬ. Что у тебя сегодня?

АНТОН. Репетиция. Завтра 60-т лет областной эпидемстанции. Буду петь куплеты Мойдодыра и читать «Пир во время чумы».

МАТЬ. Сходи, сходи. Только потом сразу домой.

По двору проходит Сосед с пустыми ведрами.

МАТЬ (Антону). Стой. Вот иуда. Ходит. Всю воду из колонки выбрал. Загни две фиги и ступай. Не вздумай где свою библиотекаршу встренуть. Все равно, ноги ее здесь не будет.

Сын уходит. Возвращается Сосед с двумя полными ведрами воды.

МАТЬ. Ты бы, Тихоныч, поменьше наливал. Поберег бы себя.

СОСЕД. А мне что, мне не рожать.

МАТЬ. Я к тому, что надорвешься, сдохнешь, кто за Веркиной могилкой ухаживать будет? Слышал, Наташка родила?

СОСЕД. Конечно, слышал. Вы так с Нюрой кричали, что я проснулся.

Думаю, сон, стервы, перебили, уж не уснуть. Пошел за водой.

МАТЬ. Ну и иди. Стал.

Сосед уходит.

МАТЬ. Все бы подслушивать. Подглядывать. Штирлиц гнутый.

Появляется Нюра, в слезах.

НЮРА. Шур, мне с тобой поговорить надо. Не знаю, с чего начать. Мысль у меня тут есть одна.

МАТЬ (*прикладывает палец к губам, показывает на половину Соседа, мол, он уже у двери подслушивает*). Говорить нам с тобой не о чем. Все переговорили, за три десятка лет (*приглашает жестом к себе домой*), ничего толкового от тебя я не слышала. Мысль, говоришь? Ха-ха-ха. Ну, Райкин, ну, рассмешила!

Уходят в дом. Появляется Сосед. Озирается, достает из сумки железнодорожный костыль, подкладывает его под порог матери.

Картина 2.

Квартира матери.

НЮРА. А где твой артист-то?

МАТЬ. Нету, видишь, не отвлекайся.

НЮРА. Нету, нету, а придет, скажет: — машину, мать, хочу, костюм новый, на курорт какой хочу. Или компьютер, сейчас все помешанные.

МАТЬ. Нюр. А Нюр!

НЮРА. А?

МАТЬ. Ты что пришла-то?

НЮРА. Я тут для тебя выгоду придумала.

МАТЬ. Ой...

НЮРА. Как беда с Наташкой явилась, меня аж ошунуло — какой я нам

прок с тобой нашла. Ты все меня за дуру держишь. Я теперь тебе полезней, чем навоз для огурцов. Ты теперь что, на юг поедешь, или куда? Нет, я знаю, ты ружье купишь и будешь ночами Тихоничу по окнам пулять. *(Хочочет)*. Или в чулок положишь?

МАТЬ. Что положу?

НЮРА. Деньги.

МАТЬ. Где я их возьму?

НЮРА. А я что, не сказала?

МАТЬ. Нет, не сказала.

НЮРА *(обреченно)*. Значит, забыла.

Пауза. Молчат.

НЮРА. Я тебе денег дам. Уф. Смотри! Мне свою свору девать некуда?

МАТЬ. Некуда.

НЮРА. Некуда и все! У тебя комната. Ненужная, с отдельным входом. Ты мне ее продашь. Я сама там жить стану. Я тихая, не курю, не напоярю. Хочешь, Олькой поклянусь, хочешь Евдокией.

МАТЬ. Да, как же я ее тебе продам? Она не моя. Ты же помнишь, три года назад, когда старик Ниточкин переезжал, говорил, что сюда Петровых расселят...

НЮРА. Петровых расселили давно. Я слышала, Тихонич на эту комнату большие виды имеет. Она ему, ведьмаку, позарез. Смотри, как начнет за стеной у тебя нечисть привечать, вспомнишь свою Нюрочку. Примешься гнусь отваживать, да поздно будет. опередить его, врага, надо.

МАТЬ. Я и сама думала. Побаиваюсь я его. Прошлый раз мне крысу дохлую под порог бросил, тебе ворону мертвую под дверь положил. Помнишь, пять лет назад я в сортир собралась, как дверь полыхнула.

НЮРА. Привитизируй ты ее, Шурк.

МАТЬ. Не отдадут мне комнату. Сама знаешь, не блатная я, не многодетная. У меня, Нюр, лишняя площадь.

НЮРА. Пусть Тошка твой оженится. Есть у него кто на примете?

МАТЬ. Так я тебе и сказала.

НЮРА. Раз нет — пусть не взаправду женится, а понарошку. Тогда комнату-то вам и дадут, а ты ее — мне. Думай, Шура. Думаешь? Можно я к тебе два мешка с рожками перетащу? И тебе отсыплю. Наташка скоро вернется. Где у меня тогда времени будет к переезду готовиться.

МАТЬ. Не надо мне твоих ни рожок, ни перловок. Приноси, пусть так стоят.

НЮРА. Шура, действуем. И ты время не теряй! Как твой певец вернется, ты его сразу строполи.

Соседка убегает.

Картина 3.

Антон с цветами и Марина заходят во двор.

АНТОН. Ты так кричала «браво», что заглушала аплодисменты. Я не слышал зала.

МАРИНА. Больше не буду.

АНТОН. Нет уж, пожалуйста, будь. *(Нюхает цветы)*. Где достала такую красоту.

МАРИНА. Я увидела их во сне, а встретила в цветочном киоске. Мне, наверное, пора уходить, сейчас нас мать увидит, испортит тебе настроение.

АНТОН. Ты замуж за меня все еще хочешь? Или перехотела?

МАРИНА. Какое это имеет значение.

АНТОН. Важное. Мать надумала завладеть вонючим чуланом. Вот этой комнатой, что между нашей и Тихоновической *(показывает)*. А у нас лишняя площадь. Если я женюсь, мы сможем законно претендовать на чулан. Мать просила спросить, не согласишься ли ты за меня выйти, на время, пока чулан не отвоюем. А потом выйти обратно.

МАРИНА. Так вот почему мы сегодня заплыли за буйки. Мать просила... Ты сам не против?

АНТОН. Мать просила, а выбирал-то я. Подумал, почему бы не разнообразить наш гражданский брак законным.

МАРИНА. Ладно, делай предложение.

АНТОН. Марина, я тебя люблю. Выходи за меня замуж.

МАРИНА. Марина согласна.

Антон дарит Марине ее же цветы.

МАРИНА. Когда самое страшное?

АНТОН. Ты имеешь в виду первую брачную ночь?

МАРИНА. Нет, встречу с твоей матерью.

АНТОН. Она ждет. Пошли?

МАРИНА. Пошлить сегодня не будем. Завтра, завтра.

АНТОН. Почему?

МАРИНА. Я не готова. Завтра.

АНТОН. Хорошо, завтра к трем сможешь? С утра мать на рынок пойдет, варенье варить собирается. На зиму. Приходи.

МАРИНА. Приду.

Картина 4.

Квартира соседа. Сосед вдвоем с Полиной. Сидят на топчане. Топчан стоит на ведрах, за которые периодически все задевают ногами. Он эдакий фронт: в костюме, в шляпе. Показывает ей альбом с фотографиями. Говорит громко.

СОСЕД. Это я, орел. На лихом коне.

ПОЛИНА. Соколик... В гражданскую?

СОСЕД. Что ты подружка? Мне здесь года три от силы. Да и конь деревянный...

ПОЛИНА. А это когда, в Отечественную?

СОСЕД. Это выпускной, аккурат перед войной. Угадаешь меня?

ПОЛИНА. Погоди, дай привыкнуть... Вот ты, соколик!

СОСЕД. Нет, подружка, промазала. Давай, пальни еще.

ПОЛИНА. Вот он ты?

СОСЕД. Опять не разглядела? И карточка вроде хорошая... Это наша учительница Клара Карловна Бергер! Ты меня с бабой перепутала. Да и потом — она блондинка, а я брюнет. Умора слепая.

ПОЛИНА. Сам, склеротик. Забыл, видно, что тебе говорила. Слышу-то я как рысь, да вижу как крот. Кто знает, брынет ты аль нет.

(Снимает с него шляпу. Он лысый. Гладит по голове).

Ты бы еще посадил меня крупу перебирать, узнал, что я за хозяйка... *(Хохочет).*

СОСЕД. А ты слушай внимательней!

ПОЛИНА. А что мне остается, умре слепой... если я тебя — Нинель — за бабу приняла.

СОСЕД. Зря смеешься. Нинель, между прочим, — Ленин наоборот. Когда Ленин умер, полстраны своих детей в его честь назвали: и Вилен, и Владлен, и Лени́на, и Ворлен, а я — Нинель. Может я и жив до сих пор, потому что не Федор. Когда Воровского в Женеве убили, красные мстить за него стали. Целыми селами выжигали. А у нас в деревне почтальон замерз, лошадь его везла-везла и аккурат напротив сельсовета пала. Осталась от них только пачка газет. «Правда» да «Искра», что ли. Председатель у нас грамотный был. Он нас и спас. Развернул газету на передовице, собрал всех на сходку и говорит: «Жить хотите?». А все: «О!-о-о-...». «Тогда давайте детям метрики править». Матрешка Босякина стала Львиной Троцкой *(Полина смеется)*. Кирюшка убогий — Владлен Дзержинский, Ванятка «лапша» — Люксембург Егорыч Крупский, а своих Гришку с Гранькой председатель обозвал: Феликс и Феликсата. *(Полина заливается хохотом)*. А мы с Ольгой, Серегой и Веркой стали Нинелями. А как красные жечь пришли — мы им всей деревней навстречу вышли: Воровские, Бухарины, Рыковы. И что! Они обосрались, да поехали в Гавриловку *(Полина хохочет, вытирая слезы)*.

ПОЛИНА. Нинель, а как тебя по-настоящему зовут?

СОСЕД. Как, как... Святогор. Уж лучше Нинель.

ПОЛИНА. Я тоже весело жила. Это сейчас поизносилась. А раньше, бывало,

Днепр переплывала! Рожала на спор. Все было. Теперь не та, покладистой стала. Со всем соглашаюсь (*подвигается теснее к соседу*)...

СОСЕД. Полина!!! (*Отодвигается в сторону*). Давай с твоими глазами разберемся. Ты почему в объявлении не написала, что слепая?

ПОЛИНА. Да, слепая! Но не дура, чтобы в объявлении всю правду писать. Глаза у женщины не главное, мы любим другими параметрами.

СОСЕД. Раз ты слепая ходишь, зачем карточки просила?

ПОЛИНА. А я их на ошуп различаю (*пододвигается*).

СОСЕД. Что же тогда с бабкой меня перепутала, раз на ошуп? (*Отодвигается*). Ты сказала, что на чай придешь. (*Вскакивает*). Пришла? Сейчас пить его будешь.

Ставит чайник на огонь, доликает кружкой воду из ведра. Полина напевает, раскачиваясь: «Позарастали стежки-дорожки, где проходили милого ножки...»

Сосед замирает. Внимательно смотрит в окно. Спешит к стене. Кружку, которой наливал воду, прислоняет к стене, прижимает к ней ухо.

СОСЕД. Поля! Звук выключи.

Полина продолжает открывать рот и раскачиваться, но уже без звука.

СОСЕД. Ах ты, старость не радость.

Ставит кружку на стол, тащит алюминиевый таз. Прижимает к стене, слушает. Морщится, как когда плохо слышно. Бросает таз, достает фонендоскоп.

СОСЕД. Ты смотри. Опять к Шурке пришла.

ПОЛИНА. Кто пришла?

СОСЕД. Антонова — это сын Шуркин — Антонова подруга. Зачастила. Черт, ни что не слышно.

ПОЛИНА. Часто ходит?

СОСЕД. Да второй раз уже. Первый раз была года три назад. Шурка его подруг на порог не пускает. Чтой-то они темнят. Ты скоро уйдешь — карты раскину, погадаю.

ПОЛИНА. Нинк, а ты только по моему объявлению звонил или по другим тоже?

СОСЕД. Тебе-то что?

ПОЛИНА. Смотри, я ревнивая...

СОСЕД. Ты, подружка, какая-то странная. Второй раз пришла и уже условия ставишь. Я тебе предложения еще не делал.

ПОЛИНА. А ты поспеши, уведут. Я невеста на выданье.

СОСЕД. Тс-с-с (*прислушивается*)...

Картина 5.

Квартира матери. Входит Марина с тортом. Мать моет банки.

МАРИНА. Здравствуйте, Александра Ивановна.

МАТЬ. Здравствуй, Мариночка. Садись. Я все кружусь, как ерш на сковородке. Затеялась с заготовками, а то без них к весне ноги протянешь.

МАРИНА. С чего начали?

МАТЬ. С малинового варенья. С утра на базар слетала. Устала, как чёрт. Хотела еще абрикосов купить, да не донесу. А что делать?! Надо. Хочешь, не хочешь, а надо. Ноги болят, голова кружится, а куда денешься. Как зимой болеть?

МАРИНА. Вообще не болеть. Летом все свежее есть. Гулять побольше.

МАТЬ. Никогда не гуляла, и гулять не буду. Мне, дорогая моя, некогда. Это бездельники пусть гуляют. А у нас — что потопашешь, то и полопашешь.

МАРИНА. Теперь и зимой всего полно. От ананасов до картошки. И цены почти летние.

МАТЬ. И не говори, до чего дожили. Пошла на рынок, к капусте приценилась, так она в два раза дешевле, чем я осенью квасить брала. Ужас.

МАРИНА. Взяли?

МАТЬ. Ты что!

МАРИНА. А что?

МАТЬ. Она теперь вся черныбыльская.

МАРИНА. Почему?

МАТЬ. Что ж такая дешевая?

МАРИНА. Потому что ее много, и хранить научились.

МАТЬ. Кто, интересно, их научил... Так и не взяла.

МАРИНА. Ну, не знаю.

МАТЬ. И знать тут нечего. Сегодня она есть, а завтра власть сменилась, и опять сахар по талонам. А вовремя припас — и без горя, пусть мнется.

МАРИНА. Но пока все есть.

МАТЬ. Эх, Мариночка. Я жизнь прожила... Тебе мой говорил, горе-то у нас какое?

МАРИНА. Что случилось?

МАТЬ. Жениться нам надо.

МАРИНА. Ой, как вы меня напугали.

МАТЬ. Я сама боюсь... Да по быстрому. Мой горлопан сказал, что ты помочь нам сможешь. Ты уж не откажи. Нам кроме тебя и голову приклонить не к кому.

МАРИНА. Помогу, о чем речь.

МАТЬ. Я уж все передумала. Ты у нас баба не наянная.

МАРИНА. Не какая?

МАТЬ. Ну, не наглая, не захватистая. Ничего тебе от нас не надо, да?
И взять у нас нечего, ну?

МАРИНА. Я уже сказала, что помогу. И ничего мне в общем-то не надо.
Сын у меня пристроен. Квартира есть.

МАТЬ. Вот и договорились. *(Пауза)*.

МАРИНА. А вы не хотите в малину лимон добавить? И на вкус будет не так приторно. И от простуды лимон несколько не хуже малины. Опять же аромат дополнительный. Варить пятиминуткой, и под железную крышку.

МАТЬ. Во, как интересно, а так варят?

МАРИНА. ...Я всегда так варю. Очень вкусно.

МАТЬ. Вкусно-то, вкусно, да за лимоном опять на базар бежать.

МАРИНА. У меня с собой есть. Я к чаю принесла парочку, а вы их в варенье. Торт и так съедем *(ставит на стол торт)*.

МАТЬ. Ой, мне даже неудобно. Тогда давай чай пить. А то я с утра ничего не ела. Ставь чайник. Я сейчас приберусь. Доставай чашки. Ты почти что хозяйка теперь. Поди достань скатерку, она в шифоньерке на верхней полке, розовенькая такая.

Марина выходит из кухни в комнату, входит Нюра.

НЮРА. Ну как, уломала?

МАТЬ. Все нормально, деньги готовы.

НЮРА. Скокажна? Ты, наверное, думаешь, что у меня кущи немеренные?
Сама знаешь, то один не работает, то другой. А жрут по три раза.

МАТЬ. Где ж ты деньги достанешь?

НЮРА. У Дуськи возьму. Она как узнает, что я от нее ухожу, последние отдаст. Ты скажи скока?

МАТЬ. Скока, скока... Бери, чтоб хватило. Иди, не до тебя. Того и гляди, июда пронюхает.

Возвращается Марина со скатертью.

НЮРА. Ой, здрасьте. Какая ловкая, Шурка, пособница будет. Я по дороге заглянула. Опротасться бегу. Катях наружу просится, а я все балаболю, да балаболю, байками тешусь.

Нюра уходит.

МАРИНА. Александра Ивановна, кто это?

МАТЬ. Райкин. Ну вот, хоть вздохнуть от дел. Всю жизнь, как белка в космосе.

МАРИНА. В полете жизнь. За то вам и почет. Никто тунеядкой не обзовет.

МАТЬ. Еще как обзовут. Да, и покех мне твой почет. Сына вырастила — вот мне и весь почет.

МАРИНА. Да, сын что надо.

МАТЬ. Да... (Пауза). Была б ты без хвоста, я б лучшего для Тошки и желать не стала.

МАРИНА. Но вы же знаете, сын в военное училище поступил. Я сама его видеть годами не буду.

МАТЬ. А воровать для него все равно будешь. Бабка моя воровала, и мать воровала от новых мужей для своих детей.

МАРИНА. Сами говорите, у вас взять нечего.

МАТЬ. Вот и обидно, что последнее отберешь. Ты же мать! Я тут иногда лежу и думаю: вдруг война. Не пущу своего — его застрелю, а сама повешусь. Вот что значит мать!

МАРИНА. Война-то здесь причем. И откуда у вас такая склонность к суициду?

МАТЬ. Чего?

МАРИНА. Жизнь в любом случае лучше, чем смерть.

МАТЬ. Ты, я смотрю, тоже не промах: вон как рассуждаешь. Только меня учить — лоб расшибешь. Поняла? (Допивает чай). Ну, спасибо тебе, Мариночка, за угощение. Не суетись, я сама все уберу, хозяйка в этом доме как-никак.

МАРИНА. Вам спасибо... за общение. Тогда я пошла!

МАТЬ. Заходи, всегда примолвлю. А заявленьце вы уж с Антоном подайте побыстрей.

МАРИНА. Мы уже подали.

МАТЬ. Как всегда, с матерью даже не переговорили. Ну, пока. Забегай. Стой. Чуть не забыла. Начинать с соседями здороваться. Веди себя при них как хозяйка. Здесь конечно я хозяйка, но ты понимаешь... Яблоки опавшие домой набери, простынки в палисаднике проверь, просохли ли, в сортир зайди не забудь, как положено, на дорожку. Мы должны так рассчитать, чтоб комар носу не подточил, чтоб никто не пронюхал, что у нас не по-настоящему. В следующий раз помой вынесешь. Ведь ни одна тварь не поверит, чтобы я чужую бабу в дом пустила и Тошку ей отдала. Поняла?

Картина 6.

Квартира Соседа. Он раскладывает пасьянс, бормочет себе что-то под нос. Полина ходит по комнате, почти на ощупь находит предметы: вазочки, книги, — и протирает их тряпкой. Наткнулась на газету и газету протерла.

СОСЕД. Поля, ты домой собираешься?

ПОЛИНА. Как я теперь пойду? Уж солнце к речке клонит.

СОСЕД. Все равно ничего не видишь: тебе что ночь, что утро, все одно.

ПОЛИНА. Соколик, обижаешь. Будто я инвалидка-разинвалидка какая.

Свет от тьмы различаю. Лица, поближе которые, тоже. Движимое от недвижимого. Всего не перечить.

Разбивает вазу.

СОСЕД. Сядь ради бога. Ты меня по мирупустишь. Чаю еще попей, что ли. Странная карта выпадает. Второй раз известие из казенного дома. И дама какая-то при нем. Но не ты, а червоная. И крестовый интерес при ней.

ПОЛИНА. У меня от твоего чая вопрос накопился; ты на двор ходишь или на ведро?

СОСЕД. Ты на двор. Проводить?

ПОЛИНА. Еще чего удумал. Ты занят, ненаглядный. Вас мужиков от дела отрывать нельзя. Работай в полную силу. Не волнуйся. Я скорая, одна нога здесь, другая в сортире.

Картина 7.

Двор. Полина, выставив вперед руки, пробирается к сортиру. Уже почти зашла. Во двор входит — и, увидев Полину, — бежит к сортиру молодой человек. Унисекс. В соответствующей одежде, с соответствующим голосом и интонированием. Он — почтальон с заказной корреспонденцией.

ПОЧТАЛЬОН. Женщина-а, женщина-а.

Полина захлопывает перед его носом дверь сортира.

ПОЛИНА (*из-за двери*). Занято!

ПОЧТАЛЬОН. Женщина, вы здесь местная? Где живет Скворода Нинель Тихонович?

ПОЛИНА. Зачем он тебе?

ПОЧТАЛЬОН. За-ачем, за-ачем. Надо!

ПОЛИНА. Знаешь, дорогая! Иди-ка ты отсюда, пока я не вышла и косы тебе не спалила...

ПОЧТАЛЬОН. Испугала. Не ерзай, в очко провалишься.

ПОЛИНА. Все, голубушка. Он женился. Что, онемела? Кончена ваша лавочка. Проститутки, по домам!!!

ПОЧТАЛЬОН. Че расхабалилась-то? Прокаженная. (*Дразнится*). Мы сегодня по делу.

Почтальон идет по двору, ищет глазами номер квартиры Соседа. Нашел, стучит, входит. Вслед ему из сортира: «Сейчас выйду, разберемся, какие у проституток дела к вечеру появляются. Еще пожалеешь, что не убежала».

Полина выходит из сортира, громко хлопает дверью и спешит, спотыкаясь, почти бежит, выставив вперед руки, но, перепутав незнакомые направления чужого двора, попадает к двери Нюры.

Дергает за ручку. Закрыто. Колотит в дверь кулаком. Мать выглядывает из своей двери, наблюдает за происходящим.

ПОЛИНА. Запёрлись. Запёрлись уже (колотит громче).

Нюра открывает дверь.

ПОЛИНА. Нинель?

НЮРА. Нет, Нюра. Тебе кого, бабушка?

ПОЛИНА. Мужа своего, девушка. Шлюха ты грязная!

НЮРА (кричит). Я всю жизнь работала! (Пытается закрыть дверь, но Полина тянет на себя, не дает).

ПОЛИНА. Добром прошу, пусти к мужу.

НЮРА. Помер он. Опился на Пасху денатурату и помер.

ПОЛИНА (пытается прорваться в дом). Нинель! Выходи, пожалуйста! Нинель!

Потасовка. Сосед, услышав крик, выходит на свое крыльцо.

НЮРА (кричит ему). Тихоныч, это к тебе, забери ее ради бога. У меня сейчас сердце разорвется. Ох, упаду. Ох, плохо мне.

СОСЕД (бежит к дерущимся, кричит). Поля, остановись! Нюра, держись! Из дома выбегают Мать. Также бежит разнимать.

МАТЬ (кричит Полине). Оставь ее правнукам! Ненормальная!

Разводят обессиленных. Сосед уводит охающую Полину. Мать обнимает обессилено опустившуюся на крыльцо Нюру. Полина и Нюра охают, ахают, тяжело дышат.

МАТЬ (вдогонку). Да ты, оказывается, еще кобелек, Тихоныч.

Сосед оборачивается, машет рукой и уводит Полину в дом.

МАТЬ. Жива, пострадавшая?

НЮРА. Ох, Шурочка... Ох, дорогая... Воздух перехватило... Как на футболе... «Торпедо» — «Локомотив», в прошлую среду.

МАТЬ. Нюр, как ты думаешь, с чего это нам смотрины устроили? Спроста? Иль неспроста?

Картина 8.

Квартира Соседа. Он приводит Полю. Та тяжело садится на стул. Почтальон за столом пьет чай. При виде обессиленной Поли и взмокшего Соседа начинает кудахтать.

СОСЕД. Ну, чудило...

ПОЧТАЛЬОН. Нинель Тихонович, что случилось? Сердце? Да? Давайте я ей тоже чая налью. И корвалола туда накапаю.

ПОЛИНА. Здесь она, потаскуха! Чаем балуетесь. Как тебе не стыдно, Нинель. Я в сортир, а ты уже шалаву обхаживаешь.

ПОЧТАЛЬОН. Ну, интересно! Я уж лет пять по сортирам не хожу — и все равно шалава! А эта только из сортира вылезла — и порядочная.

Сосед не обращает на них внимания, внимательно читая принесенное почтальоном письмо.

ПОЛИНА. Ну все, соколик, если она сейчас не уйдет, уйду я!

ПОЧТАЛЬОН. Ой, хватит тут Скарлет из себя изображать. Я тоже могу такую мамашу Кураж устроить! Мало не покажется.

ПОЛИНА. Нинель, считаю до трех. Раз...

ПОЧТАЛЬОН. Да подожди, ухажу; сейчас; только распишемся (*подает Соседу квитанцию о доставке ценного письма*).

ПОЛИНА. Распишитесь?! (*Хватает со стола кучу ложек и кидает в почтальона. Попадает и в Соседа. Почтальон убегает от нее вокруг стола, прячется за Соседа*). Я тебе сейчас распишусь!

СОСЕД. Поля, остановись!

Полина кидает вилки. Сосед и Почтальон уворачиваются.

ПОЧТАЛЬОН. Ой, мамочки! Я на работе иль где?

Почтальон хватается со стола в охапку: свою сумку, папку, квитанцию, бросается к двери, но в этот момент из-за двери слышен грохот бьющегося стекла. Почтальон отскакивает от двери и попадает в объятия Соседа. Звон. Стеклопад. Полина хватается швабру и бьет их шваброй. Почтальон вырывает швабру и выбегает из двери.

Картина 9.

Двор. Бой стекла прекратился. Почтальон со шваброй крадется мимо дома к выходу со двора. Навстречу ему, крадучись, выглядывают мать и Марина. В руках у матери таз с водой, Марина с точно такой же шваброй, как у почтальона. Окружают, посыльный пятится.

МАТЬ. Что ж ты, гадина, творить удумала!

ПОЧТАЛЬОН. Господи, почему ты меня не уволил по статье, почему Вася-экспедитор меня все время выгораживает, да выгораживает?

Почтальон прижат к стене. Мать заносит над ним таз.

ПОЧТАЛЬОН (*визжит*). Нельзя, у меня дипломатическая почта!

Мать окатывает посыльного водой. Почтальон с визгом убегает, рассыпав бумаги. Марина бежит за ним вслед, лупит шваброй, обегает, преграждая дорогу к выходу. Ему ничего не остается, как нырнуть в сортир, и закрыться изнутри. Марина шваброй запирает почтальона снаружи.

В этот момент снова слышен звон бьющегося стекла. Из-за дома появляется голая Ольга и добывает шваброй окна матери со стороны двора. У всех одинаковые швабры. Мать и Марина бросаются к Ольге, вырывают у нее из рук швабру, заламывают руки за спину. Выбегает и Сосед с фонендоскопом на шею.

МАТЬ (*кричит*). Нюрка, тварь! Опять твоя Олька с ума сошла. Куда ты провалилась? Найду, расшибу тебя, отраву. (*Тихо*). Ну надо же, все стекла пересадила. (*Мать, Марина и Сосед ведут Ольгу через двор домой. Ольга в прострации. Мать обращается к Марине*). Зимой костер из нюркиной шубы в сарае разожгла. Чудом всех не спалила. А прошлым летом ближе к ночи срубила у Тихоныча яблоню и на улицу ее бросила посреди дороги.

МАРИНА. Тоже голышом?

МАТЬ. Она все свои выкрутасы только голышом вытворяет. Ольк! Ты что, не могла его яблоню, одевшись срубить?

СОСЕД. Ольк! Ты что, не могла ее стекла, одевшись, перебить?

МАТЬ. Иди отсюда, ухо-горло-нос! (*Сосед замечает у себя на шее фонендоскоп и срывает его, прячет в карман*). Подзуживаешь! Не зря тебя все иудой зовут! (*Заводят Ольгу в дом*). Пшел вон, иуда. Тебя молодуха заждалась!

СОСЕД. Тьфу, на тебя!

Сосед уходит.

МАТЬ (*Марине*). Эх, стекла теперь сколько вывозить. (*Идут к дому матери*). Никому от нее житья нет.

МАРИНА. Так изолировать надо!..

МАТЬ. А что она в этой жизни видела? Ее отец, покойник, Ольку с сестрами и Нюркой из дома выгонял и одежду рубил. Замуж за Ваську вышла — новый урод: Ольку издубасит, магазин ограбит — и в тюрьму. Дети ее вечно голодные, с открытым ртом. Вот, к ней и стала два раза в год кукушка прилетать.

(Подходят к опустевшим оконным рамам). Во! Сколько хлопот ненужных. (*Зло*). Где Нюрка! (*Кричит*). Чтоб завтра стекла вставила, тварь. Сучье отродье! (*Марине*). Где ж она денег столько возьмет, старая?

Собирает разбросанные по земле документы почтальона.

МАТЬ. Марина. Выпускай человека. Неудобно как, извиниться надо...

Марина выпускает почтальона из сортира. Мать читает письмо из жилотдела.

МАТЬ. Мариночка. Ты смотри!!! Это что ж, комнату ему отдают? А меня кто спросил? Как это. Без комиссии, без суда!

Марина отдает почтальону документы, тот выхватывает у матери письмо.

ПОЧТАЛЬОН. Чужие письма читать нельзя. Вы что, десять классов не кончали? Вы соседка?

Выходит Сосед.

СОСЕД (*Почтальону*). Где мое письмо?

Почтальон с опаской приближается к матери, выхватывает у нее письмо, отдает его Соседу, роется в папке, сует еще один конверт, размокший, матери.

ПОЧТАЛЬОН. Вам копия, а вам (*обращается к Соседу*) — подлинник. Сосед уходит. Почтальон боком-боком пробирается к выходу со двора. Вытрясая воду из уха, скачет на одной ножке.

ПОЧТАЛЬОН. Я все Васе-экспедитору расскажу (*убегает*).

МАТЬ (*кричит в сторону квартиры Соседа*). Не на ту напал! Комнату ему мою захотелось! Выкуси! Маринка! Пошли стекла выметать и рамы обмерять.

Картина 10.

Сосед с письмом в руках ходит из угла в угол. Поля сидит на стуле и тяжело дышит.

СОСЕД. Ты чокнутая, сумасшедшая, да? Ты соображаешь, что натворила? Перед соседями опозорила, почтальоншу выгнала. Кто ты здесь такая? Кто?

ПОЛИНА. Я хотела тебе приятное сделать. Ты все один, да один. Огрубел, завшивел. А тут появилась я, женская рука. Приятно?

СОСЕД. Завшивел? Посмотри, какая чистота кругом... Была... А... Все равно не видела.

ПОЛИНА. Думала, ты мне сегодня предложение сделаешь... Старалась тебе понравиться. Что б все, как в семье. Что б ты гордился своей казачкой.

СОСЕД (*наводит порядок в комнате*). С чего ты взяла, подружка, что я собираюсь на тебе жениться?

ПОЛИНА. Ты сам позвонил, в гости пригласил. И первый раз и второй. Наверное, не одно мое объявление читал. Разговариваешь со мной ласково. Думаю, пыжится мужик, сейчас родит. В смысле, объяснит-ся и прощай моя вольница!

СОСЕД. До того, как ты в сортир пошла, я и впрямь крепко задумался. Всем ты меня устраиваешь. Квартира у тебя есть. Прописана с дочерью. Дочь без детей. В случае чего — есть куда возвращаться. Перепропишись ты ко мне, мы бы имели право на дополнительную площадь. Как разнополые инвалиды! Но судьба отвела. Эта пацанка, что приходила...

ПОЛИНА. На короткую юбку позарился. Опомнись. Она тебя съест.

СОСЕД. Пацанка принесла письмо из жилкомитета! (*Читает*). При прочих равных условиях... по распределению жилого фонда... как фельдшеру, штурмовавшему Ляйпциг... отдать конуру за стеной. Так что вопрос женитьбы отпал сам собой. Чаю на дорожку попьешь?

ПОЛИНА. Я так на тебя рассчитывала. Ты первый по объявлению позвонил. И последний. Больше никого. Представляешь? Будто все мои кавалеры поумирали... А ведь и правда — поумирали. Да. Твой звонок — чудо в пустыне. Помнишь, когда мы первый раз встретились, вчера, я так обрадовалась, что ты не посмотрел, что я слепая. Во второй раз позвал. Как до тебя добиралась — обхохочешься. На общем транспорте не могу, голова кружится. Только на такси. А такси как остановить? Лишний шаг на дорогу сделаешь — собьют. Далеко станешь — пролетят не заметят. Смех и грех. Мне прохожие ловили, сердобольные. Два раза туда-обратно съездила — полпенсии как корова языком. Снова к дочери на поклон. Живу, как в обмороке. Как будто и не живу. Пошла.

СОСЕД. Поль, но ты сама все напридумывала, я никаких авансов не делал. Ты же сама.

ПОЛИНА. Сама.

СОСЕД. Я провожу?

ПОЛИНА. Сама.

СОСЕД. Может, еще приедешь, как-нибудь?

ПОЛИНА. Сама? Стенка-стенка, я горох! Нет у меня больше на это ни денег, ни задора.

СОСЕД. Как знаешь...

Полина уходит.

Картина 11.

Двор. Молодой красивый говночист (зачем старый) откидывает крышку выгребной ямы сортира и вставляет шланг ассенизаторской машины. Машина заработала. Появляется шофер. Он так же молод, как и его друг. На звук работающей машины подтягиваются: Нюра с двумя внучками, Антон, Марина.

НЮРА. Помнишь, Тошка, дядя Коля был — золотые руки! Какашки не оставит. А собирались по 20-ть копеек с задницы. А теперь — по червонцу. А свадьба, между прочим — ваша. По-людски, вам бы платить надо, Тоша.

АНТОН. Если мы в сортир вложимся — на окорочка денег не останется, разве что на гузки. Ты ж их не будешь есть?

НЮРА. Не буду, нет!

АНТОН. Значит, каждый платит за себя.

НЮРА (*обращается к Антону и Марине*). Нет, не по-людски. Вот вам от всей нашей семьи на свадебный подарок (*Отдает деньги одному из ассенизаторов*). Они под вас приехали. А вам теперь и платить меньше.

АНТОН. Они бы все равно приехали.

НЮРА. Через полгода. *(Обращается к ассенизатору)*. Что ты середину полощешь, по краям выбирай. *(Внучка хнычет)*. Иди, иди сюда, Настенька.

ВТОРОЙ АССЕНИЗАТОР. Уйди, бабка, не мешай.

НЮРА. Дай сюда тяпку. *(Забирает тяпку)*. Не плачь Настенька, не плачь. Посмотри туда, гляди, как бабушка их гоняет.

Настенька перестает хныкать, увлеченно смотрит вниз.

НЮРА. Я тридцать лет сортир на вокзале мыла. За что я вам деньги плачу. *Появляется Сосед, отдает свою десятку, заглядывает в яму.*

СОСЕД. Чисто сработано, молодцы.

ПЕРВЫЙ АССЕНИЗАТОР. На свадьбу стараемся. Пригласили бы.

СОСЕД. Да приходите, жалко, что ль.

ВТОРОЙ АССЕНИЗАТОР. Ну, невеста, принимай работу.

Марина подходит к сортиру, берет у девочки мячик, бросает в яму. Мячик отскакивает, она его ловит.

МАРИНА. Полный отскок. *(Передает Нюре)*. Чище, чем у дяди Коли.

НЮРА. Ну, уж нет, у дяди Коли чище *(передает внучке)*.

Внучка нюхает, кидает о стенку, ловит, опять нюхает. Опять кидает, опять ловит и опять нюхает и т.д.

ПЕРВЫЙ АССЕНИЗАТОР. Если понравилось, мы всегда будем готовы обслужить почти, как дядя Коля.

НЮРА. Ищи теперь вас свищи.

ПЕРВЫЙ АССЕНИЗАТОР *(вручает Нюре и Марине визитки)*. Не потеряйте визиточку нашего унитарного предприятия.

ВТОРОЙ АССЕНИЗАТОР. До свиданья.

Ассенизаторы уезжают. Сосед заходит в сортир. Во двор входит Евдокия с базарной тележкой.

НЮРА. Вот и мафия моя пришла.

ЕВДОКИЯ. Фу, навоняли.

Марина скребет тесаком стол. Антон сколачивает лавку.

НЮРА. Сударушкины к свадьбе готовятся. Я на подарок им от всей семьи отдала. Ты мне червонец должна, дочка.

ЕВДОКИЯ. Нет у меня денег, мам. Хочешь, выбирай из товара.

Нюра копается в сумках. Достает четыре рулона туалетной бумаги. Нюра с семейством уходят. Сосед выходит из сортира, идет к себе в дом.

АНТОН. Что невеста, к свадьбе готова?

МАРИНА. Да. Помои три раз выносила, вставила 4 стекла, поругалась с Ольгой, при всех. Воду носила. Трусы твои вешала. Половики со свекровью протрясла. Готова.

АНТОН. Я привожу Сашку с Марьей Борисовной. С ними поласковой.

МАРИНА. А это кто?

АНТОН. Это жилкомиссия из администрации, которая будет комнату на нас переписывать. За матью проследи, а то она без Гагарина. Еще удумает Марию Борисовну к плите поставить. Свадьба должна быть шумной...

МАРИНА. Я могу на пиле сыграть. Умею и на ложках, чуть-чуть.

АНТОН. Надо придумать, почему твоих родителей не будет.

МАРИНА. А... У матери не раскрылся парашют. И когда отец увидел, что она летит колом, он тут же застрелился. Мать кричала ему «Не стреляй». А когда подбежала и увидела, что отец мертв, там же на полигоне стеклами от очков перерезала себе вены.

АНТОН. Нет.

МАРИНА. Тогда я скажу, что они ненавидят тебя и твою мать.

АНТОН. В это все поверят.

Нюра появляется с двумя мешками. Идет к Сударушкиным.

НЮРА. Мать говорила что?

АНТОН. А что?

НЮРА. Ну, что б не съели.

АНТОН. Не говорила.

Нюра разворачивается и уходит.

АНТОН. Куда, куда?

НЮРА. Мать с базара вернется, тогда и принесу.

МАРИНА. А что там внутри? Это секрет.

НЮРА. Никакого секрета. Рожки это.

МАРИНА. О! Еще один свадебный подарок?

НЮРА. Два раза подарки не делают.

МАРИНА. Не делают.

НЮРА. Просто, теперь они должны у вас лежать. Так надо. У нас уговор с Шуркой был, тайный. Передам из руки в руки.

Нюра уходит.

МАРИНА. Мне сегодня был сон. 11 век, 1066 год. Вильгельм Завоеватель покоряет Англию. Я — его любовница, жду ребенка, принца. А тогда было поверие, чтобы родить здорового наследника — надо больше двигаться. И тогда Виля дает мне ведро, тряпку. И я мою в замке полы. Начала с верхнего этажа. И тру, тру, спускаюсь все ниже. И вот я уже в темнице. Разгибаюсь — ба, да это ж Тауэр.

АНТОН. А дальше...

МАРИНА. Начались схватки. Завоеватель как заорет — тужься, тужься. Родила с испугу здорового наследника. А Вильгельм устроил сцену ревности, сказал, что ребеныш — вылитый Ричард Львиное Сердце.

АНТОН. И тебя заточили в чистый Таур...

МАРИНА. Да. Я сначала умерла там, а потом стала привидением.

АНТОН. Начиталась в своей библиотеке исторических драм, понятно!

МАРИНА. Я сначала тоже так подумала, а потом подумала — нет, Маринка.

Это судьба твоя такая — приведением жить, скитаться, счастья искать.

Сосед выходит из дома с самоваром, заходит в отписанную ему конуру. Возвращается с рынка мать с сумками.

МАТЬ (опускаясь на скамью). Я сегодня всю ночь не спала.

Сосед выходит без самовара, закрывает дверь на висячий замок. Уходит к себе.

МАТЬ. Может, зря мы все это затеяли. Утром под крыльцом костыль нашла.

Это ж Нинка к расстройству подложил. Не получится у нас ничего.

Ведь уже отдали площадь ему.

АНТОН. Как отдали, так и вернут. Я предварительно разговаривал.

МАТЬ. Женишься — жить надо будет. А зачем оно тебе нужно. Разводиться — опять деньги.

МАРИНА. Сейчас разводят бесплатно.

МАТЬ. Ну, конечно, ты уже разводилась, ты в этом деле опытная. Ведь отбираем. Стыдно.

АНТОН. По закону, нас будет больше.

МАТЬ. А по совести, я так не приучена.

Появляется Нюра с теми же двумя мешками.

НЮРА. Долго ходила, я уж молодым подарок сделала. А это (показывает на мешки) как договаривались.

МАТЬ. Некогда мне сейчас с ними.

НЮРА. Ты передумала? Может и свадьбы не будет?

МАТЬ. Пошла я у твоих уговоров на поводу, дура. Мне что ль жить негде! Настрогала уродов, а я мед с мятой пью, сон ушел.

НЮРА. Я от своих слов не отказываюсь. Сколько рожек хочешь, столько отсыпай. Вот же они. (Пытается развязать мешок). Куда отсыпать, давай кружку.

МАТЬ. Гляньте на нее. Вот отрава.

НЮРА. Никакая не отрава. Евдокия вчера ела.

МАТЬ. Сгинь, макарониха.

Обиженная Нюра уходит с мешками. Антон и Марина в замешательстве.

МАТЬ. Все. Никакой свадьбы!

АНТОН. Мы для тебя стараемся.

МАТЬ. Совесь, у тебя, сын, лошадиная. Мать за всю жизнь копейки ржавой не унесла. (Марине). А тебе бы только мужика заполнить.

И слушать ничего не хочу. Я совесть на макароны не меняю.

Антон швыряет молоток, Марина убегает. Мать хватается за молоток и сшибает замок с конуры.

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Картина 1.

Свадьба. Во дворе накрыт стол. За столом сидят Антон, Марина, Нюра, Евдокия, муж Евдокии Григорий, Ольга, гости с соседнего двора — 50-летний Владимир Ефимович с женой Дорой Даниловной. Мать показывает гостям паспорт Антона с печатью.

МАТЬ. Смотрите, сына родного отдала. Глаза верить отказываются. Печать толькочтошняя. Чернила еще не просохли.

Нюра пытается потрогать паспорт.

МАТЬ. Не лезь, смажешь. Нюхай.

НЮРА (*нюхает печать*). Свеженькая.

Мать обносит всех, сразу сует под нос нюхать. Все нюхают, кивают, мол, свежая. Ольга нюхает, а потом целует матери ручку.

ЕВДОКИЯ. Молодые обвенчались уже?

МАТЬ. Сейчас только коммунисты венчаются. А мы беспартийные.

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ. Александра Ивановна. Почему не начинаем? Ждем родителей невесты?

МАТЬ. Не будет их.

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ. Мариночка, почему?

МАРИНА. Просто... мама прыгнула с парашюта, а теперь ненавидит Антона.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Она... десантура?

МАРИНА. Нет, сельхозавиация.

МАТЬ. Да, мой Тошка золото, каких поискать. Ненавидит! На него молится надо!

АНТОН. Мам, прекрати. Гости, подождите минутку. Еще люди придут. Сашка с Марьей Борисовной.

ГРИГОРИЙ. Шур, хоть мотаню бы какую завели. Сидим как на похоронах. (*Наливает*). Я семерых не жду. За здоровье молодых. (*Выпивает*).

ЕВДОКИЯ. Куда льешь! Эх... Шур, извини, я тоже выпью. Он сейчас захмелеет, я буду с ним на разных языках говорить, а с этим экземпляром лучше не экспериментировать. (*Выпивает*). Нажрешься — отравлю.

ГРИГОРИЙ. Горько!

МАТЬ. Подожди ты, со своим «Горько!». Все тебе сразу. Дай поесть молодым. С утра не жрамши в загс уехали. Тошка ешь, Маринка ешь.

Появляется Сосед с узлом. На секунду все, включая Соседа, замерли. За столом начинают пить. Сосед тащит узел в свое новое помещение.

НЮРА (поет).

Подцепила виртуоза на свое страдание.

Приучил меня любить в одно прикосновение.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Ой, Нюр, хорошо, что вы запели. Мы надеялись, что кто-то запоет. (Достаёт блокнот, карандаш, с которыми и в дальнейшем неразлучна). Мы ваши новые соседи из соседнего двора. Я с Шурой когда-то работала. У нас с Владимиром Ефимовичем скоро серебряная свадьба, а мы не одной частушки не знаем. Я даже несколько сборников купила, фольклорных, а там, мало того, что одно и то же, так частушки все похабные. Сейчас же свобода. А к нам гости интеллигентные придут. Вы пойте, а я записывать буду. Не пойму — переспрошу.

Во двор заходят начальник жилкомиссии Мария Борисовна и член жилкомиссии Сашка — одноклассница Антона.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Ну, где жених, где невеста, покажись.

АНТОН. Наконец-то.

ВСЕ. Наконец-то, начинаем, заждались...

АНТОН (встает, помогает сесть). Садитесь, Мария Борисовна, Сашка, привет, садись, знать бы раньше, что ты в жилкомиссии...

МАРИЯ БОРИСОВНА. Вот тебе какого жениха, Сашка. Услужливый, добрый. Она у меня вся в бумагах, каждый день приемы. (Саше). Пора тебе семью заводить. (Антону). Садись с ней, куда пошел. (Матери). Сосватать ее хочу.

САШКА. Мария Борисовна. Угмонитесь. Я замуж не собираюсь.

НЮРА. Выпей лучше, да тост за молодых скажи.

Антон хочет налить.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Мне водички. Мне крепкого нельзя, у меня букет. (Поднимает фужер с лимонадом). Позвольте мне от имени районной администрации и лично от Тодора Борисовича (сидящему рядом). Он мне сейчас говорит, куда так рано пошла, а я — да, по делу, по делу, он говорит — иди, иди, — (всем) поздравить вас с торжественным бракосочетанием. От себя хочу добавить, руководствуйтесь статьей 121 «Семейного кодекса», живите в согласии, по-честному. Если жить по-честному, по закону — и достаток будет, и здоровье будет. Выпьем за закон!

ГРИШКА. Если по закону жить, я бы уж раз двадцать отсидел. А так только четыре.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Это кто, жених?

ВСЕ. Мария Борисовна — вот же жених!
Сосед выходит из конуры, идет в дом.

НЮРА *(поет)*.

Раз сосенка, два сосенка — буду мигом у миленка.
Раз дощечка, два дощечка — заберусь я на крылечко.
Раз словечко, два словечко — затоплю-ка банечку.
Раз иголка, два иголка — народится Ванечка.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Не поняла. Нюр, что, ваша героиня в баню беременная пошла? Укололась нечаянно, и у нее стали воды отходить?

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ. Дора, иголка — это образ, от которого героиня зачала в бане.

ЕВДОКИЯ *(Григорию)*. Не пей, отравлю!

Григорий выпивает, выпивает и Евдокия.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Ладно. Мы с Владимиром Ефимовичем все ждем, когда подарки начнут дарить, что-то никто не дарит *(встает)*.

НЮРА. Мы свой подарок молодым уже сделали. Антон и Маринка — свидетели.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Мы с Владимиром Ефимовичем люди не богатые. Но человек богат, если он богат душой. Сначала главе ячейки. Антон, тебе, как артисту вокального жанра, просто необходимо. Самый последний сборник... *(Достаёт из пакета)*.

АНТОН. Это 10 баллад и 12 романсов Хренникова? Пятое издание по трехтомнику 1979 года? Комментарий профессора Агафонникова? Да?

ДОРА ДАНИЛОВНА. Сейчас посмотрю... Да.

АНТОН. Спасибо большое.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Что б в семье был уют и здоровье, важно не только соблюдать законы, но и что бы всегда в запасе стояла баночка малинового варенья.

МАТЬ. Дора Даниловна, вы пятиминуткой закатывали?

ДОРА ДАНИЛОВНА. Нет. Проваривала...

МАТЬ. ...С медом, потом, когда остыла до комнатной, слить сироп, не взбивать, потомить с полчаса, по банкам и в погреб?

ДОРА ДАНИЛОВНА. Точно.

МАТЬ *(берет у нее банку)*. Спасибо. *(В сторону, Сашке)*. Я так раз в жизни сварила. Вылитая ихтиолка.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Мариночка. Простите, не знаю, кто вы про профессии, но выходите за человека искусства. Он придет вечером, с плохим настроением, а вы его — его же молитвами. Новый сборник фольклора...

МАРИНА. Издательство «Славич», Воронеж, при поддержке института Сороса. Составитель Дронов, под редакцией Завальнюка. 202 страницы

с иллюстрациями. Тираж 5 тысяч, печать офсетная?

ДОРА ДАНИЛОВНА (*зло*). Вы, что здесь все, экстрасенсы собрались? Может, скажите еще, сколько мы денег в конверт положили? (*Показывает конверт*).

ГРИГОРИЙ. То же мне, ребус! Покажи в анфас. А теперь в профиль... Полторы сотни. Можно подумать...

ДОРА ДАНИЛОВНА (*садится, пораженная*). Я же предупреждала, мы люди не богатые...

ГРИГОРИЙ. Шур, мои твоим подарок сделали, но я так не могу. Хочешь, стащу что-нибудь. Что хочешь?

МАТЬ. Брось, Гришк, опять сядешь.

ГРИГОРИЙ. Тоже мне, напугала. Зато вещь у тебя останется!

ЕВДОКИЯ. Я тебе стащу, поперек тележкой. Теть Шур, не слушай.

САШКА (*встает*). Марина, вам будет интересно. У нас в классе я была за фотографа. Собрала школьные негативы и отпечатала. В этом альбоме фотографии, которых нет даже у него. И конвертик, поздравляю, Антон.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Молодые, где гнездо вить будете, жилплощадь есть еще какая? Не со свекровью ж цапаться.

НЮРА. Здесь они жить будут. Им теперь еще и спорная комната положена.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Ну, во-первых, она уже не спорная. А во-вторых, я вчера специально документы изучала. Ничего сделать нельзя. У вас веранда в жилую площадь записана, так что по метражу, женись-не женись, еще и лишняя остается.

МАТЬ. Какая это лишняя? Комната проходная, а веранда холодная, сырая!

МАРИЯ БОРИСОВНА. Как это холодная — ее печка одной стеной греет.

МАТЬ. Печка вообще в зале.

МАРИЯ БОРИСОВНА. По плану БТИ печка веранду греет.

МАТЬ. А я говорю — в зале! Иди смотри!

МАРИЯ БОРИСОВНА. Может она и в зале, но... поезд ушел. Рожайте двойню и подавайте на малосемейку. Вот тебе и весь тост.

ГРИГОРИЙ. Дусь! Грех за детей не выпить! (*Пьет*).

ВСЕ. За детишек, за маленьких Сударушкиных.

Пьют все, кроме Матери и Марии Борисовны.

МАТЬ. Тьфу, пойду...

АНТОН. Ты куда?

МАТЬ (*зло*). Капусту принесу.

Уходит в дом.

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ (*уже пьяненький*). Нюра, а есть у вас частушки такие...

НЮРА. Какие?

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ. Что б мало не показалось. На личных переживаниях. Что б ни хухры-мухры в две строчки, а баллада.

НЮРА (*поет*).

Приезжал ко мне дружок: взял взаймы, хлебнул чуток.

Положила его в койку — захрапел, не сняв порток.

Тормошила молодца, вспомнив мать, да и отца.

Растрясла его немножко, мне и выпало в ладошку

Все богатство молодца — проездные в два конца.

ДОРА ДАНИЛОВНА (*пьяная*). Что ж они у вас все такие грустные? Безвыходные какие-то. А поддайте что-нибудь, что бы я на нашем серебряном юбилее могла гостям исполнить, что б как будто про нас с Владимиром Ефимовичем. Только со счастливым концом.

НЮРА (*поет*).

Выбил мне ботинком зубы и закуску требует.

Я возьму да сдам посуду — зубы снова сделают.

Вот те, пожалуйста, и со счастливым концом!

ДОРА ДАНИЛОВНА. Нет, это какие-то намеки сплошные...

Входят два красивых говночиста в дорогих костюмах.

ПЕРВЫЙ АССЕНИЗАТОР. Дорогу запомнили, а как молодых зовут, не знаем.

НЮРА. Тошка и Маринушка.

ВТОРОЙ АССЕНИЗАТОР. Поздравляем вас, Тошка и Маринушка. С толком жить и долго быть.

АНТОН и МАРИНА. Спасибо.

Первый и Второй ассенизаторы подносят молодым нечто, завернутое в целлофан.

ВСЕ. Что там, покажите.

ПЕРВЫЙ АССЕНИЗАТОР. Утка.

ВТОРОЙ АССЕНИЗАТОР. Керамическая. Для жидкостей. Под соки, морсы...

АНТОН. Садитесь, угощайтесь, спасибо.

ЕВДОКИЯ (*Доре Даниловне громко на ухо*). Это кто? Я всех Антоновых друзей видела.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Не знаю.

ЕВДОКИЯ (*Григорию*). Твои, что ль дружки? На киллеров похожи. Особенно тот, который посимпатичнее.

ВТОРОЙ АССЕНИЗАТОР (*Первому*). Слышал, тебя киллером обозвали! (*Евдокии*). Бросьте, девушка. Я знаю его в деле. Мухи не обидит.

Первый ассенизатор садится рядом с Марией Борисовной, второй с Сашкой. Начинают активно ухаживать за гостями.

ПЕРВЫЙ АССЕНИЗАТОР (*Марии Борисовне*). Вам вина, шампанского, водочки?

МАРИЯ БОРИСОВНА (*млея*). На дне бокала.

Все пьют.

ВТОРОЙ АССЕНИЗАТОР. Что-то свадьба у вас невеселая.

Появляется мать с капустой.

ПЕРВЫЙ АССЕНИЗАТОР. Горько!

Мать целует в щеку Антона и Марину и ставит на стол капусту.

МАТЬ (*Антону*). Прежде, чем людей собирать, надо было все просчитать раз двадцать, с умным с кем посоветоваться.

ВТОРОЙ АССЕНИЗАТОР (*целует матери ручку*). Проходите за стол, расслабьтесь, у ребят же праздник.

МАРИЯ БОРИСОВНА. И правда, садитесь на ту сторону, здесь занято.

МАТЬ. Я подкладываю хожу, мне сидеть некогда.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Горько!

Первый ассенизатор целует Марию Борисовну взасос долгим поцелуем. Все «Ах!». Немая сцена. Мария Борисовна наливает водки. Все к ней молча лезут чокаться. В тишине выпивает.

МАРИЯ БОРИСОВНА (*голова кружится, встает из-за стола*). Где комната-то ваша, знаменитая? Из-за чего сыр бор-то? Все видели, а мне недосуг.

НЮРА. Да вон она, куда иуда все шныряет. Получил ни за что.

МАРИЯ БОРИСОВНА (*Идет к комнате*). Как не за что? Он во время войны фельдшером был, людей спасал, с медсанбатом до Ляпцига дошел. Мы своих отцов в обиду не дадим! Их у нас осталось — по пальцам пересчитать.

ПЕРВЫЙ АССЕНИЗАТОР. Вот это женщина, я понимаю.

ВТОРОЙ АССЕНИЗАТОР. У нас в институте одну такую эректором величали.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Ректором не была, а проректором случалось.

Мария Борисовна доходит до комнаты в сопровождении Первого ассенизатора. Останавливается, возвращается к столу, наливает себе полстакана самогона, выпивает и решительно идет к комнате. Первый ассенизатор за ней. Закрывают за собой дверь. Второго ассенизатор увлечен Сашкой. И это взаимно. Сидят шушукаются.

НЮРА (*поет*).

У меня на этаже сорок фоток в неглиже.

Приходи ко мне, Серега, поиграешься уже.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Нюр, опять не поняла. Про порнографические открытки ясно. А почему ваша героиня говорит герою — поиграешься, а не поиграемся? Он что — один в ее квартире? И как это он один с открытками поиграется?

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ. Дора, я и то понял. Героиня оставила ему ключи, сама на работе. Я тебе потом объясню.

ГРИГОРИЙ. Да, не сердись на нее! Она ж у тебя не сидела! Она и потом не поймет. Видишь ли, соседка, у матери частушки не простые, они с двойным дном, как чемоданы. Поняла?

ДОРА ДАНИЛОВНА. Частушки, как чемоданы? Нет, не поняла.

ГРИГОРИЙ. Эх! Не зря тебя муж душой называет.

ЕВДОКИЯ. Тварь! Не душой, а Дорой! *(Дает ему подзатыльник)*.

ГРИГОРИЙ. Ты на кого руку подняла? На мужика!

Бьет жену в лицо. Та его в ответ. Драка. Крики, разнимают. Рассаживаются по местам.

ЕВДОКИЯ. Вот, алкаш, видишь, яд крысиный!!! *(Достает из кармана пакет, насыпает в рюмку)*. А вот твой любимый самогончик! *(Наливает)*. Это, гад, твоя последняя рюмка. Назовем ее «торпеда». *(Ставит перед ним рюмку)*. Сразу пить будешь или подумаешь?

Выходит Сосед со старым карнизом. Дергает дверь конуры — закрыто. Дергает сильней, дверь распахивается, на Соседа падает самовар, который изнутри держал дверь. Сосед остолбенел. Из темноты выходит Первый ассенизатор, довольный, выносит на руках счастливую, хохочущую Марию Борисовну.

МАРИЯ БОРИСОВНА *(смотрит на Соседа пьяными глазами)*. Я фельдшера не вызвала.

*Первый ассенизатор подносит ее к столу. Мария Борисовна подхватывает со стола рюмку Григория с крысиным ядом и залпом выпивает. Все «Ах!». Немая сцена. Мария Борисовна *(все еще на руках)* занюхивает своей подмышкой.*

МАРИЯ БОРИСОВНА. Не... Не первач!

Первый ассенизатор ставит ее на ноги. Гости бросаются обнимать Марию Борисовну. Первый ассенизатор вновь подхватывает ее на руки, убегает от гостей. Второй ассенизатор так же берет на руки Сашку и так же бежит. Мария Борисовна хохочет. Все, кроме матери и молодых, прыгают вокруг них. Смеются.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Ну, Антон, я на такой веселой свадьбе в жизни не гуляла! Вот это друзья у тебя!!! *(Первый ассенизатор целует ее)*.

Сударушкины, приходите завтра в комитет, к часу, за документами.

МАТЬ. А как же решение, принятое жилкомиссией?

МАРИЯ БОРИСОВНА. А я его аннулирую.

НЮРА *(поет)*.

На сосне сидит петух, на петухе курочка.

Расшивает себе дырки. Вот такая дурочка.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Бред какой-то...

Ассенизаторы уносят на руках Марию Борисовну и Сашку. Все мажут им вслед.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Иванов, как Иванов. И Петров, как Петров. Сидоров как Сидоров, только любит... Иванову.

Убегают.

МАТЬ. Тошка, а кто эти ребята-то были?

АНТОН. Говночисты.

Картина 2.

Двор. Рассвет. Трещат сверчки, кузнечики и цикады. Сосед в спортивной шапке, надвинутой на глаза, в фартуке пробирается к сортиру. Оглядывается, достает из кармана фартука велосипедные и вязальные спицы, втыкает их в сортирные двери, потом рассыпает пшено вокруг сортира, затем рассыпает пшено у крыльца Сударушкиных. Появляется заспанная Евдокия. Собралась в сортир.

ЕВДОКИЯ. Дядь Нин, все Шурку присушаешь?

СОСЕД. Тише, тише. *(Подходит к Евдокии).*

ЕВДОКИЯ. Чем крыс кормить, лучше б мне пшена отсыпал, я б каши наварила, сам пришел поел, как человек. *(С иронией).* На что сегодня колдуем? На изжогу, или на запор?

СОСЕД. На изжогу я не колдую. Для этого нужно ночью на кладбище пойти, и когда на заре первая ворона каркнет, вокруг кипариса узел затянуть. А на нашем кладбище одни березы, да волчья ягода.

ЕВДОКИЯ. Это так мудрёно, дядя Нин?

СОСЕД. А ты думала. Вот и приходится почти одним пшеном работать.

ЕВДОКИЯ. Извини, что отвлекаю, иди работай.

СОСЕД. Я уже закончил. Пойду досплю.

Сосед уходит. Евдокия подходит к сортиру. Больно укололась о спицу. Взвизгивает. Дует на руку, заходит внутрь. Выходит, закрывая дверь, опять больно укололась. Взвизгивает. Опять дует на руку, выбрасывает спицу, идет в дом.

Выходит заспанный Антон. Заходит в сортир. Выходит. Замечает спицу. Вытаскивает, рассматривает, втыкает обратно и идет к дому. Замечает рассыпанное пшено, перешагивает, идет в дом.

Выходит заспанный Григорий, идет в сортир. Делает свои дела. Выходит, замечает одну из воткнутых спиц. Вытаскивает, уходит, забирая с собой.

Выходит заспанная Мать. Видит пшено, рассыпанное у порога. Задумывается о противоядии, уходит в дом, выходит с ведром воды и полотенцем, завязанным в узел. Опускает полотенце в ведро, крестит, шепчет, достает, развязывает, стелет. Проходит рассыпанное пшено по полотенцу. Подходит к сортиру. Замечает спицы. Обходит сортир вокруг.

МАТЬ. Спицы-то кустом воткнул, с налета не расколдуешь. Не пойду. Чем у меня ноги отсохнут, лучше я на газетку схожу.

Плюет в сторону крыльца Соседа. Берет с крыльца газету, идет за дом. Через некоторое время выходит из-за дома с газетным свертком, кладет сверток в одноразовый пакет, а затем в пакет с ручками.

МАТЬ (в свое окно). Тошка, пойду на помойку схожу, в соседний двор. Снесу кой-чѐ. Я скоро. Да, просыпайся ты!

Во двор выходит Евдокия с сумками — собирается на рынок торговать.

ЕВДОКИЯ. Тетя Шур, куда спозаранку? К снохе? С гостинцами, смотрю.

МАТЬ. С гостинцами... Деньги несу, в банк прятать, на сберкнижку.

ЕВДОКИЯ. Не смейся, деньги. Ты больше четвертного в руках-то не держала.

Мать уходит со двора. Евдокия напевает песенку, укладывает сумки на тележку, объединяя эспандерами поклажу в единую субстанцию. Выкатывает все это со двора. Через минуту слышны ее крики: «Милиция! Помогите! На помощь! Убили!».

Через некоторое время Евдокия одной рукой тянет тележку, другой вводит во двор, избитую, в синяках мать с безжизненно висящей рукой. Евдокия стонет.

МАТЬ. Замолчи ради бога, и без тебя тошно.

ЕВДОКИЯ. Тошка! Где ты, мать убили!

Из дома выбегает заспанный Антон. Помогает Евдокии вести мать. Вдалеке слышен звук милицейской сирены.

МАТЬ. Ой, рука, рука...

АНТОН. Дусь, сбегай, позвони в «Скорую помощь».

МАТЬ. Не надо, ой, рука...

Антон заводит мать в дом. Евдокия убегает, возвращается, заносит свои сумки в дом и опять убегает. У ворот встречает Дору Даниловну.

ЕВДОКИЯ. Дора Даниловна, идите быстрее, Шуру убили.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Насмерть?

ЕВДОКИЯ. Типун вам на язык, Дора Даниловна. Слышала, вы телефон провели. Я к вам, «Скорую» вызвать. Только домой забегу, матери расскажу.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Конечно...

Евдокия убегает, Дора Даниловна боязливо идет к двери Сударушкиных.

Картина 3.

Квартира матери. Марина замазывает матери раны, перебинтовывает руку.

МАТЬ (*сидит, держит руку*). Так неожиданно набросились, сзади, из-за кустов. Один пытался повалить, а другой пакет из рук рвет. Я вывернулась — смотрю не наши.

АНТОН. А кто? Чужих у нас не бывает.

МАТЬ. Чужие. Бомжи. Второй схватил меня за плечо, я хотела укусить за руку, как обычно, а он грязнущий. Тьфу, думаю, еще СПИД подцепишь.

АНТОН. А первый что?

МАТЬ. А первый за пакетом охотился, за вещами моими. Они ж грабители.

АНТОН. Понятно, грабители.

МАТЬ. А может насильники, все тебе понятно. Ты жизни не знаешь... Я его пакетом-то по голове раз саданула, два. Без толку, он же мягкий.

АНТОН. Кто мягкий,

МАТЬ. Пакет.

АНТОН. Что у тебя там было?

МАТЬ. Что уж теперь, ничего особенного. Было и было. Хлеб, можно сказать.

АНТОН. Ты из магазина шла?

МАТЬ. Ну.

АНТОН. Так у нас полно хлеба, разного...

МАТЬ. Ты меня слушать будешь? Второй так ударил, что у меня искры из глаз, первый пакет рванул и наутек. Как назло, никого кругом, никого, сын!

Дверь приоткрывается, заглядывает Дора Даниловна.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Шура! Что с вами? Мне Евдокия Олеговна сказала, что убили.

МАТЬ. Представляете, Дора Даниловна. Вышла за хлебом и у нашего двора, буквально за забором, двое напали. Что за времена. Ой-ой... рука.

ДОРА ДАНИЛОВНА. Перелом? Ушиб?

МАТЬ. Не дотронуться.

АНТОН. Дуська за «скорой» побежала.

Открывается дверь, врывается Нюра, Григорий. Марина забинтовывает руку, замазывает ссадины, заклеивает пластырем. Дора Даниловна помогает ей.

ГРИГОРИЙ. Шур, найду убью. Я сяду за тебя, найду их и сяду.

НЮРА. Молчи уж, саженец. Шур, горе-то какое...

МАТЬ. Это еще не горе.

НЮРА. Как, ни горе? Мне Дуська сказала, ты все свои сбереженья, деньги, облигации в банк несла схоронить. Шура, это тебя выследили, это иуда навел! Ты только на меня не подумай. Я всегда знала, что денюжки у тебя водятся. Но, я никому о тебе не рассказывала, ни разу не проболталась.

МАТЬ. Нюр, вы с Дуськой что, сбрендили?

НЮРА. Ты сама дочери рассказала! А теперь оговариваешь ее! Зачем тебя, ни свет, ни заря понесло?

МАТЬ. Ладно, Нюр, деньги, так деньги. Все одно ограбили, мы теперь на равных.

В дверь заходит Владимир Ефимович, заводит двух милиционеров, которые ведут двух бомжей в наручниках. У одного милиционера в руках пакет Матери. Пакет кладут на стол.

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ. Шура, это я всех нашел...

МИЛИЦИОНЕРЫ. Это они?

МАТЬ. Они! Гаденыши!

Все присутствующие активно реагируют.

МИЛИЦИОНЕРЫ. Эту женщину знаете?

БОМЖИ. Первый раз видим.

Присутствующие возмущены. Гришка подходит вплотную к бомжам.

БОМЖИ *(испугано)*. Знаем...

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ. Вот как оперативно наша милиция научилась работать...

1-й МИЛИЦИОНЕР. Да нет, мы случайно проезжали, издалека увидели. Догнали их, схватили, но вас, мамаш, и след простыл. Сейчас протокол составим. Как вас зовут? Работаете?

МАТЬ. Сударушкина Александра Ивановна, на пенсии.

Один милиционер пишет, другой разговаривает.

МИЛИЦИОНЕР. Как произошло нападение с ограблением?

МАТЬ. Как. Шла...

НЮРА. По делам она шла важным, не ваше дело...

МИЛИЦИОНЕР. Не перебивайте, гражданка.

МАТЬ. Не помню, так все быстро. У них спросите.

МИЛИЦИОНЕР. Спрашивал уже. Они говорят, что это вы на них напали, стали гнать от двора, бить, кусаться, они защищались...

Все присутствующие возмущенно реагируют.

МАТЬ. Да... Совесть нынче не в цене... И стыд не в цене.

МИЛИЦИОНЕР. Так. Понятых больше чем достаточно. Будем делать опись содержимого, ограбленных вещей, а вы внимательно проверьте, все ли на месте.

МАТЬ. Это зачем еще? Не надо открывать, не надо мне этого.

МИЛИЦИОНЕР. Положено.

БОМЖИ. Граждане начальники, вы же видели, вы нас сразу взяли, мы даже заглянуть в ее сумку не успели.

НЮРА. Им верить нельзя. Я понятая. Шура сейчас все до копейки пересчитаем. *(Милиционерам)*. Вскрываюте.

МАТЬ. Нет!

МИЛИЦИОНЕР *(Нюре)*. Гражданка опять вы лезете. *(Матери)*. Так у вас там что, деньги? Сколько? *(Напарнику)*. Слышал, это уже другая статья вырисовывается. *(Матери)*. Сколько, прежде, чем вскрыть пакет, назовите сумму.

НЮРА. Все!!!

БОМЖИ. Мы ни про какие деньги не знали.

МАТЬ. Нюрка!!! Не слушайте ее. Тварь, молчи!

НЮРА. Я же говорила — деньги!

БОМЖИ. Начальник, ты ж нас не первый раз берешь. Мы деньгами беззугем, нам бы поесть найти.

АНТОН. Мам, какие деньги? Ты же говорила, хлеб.

ЕВДОКИЯ. Какие деньги!!! Гостинцы для снохи несла. Рожки, наверное. Доставайте.

МИЛИЦИОНЕР. Так что у вас там?

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ. Давайте посмотрим, и дело с концом.

МИЛИЦИОНЕР. Пострадавшая, я хочу вас предупредить: за дачу ложных показаний вы также несете ответственность по всей строгости и со всеми вытекающими. Но, если у вас там в особо крупных... понимаете, размерах, мы этих счастливцев запрячем лет на семь. Они наше 17-е отделение уже достали.

МАТЬ. Семь лет! *(Милиционеру)*. Ты посмотри на этих доходяг. Еле душа в теле. Со старухой справиться не смогли. А мы что, не воровали? В колхозе, мерзлую картошку, когда в войну есть нечего было. Меня тут Маринка решила салатом диетическим угостить, из одуванчиков. А я этих одуванчиков да лебеды на сто лет вперед наелась. Бывало, мать ее, лебеду, в русской печке распарит, потом на сковороду постного масла капнет, сбросит туда это месиво и опять упаривает. А мы ждем, как будто она жамками угощать собралась. Вот она кричит: — девки, есть идите. Мы летим. Она вывалит со сковороды эту лепешку. Мы смотрим, рады. А разглядеть — ведь как корова насрала. *(Незаметно убирает пакет за себя)*. Вот и они слаще лебеды в жизни не знали, а ты семь лет. На мне все как на собаке заживет, но как я спать смогу. Я вот скажу, что не знаю их. Или, что сама на них напала. Пусть идут с миром. Не надо от них мне...

За окном раздается грохот разбивающегося стекла. Громко. Много.

Картина 4.

Двор. Голая Ольга бьет шваброй стекла в своей квартире. Во двор входят почтальон с Васей-экспедитором. Вася вздрагивает.

ПОЧТАЛЬОН. Это Ольга, она здесь живет.

ВАСЯ. Женщина, огоньку не найдется? (*Почтальону*). С ней разбираться-то?

ПОЧТАЛЬОН. Нет. На звук швабры кто-нибудь выйдет. Здесь все хороши.

Первой выбегает Мать. Рука на полотенце.

ПОЧТАЛЬОН. С этой.

ВАСЯ. С ней уже, похоже, разобрались.

МАТЬ. Вы что ж, обалдуи, стоите! Вяжите ее.

Следом выбегает Марина.

ПОЧТАЛЬОН. И с этой.

За Мариной Нюра.

ПОЧТАЛЬОН. И с этой.

НЮРА (*рыдает, бежит к Ольге*). Остановись, малохольная. Остановите её. Из квартиры матери выбегают Антон, Дора Даниловна, Владимир Ефимович, Евдокия, милиционеры с бомжами в наручниках. Все, кроме Григория. Выбегает и сосед с фонендоскопом на шее. Бегут в сторону Ольги и, соответственно, Васи и Почтальона.

ВАСЯ. (*пятится*). Ты куда меня, тварь, привел. Это засада.

ПОЧТАЛЬОН. Вась, я боюсь (*прячется за Васю*).

Все валят Ольгу. Крики. Ольга сопротивляется. Григорий незамеченным выходит из квартиры матери и прячется за дом. Слышна сирена «Скорой помощи». Вбегают женщины: врач и медсестра. Профессионально заламывают Ольгу, забрасывают в машину и уезжают.

ВСЕ. Куда?

НЮРА (*рыдая, Шуре*). Что ж ты их не остановила. Дочь увезли, кровинушку... Ее теперь на пенсию посадят. Она работать не сможет... Они ж за тобой приезжали, Шура-а-а... (*Рыдает*). Останови их!..

МАТЬ (*кричит*). Стойте!

ВАСЯ. Ну и дела. Здесь что, все чокнутые!!! Их бить нельзя. Хочешь, чтоб я сел?

Дает почтальону подзатыльник. Еще. И еще. И еще. Почтальон начинает рыдать. Рыдают хором с Нюрой. Евдокия уводит рыдающую Нюру в дом.

ПОЧТАЛЬОН (*сквозь слезы*). Вам письмо, заказное. (*Соседу*). И вам. Только теперь вам (*Матери*) подлинник. А вам (*Соседу*) копия. Расписывайтесь.

В суетоке скованные наручниками бомжи исчезают. Милиционеры, которые принимали живейшее участие в обезвреживании Ольги, мечутся по сцене.

МИЛИЦИОНЕРЫ. Ну, мать, ты нам и устроила. Теперь за наручники вычтут.
(Показывают на Васю). А это кто?

ВАСЯ. Я так просто. С приятелем зашел.

МИЛИЦИОНЕРЫ. Какая она тебе «приятель». Пошли в машину.

ВАСЯ. Зачем?

МИЛИЦИОНЕРЫ. Проверим, кого это ты тут бить собрался. Я слышал. Протокол у нас уже есть.

ВАСЯ. Какой протокол?

1-й МИЛИЦИОНЕР. Про ограбление.

МАТЬ. Вы это что к нему пристааете?

Милиционеры бьют Васю-экспедитора. Почтальон убегает. Вася падает. Его забрасывают в ту же подъехавшую машину.

МАТЬ. Эй! Что вы, садисты, делаете? Как у вас руки не отсохнут.

2-й МИЛИЦИОНЕР (из машины). Мы одни теперь вернуться не можем. Где твои грабители? Куда ты их спрятала?

МАТЬ. Не знаю.

МИЛИЦИОНЕР. Тогда, извини, мамаша. Выходит, этот тебя и бил.

МАТЬ. Я скажу, что он меня не бил.

МИЛИЦИОНЕР. Тебя мы уже спросили, а этот нам признается.

Уезжают. Мать садится на ступеньки Ньюриного крыльца.

МАТЬ. Ой, плохо мне.

ДОРА ДАНИЛОВНА и ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ. Шурочка, мы побежали, еще раз «скорую» вызовем.

МАТЬ (встает). Ой, болит все.

ДОРА ДАНИЛОВНА и ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ. Вот и хорошо, чтоб за ложный вызов не платить.

Антон и Марина уводят мать.

СОСЕД (берет в руки швабру). Моя, что ли?

Сосед уносит швабру к себе в дом. По дороге распечатывает письмо. Из-за дома Матери, озираясь, выглядывает Григорий с ее многострадальным пакетом. Пробирается под окнами Матери, распрямляется и, пряча пакет за пазуху, насвистывая, идет в дом.

Картина 5.

Квартира Соседа. На столе закуски, угощенья. У стола на деревянной лавке сидит Поля. Сосед суетится вокруг Поли.

ПОЛИНА. Когда ты позвонил, я лежала. После сна отдыхала. Звонок. Думаю, если Петр, не буду телефон брать. А если Серега, подниму.

Поднимаю — ты. Но, я по секрету тебе скажу, Нин, я знала, что ты объявишься. От меня еще не один мужик не уходил. Ни один! А если и уходил, то возвращался. Не в жизни, так во сне. Все приходят, все хотят утех от своей казачки.

СОСЕД. Я подумал, что ж одному век доживать. Ладно, позвоню Полине. Нет, одному-то оно лучше, но ты посмотри, что скоты мне прислали! Ты посмотри! *(Читаем)*. «Ваше участие в боевых действиях, и в частности, во взятии Ляйпцига не имеет веских доказательств. И требует разносторонней экспертизы. До выяснения спорных моментов приказ № 27-28 аннулирован и постановление по передаче помещения по адресу тра-та-та из жилого фонда в частное владение признано недействительным. Вышеупомянутое помещение не подлежит передаче в ваше личное пользование также в связи с излишками жилой площади». Фашисты. Какой экспертизы им не хватает? Что бы я, в присутствии их комиссии, снова Ляйпциг взял? Я фельдшер! Я не ходил в атаку! Я нашим бойцам кровь пускал. В медсанбате. Пиявки ставил и клизмы. Даже ассистировать при операциях мне не доверяли. Я инструменты кипятил и окровавленные бинты выносил. Иногда под бомбежкой, под тяжелым артобстрелом. Я жизнью рисковал. Я ветеран, я участник. Документов им недостаточно! Просто у Шурки все схвачено, блат у нее везде, она всех перекупила. Она ж деньжистая. Тут ее грабнули, руку сломали, когда она взятки разносила. За комнату мою. Бог ее наказал. Поль, выходи за меня замуж, я тебя пропишу.

ПОЛИНА. Но нам надо присмотреться друг к другу, поближе сойтись, обнюхаться.

Сосед подсаживается к Полине, пододвигается плотнее, она отодвигается. Потом она начинает к нему пододвигаться, он отодвигается. На протяжении дальнейшего действия, в зависимости от текста, идет передавливание друг друга попоми.

ПОЛИНА. Я считаю, если жениться, так навек. На всю жизнь. Прикинуть тебя надо. Под себя. Характеры и все такое.

СОСЕД. Что — такое? Если ты за меня выйдешь, через неделю я тебя пропишу, обнаружится недостаток площади. Еще неделя бумажная волокита, еще неделя — и спорная территория на моей стороне. Лихо? Ни копейки на взятки не дам.

ПОЛИНА. Но раз мы так спешим — действуй, казак, безоглядно. *(Теснит Нинель с лавки)*. Седлай коней. Руби с плеча. Мне-то приглядываться без толку, все равно незрячая.

СОСЕД. Я и пригляделся, и наслушался, и думал-передумал, и подсчитал, и стены перемерял...

Сосед не успевает договорить, Полина сталкивает его с лавки, он падает на пол.

СОСЕД. Ой, чумовая, ой, зашибся до нездоровья, ой, коленкой об пол задел, ой, умираю...

Полина пытается затащить его на топчан.

Картина 6.

Двор. Во дворе Нюра, Шура, Марина, Евдокия прижимает к себе двух дочек, закрывает им рты руками. Молча стоят, смотрят в сторону крыльца Соседа.

Из квартиры Соседа выходят санитары, несут носилки. На носилках тело, накрытое белой простыней. Когда санитары уже почти вышли со двора, из дома выбегает Сосед с ворохом одежды Поли. Той самой, в которой она приходила в последний раз.

Звук отъезжающей машины. Сосед возвращается во двор.

МАТЬ. Нинк, если нужно поминки собрать, ты скажи, мы всем двором поможем.

Все гудят — поддакивают.

СОСЕД. У нее дочь есть.

МАРИНА. Нинель Тихонович, не волнуйтесь, я сейчас полы помою.

СОСЕД. Мой, не мой...

ЕВДОКИЯ. Дядя Нин, так надо. *(Дочерям)*. Живо Маринке помогите.

НЮРА. Выкинь постель, на которой она умерла, простынки, всё на помойку. Тихоныч, не забудь, прямо сейчас и выкинь.

СОСЕД. Какая постель!!! На мне она умерла!!! То ли окнула, то ли пукнула, сердце не выдержало. Может себя выкинуть?

НЮРА. Не нервничай, успокойся. Ты на чем лежал? Матрац выкини.

СОСЕД. На каком матраце? На голом топчане.

НЮРА. А топчан на чем?

СОСЕД. На ведрах он у меня, цинковых.

НЮРА. Тихоныч. Ведра выкинуть придется. По-другому не выходит. Примета нехорошая. Я сама все сделаю. Отдыхай.

Нюра идет в дом Соседа. Марина моет полы, девочки Евдокии ей только мешают.

СОСЕД. Э!.. *(Машет рукой)*. Делайте, что хотите.

Нюра выносит из дома три ведра и швабру.

НЮРА. Смотрите, швабру свою нашла. Жалко ведра выбрасывать, хорошие. И много как! Но ты не знал, что она помрет. Господи, это ж мое ведро! В подопрошлом году пропало. Думала цыгане увели. Тихоныч? Как к тебе мое ведро-то попало?

СОСЕД. Э!.. *(Машет рукой)*.

НЮРА. Тихонич, я его заберу... Тихонич. Я, можно, еще ведра два возьму, тебе их все равно нельзя. А остальные на помойку, как положено.

Нюра оставляет ведра на улице и вновь идет мародерничать в дом к Соседу.

СОСЕД. Я сказал, делайте, что хотите. У меня сейчас все, как во сне.

ЕВДОКИЯ. Мы тоже сегодня не спали. Гришка, сволочь, ночью, часов в двенадцать...

СОСЕД. Она еще жива была в двенадцать.

ЕВДОКИЯ. ...пойду, говорит, на двор. Возвращается злой. А руки, не верите, все в говне. Вонь такая, что словами не передать. Настена с Аленкой проснулись, дышать нечем, орут. Я спрашиваю: — ты что же это, чучело, относил в жопе, а обратно в руках? А он, дескать, пошел по маленькому, да часы у него соскользнули, и туда, в очко. Черт бы с часами, так он, говорит, полез их руками искать. Не нашел. Чувствую, врет. Но часов-то нет. И, главное, трезвый. Под колонкой мылся-мылся, вернулся, все равно воняет, спасу нет. Так в сенях и ночевал, все больше ворочался. И семье сон перебил.

СОСЕД. Мы заявление сегодня хотели подавать, а она скопытилась...

ЕВДОКИЯ. Может там магнитом каким пошуровать? Часы больно жалко.

МАТЬ. Тихонич, тебе свою зазнобу тоже жалко? Будешь поминать?

НЮРА (*выходит еще с тремя ведрами*). Дусь. Ты что про часы сказала? Сколько сейчас времени?

ЕВДОКИЯ. Четыре, мам.

НЮРА. Ах! Забыла. Забыла старая мельница. У меня ж футбол.

Выхватывает из кучи три ведра, спешит к себе в дом.

ВНУЧКА (*вдогонку*). Бабушк, а кто сегодня лупится?

НЮРА (*оборачиваясь на бегу*). «Пингвин» — «Пахтакор». Полуфинал, старая я мельница.

Мать молча берет одно из оставшихся на улице ведер, уносит его домой. Евдокия с детьми уходит вслед за ней, берет ведро. Марина выливает ведра с грязной водой в сортир, подходит к последнему ведру, вставляет ведро в ведро и уносит домой к матери. Сосед, осмотревшись, берет от нюркиного дома грабли, от дома Матери лопату и уносит в свой в дом.

Картина 7.

Квартира Матери. Антон ходит по комнате с нотами, что-то напевает, разучивает новую партию. Мать одной рукой перебирает залежи белья, вторая в гипсе, Марина ей помогает.

МАТЬ. Я как начну жизнь свою иной раз перекладывать... и спрашиваю себя — это все, Шурк, что нажила и чем жила? От моего детства

одно кольцо сохранилось. Мать на Пасху подарила. Я думала серебряное, девчонкам своим, подружкам в детстве в деревне хвалилась, оказалось, железка оловянная, никакого не драгоценное. Вот оно. Иконка еще осталась. Мать говорила — старинная, в золотом окладе. Когда церкви у нас громить стали, по домам ходили, иконы забирали, мать ее под пол прятала. Тоже, оказалась, оклад не золотой, а поди не понять что. Сама жизнь прожила. Копила-копила, деревяшки накопила, шкаф разваливается, буфет ночами трещит, разохся. Новый надо. Антошк, я давно тебе говорила, ходишь по магазинам, посматривай.

МАРИНА. Вы так загрузили и шкаф, и буфет, что они просто не выдерживают. Зачем вам столько вилок, ложек, кастрюлек, сковородок. Три гусятницы чугунных. Хочу вам завтра плов узбекский приготовить. Мои обожают. Или в шкафу у вас одних простынок фланелевых полтонны. Куда столько, не понимаю. Вот полки и трещат.

МАТЬ. А это все не мое. Это Антошкино приданное. Что я смогу еще за него дать? Он женится, приведет невесту. Дети пойдут. Для него ж копила. Ты говоришь, много всего. А как наживала! Фланельку в уцененке отстою, накоплю, простынки сострочу. Кастрюльки на рынке в драке брала. Гусятницы с завода, когда Люська Боброва на отливке работала — это наша соседка бывшая, царство ей небесное — она мне их и набрала, за бутылку всего. Помню, ночь, зима, как раз крещенские морозы пошли. Я ее одну гусятницу просила, а она три через забор тягает, перекинуть не осилит. Боится, что охрана проснется. Я Люське кричу: — у меня одна бутылка всего. А она, мол, не горься, приду утром к тебе, после смены, опохмелишь, и в расчете, бог троицу любит. И я эти три чугунышки, волоку вдоль забора, гнусь, чтоб охрана не заметила, они гремят. А забор, Маринка, длинный, полкилометра. Так что я за каждую штуку стометровкой расплатилась.

МАРИНА. Сколько мук, а терпенья сколько. Кто знал, что всего навалом будет.

МАТЬ. Барахла полно. А ённое не укупишь. Сама, когда-никогда замуж выйдешь, посмотрим, как заговоришь.

АНТОН. Марин, сколько я себя помню, она эти фланельки всегда с места на место перекладывала.

МАТЬ. Если бы я не перекладывала, их давно бы моль сожрала. Ты во что детей своих заворачивать собираешься? В труху?

АНТОН. Каких детей?

МАТЬ. Таких детей. Это же дети! Тут нафталином нельзя. И мелиссой нельзя, вдруг у маленького на мелиссу аллергия.

АНТОН. Как все у вас, женщин, сложно. Я лучше спою.

Поет арию Манрико из «Трубадура». Распахивается дверь, заглядывает Нюра.

МАРИНА. Заходите, тетя Нюра.

МАТЬ. Что пришла?

Нюра заходит, в руках сетки с пустыми бутылками.

НЮРА. Слышу крик, подумала, молодые ссорятся. И прожили, нет ничего, а уж в голос орут. Думала, помочь, чем смогу.

АНТОН. Я к концерту готовлюсь. Вы с футбола? Какой результат?

НЮРА. Это разве результат? *(Показывает сетки)*. Опоздала, как чуяла.

Передохну чуток, отсижусь. А ты, Маринушка, не наследника ли ждешь? Чего это Шурка свои ламбарда́ перетрясает? Ты давай девку готовь. У Наташки моей мужик народился, с твоей девкой погодки будут. Как ее назовете? Имя придумали, аль нет?

МАТЬ. Начинается. Понеслась околоточная! Тебя хоть на порог не пускай. Не беременная она, не тяжелая, не в положении, никого не ждем, детей не будет. Мы тебе говорили что? Ты это сама придумала. Господи, ну ее теперь не разубедить! Нюр, пустишь сплетню, убью, задушу. Надоело, честное слово.

НЮРА. А что? Наташка как родила, я тебе тут же и сказала. Зачем детей стесняться? Не надо. Да и Антошке пора бы уж. Я первый раз мертвенького ажно в 16 родила, Дениску, это потом у меня девки пошли. Одна за одной. Одна за одной. Ты, Маринушка, Шурку не слушай, на аборт не соглашайся. Если уж выкидывай — это божья воля. А так... Шурка — она хитрая, нищету, мне говорит, нечего плодить. Не слушай ее, плоди! Ты, Шур, хорошо устроилась, у тебя голова не болит, чем малых кормить. А ты попробуй с мое, мне легко на стадионе под лавки лазить? Ты вона как устроилась, вона сколько всего, полный дом. Тебе хорошо, невестка вона какая, работающая, обходительная *(начинает рыдать, сквозь слезы)*, сын не пьет, тебя не бьет. Ты почему не пьешь! *(Рыдает)*.

МАТЬ. Научишь.

НЮРА. Шур, деньги хоть пересчитала, все целы?

МАТЬ. Целы, целы.

НЮРА *(еще больше рыдает)*. И деньги целы-ы-ы...

МАТЬ. Я, Нюр, на тебя не обижаюсь. Ты в моем доме говори, что хочешь, выговаривайся, но предупреждаю, будешь сплетничать, не пожалею.

НЮРА *(успокаивается, но еще подвывает)*. Тебе комнату отдали?

МАТЬ *(вздыхает)*. Можно сказать отдали.

НЮРА. Уговор наш в силе?

МАТЬ. В силе.

НЮРА. Наташку выписывают...

Слышен звук падающего, рушащегося, звон стекол.

МАРИНА. Александра Ивановна, слышите?

НЮРА (*просветленно*). Никак, Ольку выпустили, счастье мое! Доченька. Даже ноги не идут.

МАРИНА. Я помогу, тетя Нюра, пойдемте.

Марина пытается помочь встать Нюре. Та встает.

МАТЬ. Марина, не ходи, и Антон не ходи. И я не пойду. Сама пусть идет, с дочкой любимой разбирается. Живем, как в Сталинграде. Того и жди — не спалят, так покалечат.

Картина 8.

Нюра выходит с бутылками во двор. Сосед, с топором в руках разбирает-ломает свою пристройку-комнату.

НЮРА. Ольк, ты где от матери спрятался? Выходи, солнышко.

СОСЕД. Что, выпустили уже! Только жить спокойно стали. Ну, у нас и медицина.

Рушится очередной кусок стены.

НЮРА. Ой, Тихоныч, ты! Ой, что ты надельываешь?

СОСЕД. А я, соседушка дорогая, вышел на тропу войны.

НЮРА. С кем?

СОСЕД. С Шуркой.

НЮРА. И на чьей ты стороне воюешь? На ее что ли?

СОСЕД. Не оstri, все равно не умеешь. Она пошла в атаку, и от меня пощады не жди.

НЮРА (*испугано пятится*). Тихоныч, я сейчас... это... к Доре, на минутку. Позвоню... и приду.

Снова что-нибудь рушится.

СОСЕД. Был вчера у самого главного, кто над комиссией. Он меня посадил и намекает, если я от излишков площади избавлюсь, точно смогу рассчитывать на спорную комнату. А как избавиться, не сказал. Попрощался вежливо и говорит — иди. Вот я и придумал сам как. Излишков у меня всего три метра. Я хрен два Шурке уступлю. У меня через час такая недостача будет, я еще Шуркину спальню отхвачу.

НЮРА. Тихоныч, да ладно... Кто тебе Шуркину спальню отдаст.

СОСЕД. Сам возьму, я терпеливый.

Сосед продолжает рубить.

НЮРА. Остановись, господи, жалко-то как.

СОСЕД. Эх, если б невеста не померла...

НЮРА. И что было бы?

СОСЕД. Что было бы! И комнату взял спорную. И пристройку сохранил. Мне комната не нужна. Мне принцип важен. Как же меня оскорбили, Нюра! Ты представь, обратно отобрали. А я войну прошел... Я горда брал...

НЮРА. Ну, так... Ну, так меня возьми. Я не помру, ты не думай.

СОСЕД. Куда тебя взять?

НЮРА. Замуж. Наташка выписывается, мне жить негде. Как бы мне эта курка пригодилась. Я за нее даже денег тебе дам. Ты и пристройку сохранишь и копейку не за что получишь.

СОСЕД. И сколько дашь?

НЮРА. Сколько есть — все отдам. Не хватит, еще собираю.

Сосед садится на ступеньки полуразрушенной пристройки.

Входит Мать.

МАТЬ. Где Ольга? Как она?

НЮРА (*поет*).

У Нинеля пулемет, а у Нюрки мина,
Зарядили на всю ночь, били до Брелина.

МАТЬ. Эй, Мария Мордасова! Дочь, спрашиваю, выписали?

НЮРА. Нет. Это Тихоньч на тропу войны вышел.

МАТЬ. Боевые действия, смотрю, в самом разгаре. С кем, хоть, воюешь, Тихоньч.

НЮРА. С тобой, Шура.

МАТЬ. Я так и подумала.

НЮРА. А я добровольцем записалась. Ты, Шур, между прочим, не права. Ты у Нинеля комнату взятой отняла, а он ее себе правдой вернет. У него больше шансов. Он у самого главного был, и тот сказал: — снесешь пристройку — получишь площадь. А женишься, еще шуркину спальню оттяпаешь.

МАТЬ. Нюрк, глупый ты штакетник, я ж тебе этого не прощу никогда. Июдина. Весь твой выводок проклян у вместе с тобой.

НЮРА (*поет*).

У меня, у меня самоварчик новенький.
А у тебя, у тебя очень уж хреновенький.

Мать плюет, убегает в дом.

НЮРА. Как жить будем, Тихоньч? Враги кругом.

СОСЕД. А мы им не пяди.

НЮРА. Конечно, мы не пяди, я всю жизнь работала. Если скажешь, могу и на взятку набрать, но только пустыми бутылками, ладно? Пусть сами сдают, кому надо. Хоть обтаскаются.

Выходит мать, упирается одной рукой, тащит два мешка с рожками.

МАТЬ. Забери, рожки свои. Можешь пересчитать поштучно, ни одной не съела.

НЮРА. А что? Я же говорила. Ешь от пуза.

МАТЬ. Подавиться боялась. Еще придешь ко мне, но знай, снега зимой не дам.

НЮРА (*поет*).

Катка села на плетенку, не заметила котенка.

То ль смеяться — то ли плакать, кто же будет мышек лапать?

МАТЬ. Нюрка, ты не в себе.

Мать уходит.

НЮРА. Тихоныч! Все у нее не в себе. А как еще с Шуркой толковать? Прибаутками и то не получается. Видал, даже рожек не отъела. Тихоныч, соображай: я с Шуркой поругалась, теперь вся твоя.

СОСЕД. В ЗАГС завтра идем. С утра. Там месяц тянут, а я скажу, у меня времени нет. Они спросят, где предыдущая невеста, с которой раньше приходил. Я отвечу, что не вынесла их сроков, не утерпела, померла.

Я, мол, новую веду, но скорее расписывайте, другой у меня нету. Да.

НЮРА. Точно, так и скажи, а лучше заучи, как сейчас сказал. Меня лично до слез твоя история тронула. И их тронет. Они что, не люди?

СОСЕД. По рукам, невеста. Только уж больно много у тебя ртов.

НЮРА. Повезло еще, мать мою не застал. Вот, не дай бог тещу! Молись, что сироту берешь.

Сосед уходит в дом. Нюра идет к себе, заносит сетки с бутылками.

Выходит с пустыми ведрами. Встречает Евдокию с тележками. Евдокия идет с рынка, с работы.

ЕВДОКИЯ. Mam, ты что, за водой собралась? Подожди, Гришка вернется, сходит. Хочешь бутылки на ночь глядя мыть?

НЮРА. Нет, сама мыться буду.

ЕВДОКИЯ. Сама?

НЮРА. Ты, дочь, ведь ничего не знаешь.

ЕВДОКИЯ (*испуганным голосом*). Нет, мам. Ой, господи!.. Не пугай!

НЮРА. Я, дочка завтра утром...

ЕВДОКИЯ. Ой!..

НЮРА. Замуж выхожу.

ЕВДОКИЯ. За кого, господи!..

НЮРА. За Тихоныча. Ты теперь будешь называть его папой, а он тебе заменит отца.

Евдокия теряет сознание, падает.

НЮРА (*кричит*). Тихоныч, беги быстрее, дочь твоя новая упала.

Сосед нехотя выползает из дома. Помогает поднять Евдокию, втааскивают в дом.

СОСЕД. У, семейка ваша малохольная.

НЮРА. Она теперь не только наша, но и ваша.

СОСЕД. Ты, Нюр, не наседай, я и передумать могу.

НЮРА. Я тебе деньги даю, ты же не дурак от денег отказываться? Да и где такую пособницу преданную, как я, найдешь.

Тащат Евдокию в дом. На крыльце пытаются ее поставить на ноги. Та вроде встает, но падает на Соседа. Вдвоем летят кубарем с крыльца. Евдокия оказывается сверху. Приходит в себя. Сосед пытается встать, но снова падает. Сосед стонет. Нюра с Евдокией сажает Соседа на крыльцо. Евдокия прислонилась рядом, держится за голову.

СОСЕД. Ой, ой, огнем горит.

НЮРА. Ногу что ль сломал?

СОСЕД. Нет, нет, не знаю, ой! Больно как.

НЮРА. За Дусей последи, побегу к Доре, позвоню.

Картина 9.

Квартира матери. Мать, Антон и Марина. Антон гладит себе брюки, рубашки. Марина помогает матери собирать обед для Соседа.

МАТЬ. Хлеба ему не забыть положить.

МАРИНА. Я отрежу (*отрезает черный хлеб*).

МАТЬ. Ему черного нельзя, у него холецистит, отрежь от батона. Ты кашу не солила?

МАРИНА. Нет.

МАТЬ. Правильно, ему тоже нельзя (*наливает молока в стакан, ставит обед на поднос*).

АНТОН. У нас, оказывается, поднос есть?

МАТЬ. Это поднос Нинеля. Я пошла, пока все не остыло.

Мать уходит. Марина с Антоном занимаются хозяйством.

МАРИНА. Как странно все. Нинель Тихоновича даже на свадьбу не пригласили, о комнате я уж и не говорю. Но сломал он ногу, Александра Ивановна вроде бы радоваться должна, так она ему три раза в день еду носит. За него же тетя Нюра замуж собралась, пусть она и ухаживает.

АНТОН. У него сложный перелом. Тройной. Мать боится, Тихоныч помрет с голоду, с кем она воевать будет? Исчезнет стимул для жизни. Я думаю это временное перемирие. Больше всего в жизни ненавижу прокручивать мясо, мыть молы, выносить мусор, гладить, стирать, вешать белье, снимать показания счетчика и заполнять квитанции.

МАРИНА. И все?

АНТОН. Конечно, не все. Протирать пыль, мыть окна и обдирать мух с липучек.

МАРИНА. Это еще зачем?

АНТОН. Как зачем? Места для новых освобождать.

МАРИНА. Ужас какой. До липучки же не дотронешься.

АНТОН. Я их пинцетом. Мать придумала. У нее народная смекалка и пытли-
вый ум. Вспомни, каким дефицитом были липучки в нашем детстве.
Мне иногда казалось, что она даже знает, сколько новых мух приле-
тит и сколько для них надо освободить мест. Она и меня насквозь
видела. Куда я иду, с кем встречаюсь. И все ей не нравились. А тебя
приняла — как мать постарела...

МАРИНА. Ребенок без детства. Тебе никогда не хотелось от нее вы-
рваться?

АНТОН. Куда?

МАРИНА. Ко мне.

АНТОН. Я мать одну не брошу. Нет, с тобой хорошо, спокойно. С тобой во-
обще хорошо.

МАРИНА. Жаль, что расходиться придется.

АНТОН. Да, ты не расстраивайся. Еще месяца два, как минимум, тебе здесь
жить. Пока документы на комнату оформят, то да се. За это время
мать к тебе привыкнет. Я ее знаю. Отпускать не захочет. Мы тут о те-
бе говорили. Она хвалила, мол, ты хозяйка хорошая, почти как она
в молодости. Из ее уст это практически вид на жительство.

МАРИНА. Я тоже к вам привыкла. И Александру Ивановну понимаю. Ты
замечательный сын. В тебе есть то, ради чего встает солнце.

АНТОН. Не понял.

МАРИНА. Солнце встает, чтобы радовать своим светом таких, как ты.

АНТОН. Что же оно тогда тухнет?

МАРИНА. Оно уступает место луне. И уже луна освещает путь к очагу. Та-
ким как ты.

АНТОН. Тебе надо менять работу. Начиталась бульварных романов, от ры-
царей рожает, солнце встает лишь по любви.

*Стук кулаком в дверь, как стучат сантехники, милиция, «Скорая по-
мощь». Незакрытая дверь распаивается, входит Мария Борисовна
со слегка наметившимся животиком.*

АНТОН. Мария Борисовна?

МАРИЯ БОРИСОВНА. Да, это я. Шла мимо, решила зайти на чай. Не выго-
ните?

АНТОН. Не выгоним.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Конечно, не выгоните. Жалобы к администрации
есть?

АНТОН. Нет.

МАРИЯ БОРИСОВНА. А у меня-я... Вот скажи мне, Антон, почему мы, бабы, такие дуры.

МАРИНА. Да!

МАРИЯ БОРИСОВНА. Во! Ты Романа давно знаешь?

АНТОН. Кто это?

МАРИЯ БОРИСОВНА. Друг твой на свадьбе. Давно его знаешь?

АНТОН. Это не тот ли, что с вами...

МАРИЯ БОРИСОВНА. Да, Роман, Роман... Мы с ним уже и в Ленинграде были, в гостинице «Прибалтийской» жили. Ой, какой он красивый!

АНТОН. Кто?

МАРИЯ БОРИСОВНА. Ну, не Ленинград же! На руках носил.

АНТОН. Мы видели.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Это вы тут видели! А вот как там носил... Молился на меня. Что думаешь, как отец он хороший?

АНТОН. Как святой отец? Я его два раза в жизни видел...

МАРИЯ БОРИСОВНА. А я думаю, хороший. Он не пьет или кодированный? Он вообще раньше пил?

АНТОН. Мария Борисовна! Да, не знаю я его!

МАРИЯ БОРИСОВНА. А сказал бы, пил, — не поверила. Понял? Он своих старых друзей институтских не бросает? Может быть, тебе что про них рассказывал, я-то в его круг, к сожалению, не вхожа.

АНТОН. Еще бы вы, Мария Борисовна, с вашим положением заместителя главы администрации, в кругу говночников...

МАРИЯ БОРИСОВНА. Какое у меня положение! Это у него положение! Три процента акций «Норильского никеля».

АНТОН. Да врет он!!!

МАРИЯ БОРИСОВНА. И пять процентов «Красноярского алюминия».

АНТОН. Мария Борисовна, вы дура.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Ты ж, наверное, был у него дома. А новую машину он тебе показывал? Я сама брала ему билет в Монтрё, на слет акционеров, сегодня утром проводила.

АНТОН. И вы верите?

МАРИЯ БОРИСОВНА. Да, ты телевизор смотришь?!

АНТОН. Акции у него откуда?

МАРИЯ БОРИСОВНА. От отца достались. Убили отца его, на станции Зима, вместе с охраной.

АНТОН. Так, зачем сортиры чистить?!!

МАРИЯ БОРИСОВНА. А у тебя самого хобби есть?

МАРИНА. Он мух с липучек пинцетом отдирает.

МАРИЯ БОРИСОВНА. О! Одинаковые. Все, пошла я, спасибо вам, с души

камень свалила. С кем же мне еще о Романе пооткровенничать, кроме как с вами.

МАРИНА. Мария Борисовна, а чай?

МАРИЯ БОРИСОВНА. Наливай!

Картина 10.

Двор. Сосед сидит за столом в гипсе, ест кашу. Мать сидит рядом. Сосед отодвигает миску.

МАТЬ. Не модничай, ешь. Помереть все равно не дам. Я не Верка. С воспалением легких тебя по очередям гоняла.

СОСЕД. Шура, не могу я больше, объелся.

МАТЬ. Ладно, ладно. Я тебя и не заставляю. На ужин котлеток паровых сделаю и киселька. Будешь кисель?

СОСЕД. Буду.

МАТЬ. Угадай, с малиной, с яблоками?

СОСЕД. Никогда я тебя, Шура, не понимал.

МАТЬ. И нечего меня понимать. Поел, погулял, бери костыли и спать, сейчас таблетку тебе дам. А то сегодня всю ночь мучился.

Сосед пытается встать, Мать пытается ему помочь. Выходят Мария Борисовна, Антон и Марина.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Вижу подрались? Из-за комнаты, поди?

СОСЕД. Помирились.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Молодцы! Приятно осознавать, что возглавляемая мной комиссия в очередной раз приняла правильное, законное решение. (Антону, взглядом показывая на сортир). Он с ним работал?

АНТОН. С ним, Мария Борисовна.

Мария Борисовна подошла к сортиру, похлопала по стенке.

МАРИЯ БОРИСОВНА. Зайду на дорожку.

Мария Борисовна заходит в сортир. С ведром воды, веником и тряпкой выходит из своего дома Нюра. Идет мыть сортир. Он занят.

НЮРА. Тихоныч, ты, конечно, выздоравливай, но жениться мы пока не пойдем.

МАТЬ. Что это вдруг?

НЮРА. Мне пока не надо. Гришку вчера посадили, Евдокия опять к Ерохину жить уходит. У него ж вода горячая, ей с рынка одно удовольствие помыться. Ольку, сказали, раньше весны не выпустят, внучек другая бабка забрала. Ваське Олькиному на Севере еще полтора года трубить. Хорошо Наташка с Филиппком из роддома вернулась, я теперь хоть не одна буду.

Нюра снова пытается открыть сортир.

МАРИНА. Тетя Нюра, вы идите, я сама помою.

НЮРА. Спасибо, Марин, повезло Шурке.

Нюра уходит в дом. Мария Борисовна выходит из сортира. Уходит со двора, пару раз обернувшись на сортир. Звук отъезжающей машины с сиреной.

МАТЬ. Все, пошли, тебе спать пора!

Ведет его в дом.

МАРИНА. Александра Ивановна! Я посуду помою.

МАТЬ. Не трожь.

Марина моет сортир. С вещами на тележках из своего дома выходит Евдокия.

ЕВДОКИЯ. Ну, до свидания, Антон. Буду заходить иногда.

АНТОН. Заходи. Ерохину привет.

ЕВДОКИЯ. Передам, он твои песни любит. Марина, счастливо оставаться, хоть тебе-то повезло. К хорошим людям попала. Тетю Шуру от меня чмокни.

МАРИНА. Счастливо, Дуся.

Евдокия уходит.

МАРИНА. Антоха, давай на твой день рожденья махнем в Астрахань, на рыбалку.

АНТОН. Рыбу мы в магазине купим, а на мой день рожденья, я уже придумал, мы едем в Лондон, если наберем денег.

МАРИНА. А если не наберем?

АНТОН. Тогда в Париж. Париж дешевле.

Из квартиры Соседа выходит мать. Подходит к столу, начинает собирать посуду.

МАРИНА. Александра Ивановна, не мучайтесь с одной рукой, я туалет домою, сама все уберу.

МАТЬ. Не надо ничего. Спасибо, Марин, спасибо, моя дорогая. Помогла ты нам. С комнатой мы разобрались. Он от себя дверь прорубит, я от себя, мы подумали, так будет лучше. А ты иди, милая, бросай все эти тряпки, стирки, мойки, иди домой, моя хорошая. А документы на комнату я получу, позвоню тебе, разведетесь.

МАРИНА. Вы хотите сказать, что мне уходит пора?

МАТЬ. Пора.

МАРИНА. И плов не успела, в сарае разобрать, посуду помыть...

МАТЬ. Иди, сердобольная, все же было обговорено, спасибо, не надо больше ничего.

МАРИНА. Как же вы с одной рукой заготовки делать будете, без меня?

МАТЬ. Буду, буду.

МАРИНА. Значит, я пошла?

МАТЬ. Пошла, пошла!

Мать и Антон идут в дом, Марина медленно к выходу. Марина останавливается.

МАРИНА. Александра Ивановна! Дуся просила вас поцеловать.

Мать никак не реагирует и заходит в дом. Марина возвращается к сортиру, медленно прикрывает раскрытую дверь и уходит.

СОДЕРЖАНИЕ

О конкурсе	5
<i>Александр Демахин. Бабий дом</i>	8
<i>Елена Исаева. Про мою маму и про меня</i>	52
<i>Ион Друцэ. Последняя любовь Петра Великого</i>	100
<i>Александр Железцов. Диалоги о животных</i>	164
<i>Виктор Шамиров. Одни</i>	194
<i>Татьяна Москвина. Па-де-де</i>	226
<i>Сергей Радлов. Небесное вино</i>	256
<i>Светлана Савина. О братьях наших меньших</i>	300
<i>Вера Трофимова. Про то, как Тула шведов обула</i>	330
<i>Валерий Туголуков, Андрей Гончаров. Будьте, как дома</i>	374

КОНКУРС «ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА» — 2004

Условия участия в конкурсе:

- автор имеет право представить на конкурс только одну пьесу, написанную на русском языке, не поставленную на сцене;
- пьеса не должна являться инсценировкой литературного произведения.

Работы на конкурс принимаются с 1 января по 1 мая 2004 г.

Тексты желательно присылать электронной почтой в виде файла Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 12.

на адрес: *theatre@neglinka29.ru*

или по почте на адрес: *127051, Москва, ул. Неглинная, д.29/14, Московский театр «Школа современной пьесы», конкурс «ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА»*

К работам, присланным на конкурс, необходимо приложить анкету со следующими сведениями:

- фамилия, имя, отчество автора
- дата, год рождения
- почтовый адрес (с указанием индекса), телефон, факс, электронный адрес
- краткая творческая биография
- дата написания произведения
- было или не было опубликовано произведение; если да, то где и когда.

Без указания этих сведений рукописи рассматриваться не будут.

Просьба не сопровождать рукописи аннотациями и рекомендациями. Присланные на конкурс пьесы не возвращаются и не рецензируются, а сдаются в Фонд премии «ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА», находящийся на хранении в Российской Государственной библиотеке по искусству.

Итоги конкурса будут объявлены на церемонии вручения премии «ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА» 1 ноября 2004 г.

Информация будет публиковаться на сайте: *www.neglinka29.ru* и в средствах массовой информации.

Подробности по телефону: *200-29-13*

**Конкурс «Действующие лица».
Лучшие пьесы 2003 года.**

Редактор и составитель — И. Тростникова
Оформление, макет, тех. редактор — М. Verte

Подписано в печать 1.04.2004 г.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура «OfficinaSans».
Усл. печ. л. 26,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 9903

Издатель Н. Журавлёв
115516, Москва, Севанская ул., 3-9.

Московский театр «Школа современной пьесы»
theatre@neglinka29.ru

Отпечатано в ППП «Типография "Наука"»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

